

СОМАДЕВА * ПОВЕСТЬ О ЦАРЕ УДАЯНЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

СОМАДЕВА
*
ПОВЕСТЬ О ЦАРЕ
УДАЯНЕ
*
ПЯТЬ КНИГ
ИЗ "ОКЕАНА
СКАЗАНИЙ"

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА • 1967

Перевод с санскрита

П. А. ГРИНЦЕРА и И. Д. СЕРЕБРЯКОВА

Предисловие и примечания П. А. Гринцера

Художник А. Е. Скородумов

Сомалева.

- С61   Повесть о царе Удайне. Пять книг из «Океана сказаний». Пер. с санскрита П. А. Гринцера и И. Д. Серебрякова. Предисл. и примеч. П. А. Гринцера. Худож. А. Е. Скородумов. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1967.

«Повесть о царе Удайне» — часть выдающегося произведения классической древнеиндийской литературы «Океан сказаний» нашмирского поэта Сомалева (XI в. н. э.). Содержит множество популярных в Индии легенд, преданий и волшебных историй.

Рассчитана на широкие круги читателей.

7-4-4

И (Инд)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Древнеиндийская литература ставит перед нами множество увлекательных, но, к сожалению, подчас едва ли разрешимых загадок. Начать с того, что для определения времени создания важнейших ее памятников у нас не хватает твердых критериев, и расхождения во взглядах ученых нередко столь велики, что датировка одного и того же произведения колеблется в пределах нескольких столетий, а то и целого тысячелетия. Так же неопределенны и скудны наши сведения о жизни и творчестве большинства древнеиндийских писателей; приходится кропотливо и настойчиво выискивать исторически достоверное ядро в заведомо фантастических легендах, которые окружают, например, имена таких выдающихся поэтов и драматургов, как Вальмики, Ашвагхоша, Калидаса, Бхартрихари и др.

До нас дошли в основном сравнительно поздние и значительно отличающиеся друг от друга рукописи древних сочинений; поэтому часто невозможно установить подлинный текст того или иного памятника, освободить его от многочисленных искажений, интерполяций, добавлений или сокращений. Наконец, особые трудности возникают перед нами оттого, что десятки значительных произведений древнеиндийской литературы вообще не дошли до нашего времени и мы узнаем о них по упоминаниям иных авторов или — в лучшем случае — по случайным и разрозненным цитатам из них. Среди таких произведений выделяется по своему значению *«Брихаткатха»*, или «Великий сказ», Гунадхьи; его исчезновение является, пожалуй, нашей наиболее ощутимой утратой.

В древней и средневековой Индии «Великий сказ» ценился исключительно высоко. Прозаики VII в. Бана и Субандху, поэт XI в. Говардхана сравнивают его с эпосами *«Махабхаратой»* и *«Рамаяной»*, почитавшимися индийцами священными. В трактате по драматургии *«Дашарупа»*, относящемся к X в., «Великий сказ» назван сокровищницей историй, лежащих в основе многих санскритских драм, а романист того же времени Дханапала, восхваляя Гунадхью, указывает, что из «Великого

сказа» почерпнуты сюжеты всех классических романов. И все-таки, несмотря на свою славу, рукопись «Великого сказа» не дошла до нас, затерявшись на протяжении приблизительно двух тысячелетий, которые отделяют время ее создания от нашей эпохи, и теперь осталось мало надежды, что ее удастся когда-либо обнаружить.

Некоторые исследователи первой половины XIX в. вообще были склонны подвергнуть сомнению реальность существования произведения Гунадхьи. Но вскоре одна за другой были найдены три его средневековые переделки. Первая из них, открытая в Непале и принадлежащая до той поры неизвестному поэту Будхасвами, жившему, по всей видимости, в VIII или IX в., носит название «*Брихаткатхашлокасагара*» — «Собрание шлок¹ Великого сказа²». Другая, «*Брихаткатхаманджари*» — «Ветвь Великого сказа», была написана в 1037 г. известным кашмирским ученым и поэтом Кшемендрой³. Третью, спустя 25—30 лет после Кшемендры, составил тоже уроженец Кашмира поэт Сомадеза и назвал ее «*Катхасаритсагара*» — «Океан сказаний», или, точнее, «Океан, [составленный из] потоков сказаний»⁴. Все три версии «Великого сказа» можно рассматривать как независимые художественные произведения. Среди них особенно большими достоинствами отличается «Океан сказаний» Сомадевы. Предлагаемый перевод ознакомит русского читателя с этим выдающимся памятником санскритской литературы.

Однако, чтобы правильно оценить особенности «Океана сказаний», необходимо хотя бы в общих чертах представить себе его источник — «Великий сказ» — и установить, кто был автор «Великого сказа» — Гунадхья. Между тем эта важная проблема принадлежит к числу наиболее спорных в истории древнеиндийской литературы.

Прежде всего не удалось пока точно определить время жизни Гунадхьи. Однако кое-какие ориентиры, которыми не следует пренебрегать, у нас имеются. Так, мы в состоянии наметить нижнюю границу поисков, а именно начало VII в., когда имя Гунадхьи впервые упоминается у индийских авторов. Из этих упоминаний явствует, что приблизительно

---

¹ Шлока — популярный в санскритской поэзии стихотворный размер (двустопице, каждая строка которого содержит по 16 слогов). В метре шлоки были написаны, в частности, эпические поэмы *Махабхарата* и *Рамаяна*.

² *Bṛhatkathāṣṭakasaṃgraha de Buddhavarman*, éd. et trad. par F. Lacôte, Paris, 1908—1929.

³ *The Bṛhatkathāmañjarī of Kṣemendra*, Kāvya-mālā 69, Bombay, 1901. Кшемендре принадлежит большое количество разнообразных сочинений и в том числе переделки *Махабхараты* и *Рамаяны*.

⁴ *The Kathāsaritsāgara of Somadeva* Bhaṭṭa, ed. by Durgaprasād and K. P. Parab, 1 ed., Bombay, 1889; Somadeva Bhaṭṭa, *Kathāsaritsāgara*, Bihārārāṣṭrabhāṣā — parīṣad, Paṭṇā, 1960—1961.

к 600 г. н. э. слава создателя «Великого сказа» была уже твердо упрочена в санскритской литературе, и потому мы вправе предположить, что жил он несколькими столетиями раньше. Предположение это в свою очередь подтверждается так называемой легендой о Гунадхье, которую в общих чертах согласованно сообщают в начале своих произведений Кшмендра и Сомадева. По этой легенде, Гунадхья родился в городе Пратиштхане, расположенном в Декане на реке Годавари, и некоторое время был придворным местного царя, некоего Сатаваханы. Сколь ни бедны наши сведения о древней истории Индии, все же нам известно, что в I—III вв. н. э. в Декане действительно царствовала династия Сатаваханов, столицей которых была Пратиштхана, ныне город Пайтхан. Следовательно, если доверять легенде, время жизни Гунадхьи приходится на период с I по III в. н. э. Помимо упоминаний у писателей VII в. и сведений, почерпнутых из легенды, еще одно обстоятельство может служить косвенным свидетельством в пользу намеченной даты. В III—IV вв. н. э. жил известный санскритский драматург Бхаса, в нескольких пьесах которого использованы те же сюжеты, что имеются в «Великом сказе». По всей видимости, Бхаса заимствовал эти сюжеты у Гунадхьи, и творчество последнего, таким образом, должно было предшествовать творчеству драматурга.

Оживленную полемику между учеными вызвало единодушное утверждение индийских источников, что Гунадхья написал «Великий сказ» на языке пайшачи. На таком языке не сохранилось ни одного другого произведения древнеиндийской литературы, и к тому же само его название — «пайшачи» казалось по меньшей мере странным. Дело в том, что «пайшачи» буквально значит «принадлежащий пишачам», а пишачами, согласно индийской мифологии, были злобные и наиболее презираемые демоны. По вполне понятным соображениям, само существование такого языка, не говоря уж о том, что на нем мог быть написан «Великий сказ», признавалось исследователями сомнительным и маловероятным. Однако вопреки всем сомнениям обнаружилось, что грамматик XII в. Хемачандра не только описал его в числе иных среднеиндийских народных языков, пракритов, в своей грамматике, но привел даже несколько образцов из него. Пользуясь этими образцами, ученые локализовали пайшачи как один из диалектов Северо-Западной Индии, и тогда возник вопрос, почему Гунадхья воспользовался именно этим диалектом и откуда произошло его необычное название, имевшее явно уничижительный оттенок. Что касается названия, то вполне вероятно, что оно обязано своим возникновением противопоставлению «варварских» разговорных языков литературному языку образованного общества — санскриту и появилось сравнительно поздно. Во времена Гунадхьи, а особенно в государстве Сатаваханов, где пракриты играли полноправную роль в лите-

ратурном обиходе⁵, такого противопоставления еще не было. И не случайно, что для своего произведения, зиждящегося на фольклорной основе, Гунадхья прибег к одному из них. Менее понятно, почему его выбор пал на северо-западный диалект, а не на один из диалектов Декана, но для объяснения этого обстоятельства нам необходимо бы было больше знать и о личности Гунадхьи, и о распространении самого пайшачи. А пока приходится довольствоваться косвенным объяснением легенды о Гунадхье, по которой он был вынужден принять на себя обет не пользоваться ни санскритом, ни одним из местных наречий.

Наконец, еще одной из загадок «Великого сказа» является проблема его формы. Сомадева и Кшемendra сообщают, что «Великий сказ» был составлен в стихах, и даже указывают его объем: 700 тыс. шлок, из которых 600 тыс. были якобы уничтожены уже самим Гунадхьей. Но вопреки им Дандин, автор санскритского трактата по поэтике начала VII в., недвусмысленно утверждает, что «Великий сказ» был написан прозой. По всей видимости, Сомадева и Кшемendra имели дело уже не с оригиналом «Великого сказа», а с его более поздней версифицированной рецензией, созданной в Кашмире. Этим, в частности, можно объяснить большое внутреннее сходство их произведений и, наоборот, общие существенные отличия их версий «Великого сказа» от непальской версии Буддхасвамины. Дандин же, живший по крайней мере четырьмя с половиной столетиями раньше Кшемendra и Сомадевы, располагал, вероятно, подлинным текстом Гунадхьи, и поэтому его свидетельство представляется более достоверным и ценным.

Дандин относит творение Гунадхьи к повествовательному жанру *катха* (букв. «сказ»). Именно в этом жанре были написаны в VII в. романы «*Васавадатта*» Субандху и «*Кадамбари*» Баны, авторы которых ссылались на Гунадхью как на своего великого предшественника. Сюжет *катха*, в соответствии с требованиями поэтов, представлял собой вымышленную любовную историю. В этот сюжет, как в своего рода рамку, вставлялись разнообразные вводные истории, а прозаическое повествование изредка оживлялось метрическими отрывками.

Если сопоставить изложенные в поэтиках и засвидетельствованные романами Баны и Субандху особенности жанра *катха* с содержанием дошедших до нас переделок «Великого сказа», то можно получить некоторое представление об его облике. Произведение Гунадхьи было, по всей вероятности, первым образцом санскритского романа. Его сюжет составляло повествование о царевиче Нараваханадатте, который разыскивает похищенную у него невесту Маданаманджуку и к концу повест-

⁵ Так, одним из Сатаваханов, царем Халой, был создан на пражьите махараштри один из лучших сборников индийской лирической поэзии — *Саттасаи* («Семьсот строф»).

вождения становится повелителем видьядхар, полубожественных существ, живущих в воздушном пространстве, а также на вершинах гор. Гунадхья разнообразил этот сюжет рассказами о многочисленных приключениях Нараваханадатты, главным образом любовного характера, и вставил в него десятки сказочных и реальных, назидательных и просто развлекательных, серьезных и остроумных историй о богах, демонах, царях, монахах, гетерах, воинах, купцах, монахах и т. д. и т. п. Один из этих историй рассказывает сам Нараваханадатта, другие он выслушивает от своих друзей и недругов, третьи приводятся в качестве иллюстраций к событиям его жизни или жизни иных героев книги. Часть этих историй была придумана самим Гунадхьей, но, вероятно, подавляющее большинство их было заимствовано им из фольклора народов, населяющих Индию, а затем обработано. По всей видимости, в первую очередь именно эти вставные истории принесли «Великому сказу» славу «сокровищницы сюжетов» и позволили последующим писателям в обилии черпать из него материал для своих произведений.

В числе этих писателей оказались Будхасвами, Кшемендра и Сомадева. Однако они не ограничились отдельными заимствованиями, как другие авторы, а поставили перед собой цель — дать новую полную версию всего «Великого сказа», там самым приспособив его ко вкусам и потребностям своей эпохи. Естественно, однако, что каждый из них, в меру собственного таланта и эстетических воззрений, пошел своим путем.

Будхасвами, от произведения которого до нас дошел лишь фрагмент в 4539 стихов, составлявших приблизительно пятую часть всей его книги, сосредоточил внимание на основном сюжете «Великого сказа» — приключениях Нараваханадатты, и его версия отличается композиционной стройностью, вследствие чего многие исследователи предполагают, что она наиболее близка к оригиналу.

Кшемендра стремился предложить своим читателям сокращенный вариант «Великого сказа» (в «Ветви Великого сказа» семь с половиной тысяч двустиший). Но в этом своем стремлении он, по сути дела, выхолостил из произведения Гунадхьи всю его живость и увлекательность. Его пересказ основного повествования и вставных эпизодов из-за краткости местами становится просто непонятным, хотя в иных случаях, в частности в эротических сценах, Кшемендра, подчиняясь господствовавшему в его время литературному вкусу, становится чересчур манерен и многословен.

Наконец, Сомадева преследовал, по-видимому, двоякую цель. С одной стороны, он хотел обогатить язык своего оригинала элементами традиционного образного стиля санскритской поэзии, с другой — он попытался сохранить фольклорную простоту и занимательность «Великого сказа»

и поэтому, оставив в тени его главный сюжет, перенес акцент на вставные истории. В них Сомадева выступает как занимательный рассказчик, и, хотя «Океан сказаний» проигрывает своим соперникам в последовательности изложения и четкости композиции, это с лихвой окупается богатством и разнообразием его содержания, строгостью и в то же время изяществом его формы⁶.

«Океан сказаний» Сомадевы был написан в Кашмире между 1063 и 1082 гг. Все произведение разделено на 18 книг (*ламбак*), каждая из которых в свою очередь делится на несколько «волн» (*таранг*). Всего таких «волн», или, иначе, глав, в «Океане сказаний» 124. Первая книга, так же как первая книга «Ветви Великого сказа» Кшмендры, излагает легенду о создании «Великого сказа» и жизни его автора Гунадхьи. Следующие четыре книги рассказывают об Удаяне, отце главного героя произведения, рождении у него сына, Нараваханадатты, и предвестиях великой участи, которая его ожидает. И только с шестой книги речь начинает идти о подвигах и приключениях самого Нараваханадатты, хотя и здесь эта формально основная тема произведения, как правило, звучит приглушенно, то и дело отодвигается на второй план, а иногда и попросту теряется среди многочисленных вставных историй.

Таких вставных историй в «Океане сказаний» около 350. Среди них лишь незначительная часть как-то связана с главным повествованием, подавляющее же большинство не имеет к нему никакого отношения и введено иногда под более или менее уместным, а чаще под явно искусственным предлогом. Однако, как мы уже говорили, в этих историях и заключен основной интерес «Океана сказаний». Вряд ли, действительно, имеется такой тип занимательного или назидательного рассказа, который бы не был представлен в «Океане сказаний». Преобладают сказочные сюжеты и мотивы; всевозможные разновидности демонов и сверхъестественных существ, вмешивающихся в человеческую жизнь, волшебные дары и клады, зловещие проклятия и заговоры, магические заклинания, заколдованные города, чудесное оружие, летающие замки — все эти неперемennые атрибуты народной поэзии в обилии насыщают «Океан сказаний». Они в свою очередь переплетаются с легендами о богах, мудрецах и героях, почерпнутыми из древних религиозных сводов, эпическими сагами, популярными брахманическими, буддийскими и джайнскими мифами. А рядом с ними с полным правом занимают место в «Океане сказаний» чисто новеллистические истории: любовные и приклю-

⁶ Лучшим и наиболее полным исследованием «Великого сказа» Гунадхьи и его переделок до сих пор остается книга F. Lacôte, *Essai sur Guṇāḍhya et la Bṛhatkathā*, Paris, 1908

ченческие, о разбойниках, плутах, дураках, добродетельных или распутных женах и т. д. Наконец, благочестивые по духу рассказы перемежаются непринужденными анекдотами, а бытовые зарисовки — баснями о животных.

Вставные рассказы объединены в «Океане сказаний» с основным повествованием при помощи популярного в древнеиндийской литературе метода обрамления, который иногда принято называть методом «выдвижных ящиков» или «матрешек»⁷. Такая композиция позволяет в неограниченном количестве вводить новые и устранять старые истории, и Сомадеев, в частности, включил в свою обработку «Великого сказа» целые книги, ставшие к его времени популярными в индийской литературе, например «Панчатантру» и «Рассказы ветапы»⁸.

Объем «Океана сказаний» очень велик. Произведение состоит из 21 388 двустиший (из них 20 627 в метре шлока), т. е. более чем в полтора раза превышает объем «Илиады» и «Одиссеи», вместе взятых. Поэтому сколь ни заманчивой представляется задача дать полный перевод поэмы Сомадеева на русский язык, это еще, по-видимому, дело будущего. В настоящем издании переведены только пять первых книг «Океана сказаний», включающие 4206 двустиший, или приблизительно пятую часть поэмы. В основе содержания этих книг (по крайней мере четырех из них) лежит история жизни легендарного царя племени ватсов Удаяны. И наш выбор остановился на ней по целому ряду соображений.

Прежде всего «Повесть об Удаяне» образует в составе «Океана сказаний» независимую и законченную часть, так что ее удобно и правомерно выделить в самостоятельную книгу. Далее, в отличие от последующих частей «Океана сказаний» в «Повести об Удаяне» рамочный рассказ, хотя и членится большим количеством вводных легенд и историй, все же постоянно остается в центре внимания рассказчика, и от этого именно здесь повествование обладает той существенной с точки зрения современного читателя драматичностью и даже композиционной стройностью, которых в иных случаях недостает произведению Сомадеева. Затем, «Повесть об Удаяне» имела, по мнению исследователей, уже в «Великом сказе»; поэтому она, с одной стороны, в какой-то мере воскрешает в наших глазах облик оригинала Сомадеева, а с другой — достаточно полно воспроизводит особенности его собственной поэмы,

⁷ Подробно о методе обрамления и связанном с ним в древнеиндийской литературе жанре см. книгу: П. А. Гринцер, *Древнеиндийская проза (обрамленная повесть)*, М., 1963.

⁸ На русском языке существуют переводы не связанных с «Океаном сказаний» прозаических версий этих книг: *Панчатантра*, пер. и прим. А. Я. Сыркина, М., 1958; *Двадцать пять рассказов ветапы*, пер. и предисл. И. Серебрякова, М., 1958; *Двадцать пять рассказов ветапы*, пер. с скр., предисл. и комм. Р. О. Шор, Л., 1939.

характеризуя художественные принципы, которыми он руководствовался в своем творчестве. Наконец — и это тоже небезынтересно для читателя, — «Повесть об Удайне» среди иных частей «Океана сказаний» вызывает, пожалуй, наибольшее число ассоциаций с санскритской литературой в целом. В ней мы находим и мифы ведийской древности (об Инд्रे и Ахалье, о Пуруравасе и Урваши), и знаменитые легенды эпоса и пуран (о царе Шиб и голубе, о Руру и змеях, о Сунде и Упасунде, рождении бога войны Сканды, смерти Панду), и популярные истории дидактико-развлекательной литературы (о любовнике, изображающем из себя бога Вишну, о царе, погибшем от любви к отвергнутой им Унмадини, о волшебном городе демона Бали на дне озера) и т. д. Но, пожалуй, наиболее знаменательны и очевидны связи «Повести об Удайне» с санскритской драмой. Мы уже упоминали о том, что драматург Бхаса заимствовал сюжеты нескольких своих пьес из «Великого сказа». Две из них — «*Пратиджняяугандхараяна*» («Обет Яугандхараяны») и «*Сванавасавадатта*» («Пригрезившаяся Васавадатта») — непосредственно примыкают к «Повести об Удайне» и рассказывают историю женитьбы героя на царевнах Васавадатте и Падмавати приблизительно так же, как она изложена Сомадевой (II и III книги перевода). Тот же Удайна является главным персонажем пьес «*Ратнавали*» и «*Приядаршика*» драматурга VII в. Харши. Наконец, легенда о Джимутавахане (IV книга, 2-я волна) частично обработана в драме «Малати и Мадхава» поэта Бхавабхути (VIII в.).

Уже одно это доказывает правоту теоретиков санскритской драмы, утверждавших, что «Великий сказ» был источником сюжетов для многих санскритских пьес. Но, кроме того, следует отметить, что Удайна вообще, по-видимому, в какой-то мере послужил прототипом одной из разновидностей главного героя в индийском классическом театре. В отличие от благородного и возвышенного духом героя, образцом для которого явился эпический Рама, Удайна воплощал в себе основной тип героя комедии, человека чувствительного и живого, влюбчивого и ветреного, поклонника искусств и поэзии. Такого рода герой характерен и для перечисленных выше пьес, и, например, для известной русскому читателю пьесы Калидасы «*Маялика и Агнимитра*»⁹. И не случайно, что общий дух «Повести об Удайне» (впрочем, как всего «Океана сказаний» в целом) напоминает отдельные жанры санскритской драматургии (*пракарана*, *натика*, *прахасана* и некоторые другие). Как и этим жанрам, «Океану сказаний», как правило, чужд торжественный, благочестивый и поучающий тон классического эпоса, произведение Сомадевы искрится красками повсе-

---

⁹ См. перевод этой пьесы К. Бальмонта в книге: Калидаса, *Избранные*, М., 1956.

дневной жизни, в нем господствует здравый смысл простолюдина, и оно в значительной мере может служить зеркалом средневекового индийского народного быта, представлений и верований.

Личность царя Удаяны не была плодом вымысла Гунадхьи или, тем более, Сомадевы. Легенды об Удаяне известны нам также из ранней буддийской повествовательной литературы (в частности, из комментария к «*Дхаммападе*», правоучительного сборника «*Дивьявадана*», тибетского перевода священного канона буддистов «*Типитаки*»). В некоторых из буддийских текстов фигурирует и другой герой «Повести об Удаяне» — Чандамахасена из Аванти. Согласно буддийским источникам, оба они были современниками Будды, и вполне возможно, что реальные Удайна и Чандамахасена действительно существовали и только впоследствии стали героями индийского фольклора, откуда независимо друг от друга черпали материал и буддийские проповедники и Гунадхья. Однако историческую ценность «Повести об Удаяне» все же не нужно преувеличивать. Уже в фольклорной редакции история Удаяны несомненно приобрела фантастические черты, а Гунадхья и затем Сомадева подвергли ее дополнительной переработке. Во всяком случае рассказ о разлуке Удаяны с Васавадаттой или описание завоевания Удаяной четырех стран света кажутся явными литературными реминисценциями и напоминают эпический сюжет разлуки Рамы и Ситы или описание завоевания Индии в поэме Калидасы «*Рагхуванша*» («Род Рагху»).

Большее историческое значение имеет первая книга «Океана сказаний» — «Вступление к рассказу», которой, как мы можем быть уверенными, еще не было в «Великом сказе». В ней Сомадева выводит такие реальные и игравшие значительную роль в индийской истории и литературе личности, как грамматиков Панини и Катьяяну, царей Нанду и Чандрагупту Маурью, автора знаменитого политического трактата «*Артхашастра*» брахмана Чанакью (Каутилю). Как правило, они предстают в «Океане сказаний» в фантастическом ореоле, по отношению к ним смешаны все временные границы и они сведены вместе, хотя на самом деле нередко их отделяло друг от друга несколько веков. Но, вероятно, какое-то исторически достоверное ядро в рассказе имеется. Так, определенный интерес представляет собой описание свержения династии Нандов Чанакьей и возведение им на трон Чандрагупты. Те же события послужили сюжетом известной драмы Вишакхадатты «*Мудраракшаса*» («Перстень Ракшасы») ¹⁰, и как сходство, так и расхождения в их трактовке у Вишакхадатты и Сомадевы проливают свет на это важнейшее событие индийской истории. Обогащает вступительная книга «Океана

---

¹⁰ См. русский перевод этой драмы: Вишакхадатта, *Мудраракшаса*, или *Перстень ракшасы*, пер. с скр. В. Г. Эрмана, М.—Л., 1959.

сказаний» и наши представления о развитии индийской литературы. Именно здесь Сомалева говорит о своих литературных задачах и — самое важное — излагает легенду о создании «Великого сказа», легенду, которая полна чудес и вымысла (Гунадхья объявляется в ней, например, земным воплощением божества из свиты Шивы), но является все же нашим главным источником сведений об этом загадочном произведении. Исходя из таких специфических качеств вступительной книги, мы сочли уместным и возможным присоединить ее к «Повести об Удайне» и открыть ею наш перевод, как она открывает собой поэму Сомалева.

В начале «Океана сказаний» Сомалева говорит, что он стремился передать все то, о чем поведал Гунадхья, точно и без отступлений. Едва ли, однако, мы можем безоговорочно доверять этому признанию. Сравнение «Океана сказаний» с двумя другими версиями «Великого сказа» показывает, что в ряде случаев Сомалева идет особым путем, изменяя расположение материала или давая ему иную трактовку. К тому же не следует забывать, что Сомалева опирался уже не на оригинал «Великого сказа» Гунадхья, а на какую-то более позднюю, кашмирскую, его редакцию. Тем самым мы имеем достаточные основания предположить, что произведения Сомалева и Гунадхья в каких-то существенных своих чертах серьезно отличались друг от друга, хотя мы практически лишены возможности конкретно сопоставить их содержание.

Более определенно можно судить об отличиях стиля поэмы Сомалева. «Великий сказ» был написан прозой, на народном диалекте и в жанре *катха*, близком по ряду своих особенностей к европейскому роману или повести. «Океан сказаний» написан стихами, на изысканном литературном языке и, по свидетельству самого Сомалева, в жанре *кавья* («поэмы»), для которого в санскритской литературе утвердился специфический стиль. Этот стиль, который принято называть «украшенным», характеризуется обилием лирических отступлений, яркой образностью, щедрым использованием всякого рода риторических фигур, сложных слов, звуковых эффектов. Однако если у великих поэтов прошлого он был одухотворен богатым внутренним содержанием их произведений, то ко времени жизни Сомалева этот стиль в основном использовался лишь как средство демонстрации версификаторского искусства и ученой эрудиции средневековых авторов.

Несомненным достоинством «Океана сказаний», выделяющим его среди произведений одной с ним эпохи, было то, что, написанный в согласии с традицией в стиле *кавья*, он все же свободен от многих его излишеств. Так, непременной принадлежностью стиля *кавья* были многочисленные пространные и красочные описания (природы, времен года,

батальных и любовных сцен, празднеств и т. д.). Есть такие описания и в «Океане сказаний», например в «Повести об Удаяне» описания свадьбы Удаяны и Васавадатты (II.6), возвращения Удаяны в Каушамби (III.4), похода войска и завоевания мира (III.5), рождения Нараваханадатты (IV.3) и др. Но если даже у таких поэтов, как Бхарави, Магха, Бхатта (VI—VII вв.), а тем более у их эпигонов, подобного рода описания утратили связь с основной темой произведения, практически заглушают ее из-за своего обилия и выпренности, Сомадева органически соотносит их со своим повествованием, старается прибегать к ним лишь в самых эмоциональных и патетических местах рассказа.

Точно так же Сомадева значительно реже своих современников пользуется излюбленными в санскритской поэзии «языковыми украшениями» (*аланкарами*): тропами, аллитерацией, игрой слов и т. д. Тем не менее стиль его, отмеченный чувством меры, как правило, изящен, разнообразен, искусен. Когда по ходу повествования ему кажется это уместным, Сомадева прибегает и к игре слов, и к звуковым повторам, и к риторическим фигурам. Среди последних Сомадева предпочитает сравнения, и эти сравнения вводят читателя в мир индийской природы, отражают народные представления, обычаи и суеверия. Так, радость, которую при встрече друг с другом испытывают герои «Океана сказаний», часто сопоставляется с ликованием павлинов, приветствующих появление туч после измучившей их жары; скорбь разлученных возлюбленных — со страданиями пары уток чакравак, расстающихся, согласно поверью, каждой ночью; царевна, «истерзанная вожделениями юности», напоминает Сомадеве «лиану, согнувшуюся под бременем... цветов, которые никто не срывает»; трепещущее на ветру красное знамя на храме грозной богини Чандики — язык Смерти, лижущий свои жертвы, а лотосы на пути победоносного войска — головы легендарного тысячеглавого змея Шешы, в испуге высунувшего их из-под земли.

Некоторые из этих сравнений принадлежат к традиционному арсеналу средств санскритской поэзии, другие — и их значительно больше — введены в поэтический обиход самим Сомадевой. Особенно удачны и исполнены фантазии его синтетические образы, которые создаются тонко подобранной поэтом цепочкой сопоставлений.

Так, столицу, встречающую своего повелителя, Сомадева сравнивает с женой, встречающей мужа после долгой разлуки: «полотнища красных флагов были ее одеждой, круглые окна домов казались широко раскрытыми глазами, высокие кувшины с вином, выставленные за ворота, напоминали круглые груди, радостный гул толпы — любовный лепет, а блеск дворцов — улыбку».

Благодатному ливню уподобляет Сомадева раздачу Удаяной даров горожанам; небо при этом сверкает молниями флагов, грохот барабанов

кажется громоуханием грома, царь, словно грозовая туча, проливает золотой дождь на своих подданных, и они с ликованием ждут от него богатых всходов.

Характерна для текста «Океана сказаний» и такая параллель: «Пиршественная зала, уставленная кубками из горного хрустали, полными вина, напоминала озеро, усеянное белыми лотосами, пламенеющими под лучами восходящего солнца». Здесь помимо очевидных сопоставлений — зала — озеро, кубки — лотосы, вино — отражение солнечных лучей, имеется и искусно скрытый намек: царь Удайна, восседающий в зале, сравнивается с восходящим солнцем.

По образцу распространенной в Индии назидательной поэзии Сомареде насыщает «Повесть об Удаине» большим количеством сентенций, которые обычно преподносятся им в лаконичной, афористической форме. Но и в этом случае обычные наставления государственной и житейской мудрости, сегоования на коварство судьбы, восхваление добродетели, осуждение злонравия женщин и т. п. — словом, все те темы, которые по традиции разрабатывались древнеиндийской дидактикой, часто предстают у него в новом обличье, благодаря неожиданному образу или смелому сравнению:

«Погрязшие в пороках цари так же легко попадают в руки врагов, как слоны, оказавшиеся в западне».

«Лишь тот поистине мудр, чей ум блистает в минуту опасности, как блистает свет молнии во время сильного ливня».

«Женское коварство способно смутить души даже таких людей, которые преодолели страсти; так буря мутит озеро, даже если в нем нет грази».

«Как мяч, который, будучи брошен о стену, всегда возвращается назад, так и вред, который захочешь учинить другому, по большей части постигает тебя самого».

«Счастье царей всегда быстротечно и неуловимо, как лань. Одни только мудрые умеют держать его на крепкой цепи мужества» и т. д.

Чувство меры и чувство формы, присущие Сомареде, помешали ему использовать изощренные стилистические средства даже в наиболее лиричных или описательных частях его поэмы. Тем более редко прибегал он к ним при обычном повествовании, особенно когда имел дело с волшебными, бытовыми или новеллистическими сюжетами. Язык «Океана сказаний» и здесь остается отточенным литературным языком образованного общества, но приобретает всякий раз особую простоту, немногословность, ясность. Поэтому не стоит большого труда угадать в произведении Сомареде за приданной им поэтической формой облик использованных им народных легенд, притчей, сказок. И «Океан сказаний», так же как буддийские джатаки или «Панчатантра», а может быть,

даже в большей мере, остается для нас незаменимым источником для знакомства с устным творчеством народов древней Индии.

В «Повести об Удаине» мы обнаруживаем множество мотивов, распространенных в мировом фольклоре. Среди них истории о волшебном мече (I.3; III.4), чудесных сандалиях, палочке и плошке (I.3), невянувших цветах, подтверждающих верность супругов¹¹ (II.5), герое, побеждающем раکشасу-убийцу¹² (III.4; IV.2), магическом вселении души в мертвое тело¹³ (I.4), человеке в брюхе рыбы¹⁴ (V.2) и десятки им подобных.

Некоторые из таких историй содержат любопытные параллели к всемирно известным сюжетам древнегреческих эпических сказаний (например: уязвимая ладонь левой руки демона Ангараки (II.3) и пятка Ахилла; искусственный слон (II.4) и троянский конь; раکشаса, задающий вопросы (I.5), и легенда об Эдипе и сфинксе), другие вызывают ассоциации с известными рассказами в ряде литературных памятников — как индийских, на что мы уже указывали ранее, так и европейских.

В частности, история о мертвой рыбе, которая рассмеялась, когда ревнивый царь приказал казнить невинного человека, в то время как его гарем был полон переодетых мужчин (I.5), сходна не только с соответствующим (5—9) рассказом «*Шукасаптари*», но и с популярной новеллой итальянского Возрождения [«Пентамерон» Базиля (расск. 36), «Усладительные ночи» Страпаролы (кн. IV, рассказ. 1)]. В средневековых латинских сборниках «Дисциплина клерикалис» Петра Альфонса (12) и «Геста Романорум» (28) рассказывается, как сводня, уговаривая молодую жен-

---

¹¹ Подобный мотив известен в восточном фольклоре, а также немецких, английских, французских и иных европейских сказках (см. S. Thompson, *Motif-index of folk-literature*, vol. 1—7, Bloomington, 1955—1958, Н. 432).

¹² Соответствует известной саге о драконе. В частности, один из ее вариантов: герой приходит в опустошенное драконом царство, где плачущая женщина говорит ему, что сегодня должен быть принесен в жертву ее единственный сын (см. A. Aarne — S. Thompson, *The types of the folk-tale*, FFC, vol. 75, № 84, 300), очень близок к рассказу о приключениях Видушаки в городе Паундравардхане (III. 4).

¹³ Параллельные мотивы распространены в иранском и греческом фольклоре (см. T. Benfey, *Pantschatantra, Fünf Bücher indischer Fabeln, Märchen und Erzählungen*, t. I, Leipzig, 1859, S. 124 sq.).

¹⁴ Рассказ о человеке, проглоченном рыбой, имеется уже в Ветхом завете (легенда об Ионе), в вавилонских, индонезийских, ирландских, русских и иных сказках (см. A. Wesselski, *Märchen des Mittelalters*, Berlin, 1925, S. 315). Проник он и в художественную литературу: например, в «Пентамерон» Базиля и «Правдивые истории» Луккиана (где, однако, рыба проглатывает не человека, а целый корабль). Ср. также сказку о рыбките в «Коньке-горбунке» П. П. Ершова.

щину склониться на домогательства любовника, показывает ей плачущую собаку, которая, по словам сводни, превратилась из красивой девушки в животное за то, что отвергла влюбленного юношу. Эта новелла в своих основных чертах живо напоминает историю о буддийской монахини и Девасмите в «Повести об Удаяне» (II.5). Точно так же рассказ о Лохаджангхе, явившемся к своей возлюбленной под видом бога Вишну (II.4), родственен рассказу «Панчатантры» «Ткач в образе Вишну» (I.8), и одному из сюжетов «Тысячи и одной ночи» (пер. М. А. Салье, М., 1958—1959, т. IV, стр. 260 и сл.), и новелле «Декамерона» о монахе Альберте, притворившемся ангелом для того, чтобы соблазнить глупую женщину (IV.2).

Изучая связи «Океана сказаний» с фольклором, следует, однако, помнить, что Сомадева не был простым копировальщиком или всего лишь добросовестным собирателем. Заимствованные им сюжеты он всякий раз, когда этого требовали композиция или художественные свойства его поэмы, варьировал и изменял, и поэтому они нередко предстают перед нами в трансформированном виде.

Так, в истории о Лохаджангхе (II.4) Сомадева рассказывает, как Лохаджангха, измученный жарой, забрался в тушу мертвого слона, обглоданную шакалами, и спал в ней до тех пор, пока тушу не подобрала огромная птица. Сходный сюжет широко распространен в индийском фольклоре, но в фольклорном варианте внутри слона оказывается не человек, а шакал, и многие детали сюжета, так же как его обрамление, иные¹⁵. Совершенно ясно, что версия Сомадевы имеет вторичный характер. Сомадева сознательно переделал фольклорную сказку о животных с тем, чтобы приспособить ее к излагаемой им в данной части «Океана сказаний» истории новеллистического характера.

Еще бóльшие изменения вносит Сомадева в известную устную легенду о трех сестрах. По этой легенде, сестер, одну за другой, похищает чудовище и уносит в свой замок. Там чудовище убивает сестер за то, что они нарушают его запрет и входят в потайную комнату. В конце концов их трупы находит младшая сестра, которая либо возвращает их к жизни, либо с помощью братьев мстит чудовищу¹⁶. В «Повести об Удаяне» этот сюжет настолько преобразован, что опознать его нелегко. У Сомадевы нет чудовища, а сами сестры — дочери полубожества-видьядхары; они не убиты, но по проклятию покинули свои тела, чтобы

¹⁵ См.: M. Frere, *Old Deccan days*, London, 1870; G. Bompas, *Folklore of the Santal parganas*, London, 1909, pp. 295 sq.; M. Emeneau, *Kota texts*, vol. I, Berkeley—Los Angeles, 1944, pp. 239 sq. и др.

¹⁶ Прототип сюжета сказки о «Синей бороде»; см. A. Aarne—S. Thompson, *The types of the folk-tale*, 311, 312; S. Thompson *Motif-index of folk-literature*, R. II. I, T. 721. 5, C. 611.

жить в мире смертных; главный герой — их будущий супруг, играющий роль освободителя; история осложнена многочисленными приключениями героев, основана на индуистской концепции переселения душ, связана с индийскими мифологическими представлениями и т. п. Однако при всем этом такие черты рассказа Сомадевы, как наличие в нем магического замка, запретной комнаты, где скрыты тела трех девушек, сестры, помогающей им избавиться от проклятия, и некоторые другие недвусмысленно указывают на его фольклорный источник. Возможно, какие-то существенные изменения в рассказе возникли на индийской почве еще до Сомадевы, но все же несомненно, что в какой-то их части, а главное, в искусственном сплетении разнородных мотивов, проглядывают признаки литературной обработки, специфической для «Океана сказаний». Сомадева попытался и здесь придать народной легенде облик, соответствующий духу и конкретному содержанию его книги.

Уже два этих примера, а их число можно было бы безгранично увеличить, показывают, что произведение Сомадевы нельзя рассматривать как механическую компиляцию, как более или менее искусное соположение сюжетов, взятых из фольклора или иных, литературных, источников. Используемая Сомадевой рамочная композиция, индивидуальный стиль, варьируемый по ходу повествования, сознательные изменения, которые он вносит в заимствованные истории (к тому же часть их вообще не была заимствована), — все это, очевидно, свидетельствует о том, что «Океан сказаний» — самостоятельное художественное целое с собственными эстетическими задачами, а достоинства его языка и содержания делают его одним из самых значительных и увлекательных памятников древнеиндийской литературы.

«Океан сказаний» Сомадевы несколько раз переводился на европейские языки. Имеется полный и тщательно выполненный английский перевод: *The Kathāsārītsāgara, or Ocean of the streams of story*, transl. by C. H. Tawney, Calcutta, 1880—1884. Первые пять книг «Океана сказаний» переведены на немецкий язык: *Die Märchensammlung des Somadeva Bhatta*, übers. von H. Brockhaus, Leipzig, 1843. Отдельно «Повесть об Удаяне» (кн. II—III, но без вставных историй) издана на французском языке известным исследователем «Великого сказа» Ф. Лякотом. Наконец, недавно в книге «Повести, сказки, притчи древней Индии» (М., 1965) опубликовано несколько рассказов Сомадевы в русских переводах О. Ф. Волковой и И. Д. Серебрякова.

Постоящий перевод сделан с последнего издания текста «Океана сказаний»: Somadeva Bhaṭṭa, *Kathāsārītsāgara, Bīhūrarāṣṭrabhāṣāparisad*, I. Patnā, 1960. Как и остальные переводы, он выполнен в прозе, учитывая характер содержания памятника и невозможность адекватно передать особенности санскритского стихосложения средствами другого языка.

КНИГА ПЕРВАЯ ВСТУПЛЕНИЕ К РАССКАЗУ

Как некогда напиток бессмертия возник из океана, взволнованного раскачиванием Мандары¹, так этот рассказ возник из уст Хары², взволнованного страстью к дочери благородного Гириндры³. Те, кто без промедлений вкусят его сладости, избавятся от препятствий, добьются успеха и еще на земле по милости Бхавы⁴ достигнут сана богов.

ВОЛНА ПЕРВАЯ

И усть дарует вам счастье темно-синия шея Шамбху⁵! Словно петлей, обвивает ес Парвати⁶ любящими взглядами, когда льнет к груди своего супруга.

Да хранит вас Устранитель прецятствий⁷! Когда на рассвете танцует он праздничный танец и хоботом сметает с неба звезды, кажется, будто новые звезды рождаются от брызг, что вылетают из его рта при ликующих криках.

Почтив Богиню речи⁸, которая, словно светильником, озаряет все сущее, я начинаю свою книгу, содержащую самую сердцевину «Великого сказа»⁹.

Я начну рассказ со вступления, затем приступлю к самой повести, а потом поведаю книгу о Лаванаке. После этого расскажу о рождении Нараваханадатты. В пятой книге пойдет речь о четырех девушках, в шестой же о Маданаманчуке, седьмая поведаст о блистательной Ратнапрабхе, восьмая — о сверкающей Сурьяпрабхе. За нею последует книга об Аланкаравати, любившей украшения, далее — книга о Шактияше, прославившейся силой страсти, и тогда придет время рассказать о Веле, о Шашанкавати и опьяняющей страстью Мадиравати. В четырнадцатой книге будет описано великое помазание. Придет время рассказать о Панче, Суратаманджари, благоухающей камфарой, Падмавати, подобной лотосу, и уже после этого о Вишамашашиле¹⁰.

Все, что содержится в «Великом сказе», сохранил я в своей книге. Все, о чем поведал Гунадхья, пересказано мною точно, без отступлений — только слишком обширные рассказы сделал я короче, да к тому же писал на другом языке: средоточие добродетелей Гунадхья писал на пайчахи, а мое сказание — на санскрите. Как мог, следовал я принципу уместности, воплощенному в «Великом сказе», и если вставлял в повествование новые рассказы, то лишь так, чтобы не нарушить его стиля. Не в погоне за славой ученого, но только ради того, чтобы легче было постичь хитросплетения различных рассказов и повестей, взялся я писать эту книгу.

Издавна прославлен царь гор Хималай¹¹, повелитель могучих горных хребтов, на склонах которых обитают киннары¹², гандхарвы¹³ и видьядхары¹⁴. Так безбрежно его величие, что

даже Парвати, прародительница трех миров¹⁵, за честь почла стать его дочерью.

На севере Хималая стоит прославленная гора Кайласа¹⁶, распростершаяся на земле на многие тысячи йоджан¹⁷. Гордится она своей белизной перед Мандарой, которая, хотя и плескалась в молочном океане¹⁸, не стала такой белой и красивой. На Кайласе живет повелитель всего живого и неживого, окруженный сонмом спддхов¹⁹ и видьядхар, великий властелин Шива со своей супругой Парвати.

В его хитросплетенных, высоко уложенных, отливающих золотом волосах восходит юный месяц²⁰, озаряя вершины гор, розоватые в вечерних сумерках. Когда он вонзил свой трезубец в сердце лишь одного асуры Андхаки²¹, — странное дело! — в тот самый миг из сердца каждого из трех миров²² им было вырвано жало страха. В бриллиантах, украшающих головы богов и асур, отражается блеск ногтей на ногах Шивы, и кажется от этого, что всех их награждает он своим собственным полумесяцем²³.

Однажды Бхавани²⁴, его супруга, милая ему, как сама жизнь, приблизилась к мужу, когда сидел он в одиночестве, и, приласкавшись, осыпала его восхвалениями.

Увенчанный полумесяцем, обрадованный словами супруги, посадил ее к себе на колени и спросил: «Скажи, любимая, чем мне тебя порадовать?» — «Если ты доволен мною, повелитель, то расскажи, супруг мой, какую-нибудь интересную, но только совсем новую историю», — ответила она. «Да разве есть что-нибудь во всем мире, в прошлом, настоящем или будущем, чего бы ты не знала?!» Но она снова и снова просила рассказать ей что-нибудь интересное — ведь у ревнивых женщин душа всегда радуется супружеской ласке. И видя, как хочется ей послушать рассказ, он поведал небольшую историю о пей самой:

«Было так, что Брахма²⁵ и Нараяна²⁶, захотев меня пови-
дать, прошли всю землю и пришли наконец к подножию Химала-
я. Увидев лингу²⁷, уходящую в небо, захотели они добрат-
ся до ее вершины, становясь друг другу на плечи. Не смогли они
выполнить то, что задумали, но подвигом своим обрадовали
меня. Тогда, явившись перед их очами, сказал я: «Просите на-
грады». Первым заговорил Брахма: «Будь мне сыном, повели-
тель!» Проявив такую заносчивость, добился он того лишь, что
никто не приносит ему жертв, никто не почитает его²⁸. После
этого заговорил Вишну: «О повелитель, сделай так, чтобы я
всегда мог тебе служить!» Вот тогда-то Нараяна родился в

твоим облике и стал в нем половиной меня самого. Могуч я, а в тебе моя сила, моя мощь, в тебе сам Нараяна. К тому же ты — моя супруга в первом рождении»²⁹.

Рассказал все это Шанкара³⁰, и тогда Парвати снова попросила его: «Расскажи мне, как я была твоей женой в первом рождении».

Тогда сказал Бхарга³¹: «Во времена давние, жена, создал Праджапати Дакша³² тебя и многих других дев. Тебя он отдал мне, а других роздал Дхарме³³ и другим божествам. Однажды собирався он устроить жертвоприношение и созвал на церемонию всех зятьев. Меня он звать не стал. Тогда ты его спросила: «Отец, почему ты не позвал моего супруга?» А Дакша ответил тебе на это: «Можно ли пригласить твоего мужа? С гирляндой черепов на шее³⁴, нечист он». Словно яд влили его слова в твои уши. «О, горе мне! — воскликнула ты. — Зачем мне жить!» Тогда покинула ты, любимая, свою земную оболочку. И, возмущенный твоей смертью, разрушил я жертву Дакши, ты же возродилась в семье Хималая, подобная луне, рожденной океаном³⁵.

Отправился я в одетые льдом горы совершать отшельнические подвиги. Вспомни, как отец твой повелел тебе прислуживать мне, как гостю. Между тем небожители подослали ко мне Каму, Бога любви³⁶, ибо хотелось им, чтобы зачал я сына, способного сразить демона Тараку³⁷. Своей волей обратил я Каму в пепел³⁸. Но ты, упорная, подкупила меня своими аскетическими подвигами, и дабы не остались они бесплодными, подчинился я твоей воле, любимая³⁹. Вот так-то и оказалась ты в этом рождении моей женой».

Умолк Шива, а рассерженная жена так сказала ему:

«Обманщик! Не хочешь ты рассказать мне ничего интересного. Ты думаешь, будто не знаю я, что ты то с Гангой носишься⁴⁰, то Сандхье угождаешь?⁴¹».

Такое услышав, согласился Хара поведать ей увлекательную историю, и тогда позабыла она про свой гнев. Сама распорядилась она, чтобы никто в их покой входить не смел, а Хара, велев быку Нандину⁴² сторожить у входа, начал рассказ.

«Всегда счастливо живут боги, люди же всегда несчастны. Из-за трудностей людская жизнь не может быть интересной, а потому расскажу я тебе о жизни видьядхар, в которых слилась и человеческая и божественная природа». Едва Хара начал свое повествование, пришел к его покоям его любимец Пушпаданта, лучший из ганов⁴³. И сколько ни останавливал его бык Нандин, Пушпаданта, сгорая от любопытства, пожелал узнать,

что происходит в покоях Шивы. Став благодаря своей магической силе незримым, он проник туда и услышал все то, что Хара рассказал супруге о необычайной жизни семи видьядхар. И вот эту-то историю он пересказал подробно своей жене Джае. Та же, когда на заре проснулась дочь Хималая, пошла к ней и, обогащенная всем, что услышала от мужа, рассказала ей о похождениях семи видьядхар. С чего бы женщины сдерживать свой язык! Разъярилась Парвати и закричала на мужа: «Рассказал ты мне старую историю! Ее даже Джая знает!» Задумался Шива и после долгих размышлений догадался, кто виновник, ибо ничто в мире не скрыто от повелителя жизни. «Это Пушпаданта благодаря магической силе сумел пробраться в наш покой и подслушать! Разве мог это рассказать Джае кто-нибудь другой, кроме него!» — воскликнул он.

И тогда разъяренная богиня закричала: «Будешь, Пушпаданта, жить среди смертных!» Гана Мальяван вступился за него, но и его она обрекла на жизнь среди людей. Распростершись перед Парвати, ганы вместе с Джаей умоляли простить их, и тогда супруга Шарвы⁴⁴ сказала им: «В горах Впндхья⁴⁵, покрытых лесом, живет якша⁴⁶ Супратика, обреченный проклятием пребывать в образе пишача⁴⁷, зовут его Канабхути. Лишь тогда, когда ты, Пушпаданта, встретишься с Канабхути и расскажешь ему подслушанную историю, кончится сила проклятия. Когда же ты, Мальяван, услышишь от Канабхути всю эту повесть, то проклятие спадет с вас обоих». Сказав это, замолчала дочь владыки гор, и оба гана исчезли с быстротой молнии, словно бы их и не было.

Но потом раскаялась Гаури и спросила у Шанкары: «Скажи мне, супруг мой, где те двое несчастных, мною проклятых, снова родятся?»

И ответил ей Украшенный серпом полумесяца⁴⁸: «Есть, прекрасная, великий город Каушамби⁴⁹, и в нем Пушпаданта родится под именем Вараручи, гана же Мальяван будет рожден в городе Супратиштхита, и назовут его Гунадхья. Вот что с ними будет!» Так в беседе из лиан на склоне Кайласы утешал Вибху⁵⁰ Парвати, рассерженную слугами, что не проявили должного послушания.

Вот первая волна книги «Вступление к рассказу» в «Океане сказаний» великого поэта Сомадевы.

ВОЛНА ВТОРАЯ

Рассказывают, что Пушпаданта обрел тело смертного человека в облике Вараручи или же Катьяяны⁵¹. Достигнув высшего предела в науках, стал он министром царя Нанды⁵². Однажды в унынии пошел он поклониться богине, живущей в горах Виндхья⁵³. Умиловленная его подвигами, явилась ему во сне богиня, и пошел он по ее совету в Виндхийский лес разыскивать Канабхути. Блуждая в глухой чаще, полной тигров и обезьян, безводной, избилующей высохшими деревьями, нашел он там высокий и раскидистый баньян⁵⁴. Неподалеку от баньяна, окруженный множеством других пищачей, сидел пищача, могучий, словно дерево сала⁵⁵. Это и был Канабхути.

Канабхути же, увидев Катьяяну, склонился пред ним и взял прах от его стоп. Катьяяна спросил его: «О Канабхути, как случилось, что ты, всегда столь добродетельный, попал в такое бедственное состояние?» Услышав это, Канабхути так ответил ему, проявившему участие: «Сам я того не знаю, почтенный, но выслушай то, что довелось мне узнать из уст живущих в городе Удджайни⁵⁶, на месте сожжения трупов. Слушай же! Спросила однажды Парвати у Шивы: «Скажи, повелитель, откуда у тебя такое пристрастие к кладбищам и черепам?» Отвечал ей Шива: «В давние времена случилось так, что всю землю покрыла вода и не было ничего живого. Тогда разрезал я себе бедро, и капля крови моей упала в мировой океан. Попав в воду, та капля развилась в яйцо, и, когда оно лопнуло, вышел из него некий муж, и, как только он появился, создал я для него Пракрити⁵⁷, а потом от них пошли Праджапати⁵⁸ и начался людской род. Потому во всем мире того мужа зовут Питамаха — Великим Отцом⁵⁹. Когда сотворил он живой и неживой мир, одолела Питамаху гордость: «Вот, мол, сколь великое дело я совершил!» Вот за это и отсекаю я ему голову.

Горько раскаивался я в этом и принял великий обет носить гирлянду черепов и жить на кладбище — вот откуда моя любовь к ним. Есть, о богиня, еще и другая причина: когда беру я череп в руку, будто весь мир в ней держу! Яйцо, о котором я тебе рассказал, и этот череп зовутся землей и небом!»

Умолк Шамбху, а богиня подумала: «Пусть он еще мне что-нибудь расскажет. Ведь интересно!» — и спросила: «Когда же вернется к нам Пушпаданта?» Выслушав вопрос, рассказал ей великий бог такую историю: «Жил некогда якша, слуга

Вайшраваны⁶⁰, подружившийся с ракшасой⁶¹ Стхулаширасом. Узнав об этой дружбе, разгневался Властитель богатств⁶² и обрек его на скитания в Виндхийском лесу в образе пишахи. Тогда Диргхаджангха, брат якши, распростершись перед Куберой, стал просить его отменить проклятие, но тот ответил: «Когда твой брат услышит великий сказ из уст Пушпаданты, обреченного родиться человеком, и перескажет его Мальявану, то они оба избавятся от проклятий». Так Властитель богатств положил предел действию проклятия. Это же касается и Пушпаданты. Запомни это, любимая!»

Услышав сказанное Шамбху, радостный, поспешил я сюда. Как только встречу я с Пушпадантой, проклятию моему конец!» Умолк Канабхути, и тотчас же вспомнил бывшее Вараручи и промолвил, словно очнувшись от сна: «Я и есть тот самый Пушпадант! Слушай же Великое сказание!»

Тогда Катьяйна рассказал Великое сказание, в каждой из семи частей которого было по сто тысяч строк, и после этого попросил его Канабхути: «Почтенный, ты воистину воплощение Рудры⁶³, кто еще, кроме него, может знать такое сказание?! По милости твоей начинает спадать с меня проклятие! Расскажи теперь, достойный, о себе самом, начини с самого рождения, очисти меня от скверны!» После того как Канабхути так почтительно попросил, Катьяйна подробно рассказал ему о своей жизни, начав с того, как он появился на свет.

Рассказ Катьяйны

«Жил в городе Каушамби брахман⁶⁴, жрец Агни⁶⁵ по имени Сомадатта, жену же его звали Васудатта. Была она дочерью пророка, из-за проклятия обреченной жить среди людей. Вот у них-то я и родился. Я был еще ребенком, когда отец мой умер, и матери трудно было меня прокормить и обучить.

Однажды два брахмана, утомленные дальним странствием, остановились в нашем доме и попросились переночевать. Случилось так, что когда они у нас гостили, послышалась издалека дробь мриданга⁶⁶, и мать моя, вспомнив мужа, голосом, прерывающимся от слез, проговорила: «Это, сын мой, друг твоего отца, танцор Нанда пляшет!» Тогда я сказал ей так: «Пойду посмотрю я, как он танцует, а когда вернусь, все тебе покажу и расскажу!» Услышав мои слова, удивились те два брахмана. Заметила мать их удивление: «Не сомневайтесь! Этот мальчик,

что хоть раз услышит, сразу запомнит!» Чтобы проверить меня, прочли они мне пратишакхью, толкование вед⁶⁷, а я тотчас им все прочтенное повторил. Тогда они оба пошли со мной смотреть представление Нанды. Вернувшись потом домой, я все представил матери, точь-в-точь как сам видел. Изумившись тому, как успел я все запомнить за один раз, один из брахманов, которого звали Вьяди, с поклоном обратился к моей матери:

Рассказ Вьяди

«Жили в городе Ветасе два брата, Девасвами и Карамбхака, и была у них друг к другу большая любовь. Сына одного из них — вот он перед тобой — называли Индрадаттой, а меня зовут Вьяди. Когда я родился, умер у меня отец. Большое горе причинила эта смерть отцу Индрадатты, и он ушел на небо вслед за своим братом. Их вдовы не вынесли горя: тоже умерли.

Вот так мы оба остались сиротами и пошли в поисках знаний и богатства умиловить подвигами Кумару⁶⁸. Когда же стали мы совершать аскетические подвиги, явился нам во сне Кумара и сказал: «Есть в царстве царя Нанды город, и называется он Паталипутра⁶⁹. Живет там брахман Варша, у которого вы можете обучиться всем наукам. Ступайте туда». Пошли мы в Паталипутру. Когда добрались до города, стали расспрашивать, как того брахмана найти. Сказали нам люди: «Живет здесь один глупец, которого зовут Варша».

Повергли эти слова нас в смятение, но все-таки нашли мы ветхий, полуразрушившийся дом Варши. Жилье это со стенами в громадных щелях, испещренными мышиными норами, с трухлявой крышей, казалось, давно было покинуто, и только несчастья могли гнездиться здесь. Заглянули мы в дом и увидели Варшу, погруженного в размышления. Его жена, одетая в изодранные и грязные одежды, с иссохшим и почерневшим телом, воплощение злосчастия, предложила нам, как гостям, угощение. Прежде всего поклонились мы ей и сказали, что по всему городу идет слава о ее муже, будто он глупец. Выслушав это, обратилась она к нам со словами: «Вы оба в сыновья мне годитесь. Что же мне вас стыдиться!» — и рассказала нам вот о чем:

«Жил некогда в Паталипутре брахман Шанкарасвами, и было у него двое сыновей. Одного из них звали Варша, другого — Упаварша. Старший, мой муж Варша, был глуп и беден, а младший и богат и хитер.

Однажды жена Упаварши приготовила из муки и сахара пирожок непристойного и безобразного вида и дарит его в насмешку глупому брахману. Не следует умному такие подарки принимать. Но Варша принял этот подарок. Когда же принес он его домой, то я его как следует отругала. Стала тогда терзать его досада на собственную глупость, и поэтому пошел он поклониться Картикее⁷⁰. Умилостивив бога покаянием, получил он от него в награду за свою самоотверженность знание всех наук. «Только разыщи ты такого брахмана, — приказал Картикея, — который, раз услышав, все сразу запоминает!» Выслушав такой наказ, поспешил радостный Варша домой.

Вернувшись, рассказал он мне все, что с ним было. С той поры он и день и ночь размышляет и читает молитвы. Поискали бы вы такого юношу, который с одного раза все бы запоминал. От этого и ваше сердечное желание исполнится, в этом сомнения нет».

Выслушав эту историю от жены Варши, дали мы ей для устранения бедности сто золотых и в тот же час покинули город Паталипутру. Долго скитались мы по земле, разыскивая такого юношу и, утомленные поисками, пришли мы сегодня в твой дом. Здесь нашли мы юношу, способного все запоминать с одного раза, — это твой сын. Отпусти его с нами, и пойдем мы с ним за знанием и за богатством».

Все выслушала моя почтенная мать, что Вьяди ей рассказал, и так ему ответила: «Все сходится. Верю я вашим словам! И вот почему: еще до его рождения, когда я его только зачала, было мне пророчество с неба, словно бы снизошла ко мне лишенная телесной оболочки Сарасвати⁷¹:

«Родится этот мальчик памятьвым, от Варши-наставника переймет все науки и подарит людям грамматику. Имя ему будет Вараручи, и что только ему понравится, все ему будет дано». Вот какое слово услышала я с небес. Теперь, когда вырос мой сын, день и ночь меня мучает мысль, где живет наставник Варша?! Очень обрадовалась я вашему рассказу. Возьмите его с собой, как брата. Худого от этого не случится».

С великой радостью выслушали мою мать Вьяди и Индрадатта, и ночь прошла для них как одно мгновение. Утром дал Вьяди моей матери денег, чтобы случай такой отпраздновать, и совершил надо мной обряд посвящения — упанаяну⁷², чтобы мог я изучать веды. Наставляла меня мать, еле сдерживая слезы, но при виде моего рвения уменьшилось ее горе. Посочувствовав матери, ибо больно ей расставаться с таким сыном,

Вьяди и Индрадатта, взяв меня с собой, покинули город. Прошло какое-то время, и добрались мы до дома мудреца Варши, и они представили меня ему, подлинному воплощению Сканды. На следующий день паставник посадил пас на чистую землю перед собой и божественным голосом произнес «Ом!»⁷³. Тотчас явились пред нами веды со всеми ангами⁷⁴, и начал он нас обучать. Что говорил он один раз, то я сразу запоминал, что повторял дважды, то Вьяди схватывал, а что трижды им говорилось, то и Индрадатта усваивал. Слыша всякий раз, как при начале занятий раздавался божественный голос Варши, к его дому со всех сторон стекались толпы брахманов, воздавали ему хвалу и оказывали всяческие почести.

Все это видя, не очень-то радовался Упаварша, младший брат нашего наставника. Зато все жители Паталипутры устроили великое торжество. Царь Нанда, видя чудесное проявление мощи Сына повелителя гор⁷⁵, выразил свою радость и наполнял дом Варши одеждами, драгоценностями и всем необходимым».

Вот вторая волна книги «Вступление к рассказу» в «Океане сказаний» великого поэта Сомадевы.

ВОЛНА ТРЕТЬЯ

Так рассказывал в лесу Вараручи, а Канабхути все это слушал внимательно, боясь пропустить хотя бы слово. Вараручи же продолжал свой рассказ:

«По прошествии некоторого времени, однажды, когда мы закончили свои уроки, а солнце выполнило свой, спросили мы наставника: «Расскажи нам, учитель, как случилось, что этот город⁷⁶ стал обителью двух богинь — Лакшми⁷⁷ и Сарасвати?»⁷⁸ — «Слушайте меня! — сказал он. — Сейчас я об этом поведаю.

Рассказ о городе Паталипутре

Есть в Гангадваре⁷⁹ место святых омовений, называющееся Канакахала. Как раз здесь божественный слон Канчанапата, обрушив в реку вершину горы Ушинары, переправился через Ганг.

В том месте совершал аскетические подвиги брахман с женой, пришедший туда с юга. Шло время, и родила она ему трех сыновей. Когда умер брахман, жена пошла ему вслед, а их сыновья отправились учиться в город Раджагриху⁸⁰.

Когда же овладели они всеми науками, трое осиротевших, несчастных юношей пошли в южные края поклониться повелителю Кумаре. Пришли они в город Чинчини, стоявший на берегу океана, и поселились у брахмана Бходжикп. Бходжика выдал за них трех своих дочерей, отдал им все, что у него было, а сам отправился на берега Ганга и стал подвижником. Кроме дочерей, не было у него больше никого. Жили они в доме тестя спокойно, но из-за того, что вовремя не пришли дожди, случилась там страшная засуха. Удрученные голодом, трое юных брахманов покинули своих жен, верных супружескому обету, и пошли неведомо куда. Ведь в сердцах жестоких мужчин не живет чувство родства!

Пришлось женам искать убежища в доме друга их отца Яджнядатты. А нужно сказать, что средняя из них в ту пору понесла. Трудно им жилось, но всегда они помнили о своих мужьях. Даже в несчастье добродетельные женщины не нарушают супружеского долга! Пришло время, и средняя родила сына. В заботе о нем сестры старались превзойти друг друга. Однажды проносился в небесной вышине Шива, державший на коленях Мать Скапды⁸¹. Она заметила этого мальчика и, преисполненная сострадания, сказала: «Взгляни, супруг мой божественный, эти три женщины холят мальчика и надеются, что станет он для них троих опорой. Поэтому сделай, повелитель, так, чтобы действительно стал он опорой их старости». На это ответил супруге бог, исполнитель желаний: «Согласен я на это. В прежнем рождении он со своей женой сильно меня порадовал, и потому теперь он родился на земле, чтобы безмятежно наслаждаться жизнью. А его жена Патали ныне родилась дочерью царя Махендравармана. Она снова станет ему женой». Так сказав своей супруге, явился Шива тем трем добродетельным сестрам во сне и промолвил: «Пусть ваш сын зовется Путракой. Всякий раз, просыпаясь, будет он находить под изголовьем сто тысяч золотых, и станет он впоследствии царем».

На следующий же день, когда мальчик проснулся, под его изголовьем оказалось золото. Возрадовались этому дочери Яджнядатты — их верность супружескому долгу принесла плоды. Росло их богатство день ото дня, и стал Путрака наконец царем. Воистину, благодаря подвижничеству возвращаются бо-

гатства! Однажды Яджнядатта посоветовал ему: «О царь, твой отец из-за голода теперь где-то скитается. Поэтому всегда щедро одаряй брахманов, которые будут к тебе приходить. Послушай, я поведаю тебе историю о Брахмадатте:

Рассказ о царе Брахмадатте

В давние времена правил в Варанаси⁸² царь Брахмадатта. Однажды ночью заметил он высоко в небе пролетающую чету красных гусей, окруженных сотней других. Взмахи их золотистых крыльев казались вспышками молний, прорывавшихся из белого облака. И так захотелось царю их снова увидеть, что почувствовал он отвращение к радостям царства. Посоветовавшись со своими министрами, велел он выкопать красивый пруд и приказал, чтобы никто в его царстве не причинял вреда никаким живым существам. Через некоторое время прилетели на этот пруд те гуси, и царь, завоевав их доверие, спросил, почему у них золотые перья. Звонкими голосами ответили ему гуси: «В прошлом рождении были мы, царь, простыми воронами. Но однажды, когда мы дрались между собой из-за остатков жертв в пустом храме Шивы, мы упали в пруд и утонули. По этой причине родились мы золотыми гусями». Выслушал царь этот рассказ и, глядя на них, умилился.

Если ты будешь щедр к своим родичам-брахманам, то и ты также возвысишься».

Как Яджнядатта сказал, так Путрака и стал делать. Прислышав о его щедрости, пришли к нему родичи-брахманы и были счастливы, обретя бесценные сокровища и вернувшись затем к своим женам.

Удивительно все же, как неразумные, даже видя порожденные их неразумием несчастья и понимая, что идут к гибели, не могут отказаться от неразумия. Пожелав завладеть царством Путраки, эти брахманы вознамерились убить его. Чтобы осуществить свой замысел, уговорили они его пойти с ними поклониться богине, живущей в Виндхийских лесах⁸³. Они наняли убийц, спрятали их в засаде в храме богини и сказали ему: «Ступай ты сначала один, поклонись богине!» Доверчивый, вступил он в храм и увидел, что грозит ему гибель. Спросил Путрака разбойников: «Почему вы хотите меня убить?» А те ему сказали: «Родичи твои наняли нас и золота дали!» Тогда Путрака, наученный богиней, сказал тем безумцам: «Отдам я

вам все свои бесценные украшения. Отпустите меня. Никому не открою я вашей тайны и далеко уйду отсюда». — «Пусть так и будет!» — сказали они и, обобрав его, вышли к брахманам. «Убит Путрака!» — солгали они брахманам. Узнав о том, что их замысел осуществился, поспешили брахманы обратно в надежде захватить царство. Министры же, распознав в них предателей, велели их казнить.

Тем временем, разочаровавшись в своих родичах, Путрака все дальше и дальше углублялся в дикий Виндхйский лес. До тех пор блуждал он в лесу, пока не наткнулся на двух драчунов. «Кто вы такие?» — спросил он. Они ответили: «Мы сыновья асуры Майи⁸⁴. Умер он и оставил нам в наследство плоску, палку да сандалии. Из-за этого мы и деремся. Кто сильнее, тот всем этим и завладеет!» Выслушав такие слова, засмеялся Путрака: «Вот так богатство!» Тогда драчуны в один голос заговорили: «Кто эти сандалии наденет, тот по небу может летать; что палочкой напишешь, то и сбудется; о какой еде подумаешь, та в плоске и окажется!» Услыхав такое, сказал им Путрака: «Чем вам драться, бегите лучше наперегонки. Кто из вас первым прибежит, тот все и заберет».

«Пусть так и будет», — согласились два глупца и кинулись бежать, а Путрака взял палочку, чашу, надел сандалии и взвился в небо. В один миг проделал он путь многих дней и, увидев красивый город, звавшийся Акаршика, покинул небесное пространство и опустился туда. «Где же мне поселиться? — думал он. — Гетеры ловки в обманах, брахманы — не лучше моих родичей, купцы — жадны до денег». Так рассуждая, нашел царь заброшенный дом, вошел в него и увидел там дряхлую старуху. Прежде всего он порадовал ее, дав денег. Когда же она угостила его, он остался жить у нее, скрываясь от людей. Так прошло какое-то время, и довольная им старуха обратилась к нему со словами: «Послушай-ка меня, сынок! Нет у тебя супруги, украшенной разными достоинствами. Но есть у здешнего царя дочь, зовут ее Патали. Держат девушку в верхних покоях дворца и берегут ее, как драгоценную жемчужину!» Выслушал он слова старухи, и вместе с ее словами вошла в его сердце любовь. «Сегодня же я должен увидеть ее, мою возлюбленную», — решил он и, когда опустилась ночь, надел сандалии и взвился в небесную высь. Проникнув в окно высокого дворца, подобного пику горы, увидел он во внутренних покоях спавшую в одиночестве Патали. На нее падали лучи луны, и казалось, будто спит это супруга Бога любви, покорителя мира. «Как

бы мне разбудить ее?» — спросил он себя, и словно нарочно проснулся в это время страж, стоявший снаружи покоя. Прочел страж такой стих:

«Сладко позевывающую, объятую
дремотой, сонную, с полужакрытыми глазами
любовницу самый лучший способ разбудить — обнять ее!»

Услышал он эти стихи и, трепещущий всем телом от страсти, обнял красавицу, и она тотчас же проснулась. При виде царя наполнился ее взор стыдом и удивлением — стыдом оттого, что был перед ней незнакомец, удивлением — от его появления в ночное время. Но началась меж ними любовная беседа, и свершился брак по обряду гандхарвов⁸⁵, и все больше разгоралась любовь, и ночь была коротка возлюбленным. Уже на исходе ночи, простившись с горюющей супругой, тем же путем вернулся Путрака в дом старухи. Так вот каждую ночь он проникал к ней, и они проводили ночь в ласках, а затем он уходил. Но заметили однажды стражники на теле Патали следы зубов от нежных укусов, царапины от ногтей, полученные при страстных объятиях, и прочие следы любовных ласк и доложили об этом ее отцу. Тот повелел некой женщине спрятаться в покоях Патали и подсмотреть, что делается там по ночам. Женщина же, чтобы выследить любовника, пометила краской одежду спавшего Путраки.

Когда поутру отец Патали пробудился ото сна и она ему обо всем рассказала, тотчас же послал он по всему городу согляда-таев, и они обнаружили Путраку в жилище старухи. Когда они привели его пред очи разгневанного царя, Путрака снова, надев сандалии, взвился в небо и проник в покои Патали. «Все о нас узнали, — крикнул он Патали, — вставай скорее. Мы спасемся с помощью волшебных сандалий!» Взял он возлюбленную на руки и снова помчался небесной дорогой. Потом спустились они из поднебесья на берег реки Ганга, и Путрака угостил утомленную Патали разнообразными кушаньями, которые дала им волшебная чаша. Восхищенная его могуществом, спросила Патали, что он может еще делать, и тогда начертил он на земле город, а в нем для защиты от недругов войско, состоящее из пеших бойцов, всадников, колесниц и слонов. Тотчас же нарисованный им город стал настоящим, а Путрака стал в нем царем, достиг большой силы и правил честно. Одолев тестя, стал он править всей землей до самого океана. Город же со всеми горожанами, возникший по волшебству, достиг красоты и богат-

ства: отсюда его название Паталипутра⁸⁶, и в нем обитают постоянно Лакшми, богиня счастья, и Сарасвати, покровительница наук и красноречия».

Так выслушали мы, Канабхути, из уст наставника Варши этот необычайный и весьма интересный рассказ, и много мы ему удивлялись и радовались,— заключил Вараручи.

Вот третья волна книги «Вступление к рассказу» в «Океане сказаний» великого поэта Сомадевы.

ВОЛНА ЧЕТВЕРТАЯ

Такую историю поведал Вараручи в чаще Виндхийского леса и снова обратился к основному рассказу. «Прожил я какое-то время с Вьяди и Индрадаттой в Паталипутре и со временем стал умудрен во всех науках. Пошли мы однажды полюбоваться праздником Индры⁸⁷ и увидели девушку, подобную цветочному луку, оружию Бога любви, только что не было на этом луке стрелы. Спросил я тогда Индрадату: «Кто эта красавица?» И ответил он мне, что зовут ее Упакоша и приходится она Упаварше дочерью. С помощью ее подруг познакомился я с нею, но она, похитив исполненными страстью взорами мое сердце, ушла к себе домой. Лицо ее было прекрасно, как луна в полнолуние, глаза спорили красотой с синим лотосом, красивые и нежные руки были гибки, как стебли этого цветка, а полные груди порождали страстное желание любовных объятий. Шея девушки походила на изящную витую раковину, сочные губы ее состязались в яркости с красным кораллом, и вся она, чудилось, была полновластной хозяйкой в храме красоты, которому покровительствует бог любви. Как же было не разбиться моему сердцу, пронзенному мириадами стрел Камы? В ту ночь я не мог уснуть, стремясь отведать вкус ее губ, подобных плодам бимбы⁸⁸. Так и не уснув, на исходе ночи увидел я божественную женщину, облаченную в белые одежды. Она обратилась ко мне с такими словами: «В прежнем рождении была Упакоша твоей женой и никого другого, кроме тебя, не хочет она видеть своим мужем. Поэтому не томи себя, юноша, напрасными тревогами. Я— Сарасвати, вселившаяся в твое тело, и не могу видеть, как ты удручен!» После этого она исчезла. Очнувшись я утром пошел к дому возлюбленной моей и сел под манговым

деревом. Подошла ко мне ее подруга и рассказала, что Упакоша истерзалась от любви. Тогда еще горше стали мои мучения. Сказал я ей: «Как могу я взять Упакошу в жены без согласия ее родителей? По мне смерть лучше осуждения! Узнай, не согласятся ли мать и отец выдать ее за меня? Сделай так, о прекрасная! Ты и меня и свою подругу вернешь к жизни!» Выслушав меня, она вошла в дом и обо всем поведала матери своей подруги, а мать передала эту весть своему мужу Упаварше. Тот пошел к брату Варше, и брат тоже согласился. Когда был назначен день свадьбы, велел наставник, чтобы Вьяди привез из Каушамби мою мать. И тогда отдал мне Упакошу ее отец в жены. Мать моя в доме хозяйничала, и зажил я счастливо.

Со временем умножилось число учеников Варши. Был среди них отменный глупец, которого звали Панини⁸⁹. Жена Варши, видя, какой он рассеянный да неловкий, посоветовала ему отправиться в Гималаи на подвижничество, и он, жаждущий знаний, пошел туда. Своей самоотверженностью умиловил он бога, чье чело украшено полумесяцем⁹⁰, и тот пожаловал ему знание новой грамматики, высочайшей из наук.

Возвратясь оттуда, вызвал меня Панини на диспут. Семь дней прошло в споре, и никто не одержал победы, а на восьмой с небесной тверди разнесся ужасающий голос Шивы, желавшего победы Панини. Так благодаря этому исчезла с земли изучавшаяся нами грамматика Индры⁹¹, и мы, побежденные Панини, остались ни с чем. Тогда, одолеваемый своим невежеством, поручил я все деньги, что были в доме, купцу Хираньягупте, сказав Упакоше: «Я уйду в Гималаи поклониться Шанкаре, умиловить его подвигами и постом». Достойная супруга после моего ухода каждый день совершала священное омовение в Ганге и прилежно возносила молитвы в храме.

Исхудала она в разлуке со мной, побледнела, но, подобная угасающей луне, не потеряла привлекательности для мужских глаз. Однажды весной пошла она купаться в Ганге и попала на глаза царскому жрецу, начальнику городской стражи и наставнику царевича. Тотчас же все трое оказались мишенью для стрел Бога любви. В тот день долго она пробыла на берегу Ганга, а когда вечером спешила домой, наставник царевича силой попытался овладеть ею. Но красавица так сказала ему: «Любезный, мне хочется того же, чего и ты хочешь, но родилась я в благородной семье и супруг мой на чужой стороне. Вдруг кто-нибудь увидит нас? Ни мне, ни тебе добра не будет! Поэтому потерпи пока, а когда придет день праздника весны, ты, когда

спустится ночь и все горожане, утомленные весельем, уснут, поспеши ко мне в первую стражу ночи⁹²». С помощью такого обещания она избавилась от любезника и продолжила свой путь. Не успела она далеко уйти, как царский жрец тоже привязался к ней. Упакоша и ему пообещала встретиться, только прийти велела во вторую стражу. Поспешила она дальше, но тут остановил ее начальник городской стражи. И ему, возмечтавшему о ее ласках, она пообещала то же самое, только назначила ему третью стражу ночи. Сумев по воле судьбы освободиться от всех троих, взволнованная, она вернулась домой и, позвав служанок, сказала им: «Если муж уходит на чужбину, то достойной женщине лучше умереть, чем поднимать глаза на тех, кто покусается на ее красоту!» В думах обо мне промучилась она всю ночь без сна, без пищи. Наутро послала она за деньгами к купцу Хираньягупте, чтобы приготовить брахманам угощение. Но тот денег не дал, сам к ней пожаловал и, оставшись наедине с ней, предложил: «Ты отдайся мне, тогда я дам тебе деньги, оставленные мужем». Услышала такие слова Упакоша от купца и опечалилась, так как не было у нее свидетеля, что муж отдал деньги Хираньягупте на хранение. Вида, однако, не подала, а велела купцу прийти к ней в ту же ночь, что и прочим, только в четвертую стражу. Обрадовался купец этому и ушел. Послала Упакоша служанок купить масла, камфары, других благовоний и смолы, а затем смешала все это. Велела она также приготовить четыре куска ткани, чтобы растирать при омовении тело, и большой сундук с наружным запором.

Когда же пришел праздник весны, то вечером к ней пожаловал разряженный наставник царевича. Ему, тайком пробравшемуся, Упакоша сказала: «Пока не вымоешься, я к тебе даже не притронусь. Пойди и омойся». Тот, простак, согласился и сопровождаемый ее служанками вошел в темный чулан. Забрали они все его наряды и одежду и стали мазать его тело сажей да смолой. Ничего не ведая об этом, он оказался вымазанным с ног до головы. А пока он таким образом омывался, наступила вторая стража ночи и к Упакоше явился царский жрец. «Ох! — закричали девушки. — Это царский жрец, друг Вараручи пришел!» — и в тот же миг наставника царевича спровадили в сундук и крепко-накрепко заперли снаружи.

Точно так же они и со жрецом поступили, забрав у него все одежды и измазав его сажей и смолой. В третью стражу изволил пожаловать сам начальник городских стражников. Тогда девушки, словно бы страшно испуганные, и жреца в сундук спро-

вадили и снаружи заперли. Начальнику стражи такое же омовение устроили, перемазав его всего, и точно так же, когда в последнюю стражу ночи постучался купец, они, изобразив страшный испуг, упрятали доблестного воина в тот же сундук. Все трое в одном и том же сундуке, будто в мрачнейшем аду, возились, пытались как-то приладиться и от страха друг перед другом рта не могли раскрыть.

Упакоша же зажгла светильник и, когда вошел наконец купец Хираньягупта, сказала: «Давай деньги, что муж тебе на хранение отдал!» Плут-купец, видя, что в доме никого нет, говорит ей тогда: «Ведь сказал же я, что отдам деньги, которые муж твой мне на сохранение отдал!» Упакоша же, обращаясь к сундуку, сказала: «Слышите ли вы, о боги, слова Хираньягупты?» После этого задула она светильник и под предлогом омовения девушки и купца сажей и смолой вымазали. Тем временем ночь уже была на исходе, и они промолвили: «Вот и ночь уже прошла», а затем вытолкали его из дома, хотя уходить он не хотел. Прикрытый какими-то лохмотьями, весь в смоле и саже, искушенный собаками, сгорающий от стыда и позора, кое-как добрался он к себе домой. Воистину, зло порождает зло!

Упакоша же в сопровождении служанок тайком отправилась во дворец царя Нанды и, обратившись к нему, сказала:

«Купец Хираньягупта хочет утаить деньги, оставленные ему на хранение моим мужем». Захотелось царю узнать все точно, и послал он за купцом, а тот, когда его привели, сказал: «Нет у меня, повелитель, ничего!» Упакоша же возразила на это: «Есть у меня, царь, свидетели. Держит мой супруг в сундуке запертыми божеств — хранителей дома. Перед ними купец сам признал, что у него деньги. Прикажи принести сундук и спросим их!» Улыбнулся царь, выслушав ее речь, и послал за сундуком. Тотчас тот сундук был доставлен царскими слугами. И тогда Упакоша сказала: «Отвечайте по правде — говорил ли купец, что деньги моего мужа у него дома? Скажете — домой отправлю, нет — прямо здесь крышку открою и всему собранию вас покажу!» Такое услышав, перетрусили запертые в сундуке и заговорили: «Правда, правда, свидетели мы: купец перед нами признался, что присвоил деньги!» Ничего не возразил купец и сознался во всем.

Сгорая от нетерпения узнать, что же такое в сундуке, царь попросил Упакошу открыть его. Отперла она сундук прямо в собрании, и трое, скрывавшиеся в нем, подобные силам тьмы, вылезли наружу. С трудом признали их царь и министры и со

смехом пожелали узнать, как они там оказались. Тогда добродетельная Упакоша рассказала, как все случилось, и все, кто был в собрании, похвалили ее поведение: «Немыслимо трудно живется порядочным женщинам, твердым в добродетели!» Царь же, узнав про случившееся, лишил этих трех охотников до чужих жен их имущества и изгнал из страны. «Будь мне сестрой», — сказал он Упакоше и, наградив ее большими деньгами, отпустил. Возрадовались Варша и Упаварша ее твердости в соблюдении супружеского долга, и все горожане разделили их радость, узнав об этой истории.

Между тем я умилиствовал Великого бога, исполнителя желаний, достойного супруга Парвати, труднейшими подвигами, и просветил он меня знанием грамматики Панини, а я по его желанию дополнил ее⁹³. После этого я, утолив жажду знаний по милости Бога, увенчанного серпом луны, пошел домой и в дороге не знал я никакой усталости. Так пришел я в свой дом и, поклонившись матери и наставникам, узнал от них занимательную историю, случившуюся с Упакошей.

Не было предела моей радости, и ничто на земле не казалось более удивительным: от этого моя прежняя любовь к жене выросла во много раз.

Захотелось вслед за тем наставнику Варше услышать из моих уст новую грамматику, но повелитель Кумара сам его в ней просветил. Потом спросили Вьяди и Индрадатта у своего учителя, сколько нужно заплатить ему, и наставник Варша ответил: «Следует дать мне десять миллионов золотых!» Согласились они и сказали мне: «Нужно пойти, друг, к царю Нанде и у него попросить денег. Иначе откуда нам столько золотых взять! У царя Нанды есть сейчас девять сотен и девяносто миллионов золотых. Он ведь сделал Упакошу своей названной сестрой, а ты, значит, приходишься ему шурином. Поэтому ты можешь к нему обратиться за такой помощью». Порешив так, мы втроем пошли к Нанде, пребывавшему тогда в Айодхье⁹⁴. Когда же достигли мы Айодхьи, сказали нам, что царь Нанда умер. Горе наше было безмерно, а в стране началась смута.

Тогда Индрадатта обратился к нам со словами: «Знаю я ухищрения магии и вселюсь в тело умершего царя. Ты, Вараручи, придешь ко мне, как проситель, и я дам тебе золото. Ты же, Вьяди, постереги мое тело, пока я в него не вернусь». Так решив, вселился Индрадатта в тело Нанды, и, когда ожил царь, вся страна возрадовалась. Вьяди остался сторожить тело Индрадатты в заброшенном храме, а я пошел к царю.

Вошел я во дворец, приветствовал царя, как положено, и в награду нашему учителю попросил я у лже-Нанды десять миллионов золотых. Тогда позвал он Шакаталу, министра истинного Нанды, и приказал: «Уплати этому человеку десять миллионов золотых!»

Увидев чудом ожившего царя и тотчас явившегося к нему просителя, догадался министр, что дело неладно. Воистину, чего только не поймет умный человек! Сказал он: «Велю дать, божественный!», а сам подумал: «Сын Нанды еще мальчик, у страны врагов много. Пока придется побережь этого мнимого царя». Приняв такое решение, он тотчас же приказал по всему царству сжечь всех покойников. Побежали соглядатаи по всей стране, стали выискивать трупы и сжигать их. Заглянули они и в тот храм, где Вьяди сторожил тело Индрадатты, и, вырвав у него тело друга, сожгли.

Хитрый же Шакатала, когда царь стал торопить его с выдачей денег, так ему отвечал: «Все слуги твои заняты приготовлением к празднику. Пусть брахман немного подождет — выдам я ему деньги!» А в это время вошел к царю с рыданиями Вьяди: «Недостойное дело свершилось, царь. Ты воскрес, а слуги твои сожгли тело живого брахмана, предававшегося созерцанию». Узнав это, задумался мнимый Нанда: «Что же теперь со мной будет?», а многомудрый Шакатала, поняв, что тело сожжено и мнимому Нанде некуда деться, вышел со словами: «Отдам я деньги брахману». Тогда мнимый Нанда обратился к Вьяди с такими горькими словами: «Я, брахман, стал теперь шудрой⁹⁵. Что за радость мне в царских утехах?» Вьяди же, утешая царя подходящими к случаю словами, повел такую речь: «Стала твоя тайна известна Шакатале. Об этом теперь надо думать. Ведь он может погубить тебя и возвести на трон Чандрагупту, сына прежнего Нанды⁹⁶. Поэтому ты сделай так — поставь Вараручи главным министром, а он благодаря своему острому и обширному разуму сумеет укрепить твое царствование». После этого ушел Вьяди отдавать учителю положенные деньги, принесенные Шакаталой, а мнимый Нанда назначил меня министром.

Тогда я ему посоветовал: «О царь, погибло твое брахманское достоинство и не будет в твоём царстве покоя, пока Шакатала правит делами. Нужно найти способ погубить его». И вот, по моему совету, царь велел бросить Шакаталу в глубокий колодец по обвинению, что тот сжег живого брахмана, и вместе с ним туда же велел заключить сто его сыновей. Каждый день спу-

скали им в колодец плоску с поджаренной мукой и плоску с водой. Тогда сказал Шакатала сыновьям: «Дети, этого и на одного не хватит, а нас здесь много. Поэтому пусть пища достанется только тому, в ком есть силы свергнуть мнимого Нанду». «Только ты, отец, можешь это свершить», — ответили сыновья, — пусть тебе и достается пища». Воистину, для решительных людей отмщение врагу дороже жизни! На том и порешили. Стал Шакатала один съедать всю муку и выпивать всю воду. Уж так повелось, что, кто хочет одолеть врага, ожесточается душой.

«Если человек хочет себе блага, не следует ему ничего предпринимать, не поняв души своего повелителя и не завоевав его доверия», — рассуждал Шакатала в колодце, видя мучения сыновей, друг за другом умирающих от голода. Все сто сыновей умерли на его глазах, и остался Шакатала один, окруженный их трупами.

Пока все это происходило в колодце, мнимый Нанда укрепился на троне, а Вьяди, отдавший наставнику положенное, возвратился в Айодхью. Возвратившись, обратился он к царю со словами: «Да будет твое царствование долгим и счастливым. Что мог, то я тебе посоветовал, а теперь ухожу я свершать аскетические подвиги». От горя перехватило у царя горло, и возразил он Вьяди: «Останься в моем царстве, наслаждайся мирским счастьем. Не покидай меня!» На это ответил ему друг: «О царь, это тело может погибнуть в одно мгновение. Того, кто умен, не обманут призрачные радости богини счастья!» И отправился Вьяди заниматься подвижничеством.

После этого, о Канабхути, мнимый Нанда, чтобы насладиться царской властью, вернулся со мной и со всем войском из Айодхьи в свою столицу Паталипутру. Там продолжал я вершить свои обязанности министра. Упакоша окружала меня заботами, и вместе со мной жили, не зная невзгод, и моя мать, и мои наставники. Река, стремящаяся с небес⁹⁷, была довольна моими делами в Паталипутре и каждый день приносила мне золото, а вселившаяся в мою душу Сарасвати не оставляла меня своими советами».

Вот четвертая волна книги «Вступление к рассказу» в «Океане сказаний» великого поэта Сомадевы.

ВОЛНА ПЯТАЯ

Окончив этот рассказ, Вараручи перешел к истории о том, как мнимый Нанда со временем стал жертвой любви, гнева и всех прочих страстей:

«Подобно обезумевшему слону, не разбирал Нанда, куда мчится, зачем и почему. Кому не вскружит голову неожиданно-негаданно доставшееся счастье! И тогда я подумал: «Царь нынче делами государства не занимается, и мне, вынужденному нести все заботы, приходится худо. Почему бы мне не взять в помощники Шакаталу? Если и попытается он сделать что-либо против царя, что может ему удался, пока я здесь?»

Потому, испросив у царя разрешения, вызволил я Шакаталу из темного и глубокого колодца. А Шакатала так размыслил: «Не одолеть мне мнимого Нанду, пока Вараручи здесь, и поэтому, в ожидании подходящего времени, следует вести себя подобно тростнику, который при любой буре гнется, но не ломается».

С моего согласия Шакатала стал вершить дела царя, снова став министром. Однажды мнимый Нанда выехал из города на берег Ганга и видит: посреди потока высовывается из воды рука с пятью пальцами, крепко сжатыми вместе. «Что бы это значило?» — тотчас спросил царь. Посмотрел я на реку и увидел только два пальца, а затем рука исчезла. Еще больше удивился царь и снова меня спросил. Тогда я ему ответил: «Если пятеро действуют согласно, чего только в этом мире они не могут достичь? А если двое действуют заодно, то и для них на земле все доступно!»

Обрадовался царь тому, что разъяснил я скрытый смысл знамения, а Шакатала помрачнел, убедившись в проницательности моего ума, и понял, что превзойти меня трудно.

Однажды случилось мнимому Нанде увидеть, как его жена, выснувшись из окна, засмотрелась на брахмана-странника. И только поэтому разъяренный царь приказал того брахмана казнить. Гнев с рассудком не в ладу!

Когда же повели брахмана казнить и проводили его через базар, то какая-то мертвая рыба расхохоталась. Доложили об этом царю, и велел он остановить казнь и спросил меня, почему рыба смеялась. Попросил я у него времени, чтобы подумать, а когда уединился, то вселившаяся в меня Сарасвати так мне посоветовала: «Ночью проберись к дереву тала⁹⁸ и сядь там так,

чтобы тебя не заметили. Ты тогда узнаешь, почему рыба смеялась». Так я и сделал, ночью укрылся под деревом тала и увидел, как прилетела туда страшная ракшаси⁹⁹ со своими детьми. Они просили есть, и она так им на это сказала: «Погодите, утром дам я вам отведать мяса брахмана. Пока еще его не убили». — «А почему его еще не убили?» — полюбопытствовали дети. — «Да при его виде даже мертвая рыба засмеялась». — «А почему она смеялась?» — снова спросили дети. И тогда ракшаси ответила: «Да все жены царя его обманывают. У него в гареме живут несколько мужчин, наряженных женщинами. Потому и смеялась рыба, что они ускользают, а на казнь повели невинного». Услышал я это и бросился бежать, а рано поутру поведал царю, из-за чего рыба смеялась. И действительно, выловили в гареме нескольких мужчин, наряженных женщинами. Еще больше царь стал меня уважать. Брахмана же он простил и избавил от казни.

Очень удручали меня такие поступки царя. Но как-то пришел к нему юный художник. Написал он портрет лже-Нанды и его супруги, и настолько хороша была картина, что казались они живыми, только что не обладали даром речи. Царь был весьма доволен и щедро одарил художника, картину же повесил на стену в своем покое. Случилось мне однажды войти в спальняный покой, и посмотрел я на царицу, изображенную на картине и наделенную всеми признаками красавицы. Но заметил я, что среди прочих признаков не хватает у нее на талии родинки, подобной зернышку кунжута. Взял я и дорисовал эту родинку, и образ царицы заблестал тогда совершенством всех признаков. После того как я это сделал, вошел в спальняный покой сам мнимый Нанда и взгляды его были привлечены этой родинкой.

«Кто это нарисовал?» — закричал он на стражей, а те ему ответили, что сделал это Вараручи, то есть я. Задумался царь: «Никто, кроме меня, той родинки, находящейся на сокровенном месте, не знает. Как же мог Вараручи про нее узнать? Вот, видно, кто тайный нарушитель покоя моего гарема. Вот почему он мог узнать тайну мужчин, переодетых женщинами». От таких мыслей воспылал мнимый Нанда гневом. Воистину, что глупцу ни скажут, все ему истиной кажется. Позвал он немедленно Шакаталу и объявил ему: «Ты должен убить Вараручи. Он соблазнил царицу!»

«Как повелишь, владыка», — отвечал ему Шакатала и вышел вон. Задумался Шакатала: «Нет у меня силы убить Вараручи. Необычайной силой ума обладает он. К тому же, кто

меня извлек из колодца? Да он еще и брахман! ¹⁰⁰. Лучше я его скрою, а царю скажу, будто я его убил». Так порешив, пришел ко мне Шакатала, рассказал о беспричинном гневе царя и сказал: «Я велю казнить кого-нибудь другого, а ты живи тайно в моем доме; я уж постараюсь уберечь тебя от гнева царя». Как он сказал, так и сделал: я стал жить в его доме, а он под покровом ночи казнил кого-то другого, разгласив вест, что казнил меня.

После того как Шакатала все это устроил, молвил я ему однажды: «Ты поистине несравненный министр, потому что не решился меня убить. Да я и не могу быть убитым, ибо есть у меня друг — могучий ракшаса. Стоит мне только в мыслях позвать его, как он тотчас же является и, коли я пожелаю, готов сокрушить весь мир. Но царь — мой друг Индрадатта, к тому же он брахман, поэтому я не собираюсь его убивать».

Тогда Шакатала сказал, что хотел бы повидать этого ракшасу. Позвал я его мысленно, и тотчас ракшаса явился перед Шакаталой. Изумился министр и ужаснулся при виде ракшасы, а когда тот исчез, спросил меня: «Как зародилась твоя дружба с ракшасой?»

Вот какую историю я ему рассказал: «Случилось однажды так, что каждую ночь стали бесследно исчезать один за другим городские стражи. Узнал об этом мнимый Нанда, позвал меня и назначил город охранять. Обходя ночью улицы города, увидел я, как бродит по городу ракшаса. Он обратился ко мне: «Скажи, кто в городе самая красивая женщина?» Я же рассмеялся и сказал ему: «Эх, глупец, кому какая нравится, та и кажется самой красивой!» А он мне на это ответил: «Ты единственный, кто правильно ответил мне на этот вопрос». Поэтому-то он меня не убил и так сказал: «Обрадовал ты меня. Теперь ты мне друг. Как только подумаешь обо мне, так я тут же явлюсь». Так сказал он и исчез, а я пошел своей дорогой. С той поры у меня с этим ракшасой дружба».

Когда рассказал я все это, очень упрашивал меня Шакатала снова показать ему силу моего, и вызвал я перед ним усиленным мысли воплощение Богини Ганга ¹⁰¹. Поклонился я ей, и она, обрадованная этим, исчезла. Шакатала же стал после этого еще больше мне предан. Заметил он как-то раз, что томлюсь я от вынужденного заточения, и обратился ко мне с такими словами: «Зачем терзаешься ты, обладатель могучего знания? Разве не ведомо тебе, что разум царей непостоянен? Скоро придет и к тебе избавление. Послушай-ка одну историю.

Рассказ о Шивавармане

Жил в стародавние времена царь Адитьяварман, а главным министром у него был многоумный Шиваварман. Случилось так, что жена этого властителя понесла и, узнав об этом, царь спросил стражей, охранявших женский покой: «Вот уже два года минуло, как я в женский покой не входил. Отвечайте, как это случилось, что царица забеременела?» И они ему на это ответили: «Никакому мужчине сюда проникнуть невозможно. Но вот твой министр Шиваварман постоянно сюда наведывается». Услыхав такую весть, подумал царь: «Вот кто, оказывается, мой недруг! Но если я его убью, меня же осудят!» Поразмыслив, посылает он тогда министра к своему вассалу¹⁰² и другу Бхогаварману. А вслед Шиваварману послал царь письмо с тайным гонцом и в том письме велел Бхогаварману убить министра. Не прошло и семи дней после отъезда министра, как вдруг забеременевшая царица бежала, однако стражи схватили ее, а вместе с ней мужчину, наряженного в женские одежды. Узнав об этом, Адитьяварман в раскаянии воскликнул: «Зачем без всякой вины велел я убить такого хорошего министра?!»

Тем временем прибыл министр в царство Бхогавармана, а гонец с письмом еще не поспел. Когда же оно пришло, то призвал Бхогаварман к себе министра и с глазу на глаз прочел ему то место, где говорилось о казни. Тогда лучший из министров Шиваварман обратился к нему с такой речью: «Ты, как велено, убей меня. Если не сделаешь, как приказано, то я сам себя убью!» Удивившись, Бхогаварман спросил министра: «Что это значит, брахман? Скажи мне, не то прокляну я тебя!» Ответил ему на это Шиваварман. «Той стране, где меня убьют, целых двенадцать лет бог не даст дождей».

Узнав об этом, стал Бхогаварман совещаться со своими министрами: «Каков злодей этот царь! Он хочет погубить нашу страну. Будто у него самого не нашлось тайного палача совершить казнь! Нужно его министра стеречь, чтобы рук на себя не паложил. Ни в коем случае его убивать нельзя!» Посовещавшись, отрядили стражей и под охраной тотчас же выпроводили Шивавармана из их страны. Вот как благодаря своему разуму остался министр в живых и доказал свою невиновность.

Так и твое очищение от вины свершится, и царь раскается, а ты, Катьяяна, пока оставайся в моем доме!»

Так по совету Шакаталы остался я под его кровом, ожидая удобного случая и считая томительные дни.

Тем временем, о Канабхути, сын мнимого Нанды, которого звали Хираньягупта, поехал однажды на охоту. Занес его конь в дремучий лес. И вот уже ему, заблудившемуся, приходится искать место для ночлега, ибо кончился день. И чтобы провести ночь, забрался он на дерево. Через некоторое время на то же дерево влез, спасаясь от льва, медведь. Увидев, что царевич дрожит от страха, сказал ему медведь: «Не бойся меня, я тебе друг!» Успокоенный такими словами, заснул Хираньягупта, а медведь бодрствовал и охранял его. Лев, бродивший под деревом, так ему говорил: «Ты, медведь, сбрось человека с дерева, я и уйду». С гневом возразил ему медведь: «Нет, злодей, не предам я друга!» Спустя некоторое время медведь заснул, а царевич проснулся, и тогда лев обратился к нему: «О юноша, сбрось ты мне медведя с дерева!» Царевич же, в страхе за свою жизнь и ради того, чтобы умиловить льва, стал медведя сталкивать. Но тот по воле случая проснулся и проклинал царевича: «Предавший друга, стань безумным!» Вот такая история произошла с царевичем Хираньягуптой. Вернулся он рано утром домой совсем утратившим разум, а мнимый Нанда, видя его в таком несчастье, в отчаянии сказал: «О, если бы Вараручи был жив! Если б знал я, что так случится, все бы я ему простил. Горе мне!» Шакатала же подумал при этих горестных словах: «Вот случай привести Вараручи! Он гордый человек и не останется здесь, а царь будет мне доверять». Так рассудив, рассказал он без страха царю, что жив Вараручи и находится в пределах его царства. Мнимый Нанда тотчас ему сказал: «Сию минуту его привести!»

И вот как можно быстрее Шакатала привел меня пред царские очи, и увидел я утратившего разум сына царя. Сразу же сказал я: «Он предал друга», и по милости Сарасвати рассказал я мнимому Нанде о том, что произошло накануне в лесу. Тотчас спало проклятие с царского сына и горячо он возблагодарил меня. «Как ты узнал об этом?» — спросил меня царь. И я ответил ему: «О царь, по признакам, по отражению, по размышлению все рассудительно ясно. Все это узнал я так же, как и про ту родинку». Стыдно стало царю от моих слов. Желая очищения от вины больше, чем угощений и даров, поспешил я домой. Добродетель — вот богатство наделенных разумом!

Когда же пришел я домой, то все родичи, собравшись, стали оглашать округу рыданиями, а тесть мой Упаварша в беспредельном горе подошел ко мне и сказал: «Проведав о том, что ты казнен по повелению царя, Упакоша предала свое тело огню.

Достойная же твоя мать умерла, ибо разорвалось ее сердце от горя». Выслушал я все это и от тяжести обрушившегося на меня нового горя, словно дерево, вырванное бурей, упал без памяти на землю. Придя же в себя, стал болтать несуразное, подобно безумцу. Кто, утратив возлюбленную, не сгорит в беспощадном пламени горя! Наставник мой Варша увещевал меня: «Что ты так сокрушаешься? Ты же знаешь, что в этом непостоянном мире постоянно только непостоянство!» Так, утешаемый им, пришел я в себя, но, удрученный душой, разорвал я все мирские узы, пошел искать дремучий и безлюдный лес, чтобы предаться покаянию.

Проходил день за днем; однажды в мою обитель пришел некий брахман, и я попросил его рассказать, что делается в царстве мнимого Нанды. Вот что он мне поведал: «Слушай, когда покинул ты страну, представился Шакатале долгожданный случай. Размышляя о том, как убить мнимого Нанду, увидел он однажды брахмана Чанакью¹⁰³, копавшего землю. «Зачем ты роешь землю?» — спросил он брахмана, а тот ему ответил: «Вырываю я траву дарбху¹⁰⁴, ибо поранила она мои ноги». Тогда родилось у Шакаталы злое намерение использовать этого брахмана для убийства мнимого Нанды.

Спросил он его имя и так обратился к нему: «Поручаю тебе, брахман, совершить тринадцатидневную шраддху¹⁰⁵ во дворце царя Нанды. Будет тебе щедрая награда — сто тысяч золотых, а за трапезой сядешь ты выше всех. Пока же будь моим гостем». Привел Шакатала Чанакью к себе домой, а в день жертвы отвел его во дворец, и было ему поручено ее свершение. После того как жертвоприношение завершилось, началась трапеза, и Чанакья хотел сесть выше всех. Но того же пожелал другой брахман, которого звали Субандху. Доложил Шакатала царю, из-за чего поднялась ссора, и Нанда решил: «Пусть Субандху сидит выше всех, ибо никого нет достойнее его». Тогда со страхом подошел Шакатала к Чанакье, передал ему желание царя и добавил: «Нет в этом моей вины!»

Чанакья воспылал гневом и, распустив прядь волос на своей голове, дал клятву: «Непременно через семь дней я убью Нанду! Только после этого я снова завяжу прядь!»

Услышав эти слова, мнимый Нанда разъярился и прогнал его, Шакатала же скрыл Чанакью у себя в доме. Дал он ему все необходимое, и начал Чанакья, где-то укрывшись, магическое средство готовить, чтобы извести Нанду. На седьмой день довело это средство мнимого Нанду до смерти от мучительной

лихорадки, а Шакатала велел убить Хираньягупту и поставил на царство Чандрагупту, сына настоящего Нанды.

После этого упросил он Чанакью, равного умом Брихаспати¹⁰⁶, стать при Чандрагупте министром, а сам, удрученный гибелью всех своих сыновей, но отомстивший за них, удалился в дремучий лес».

И когда, о Канабхути, выслушал я из уст того брахмана, что случилось, впал я в великое горе, потому что увидел непостоянство всего сущего. И от этого-то горя пришел я сюда, чтобы поклониться богине, живущей в здешних горах¹⁰⁷, и по ее милости встретил я здесь тебя и вспомнил все, что было со мной в прежнем рождении.

Когда же вернулось ко мне божественное знание, рассказал я тебе «Великий сказ» и теперь, освободившись от проклятия, попытаюсь избавиться от смертного тела. Ты же, Канабхути, оставайся здесь, пока не придет к тебе со своими учениками брахман Гунадхья, забывший три языка¹⁰⁸.

Он, так же как и я, лучший из ганов¹⁰⁹, был проклят разгневанной богиней и обречен подобно мне на жизнь среди смертных. Подлинное имя его — Мальяван. Ты должен пересказать ему «Великий сказ», некогда поведенный Шивой, и тогда и ты и он освободитесь от проклятия».

Так Вараручи закончил свой рассказ и пошел в священную обитель Бадарику¹¹⁰, чтобы освободиться от бременного тела. По дороге туда увидел он на берегу Ганга брахмана, поедающего корни травы куша¹¹¹, и заметил, как тот порезал руку ее листом. Тогда силой мысли своей обратил он потекшую кровь в сок растения с целью испытать, не заносчив ли этот брахман. Увидев это превращение, воскликнул аскет в непомерной гордости: «Сиддхом¹¹² я стал!»

Тогда Вараручи, рассмеявшись, сказал ему: «Это я, чтобы испытать тебя, обратил твою кровь в сок куши. Пока еще ты не освободился от заносчивости, аскет! А она — трудное препятствие на пути к истинному знанию, без которого и сотни обетов не принесут спасения. Не найти тем, у кого истощилась добродетель, пути на небо. Освобождения не достичь тому, кто просто его желает. Потому прежде всего попытайся избавиться от заносчивости!» Покорно согласился мудрец и поблагодарил Вараручи, а тот устремился дальше, в обитель Бадарику, и наконец достиг ее мирных пределов. Там он, желая освободиться от облика смертного, глубокой преданностью снискал покровительство богини.

И она, явившись ему, сказала, что добиться этого он сможет, испепелив свое смертное тело огнем упорного размышления. Послушался он ее и сделал так, как она велела. Тогда снова стал он ганом. Канабхути же все ожидал желанной встречи с Гунадхьей.

Вот пятая волна книги «Вступление к рассказу» в «Океане сказаний» великого поэта Сомадевы.

ВОЛНА ШЕСТАЯ

А тем временем Мальяван в облике смертного под именем Гунадхьи скитался по лесу. Он служил царю Сатавахане¹¹³. Отринув, согласно обету, знание санскрита и двух других языков, удрученный душой, пошел он поклониться богине, живущей в лесах Виндхья. По ее соизволению встретился Мальяван с Канабхути, и тотчас же вспомнил он обо всем, что с ним прежде случилось. И тогда, чтобы не пользоваться ни одним из остальных языков, обратился он к Канабхути на языке пайшачи¹¹⁴, назвал себя и так ему сказал: «Расскажи мне услышанное от Пушпаданты божественное сказание, и тогда кончится срок действия проклятия, которое тяготеет над тобой и надо мной».

Поклонившись, отвечал ему на это обрадованный Канабхути: «Я расскажу тебе, почтенный, это сказание. Но прежде интересно мне узнать о том, что было с тобой от рождения и до этого часа!» И тогда Гунадхья начал рассказывать:

«Есть в Пратиштхане¹¹⁵ город, известный под именем Супратиштхита. Жил там некий Сомашарман, украшение брахманской касты. Было у него, друг, двое сыновей, Ватса и Гулма, и дочь Шрутартха. Со временем Сомашарман и его жена умерли и обратились в прах, а о сестре стали заботиться братья. Заметили однажды Ватса и Гулма, что их сестра понесла под сердцем, и, поскольку не было там никакого третьего мужчины, стали они подозревать друг друга.

Шрутартха же, догадавшись о взаимных подозрениях братьев, призналась им: «Не подозревайте друг друга, послушайте, что я вам скажу.

Есть у брата царя нагов Васуки¹¹⁶ сын, и зовут его Киртисена. Однажды увидел он меня, когда я ходила купаться. Поразил его Мадана¹¹⁷ страстью ко мне, и Киртисена, назвав свое имя и племя, сделал меня тогда женой по обряду гандхарвов¹¹⁸. Мой муж — брахман, и от него я беременна». Послушали сестру братья и засомневались: «Какая-то тайна здесь скрыта!» Когда спустилась ночь, призвала она царевича-нага, а он явился и обратился к Ватсе и Гулме с такими словами: «Да, это я сделал своей женой эту лучшую из небесных дев, над которой тяготеет проклятие, по которому она родилась на земле в облике вашей сестры. И вы оба обрели облик смертных из-за того же проклятия. Когда же родит она сына, то несомненно с нее и с вас проклятие спадет».

Так сказав, юноша исчез. Через некоторое время у Шрутартхи родился сын. Я и есть ее сын! Когда же появился я на свет, то раздался с неба божественный голос, возвестивший, что родившийся брахман — воплощение одного из ганов¹¹⁹ и имя его — Гунадхья.

Освободившись от проклятия, мать моя и оба дяди через некоторое время избавились от земной жизни, и остался я сиротой. Предаваясь горю, пошел я в южные края учиться, поскольку зависел сам от себя. Шло время, прославился я совершенным знанием всех наук и, пожелав проявить свои способности, вернулся на родину.

Дошел я после долгого пути до Супратиштхиты. Вступил я с учениками в ее пределы и увидел, как она прекрасна. В одном месте поют гимны Самаведы¹²⁰ в точном соответствии с правилами. В другом брахманы ведут ученый спор о толковании вед. Там — всякому, кто искушен в азартных играх, достается неслетное богатство, а там — сидят, беседуя друг с другом, купцы, обсуждают свое ремесло и достаток. Один из них так, например, говорит:

Рассказ купца Мушаки

«Что удивляться тому, кто, себе во всем отказывая, скапливает богатства! Я вот сокровища свои добыл, ничего вначале не имея. Когда еще был я в утробе матери, скончался мой отец, а жадные родичи расхитили все, что он оставил. Тогда моя мать, от родичей и себя и меня спасая, поселилась в доме друга отца Кумарадатты. Родился я, единственная надежда матери, верной памяти мужа. Она добывала мне пропитание, не гнушаясь ни-

каким тяжелым трудом. Когда же подрос я, она кого-то попросила подучить меня, и одолел я и счет и грамоту. Когда же я научился этому, она мне так сказала: «Ты — сын купца! Поэтому, сынок, тебе нужно начать торговать. Живет здесь богатый купец Вишакхила. Говорят, дает он беднякам из порядочных семей товар для торговли. Ступай, попроси его, чтобы и тебе дал».

Пошел я к нему и попал в то время, когда Вишакхила сердито выговаривал какому-то купеческому сыну: «Видишь, лежит на полу дохлая крыса. Если купец настоящий, то он и на ней деньги наживет. Я же тебе, ни на что не годному, сколько золотых дал?! А ты не то что прибыль получить, даже сберечь их не смог!» Слыша все это, обратился я к Вишакхиле: «Разреши мне взять эту крысу для того, чтобы торговлю начать!» Взял я дохлую крысу, расписался у купца и пошел своей дорогой. Вишакхила же долго смеялся надо мной. Продал я ту крысу другому купцу на прокорм его кошки за две пригоршни гороха. Изжарил я тот горох, взял горшок воды, пошел за город, сел в тени дерева у перекрестка и почтительно стал предлагать гороха пожевать да холодной воды испить уставшим дровосекам, шедшим с вязанками дров. Каждый из них мне с благодарностью отдавал одно-два поленца из овоей ноши. Те дрова я отнес на базар, продал и на часть вырученных денег еще гороху купил. На следующий день точно так же дровосеки мне целую ношу дров отдали в уплату за горох да за воду. Каждый день так я торговал и, подсобрав денег, скупил я за три дня у дровосеков все дрова.

Случилось так, что из-за проливных дождей нельзя было дров из леса доставить. Тогда продал я свои дрова за большие деньги. На те деньги поставил я лавку, упрочился мой достаток, и благодаря торговле шаг за шагом стал я и богат и удачлив. Велел я сделать крысу из золота и отдал купцу Вишакхиле свой долг, а он отдал мне в жены свою дочь. Вот почему зовут меня люди Мушака¹²¹. Так-то вот я, хоть и вовсе ничего не имел, а стал богат».

Слушавшие эту историю купцы очень тому дивились. Да и кто не удивится, увидев, что художник картину рисует без холста или без стены!

В другом месте стоял брахман, знаток Самаведы, которому откуда-то досталось восемь машей¹²² золота. Сводник какой-то ему говорил: «Раз ты брахман, так не надо тебе заботиться о дневном пропитании¹²³. Ты бы пошел да за эти восемь машей

поучился бы мирской хитрости». Глупец отвечал ему на это: «Да кто меня научит?» А сводник ему так сказал: «Есть здесь гетера, которую зовут Чатурика. Ты приходи к ней домой!» «Да что я там делать буду?» — говорит глупец, а сводник ему отвечает: «Дай ей золота и постарайся добиться ее благосклонности благородным поведением»¹²⁴. Выслушав это, устремляется знаток Самаведы в дом к Чатурике. Вошел он к ней и был встречен как полагается. Просит он ее: «Поучи ты меня мирской хитрости!» — и с такими словами отдает ей брахман золото. Люди, бывшие у гетеры, засмеялись. Удивился брахман: «Чего это им смешно?» — и развел руками, словно корова ушами. Затем запел он, средоточие глупости, гимны Самаведы противным голосом. Собрались вокруг него тогда все сводники, желавшие потешиться, и, глядя на то, что он выделяет, говорят друг другу: «Откуда этот шакал сюда явился? Надо бы наградить его «полумесцем» по шее¹²⁵ да побыстрей спровадить!» А глупец, подумав, что «полумесец» это стрела с серповидным наконечником, в страхе, как бы ему не отсекли голову, и с криком: «Научился я мирской хитрости» — стремглав убежал оттуда. Кинулся он к своднику, который послал его в дом гетеры, и рассказал все, что случилось. Тот же ему на это ответил: «Сказал же я тебе — вежи себя благородно. Ну где же предел глупости дурней, читающих веды! Разве там место веды декламировать?» Посмеявшись над ним, пошел сводник к гетере и сказал ей: «Отдай ты этому двуногому скоту его золотую травку!» Улыбнулась она и вернула золото, а брахман отправился к себе домой, словно вновь родился.

Такие сцены на каждом шагу видел я на городских улицах и наконец добрался до царского дворца, подобного жилищу великого Индры. Вошел я в него, окруженный учениками, и увидел царя Сатавахану. Он восседал на троне, подобный Васаве¹²⁶, окруженный министрами во главе с Шарваварманом. Когда я благословил их и меня пригласили сесть, царь оказал мне особый почет, ибо все министры, начиная с Шарвавармана, так обо мне ему говорили: «Это, божественный, прославленный по всей земле, одаренный знанием всех наук ученый брахман Гунадхья. По заслугам он носит это имя, ибо воистину он средоточие добродетелей!»¹²⁷.

Выслушав хвалу, возданную мне министрами, царь и мне пожаловал сан министра. И с тех пор стал я жить у него, заботясь о государственных делах, обучая учеников и достигнув семейного счастья.

Пошел однажды я на берег реки Годавари¹²⁸ и увидел сад, который назывался «Творение богини». И был он прекрасен, словно божественный сад Нандана¹²⁹, перенесенный на землю. Спросил я садовника, как возник этот сад. И он мне сказал: «Старые люди говорят, почтенный, что когда-то в стародавние времена пришел сюда брахман, давший обеты молчания и поста. Он-то и заложил этот божественный сад вместе с храмом. Собрались тогда здесь брахманы, и в ответ на их расспросы рассказал он им свою историю. Вот она: «Есть на берегу Нармады¹³⁰ земля, имя которой Бхарукачча. Там я и родился. Никто мне, нищему и ленивому, милостыни не подавал. В горе покинул я дом и, преисполненный отвращения к жизни, скитался по священным местам, пока не пришел поклониться богине, живущей в горах Виндхья. Почтив ее, я подумал: «Люди радуют ее, животных приносят ей в жертву. Я же принесу в жертву самого себя, ибо дурень подобен скоту!» Так порешив, был я готов схватить нож и отсечь себе голову. Но в этот миг раздался голос самой богини, обрадованной моей преданностью: «Сын мой, не убивай себя! Живи здесь, при мне!» Так обретя жизнь благодаря дару богини, достиг я блаженства, и с тех пор ни жажда, ни голод меня не мучили.

Однажды повелела мне богиня: «Ступай, сын мой, в Пра-тиштхану и разведи там красивый сад». После этого дала она мне божественное семя, и, придя по ее воле, заложил я этот сад. Храните его!» Сказав так, он исчез. Вот так по воле богини и возник наш сад, господин!»

Выслушав от садовника историю о саде и подивившись ей, пошел я домой».

Когда Гунадхья рассказал об этом, Канабхути задал ему еще вопрос: «А почему царя зовут Сатаваханой?»

Сказал ему на это Гунадхья: «Слушай, расскажу тебе и про это.

Рассказ о Сатавахане

Славился когда-то мужеством царь Дипакарни, и была у него супруга, которую звали Шактимати. Дороже жизни ценил царь Шактимати. Однажды, когда спала она в саду, укусила ее змея, и умерла Шактимати. Бесконечно любивший ее царь, хотя остался бездетным, принял на себя обет безбрачия. Как-то раз ему, удрученному отсутствием наследника, явился во сне бог, увенчанный полумесяцем, и так сказал: «Ты встретишь в лесу

младенца, оседлавшего льва. Возьми его в свой дом, и будет он твоим наследником». Пробудившись, запомнил царь, что ему приснилось, и возрадовался. Пришлось однажды поехать ему на охоту в глухую чащу, и увидел он среди бела дня на берегу пруда, заросшего лотосом, мальчика, подобного солнцу, восседавшего на льве. Тотчас припомнилось царю виденное во сне и поразил он льва, пившего воду, стрелой. Едва коснулось ее острие шкуры льва, как обратился лев в человека, и, когда царь в изумлении спросил его: «Что значит это?» — тот рассказал: «Владыка земли, я якша, друг Куберы, подателя богатств, и зовут меня Сата. Довелось мне однажды увидеть купавшуюся дочь риши¹³¹, и, словно бы сам Манматха¹³² был нашим посредником, сочетался я с ней браком по обряду гандхарвов, и стала она мне женой. Но узнав об этом, ее родичи разгневались и проклинали нас обоих: «Быть вам, грешникам, львами и скитаться, не зная пристанища». Ей святые отшельники положили быть в облике львицы до той поры, пока не родится у нее сын, а мне — пока не коснется меня стрела. Так-то обратились мы в пару львов.

Со временем она понесла и, родив сына, умерла. Я же возвратил сына молоком других львиц. Сегодня от удара твоей стрелы, царь, спало с меня проклятие. Ты возьми моего добродетельного сына. Отдаю его тебе, ибо и это было предсказано мудрецами, наложившими проклятие».

Так сказал и исчез якша Сата, а царь, взяв мальчика, вернулся к себе. И поскольку тот ездил на Сате, царь назвал его Сатаваханой¹³³. Со временем царь Дипакарни поставил его на царство, а сам ушел в лес предаться покаянию. Сатавахана же стал править всем подлунным миром».

Так по просьбе Канабхути рассказал Гунадхья, почему царю было дано такое имя, Сатавахана, а затем снова обратился к своему рассказу.

«Наступил праздник весны; царь Сатавахана поехал в сад, возвращенный в Пратиштхане по воле богини, и долго там оставался, подобный великому Индре, гуляющему в дивном саду Нандана.

Развлекался царь в саду со своими царицами, и купались они вместе в пруду. Он ударами ладони брызгал на них воду, и они брызгали на него, словно слонихи на слона. Сатавахана наслаждался, глядя на их лица с глазами, подкрашенными цветочной пылью, на их тела, облепленные намокшими одеждами. Будто ветер, играющий с лианами в лесу, резвился царь с ними.

Ветер, врываясь в лес, срывает с лиан листья и цветы, покрывающие их, точно наряды. Так и царь смывал с цариц брызгами, сыпавшимися, подобно ливню, их тилаки¹³⁴, похожие на листья, и срывал с них одежды, подобные цветам. Вот одна из цариц, стан которой был похож на нежный цветок шириши¹³⁵ и отягощен полными грудями, утомилась от забав. Отбиваясь от брызгавшего на нее водой Сатаваханы, она сказала ему: «Оставь, не брызгай на меня водой». Услышав это от нее, царь тотчас велел принести побольше сластей, зовущихся модаками¹³⁶. Засмеялась царица и попрекнула его: «Что ты, царь! Да что мне делать в воде со сластями. Ведь я тебе сказала — не брызгай водой! А ты и не понял, что здесь соединены два слова: «ма» и «удакайе». Как это ты, глупец, не знаешь этого правила?!» Так говорила ему царица, знающая грамматику, и все вокруг смеялись над ним, и одолел царя великий стыд. Бросил он развлекаться и удалился, обиженный и побледневший от досады, в свой дворец. Одолели его недобрые думы, отказался он от пищи и от воды, ни на какие вопросы не отвечал — прямо не живой, а будто бы нарисованный. И думал он: «То ли в учености мне спасения искать, то ли в смерти?» Так он терзался, не зная ни сна, ни отдыха. Видя царя в таком отчаянии, все его приближенные спрашивали друг друга: «Что это с ним?» — и сами пришли в смятение. Наконец, узнали о состоянии царя я и Шарваварман. Подумали мы, что, должно быть, он нездоров. Позвали мы оба слугу царя Раджахансу и спросили его о здоровье повелителя. Вот что он нам ответил: «Никогда прежде не приходилось мне видеть царя в такой печали. Царицы говорят, что это дочь царя Вишнушакти, чванящаяся своей ученостью, виновата в его огорчении».

Услышав от Раджахансы такое предположение, пребывали мы оба в сомнении. «Если бы телесная боль одолела царя, то нужно было бы позвать врачей. Если же что другое, то трудно найти причину. Нет у его царства недругов, все враги уничтожены. Народ любит царя, ничто его державе не угрожает. С чего бы властителю так кручиниться?» — так мы рассуждали. Но тут молвил слово мудрый Шарваварман: «Знаю я, мучается царь от неведения. «Глуп я», — так говорит он и жаждет вкусить учености. Дошло до меня также, что одна из цариц сего дня жестоко над ним посмеялась».

В этих раздумьях скоротали мы ночь, а на заре пошли в покои владыки земли. Несмотря на приказ никого не пускать, вошел к нему я, а за мной и Шарваварман.

Приблизился я к царю и почтительно спросил: «Божественный, что же ты беспричинно терзаешься?» Слышал Сатавахана мои слова, но по-прежнему сидел ко всему безучастный. Тогда обратился к нему Шарваварман и повел такую речь: «Послушал бы ты меня, царь! Ведь прежде ты со мной разговаривал. Этой ночью было мне видение: видел я, что с неба упал лотос; некий божественный юноша его раскрыл, вышла из этого лотоса дева, одетая в белое, и она, царь, тотчас вошла в твои уста. Проснулся я внезапно, и подумалось мне: «Нет сомнений, это Сарасвати проникла в уста божественного». После того как Шарваварман рассказал о вещем сне, Сатавахана прервал молчание и спросил меня озабоченно: «Скажи, сколько нужно времени усердному ученику, чтобы достичь учености? Не будет мне счастья, если не одолею я науки. Вся эта царская пышность пристала глупцу так же, как драгоценное украшение бревну!» Тогда заговорил я: «Обычно, царь, нужно двенадцать лет, чтобы познать все науки и их царицу — грамматику. Но я берусь обучить тебя всего за шесть лет». С гневом возразил Шарваварман на эти слова: «Как можно так долго обременять людей, предназначенных для счастья?! Я берусь обучить тебя, царь, всего за шесть месяцев!»

Услыша такое бахвальство, я рассердился: «Если ты царя за шесть месяцев обучишь, то я навсегда забуду санскрит, пракрит и местный язык, которыми пользуются здешние люди». А Шарваварман возразил мне: «Непременно я это сделаю, а коли нет — двенадцать лет буду покрывать голову твоими сандалиями!» — и ушел. Пошел и я к себе домой. А царь, убедившись из нашего спора, что его желание осуществимо, успокоился.

Вскоре понял Шарваварман, какое трудное дело он затеял, и, впад в сомнения, рассказал обо всем жене. Огорчилась она и говорит ему: «Не вижу я здесь никакого другого пути, супруг мой, кроме как поклониться владыке Кумаре¹³⁷ и просить у него помощи».

На исходе ночи Шарваварман, ни поев, ни попив, отправился в храм Кумары. Узнал я от согладатая, куда пошел Шарваварман, и сообщил об этом царю, а тот сказал: «Посмотрим, что из этого будет!»

Тут обратился к Сатавахане один раджпут¹³⁸ по имени Синхагупта: «Божественный, очень был я удручен, видя немочь, одолевшую тебя. Решил я тогда отсечь себе голову в жертву богине Чандике¹³⁹, чей храм стоит за городом. Пошел я туда, и

как раз в это время раздался голос с неба: «Не делай этого! Непременно желание царя исполнится!» Думаю я поэтому, что будет тебе, царь, успех в твоём деле!»

Поговорив с царем, отрядил Синхагупта за Шарваварманом двух соглядатаев. А тот тем временем, одним воздухом питаюсь, молчаливый и преисполненный решимости, дошел до храма Кумары. Там Картикея¹⁴⁰ возрадовался жестокому подвижничеству Шарвавармана, готового даже телом своим пожертвовать, и наградил его желанным даром.

Посланные же Синхагуптой соглядатаи все это видели и, раньше его вернувшись, рассказали царю об удаче, которая выпала на долю Шарвавармана. При этой вести стало царю радостно, а мне горько, так же как при виде тучи птица чатака веселится, а гусей одолевает печаль¹⁴¹. А Шарваварман, щедро одаренный Кумарой, вернулся и стал обучать царя всем наукам, и сам Сатавахана прилежно их изучал. Чего не свершится по милости бога!

Вся страна возрадовалась, прослышав об успехах царя, повсюду начался праздник, и по этому случаю над домами развевались весело флаги. Царь почтил Шарвавармана, как полагается почтить учителя, осыпал его жемчугами, достойными царей, и поставил его правителем над землей Бхарукачча, раскинувшейся по красивым берегам Нармады. Также сделал он царем и Синхагупту, сообщившего ему с помощью соглядатаев об успехе подвижничества Шарвавармана. Что же касается дочери Вишнушакти, которая была причиной всех событий, то поставил он ее выше всех своих царич и стала она для него любимой женой».

Вот шестая волна книги «Вступление к рассказу» в «Океане сказаний» великого поэта Сомадэвы.

ВОЛНА СЕДЬМАЯ

Успешно выполнил Шарваварман свое обещание, а я был обречен на молчание¹⁴². Пришел я как-то к царю, а там какой-то брахман читал стих, им сочиненный. Царь сам перевел этот стих на чистый санскрит, и, выслушав, как он произнес его, все присутствовавшие высказали большую радость. Тогда царь

с почтением попросил Шарвавармана рассказать, как Картикея помог ему исполнить обещание. И с соизволения царя Шарваварман поведал о случившемся:

«Ушел я отсюда, наложив печать на уста свои и постясь, и, когда уже немного осталось мне пройти, от трудного подвига ослабев, свалился я на землю без памяти. И почудилось мне, что будто некий муж, держащий в руке копье, подошел ко мне и сказал: «Встань, сын мой, во всем ты преуспеешь!» И от этих слов я, словно орошенный амритой¹⁴³, встал, и покинули меня жажда и голод, и вернулась бодрость ко мне.

Тогда, исполненный преданности и благодарности, дошел я до храма, омылся и вступил с трепетом под его своды. Тут явился предо мной повелитель Сканда¹⁴⁴, и по его воле вошла в мои уста сама Сарасвати. Затем бог с шестью лицами¹⁴⁵, подобными лотосам, изрек шестью ртами сутру¹⁴⁶. Услышав ее, я по свойственному людям легкомыслию сам придумал и произнес другую сутру. Тогда бог сказал мне: «Если бы ты не произнес ее, это учение сделало бы излишней грамматику Панини¹⁴⁷. Теперь же по причине своей краткости оно будет называться «Катантра»¹⁴⁸ или же «Калапака» в честь хвоста павлина, на котором я езжу»¹⁴⁹. Открыв мне в награду новую науку о слове, вот что еще сказал мне бог: «Был твой царь в прежнем рождении¹⁵⁰ мудрецом Кришной, учеником аскета Бхарадваджи¹⁵¹, и прославился он жестокими подвигами во славу веры. Но из-за того, что однажды увидел он дочь аскета и, пораженный стрелами бога любви, воспылал к ней страстью, прокляли его отшельники. Поэтому родился он теперь на земле, и она, тоже обреченная на земное существование, стала его первой женой. Он-то и есть царь Сатавахана.

Когда теперь он встретится с тобой, то, согласно твоему желанию, одолеет все науки. Ибо усилия счастливых людей венчаются успехом благодаря высоким достоинствам, свойственным им в прежних рождениях». После этих слов бог исчез, а я вышел из храма и жрецы поднесли мне риса. Пошел я, царь, обратно, но вот чудо какое: каждый день ел я рис, однако оставалось его всегда столько же, сколько мне дали». Умолк Шарваварман, а Сатавахана, радостный, пошел совершать омовение.

Из-за взятого на себя обета молчания оказался я в стороне от государственных дел. И хотя не хотел отпускать меня царь, упросил я его знаками — ведь говорить-то я не мог — освободить меня от его милостей.

Сопровождаемый двумя учениками, я покинул город и, ре-

пившись на жизнь, полную религиозных подвигов, пошел поклониться Виндхийской богине¹⁵². Явилась она мне во сне и велела идти в этот страшный Виндхийский лес, чтобы увидеть тебя. Спрашивая о дороге встретившихся мне по пути людей, пришел я сюда и увидел великое множество пишачей¹⁵³. Прислушиваясь к их болтовне между собой, усвоил я их речь и по этой причине избавился от немоты, так как их язык не санскрит, не пракрит и не местное наречие. Узнал я из их разговоров, что отправился ты в Удджайини, и стал тебя ждать. А как увидел тебя, приветствовал на пайшачи и вспомнил сразу былое свое рождение. Вот и вся моя история».

Умолк Гунадхья, и тогда говорит ему Канабхути: «Слушай же, как узнал я о твоём приходе сюда:

Есть у меня друг, ракшаса¹⁵⁴ Бхутиварман, обладающий даром провидения. Пошел я в Удджайини в лес повидаться с ним и спросил его, когда кончится лежащее на мне проклятие. А он так мне ответил: «Нет у нас, ракшас, днем никакой силы. Вот подожди до ночи, и я тебе скажу». Прошел день, и, когда настала ночь, я его спросил: «Почему духи радуются наступлению тьмы?» — «Слушай, — отвечал мне Бхутиварман, — расскажу я тебе о том, что сказал Шанкара¹⁵⁵ Брахме. Нет у них силы днем, потому что изнуряют их солнечные лучи, оттого радуются якши¹⁵⁶, ракшасы и пишачи, когда наступает ночь. Не приближаются они к тем местам, где живут добродетельные, которые не едят мяса. Никогда не могут одолеть они чистых, мужественных и разумных». И сказал Бхутиварман в заключение: «Ступай к себе, пришел Гунадхья, который избавит тебя от проклятия».

Поспешил я сюда и увидел тебя. Расскажу я теперь тебе повесть, которую поведал мне Пушпаданта. Но сначала утоли мое любопытство, объясни, по какой причине прозвали его Пушпадантой, а тебя Мальяваном?»

Так ответил ему на это Гунадхья:

Рассказ о Пушпаданте

«Есть на Ганге деревня Бахусуварнака, и там, рассказывают, жил когда-то брахман Говиндадатта, а его жену, верную супружескому долгу, звали Агнидаттой. Она со временем родила ему пятерых сыновей. Выросли они красивыми, но глупыми и заносчивыми.

Случилось однажды, что пришел в гости к Говиндадатте другой брахман по имени Вайшванара, который и вправду казался воплощением Бога огня¹⁵⁷. Говиндадатта ушел куда-то из дому, и гость, войдя в дом, поприветствовал его сыновей. Но они только засмеялись в ответ на приветствие. Тогда, разгневавшись, брахман решил покинуть дом. В это время возвратился Говиндадатта и спросил, что случилось. На это, разгневанный яростью, брахман сказал ему: «Глупы твои сыновья, да и ты, наверное, не лучше. Поэтому никакого угощения я у тебя не приму, не то придется мне совершать обряд очищения». Стал уверять его Говиндадатта, что ничего у него нет общего с такими дурными сыновьями и не будет. И жена вслед за ним, желая гостю угодить, то же самое сказала. Только тогда после долгих колебаний согласился Вайшванара вкусить предложенной ему пищи.

Видя, что дело оборачивается плохо, один из сыновей по имени Девадатта стал раскаиваться. Поняв, что отвергнут он отцом и матерью, преисполнился он отвращением к жизни и отправился совершить покаяние в обитель Бадарику¹⁵⁸. Там он жил, сначала питаясь листьями, а потом одним дымом, и возрадовал своим долгим и суровым покаянием супруга Умы¹⁵⁹. Явился к нему Шамбху и оказал ему милость, воскликнув: «Познаешь ты все науки, насладишься земным счастьем и исполнятся твои желания!»

Пошел тогда алчущий знаний Девадатта в город Паталипутру и стал жить и учиться у наставника Ведакумбхи. Однако жена Ведакумбхи воспылала к нему страстью и пыталась заставить юношу сойтись с ней. Какая только блажь не придет в голову женщине!

Из-за этого покинул Девадатта Паталипутру и ушел в город Пратиштхану, где стал учиться у дряхлого наставника по имени Мантрасвамин, имевшего такую же дряхлую жену. У него и овладел он всей полнотой знаний.

Случилось однажды Девадатте, изучившему все науки, увидеть дочь царя Сушармана по имени Шри, и поистине она, словно богиня Шри, была земным воплощением красоты и счастья¹⁶⁰.

Увидел он ее, когда она стояла у окна, и показалась она ему богиней луны, летящей по воздуху на волшебной повозке. Страстные взгляды так привязали их друг к другу, что никак не могли они разойтись. Тогда дочь царя поманила его пальцем, словно было это движение велением Бога любви. Когда же он

приблизился, она бросила ему цветок, зубами надкушенный. Юноша не понял знака царской дочери и озадаченный и недоумевающий пошел к наставнику.

Пришел он домой, палимый пламенем страсти и молчаливый от смущения. Понял мудрый наставник, что томится он любовью, и хитростью выведал у него, что случилось. Затем принципиальный мудрец объяснил ему умысел царевны. «Бросив цветок, надкушенный зубами, подала она тебе знак прийти в храм Пушпаданта ¹⁶¹, усыпанный цветами, и ждать ее. Следует тебе сходить туда».

Понял тогда юноша смысл поданного знака, поспешил к храму и стал там дожидаться встречи. Пришла туда царская дочь, словно затем, чтобы богу поклониться, и вошла в храм. А юноша, нетерпеливо поджидавший за дверью, сразу же ее обнял. Тогда так говорит ему царская дочь: «Как это ты понял мой знак?»

«Да это не я,— отвечает ей юноша.— Это мой наставник понял». Разгневалась она: «Поди прочь от меня, глупец!» — и, опасаясь, как бы кто-нибудь не заметил ее, покинула храм. Девадатта же, оставшись один, стал мучиться мыслями о только что обретенной и вновь утраченной возлюбленной, и до того терзал его огонь горькой разлуки, что он чуть было не лишился жизни.

Однако Шамбху, которого он умилил своим подвижничеством, видя его мучения, послал к Девадатте своего слугу — гана ¹⁶² Панчашикху помочь ему достигнуть желаемого. А тот, лучший из ганов, утешив Девадату, одел его в женские одежды и сам нарядился старым брахманом. Потом пошли они к повелителю земли Сушарману, отцу красавицы, и так сказал ему превосходнейший среди ганов: «Куда-то, царь, пропал мой сын. Пойду я его поискать, а тебя прошу взять сноху мою под защиту».

Слыша такие слова и боясь разгневать брахмана, взял Сушарман эту мнимую девицу и поместил ее в покои своей дочери. Ушел Панчашикха, а Девадатта, наряженный женщиной, остался со своей возлюбленной и сделался ее самой близкой подругой.

Однажды ночью он открылся ей, и царская дочь тайно сочелась с ним браком по обычаю гандхарвов. Когда же она понесла в чреве своем, Девадатта призвал гана Панчашикху, и тот незаметно вывел его из дворца. Скинул после этого юноша женские одежды, а поутру Панчашикха, приняв как раньше

облик дряхлого брахмана, пришел вместе с Девадаттой к Сушарману и обратился к нему с просьбой: «Нашел я, царь, своего сына. Верни мою сноху».

А царь, которому еще ночью стало известно, что куда-то она исчезла, в страхе перед брахманским проклятием призвал министров и сказал им: «Это не брахман, а, наверное, бог, явившийся испытать меня. Так ведь часто случается, много об этом рассказывают:

Рассказ о царе Шиби

Жил, например, некогда царь Шиби. Был он и щедрым, и мужественным, и самоотверженным и покровительствовал всем живым существам. Однажды, чтобы испытать его, принял Индра облик сокола, а Дхарма¹⁶³ обратился в голубя. В страхе перед соколом кинулся голубь на колени к Шиби, и тогда сокол загворил, обращаясь к царю:

«Должен я, царь, его съесть. Отпусти его, ибо голоден я и могу умереть. Разве останешься ты добродетельным, если отвергнешь мою просьбу?» Возразил ему на это Шиби: «Он прилетел ко мне, ища спасения, и не могу я поэтому отдать тебе голубя. Тебе же я дам другого мяса». Тогда сказал ему сокол: «Раз так, то дай ты мне мяса от своего тела». «Пусть будет так»,— согласился обрадованный царь, но сколько кусков мяса он ни отсекал от себя, голубь все равно весил больше. Тогда Шиби сам стал на весы, и только он это сделал, как с небес раздалось: «Превосходно!» Индра и Дхарма тотчас же сбросили с себя обличья сокола и голубя и сделали так, что тело Шиби оказалось невредимым, как и прежде. Наградили они его исполнением всех желаний и затем исчезли.

Так вот и сейчас, наверное, какое-нибудь разгневанное божество, приняв облик брахмана, явилось меня испытать».

Так сказал своим министрам трепещущий от страха царь и обратился затем к лучшему из ганов, принявшему облик брахмана: «Смилуйся, повелитель, как ни хорошо берегли мы твою сноху, да вот как раз этой ночью она исчезла». Тогда брахман, словно почувствовав сострадание к царю, как бы сделал над собой усилие и проговорил: «Если так случилось, царь, то отдай моему сыну в жены свою дочь!»

Полный страха, как бы брахман его не проклял, отдал Сушарман свою дочь в жены Девадатте, и ушел тогда Панчашикха.

А Девадатта, женившись на своей возлюбленной, стал жить, наслаждаясь сокровищами своего свекра, ибо не было у Сушармана, кроме этой дочери, никакого потомства. Прошло какое-то время, и Сушарман, возведя на царство внука своего, сына Девадатты, Махидхару, исполнив свой жизненный долг, удалился в лес. А затем и Девадатта с женой ушли в лесную обитель, убедившись в том, что их сын утвердился на царстве. И подвижничество их было таково, что умилился Шамбху и, прекратив их земное существование, присоединил к сонму ганов. Поскольку не мог понять Девадатта, что значил цветок, прикушенный зубами его возлюбленной, то стал он известен среди ганов под именем Пушпаданты, жена же его сделалась главной хранительницей дверей у богини Парвати и стали звать ее Джая.

Вот откуда имя Пушпаданта. Теперь же слушай о том, как мне досталось мое прозвище.

У того самого Говиндадатты, который приходился Девадатте отцом, был другой сын, и звали его Сомадаттой. Это и был я. По той же причине, что и Девадатта, ушел я из дома в Гималайские горы. Там усердным покаянием и приношениями цветов умилился я Шанкару и попросил у него, увенчанного лунным серпом, взять меня в число своих слуг, ибо избавился я от жажды земных радостей. Довольный мною, так сказал мне Шива: «Раз ты почтил меня гирляндами цветов, которые сам собрал в дремучем лесу, то пусть среди моих ганов будет тебе имя Мальяван»¹⁶⁴. Так супруг Парвати изъявил мне свою волю, и, расставшись с обличем смертного, достиг я блаженного состояния ганы.

Но из-за проклятия Дочери гор¹⁶⁵ я, Мальяван, снова был обречен на земное существование, и вот сегодня, о Канабхути, ты видишь меня здесь. Так расскажи же теперь мне сочиненное Харой¹⁶⁶ сказание, и тогда мы оба будем избавлены от проклятия».

Вот седьмая волна книги «Вступление к рассказу» в «Океане сказаний» великого поэта Сомадэвы.

ВОЛНА ВОСЬМАЯ

По просьбе Гунадхьи Канабхути пересказал ему божественное сказание, состоящее из семи частей, на языке пайшачи. И тогда Гунадхья на том же языке пайшачи стал записывать это сказание. Семь лет писал он и написал семьсот тысяч шлок¹⁶⁷, а чтоб не похитили это сказание видьядхары, записал он его своей кровью, ибо в лесу не было чернил. Сиддхи, видьядхары и другие существа собрались его послушать и заполнили собою все воздушное пространство, словно прикрыли его балдахином.

Когда же увидел Канабхути, что сказание полностью записано Гунадхьей, то спало с него проклятие и вернулся он на небо, снова став видьядхаром; даже пишачи, толпившиеся вокруг Канабхути, попали на небо, так как прослушали они целиком божественное сказание.

И подумал великий поэт Гунадхья: «Ведь, проклиная, сказала мне Парвати: «Пусть по всему земному кругу станет известно это сказание». Как же свершить мне это дело? Кому передать его?»

Тогда следовавшие за ним два ученика — Гунадева и Нандидева — сказали своему наставнику: «Единственно кому следует передать сказание, это царю Сатавахане. Он — великий знаток в таких вещах и сумеет распространить сказание по земле, подобно тому, как ветер разносит аромат цветов». — «Так тому и быть!» — сказал Гунадхья и послал своих верных учеников, отдав им все написанное, к царю Сатавахане, а сам, пойдя вслед за ними, в город не вошел, но стал их поджидать в созданном по велению богини саду.

Ученики же, явившись к Сатавахане, показали царю великую поэму и сказали: «Это — творение Гунадхьи!» Но царь, высокомерный и заносчивый от своих знаний, услышав язык пайшачи и видя, что ученики Гунадхьи похожи на пишачей, презрительно сказал:

«Бессмысленна речь пишачей, хотя бы в семистах тысячах шлок, написанных кровью. Прочь с этим рассказом на пайшачи!» Как пришли Гунадева и Нандидева, так и ушли, унося написанное, и про все, что случилось, рассказали Гунадхье.

Выслушав их, преисполнился печали Гунадхья. Да и чье сердце не огорчится от незаслуженного поношения со стороны мудрого ценителя! Вместе с учениками взвошел поэт на бли-

жайший холм и, выбрав полянку, развел на ней костер. Заливаясь слезами, смотрели ученики, как Гунадхья лист за листом, читая их лишь птицам и зверям лесным, кидал рассказ в огонь. Умолили его ученики сохранить только сто тысяч шлок, содержащих сказание о жизни Нараваханадатты.

Так сидел Гунадхья, читал и жег свое творение, и слушали его со слезами на глазах все животные — газели, кабаны, буйволицы и прочие, которые собрались вокруг него и стояли не шелохнувшись, забывая щипать траву.

Тем временем царь занемог, и врачи решили, что причина болезни — сухое мясо. За это стали бранить поваров, а те отвечали: «Мы-то в чем виноваты? Какое мясо охотники приносят, такое мы и готовим!» Спросили охотников, а те говорят: «Есть здесь неподалеку холм, а на нем брахман какой-то читает стихи и бросает лист за листом в огонь. Собрались туда все звери, сидят, слушают, ничего не едят. Вот потому-то, верно, их мясо стало сухим».

Услыхав про такое, одолеваемый любопытством, царь повелел охотникам провести его к Гунадхье. Увидел он поэта, окутанного отросшими за время лесного житья волосами, словно были это дымные струи огня проклятия, наложенного на него богиней Парвати.

Заметив, что Гунадхья окружен плачущими зверями, царь, поклонившись ему, спросил, что случилось. И тогда Гунадхья рассказал царю все, что с ним произошло, начиная с проклятия Пушпаданты, и, мудрый, поведал ему, как узнал он сказание на языке пищачей.

Поняв, что Гунадхья не кто иной, как воплощение ганы, поклонился ему в ноги царь и попросил пересказать ему все божественное сказание, родившееся из уст Хары. Ответил ему на это поэт: «О царь, сжег я уже шесть рассказов, и было в каждом из них по сто тысяч строф. Уцелел только один, и в нем тоже сто тысяч строф, возьми его. Мои ученики растолкуют его тебе».

Так сказал он и, попросившись с царем, освободился, сосредоточив свой разум в молитве, от человеческого тела и возвратился в небесные просторы, ибо спало с него проклятие.

Сатавахана же, взяв эту повесть, известную под именем «Великого сказа» и содержащую историю жизни и походов Нараваханадатты, вернулся в свою столицу. Гунадеву и Нандидеву, учеников поэта, сочинившего «Великий сказ», наградил он землей, деньгами, одеждой, паланкинами и домами. Уяснив с

их помощью сказание, Сатавахана составил «Вступление к рассказу», чтобы рассказать, как возникло оно на языке пайшачи. И постепенно «Великий сказ», исполненный разнообразной прелести, своей увлекательностью заставляющий забывать древние сказания о богах, стал известен в столице, а потом пределом его известности стали три мира ¹⁶⁸, на которые делится вселенная.

Вот восьмая волна книги «Вступление к рассказу» в «Океане сказаний» великого поэта Сомадевы.

Первая книга по названию «Вступление к рассказу» окончена.

КНИГА ВТОРАЯ НАЧАЛО РАССКАЗА

Как некогда напиток бессмертия возник из океана, взволнованного раскачиванием Мандары, так этот рассказ возник из уст Хары, взволнованного страстью к дочери благородного Гириндры. Те, кто без промедлений вкусят его сладости, избавятся от препятствий, добьются успеха и еще на земле по милости Бхавы достигнут сана богов.

ВОЛНА ПЕРВАЯ

Да хранят вас капли пота Вибху¹, выступившие на его теле в объятиях Гаури²; ими, словно водным щитом, хотел защититься Кама, страшась пламени глаза Вибху³.

Слушай удивительный рассказ о видьядхарах, который сам Шива поведал на горе Кайласе лучшему из ганов — Пушпаданте; Пушпаданта, родившись на земле в облике Вараручи, рассказал его Канабхути; от Канабхути его услышал Гунадхья, а от Гунадхьи — Сатавахана.

Есть страна, известная под именем Ватса⁴. Видно, создал ее Творец⁵, чтобы был на земле соперник небу, способный умерить его гордыню. Посреди этой страны есть большой город под названием Каушамби⁶ — место усад Лакшми⁷, цветок лотоса на земле. В Каушамби царствовал Шатаника, потомок рода пандавов, сын Джанамеджайи, внук царя Парикшита и правнук Абхиманью⁸. Прапрадедом Шатаники был Арджуна, силу рук которого испытали на себе могучие руки Шивы⁹, а в супруги себе избрал Шатаника землю и царицу Вишнумати; земля дарила царю драгоценные камни, Вишнумати же не сумела подарить ему сына.

Однажды, когда царь, увлеченный охотой, бродил по лесу, он повстречался с аскетом Шандильей. Шандиля, лучший среди аскетов, узнал, что царь жаждет сына, и явился в Каушамби. Там он приготовил жертвенное кушанье, освятил его чтением мантр¹⁰ и дал съесть царице. Вскоре у царя родился сын, которого называли Сахасраникой, и он придал новый блеск славе своего отца, подобно тому как воспитанность придает блеск добродетели. Спустя некоторое время Шатаника сделал своего сына наследником, а сам предался утехам гарема и мало думал о делах царства.

Когда началась битва с асурами¹¹, Шакра¹², нуждаясь в помощи царя Шатаники, послал к нему вестника Матали¹³. Шатаника поручил заботы о сыне и царстве главному министру Югандхаре и первому полководцу Супратике, а сам отправился вместе с Матали к Шакре, чтобы сразиться с асурами и истребить их. На глазах Васавы¹⁴ он убил Ямаданштру и многих других асур, но в той же битве встретил и свою смерть. Его тело принес обратно Матали, царица вслед за мужем взошла на погребальный костер¹⁵, а царский сан достался в удел его сыну Сахасра-

нике. И удивительно! Когда Сахасраника ступил на отцовский трон, головы всех царей на земле склонились, как бы придавленные тяжелым грузом.

Вскоре после этого Шакра устроил празднество по случаю победы над врагами и послал Матали пригласить на небо Сахасранику, сына своего друга. В саду Индры¹⁶ Сахасраника увидел, как веселятся боги вместе со своими прекрасными подругами, и почувствовал что-то похожее на печаль, оттого что сам не имел достойной жены. Тогда Васав, угадав его мысли, сказал ему: «Царь, довольно грустить! Желание твое исполнится. Ибо родилась на земле та, которая давно уже предназначена быть тебе достойной супругой. Выслушай об этом одну историю, которую я хочу рассказать тебе:

Рассказ о замужестве Мригавати

Как-то раз, желая повидать Прародителя¹⁷, явился я к его двору. Вслед за мной пришел некий васу¹⁸ по имени Видхума. Когда мы стояли подле Брахмана, подошла к нему и апсара¹⁹ по имени Аламбуша. От порыва ветра с нее слетело платье, и, увидев аспару нагой, этот васу оказался во власти любви, да и она не могла отвести от него глаз, плененная его красотой. Заметив это, Рожденный из лотоса²⁰ взглянул на меня, и я, угадав его желание, проклял их с гневом: «Да постигнет вас, потерявших стыд, рождение в мире смертных. Там будете вы оба мужем и женой!» Этот васу возродился в твоём облике, царь Сахасраника; он стал сыном Шатаники и украшением лунной династии²¹. А эта апсара родилась в Айодхье²², она — дочь царя Критавармана. Зовут ее Мригавати, и ей суждено быть твоей женой».

От этих слов, как от порыва ветра, вспыхнул внезапно огонь любви в пораженном страстью сердце царя.

Вслед за тем Шакра с почётом отпустил его, предоставив ему собственную колесницу, и Сахасраника в сопровождении Матали отправился в свою столицу.

Но только он тронулся в путь, апсара Тилоттама, почувствовав к нему любовь, окликнула его: «Царь, я хочу тебе кое-что сказать, подожди немного». Однако он, весь в мечтах о Мригавати, не услышал ее голоса и проехал мимо. Тогда пристыженная Тилоттама разгневалась и прокляла его: «Тебе, царь, на четырнадцать лет предстоит разлука с той, которая на-

столько завладела твоими мыслями, что ты не расслышал моих слов». Один Матали услышал это проклятие, а царь, стремясь поскорее к любимой, на колеснице поехал в Каушамби, хотя мыслями был в Айодхье.

Затем, весь во власти страстного нетерпения, он поведал Югандхаре и другим министрам все то, что рассказал ему Васава о Мригавати, и, не желая ни минуты медлить, направил в Айодхью посла, чтобы просить руки этой девушки у ее отца Критавармана.

Посол передал Критаварману просьбу царя Сахасраники, и тот, охваченный радостью, сообщил о ней царице Калавати. Калавати на это сказала ему: «Царь, нет сомнений, что нужно выдать Мригавати за царя Сахасранику. Я вспоминаю, что именно это говорил мне однажды во сне некий брахман». Тогда обрадованный царь показал послу Сахасраники мастерство Мригавати в танце, пении и иных искусствах, и тот убедился в ее несравненной красоте.

Так отдал Критаварман царю Сахасранике свою дочь, которая, казалось, вся была соткана из драгоценных камней, словно воплощенная луна. Брак Сахасраники и Мригавати был подобен соединению знания и разума: их достоинства обогащали друг друга.

Прошло немного времени, и у министров царя родились дети: у Югандхары родился сын Яугандхараяна, у Супратики — сын по имени Руманват, а у того, кто был товарищем царя в его развлечениях, родился сын Васантака. Спустя несколько дней и царица Мригавати, побледневшая и осунувшаяся, зачала ребенка от царя Сахасраники.

Как-то раз она, от которой супруг не отводил своих взоров, попросила его исполнить одну ее прихоть: дать ей искупаться в пруду, наполненном кровью. Царь, покорный ее желанию, но оставаясь верным добродетели, приказал вырыть пруд и растворить в воде красные краски так, чтобы казалось, будто он полон крови. Когда царица в нем искупалась и кожа ее окрасилась в красный цвет, внезапно прилетела птица из рода Гаруды²³ и, приняв царицу за кусок мяса, схватила ее. У Сахасраники в тот же миг помутился от ужаса рассудок, и его покинуло мужество, как будто оно пустилось вдогонку за царицей, которую неизвестно куда уносила птица. Его сердце настолько было привязано к любимой, что поистине и его похитила эта птица, и царь, лишившись чувств, упал на землю. Спустя мгновение, когда он снова пришел в себя, к нему подошел Матали, который

своим божественным разумом узнал о случившемся и спустился с небес. Чтобы утешить царя, он рассказал ему о проклятии Тилоттамы, которое он слышал, и о том, что оно не будет длиться вечно, а затем удалился.

«Увы, любимая! Исполнилось желание этой негодной Тилоттамы», — такими и иными словами изливал царь охватившее его горе. Но он уже знал, каково его проклятие, советники его ободряли, и царь, в надежде на грядущее свидание, старался поддержать в себе волю к жизни.

Между тем могучая птица, которая унесла Мригавати, скоро поняла, что царица живая, и бросила ее, по воле судьбы, на Восточной горе²⁴. Когда птица оставила ее и улетела, царица, полная горя и страха, увидела, что она лежит на склоне неприступной горы, и почувствовала себя совсем беззащитной. Одинокая, прикрытая лишь нижней рубашкой, она горько плакала, а тут еще из лесу появилась громадная змея и хотела ее проглотить. Но царице суждена была благая участь, и божественный муж, оставшийся невидимым, спас ее и убил эту змею. Тогда она сама, желая себе смерти, бросилась навстречу дикому слону, но и он, словно из сострадания, пощадил ее. Удивительно, что даже дикое животное не растоптало ее, когда она кинулась ему под ноги! Однако чего не случается по воле Ишвары²⁵!

И вот, стоя на краю пропасти, утомленная ношей, которая обременяла ее чрево, царица вспомнила о своем муже и зарыдала во весь голос. Ее рыдания услышал один молодой аскет, который пришел в лес, чтобы набрать плодов и корней. Он приблизился к царице, олицетворявшей собой саму скорбь, и расспросил обо всем, что с ней случилось. Утешив ее, как мог, с сердцем, полным жалости, он отвел Мригавати в обитель аскета Джамадагни²⁶.

Там, как воплощенное сострадание, встретил царицу Джамадагни, излучавший вокруг себя такое сияние, что казалось, над Восточной горой никогда не заходит солнце. Она бросилась к его ногам, а этот аскет, милостивый ко всем, кто нуждается в помощи, узрел своим всевидящим оком, что она опечалена разлукой, и сказал ей: «Здесь в обители, дочь моя, у тебя родится сын — опора рода своего отца. И с мужем твоим суждено тебе свидеться; не печалься!»

Так сказал аскет, и добродетельная Мригавати, у которой появилась надежда на встречу с мужем, осталась жить в этой обители.

Спустя некоторое время, подобно тому как общение с добродетельными порождает благородное поведение, так она, безупречная, родила достойное высших похвал сокровище — сына. «Родился великий царь по имени Удаяна. Он стяжает великую славу, и будет у него сын, который станет владыкой над всеми видьядхарами!» — вот какие слова прозвучали в этот момент в воздухе, и они наполнили сердце Мригавати давно уже забытой ею радостью.

Маленький Удаяна постепенно подрастал в обители отшельников, и вместе с ним, словно его сверстники, росли присущие ему от природы достоинства. Под надзором Джамадагни он выполнял все обязанности, надлежащие кшатрию²⁷, обучался различным наукам, а когда стал юношей, то и военному искусству. Его мать Мригавати, из любви к нему, сняла со своего запястья браслет, на котором было начертано имя Сахасраники, и надела ему на руку.

Однажды, когда Удаяна охотился за ланью, он, бродя по лесу, увидел змея, которого поймал дикий горец. Почувствовав жалость к красивому змею, Удаяна сказал этому горцу: «Прошу тебя, отпусти этого змея». На это горец ответил: «Господин, в нем все мое пропитание. Ведь я беден и живу только тем, что умею укрощать змей. Змей, который был у меня раньше, недавно умер, и я долго блуждал по лесу, прежде чем поймал вот этого, приручив его с помощью заклинаний и особых трав». Услышав слова горца, великодушный Удаяна отдал ему браслет, который он получил от матери, и тот освободил змея.

Взяв браслет, горец удалился, а обрадованный змей подполз к Удаяне и сказал ему: «Меня зовут Васунеми, я старший брат Васуки²⁸. За то, что ты меня спас, возьми эту лютню, чарующую звучанием своих струн и настроенную на деления в четверть тона. Возьми у меня также листья бетеля²⁹ и чудесную мазь, от которой венки никогда не вянут, а краска, нанесенная на лоб, не тускнеет». Отпущенный змеем с такими дарами, Удаяна пошел в обитель Джамадагни, и его возвращение, словно дождь амриты³⁰, осыпало его мать.

Между тем горец, который, скитаясь по лесу, получил по воле судьбы от Удаяны браслет с царским именем, пытался продать его на рынке. Он был схвачен царскими стражниками и отведен во дворец. «Откуда ты взял этот браслет?» — спросил его печальный царь Сахасраника. Тогда горец рассказал царю историю о том, как он получил браслет, после того как поймал на Восточной горе змея. Когда царь Сахасраника выслушал

рассказ горца и узнал браслет своей любимой, у него закружилась голова от надежд и сомнений.

Тут раздался божественный голос: «Кончился срок твоего проклятия, царь! Знай, что твоя жена Мригавати живет вместе с сыном на Восточной горе в обители Джамадагни». Эти слова так обрадовали царя, томимого зноем разлуки, как измученного жарой павлина радует ливень³¹.

Еле-еле дождался нетерпеливый царь, когда кончится этот день, показавшийся ему бесконечно долгим.

А на следующее утро, сделав горца своим проводником, царь Сахасраника вместе со всем войском отправился к обители отшельников на Восточной горе, чтобы поскорее отыскать возлюбленную свою жену.

Вот первая волна книги «Начало рассказа» в «Океане сказаний» великого поэта Сомадэвы.

ВОЛНА ВТОРАЯ

Долгий путь проделал царь в этот день и наконец разбил лагерь на берегу одного лесного озера. Там утомленный царь возлег на ложе, и пришел к нему рассказчик по имени Сангатака, чтобы развлечь его своим искусством. «Расскажи мне такой рассказ,— попросил его царь,— который утешил бы мое сердце, нетерпеливо ждущее того счастливого мига, когда я увижу подобное цветку лотоса лицо Мригавати». На это ответил ему Сангатака: «Царь, не терзайся понапрасну. Все ближе и ближе твое свидание с царицей, ведь пришел конец твоему проклятию. А встречи и разлуки — это общий удел людей. Об этом-то я и хочу рассказать тебе один рассказ. Слушай же владыка:

Рассказ о Шридатте и Мриганкавати

Жил некогда в стране Малава³² один дваждырожденный³³ по имени Яджнясома. И у этого достойного человека родились два сына, ставшие любимцами всего народа. Одного из них звали под именем Каланеми, другого звали Вигатабхая. Едва

у обоих братьев кончилось детство, как их отец умер, и тогда они отправились в город Паталипутру³⁴, чтобы получить образование. Там наставник Девашарман, завершив их обучение, отдал им в жены двух своих дочерей, как бы олицетворявших собой приобретенные ими знания.

Вскоре Каланеми, увидев, что другие домохозяева богаты, начал завидовать им. Тогда он принес жертвы и совершил обряд в честь богини Шри³⁵ и этим добился ее благосклонности.

Умилостивленная богиня Шри предстала перед его очами и сказала ему: «Ты станешь очень богат и получишь сына, которому суждено быть владыкой земли. Но в конце концов тебя казнят как разбойника, потому что с нечистыми помыслами совершил ты священное жертвоприношение». Так сказав, Лакшми исчезла, а Каланеми спустя немного времени сделался очень богатым, и, помимо того, в положенный срок у него родился сын. Отец, все желания которого исполнились, назвал ребенка Шридаттой³⁶, ибо знал, что сын у него появился по милости богини Шри.

Шли годы, Шридатта вырос, и хотя был он брахманом, однако всех на земле превзошел в искусстве стрельбы из лука и слыл непобедимым в рукопашном бою³⁷. Между тем Вигатабхая, брат Каланеми, в печали о жене, которую ужалила змея, ушел на чужбину, чтобы посетить там священные места для омовения. А Шридатту, прослышав о его доблести, царь Баллабхашакти избрал в товарищи своему сыну, царевичу Викрамашакти. С этим царевичем, спесивым и высокомерным, Шридатта жил в одном доме, подобно тому как Бхима жил в юности вместе с неистовым Дурьодханой³⁸. Два кшатрия из страны Аванти³⁹ — Бахушалин и Ваджрамукти — стали друзьями брахмана Шридатты. И другие юноши, уроженцы Декана и сыновья министров, которых он победил в рукопашных поединках, привлеченные его доблестью, искренне его почитали и вступили с ним в дружбу. Их имена были Махабала, Вьягхрабхата, Упендрабала, а также Ништхурака.

Однажды во время сезона дождей⁴⁰ Шридатта, будучи товарищем царевича, сопровождал его вместе со своими друзьями в увеселительной прогулке вдоль берега Ганга. На этой прогулке слуги избрали царевича своим повелителем, Шридатта же был провозглашен царем своими друзьями. Придя от этого в ярость, высокомерный царевич немедленно вызвал храброго брахмана на поединок. Однако он был побежден Шридаттой в рукопашной схватке и, униженный, затаил в душе желание убить того,

кто оказался сильнее, чем он. Когда Шридатта догадался об этом умысле царевича, он испугался и вместе со своими друзьями поспешил скрыться.

Проходя берегом Ганга, он заметил посреди реки женщину, которую уносило течение, словно была она богиней Шри, возлежащей на водах⁴¹. Тотчас же бросился он в реку, чтобы вытащить ее из волн, а шестеро его друзей во главе с Бахушалином остались на берегу. Шридатта схватил женщину за волосы, но она глубоко ушла под воду, и, следуя за ней, храбрец начал опускаться на дно. Погружаясь вниз, Шридатта спустя несколько мгновений увидел великолепный храм Шивы, а вода и женщина тем временем исчезли. Пораженный этим великим чудом, Шридатта пал ниц перед статуей Бога, на знамени которого изображен бык⁴², и, усталый, провел эту ночь в прекрасном парке вблизи храма.

Наутро он снова встретил эту девушку; она — словно воплощенная Шри, блистая всеми женскими совершенствами, — пришла почтить Владыку — Бога⁴³. Принеся жертвы Ишваре, она, чье лицо было подобно луне, направилась к себе домой, а Шридатта последовал за нею. Его глазами открылся ее дворец, не уступающий красотой жилищу богов, и она вошла в него, взволнованная, но сдержанная, словно само величие. Не говоря ни слова Шридатте, стройная девушка опустилась на диван в своей спальне, и вокруг нее принялись хлопотать тысячи слуганок.

Шридатта тоже присел неподалеку от нее, и тут внезапно красавица разразилась рыданиями. Потoki слез хлынули ей на грудь, и Шридатта почувствовал в этот момент, как в сердце его проникло сострадание. Тогда он спросил ее: «Кто ты, прекрасная, и что за горе у тебя? Скажи, может быть, я смогу тебя от него избавить». С трудом подавив рыдания, она отвечала ему: «У владыки дайтеев Бали⁴⁴ есть тысяча внучек. Я, Видьютпрабха, — старшая среди них. Вот уже много лет как Вишну захватил в плен нашего деда, а отца убил в рукопашной схватке. Убив отца, он изгнал нас из нашего города, а у городских ворот поставил на страже льва, чтобы мы не могли возвратиться к себе на родину. И теперь лев царит в нашем доме, а горе в нашем сердце.

Однако лев этот — на самом деле якша⁴⁵, проклятый богом Куберой. И некогда было предсказано, что проклятие кончится, если льва победит кто-либо из смертных. Об этом поведал нам сам Вишну, когда мы спросили его, есть ли какой-нибудь спо-

соб попасть в наш город. Поэтому-то, герой, я и привела тебя сюда из мира смертных. Срази этого льва, нашего врага. Если ты победишь его, он подарит тебе меч, зовущийся Мриганкакой. И благодаря чудесной силе этого меча ты покоришь землю и станешь царем».

Выслушав эту просьбу, Шридатта согласился ее исполнить. Прошел день, и на следующее утро девушки-дайти подвели его к своему городу. Там он победил в поединке разъяренного льва, и тот, освободившись от проклятия, обрел человеческий облик. Обрадованный, он отдал тому, кто избавил его от проклятия, свой меч и тут же исчез, как исчезло бремя его скорби и скорби девушек-асур.

А Шридатта вошел вместе с дочерью дайти и ее младшими сестрами в этот чудесный город, напоминавший змея Ананту ⁴⁶, поднявшегося из недр земли.

Дочь дайти подарила Шридатте кольцо, исцелявшее от любого яда, и юноша, оставшись с нею, почувствовал к ней страстную любовь.

Тогда она прибегла к хитрости и сказала ему: «Искупайся в этой реке. Но, если захочешь нырнуть, захвати с собой свой меч, чтобы не бояться крокодилов». Шридатта согласился, нырнул в реку и выплыл как раз в том месте у берега Ганга, где он когда-то бросился в воду. Поднявшись из подземного мира и видя, что меч и кольцо остались с ним, Шридатта был изумлен случившимся и вместе с тем огорчен, что обманут дочерью асуры.

Затем он направился к себе домой, чтобы отыскать своих друзей, но по пути встретил на дороге своего друга Ништхураку. Ништхурака подошел к нему и приветствовал его, а затем, отойдя вместе с ним в сторону, в ответ на его расспросы рассказал ему новости о его близких: «Когда ты исчез в водах Ганга, мы много дней проискали тебя и от горя были уже готовы отсечь себе головы. Но тут в воздухе послышался чей-то голос: «Юноши, не поступайте опрометчиво, ваш друг возвратится живым», — и мы отказались от своего намерения. Тогда мы отправились к твоему отцу, но по дороге к нам подбежал некий человек и сообщил следующее: «Вам теперь нельзя входить в город, ибо умер царь Валлабхашакти. Министры по общему согласию поставили на царство Викрамашакти, а тот на следующий день, как сделался царем, явился в дом Каланеми. «Где Шридатта, твой сын?» — спросил он, пылая гневом, а Каланеми ответил ему: «Я не знаю». Тогда, подозревая, что тот

спрятал сына, царь в ярости приказал посадить Каланеми на кол, как вора. И когда его жена узнала об этом, у нее в тот же миг разорвалось сердце. Так у преступных людей злое деяние порождает другое. Теперь этот Викрамашакти выкидывает Шридатту, чтобы казнить его. И поскольку вы друзья Шридатты, уходите отсюда». Так сказал этот человек, и пятеро твоих друзей во главе с Бахушалином, удрученные горем, решили возвратиться к себе на родину, в Удджайини. А меня они оставили здесь, в тайном месте, чтобы я, друг, мог тебя встретить. Не будем же медлить, пойдем и мы теперь к нашим товарищам».

Когда Шридатта выслушал рассказ Ништхураки, его охватила скорбь по родителям, и он то и дело бросал взоры на свой меч, как бы давая клятву отомстить за них. Затем, соблюдая осторожность, он вместе с Ништхуракой направился в город Удджайини, чтобы встретиться с друзьями.

По пути он рассказывал своему другу о всех своих приключениях, начиная с того момента, как бросился в реку. Вдруг Шридатта увидел какую-то плачущую женщину. Эта женщина сказала, что она шла в Малаву, да сбилась с дороги, и тогда Шридатта из сострадания взял ее с собой. Жалея ее, он всячески заботился о ней и в этот же день остановился на отдых вместе с ней и Ништхуракой в одном заброшенном городе. Там, когда он среди ночи внезапно проснулся, то увидел, что эта женщина убила Ништхураку и с наслаждением пожирает его мясо. Тогда он вскочил и вытащил свой меч Мриганкаку, а эта женщина превратилась на его глазах в ужасную ракшаси⁴⁷. Он схватил ночного оборотня за волосы и уже собирался убить, как вдруг ракшаси обрела божественный облик и сказала ему: «Не убивай меня, отпусти на свободу, любимец славы; ведь я не ракшаси и стала ею лишь по проклятию аскета Каушики⁴⁸. Некогда Владыка богатств⁴⁹ послал меня помешать покаянию этого аскета, ибо Вишвамित्रа хотел добиться власти Куберы. Однако мне не удалось соблазнить его своей красотой, и, пристыженная этим, чтобы его утешить, приняла я тогда ужасный и пугающий облик. За это аскет наказал меня и произнес такое проклятие: «Стань, подлая, ракшаси, убийцей людей». Он положил конец своему проклятию лишь в том случае, если ты схватишь меня за волосы. Так я стала омерзительной ракшаси и сожрала весь этот город. Но сегодня наконец благодаря тебе кончился срок проклятия. Поэтому выбирай себе теперь любой дар!»

Выслушав ее слова, Шридатта почтительно ей ответил: «Ожидай немедленно моего друга. К чему мне иной дар!» «Да будет так» — сказала она и, исполнив его желание, исчезла. А Нингарака поднялся вновь живой и невредимый телом.

Наутро удивленный и ликующий Шридатта вместе с ним тронулся в путь, и вскоре они достигли Уджайини. Там своим появлением Шридатта так обрадовал с нетерпением поджидавших его друзей, как радуется павлинов набежавшая туча. Бахушалин, соблюдая обычаи гостеприимства, привел его в свой дом, и Шридатта утолил любопытство друзей, рассказав все свои приключения. И стал Шридатта с друзьями жить в семье Бахушалина, как в собственном доме, окруженный заботами его родителей.

Однажды, во время праздника весны, он и его друзья отправились в городской парк посмотреть праздничную процессию. Там он повстречался с незнакомой ему девушкой, дочерью знаменитого царя Бимбаки, которая тоже явилась в парк, как будто олицетворяя собой саму весну. В одно мгновение эта девушка по имени Мриганкавати покорила его сердце, словно она смогла туда проникнуть через его широко раскрывшиеся глаза. Да и ее нежный взор, полный внезапной страсти, то и дело останавливался на нем, подобно наперснице любви, снующей между влюбленными. Когда же она углубилась в лесную чащу и Шридатта потерял ее из виду, ему показалось, что сердце его осиротело и глаза ослепли. «Друг мой, не вадумай отрицать: я угадал твои чувства. Так давай же отправимся туда, куда удалилась царевна», — так сказал ему его друг Бахушалин, умеющий читать чужие мысли. Шридатта согласился и пошел вместе с ним вслед за девушкой. Но в это мгновение раздался крик, от которого содрогнулось сердце Шридатты: «Горе, горе! Царевну ужалила змея». Тогда Бахушалин подошел к одному из придворных и сказал ему: «У моего друга есть кольцо, исцеляющее от яда, и он сведущ в науке заклинаний». Тотчас же придворный подошел к Шридатте, пал перед ним ниц, а затем быстро повел к царской дочери. Шридатта надел ей на палец свое кольцо, прошептал заклинание, и царевна возвратилась к жизни. Тогда все люди вокруг, обрадовавшись, принялись на все лады восхвалять Шридатту, и, узнав о случившемся, к дочери явился царь Бимбака. Вскоре после его прихода Шридатта, оставив свое кольцо у царевны, вместе с друзьями вернулся в дом Бахушалина и отдал его отцу все то золото и иные дары, которыми наградила его царь.

Вслед за тем, всецело погруженный в мечты о царевне, Шридатта стал испытывать такие муки, что друзья его растерялись, не зная, что предпринять. Но тут, под тем предлогом, что ей поручено вернуть Шридатте его кольцо, к нему пришла любимая подруга царевны, Бхаваника. Она сказала ему: «Избранник судьбы! Моя подруга твердо решила: отныне либо ты, спасший ей жизнь, станешь ее супругом, либо она обручится со смертью». Выслушав Бхаванику, Шридатта стал совещаться с ней; Бахушалином и остальными друзьями, и они составили такой план. Они решили, прибегнув к хитрости, тайно похитить царевну, незаметно уйти из Удджайини в Матхуру⁵⁰ и остаться жить там. Когда они все обсудили и определили, что каждый должен делать ради успеха задуманного, Бхаваника ушла.

На следующий день Бахушалин в сопровождении трех друзей будто бы по торговым делам отправился в Матхуру. Вдоль всей дороги он расставил в потайных местах быстроногих лошадей, чтобы встретить царевну.

Между тем Шридатта вечером напоил вином какую-то женщину с дочерью и привел их в покои Мриганкавати. Затем Бхаваника, украдкой выведя царевну из дворца, подожгла спальню, внеся в нее лампу. Царевну же встретил Шридатта, поджидавший ее у стен дворца, и передал на поличение Бахушалина, который должен был уехать первым. Кроме того, он дал ей в сопровождение двух своих друзей, а также Бхаванику.

Между тем опьяневшая женщина и ее дочь сгорели во дворце, и народ решил, что сгорели царевна с ее подругой. Шридатту же, как и обычно, люди видели поутру в городе.

На следующую ночь, захватив с собой меч Мриганкаку, Шридатта отправился вслед за своей любимой, выехавшей накануне. Подгоняемый беспокойством, он проделал за эту ночь долгий путь и, когда настала утренняя стража⁵¹, достиг леса Виндхья.

Там его смутили дурные приметы, и вскоре он обнаружил на дороге своих друзей и Бхаванику, израненных и поверженных на землю. Растерянный, он подбежал к ним, и они ему рассказали: «Сегодня войско всадников напало на нас и ограбило. Когда с нами было покончено, один из всадников усадил на коня трепетавшую от ужаса царевну и увез ее. Пока они не отъехали далеко, ступай за ними вот в этот направлении. Не теряй времени подле нас, спасти царевну — всего важнее».

Уступив настояниям друзей, но то и дело оборачиваясь назад, в их сторону, Шридатта со всех ног пустился в погоню

за царской дочерью. Прodelав немалый путь, он настиг наконец этих всадников и посреди их увидел одного юного воина, а с ним рядом на лошади похищенную им царевну. Мало-помалу ему удалось пробиться к этому юноше, но мирными речами он не смог уговорить его освободить царевну. Тогда Шридатта стащил его за ноги с лошади и ударом о камни раздробил ему голову. Убив его, он вскочил на его коня и уничтожил многих других всадников, которые в ярости на него напали. Те же, что остались в живых, убедились в нечеловеческой силе героя и в страхе разбежались кто куда.

Затем Шридатта посадил с собой рядом на коня царевну Мриганкавати и вместе с ней поехал обратно к своим друзьям. Но спустя немного времени ему с женой пришлось спешиться, потому что конь, который был сильно изранен в битве, повалился и испустил дух. А тут еще возлюбленная Шридатты Мриганкавати, измученная страхом и усталостью, начала томиться от жажды. Тогда он оставил ее там, где пал конь, а сам удалился в сторону, чтобы поискать для нее воды. Тем временем зашло солнце, и, хотя ему наконец удалось найти воду, он сбился в своих поисках с пути и провел эту ночь в лесу, стеная, как чакравака⁵².

Наутро, однако, он отыскал то место, где лежал конь, но нигде вокруг не было видно его прекрасной царевны. Рассудок Шридатты помрачился от горя, он оставил на земле свой меч Мриганкаку, а сам вскарабкался на верхушку дерева, надеясь оттуда высмотреть царевну.

В это время по дороге проходил некий вождь из племени шабаров⁵³. Подойдя к подножию дерева, он поднял с земли Мриганкаку. Заметив вождя шабаров, удрученный Шридатта слез с дерева и стал спрашивать, не слышал ли он что-нибудь о его любимой.

«Ступай в мою деревню. Я думаю, что и она пошла туда. Я тоже вскоре вернусь и отдам тебе тогда твой меч», — так сказал ему шабара, и Шридатта, полный нетерпения, отправился вместе с его слугами в эту деревню. «Ты очень устал, отдохни», — посоветовали ему там эти слуги и отвели его в дом правителя, где утомленный Шридатта сразу же уснул. А когда он проснулся, то увидел, что обе его ноги закованы в цепи, подобно тому как скованы были судьбой обе его попытки обрести любимую. Так он и остался в доме правителя, рыдая по своей возлюбленной, которая, словно удача в жизни, на мгновение одарила его счастьем, а в следующий миг исчезла.

Спустя некоторое время к нему подошла служанка по имени Мочаника и сказала: «Славный воин, зачем же ты явился сюда на свою погибель? Сейчас этот вождь шабаров пошел куда-то по своим делам, но по возвращении он хочет принести тебя в жертву Чандике⁵⁴, ибо, встретив тебя на лесном склоне Виндхья, именно ради этого он хитростью заманил тебя сюда, а теперь заключил в оковы. И только потому, что ты предназначен в жертву Бхагавати⁵⁵, тебе пока не отказывают ни в одежде, ни в пище. Но есть, кажется, одно средство освободить тебя — лишь согласись на него. У этого вождя шабаров есть дочь по имени Сундари. Когда она увидела тебя, то вспыхнула к тебе страстью. Возьми же ее, мою подругу, в жены — и ты спасешь свою жизнь».

Так сказала служанка, и Шридатта ради своего спасения согласился. Он тайно, по обряду гандхарвов⁵⁶, обручился с Сундари, и каждую ночь она освобождала его от оков. Вскоре Сундари забеременела. Когда ее мать узнала об этом от Мочаники, она почувствовала любовь к своему зятю, пришла к Шридатте и участливо ему сказала: «Шричанда, отец Сундари, — злой человек, он не простит тебя, сын мой. Поэтому уходи отсюда и не забывай Сундари». Так сказав, теща освободила его. Шридатта же объяснил Сундари, что меч, попавший в руки Шричанды, на самом деле принадлежит ему, а затем удалился.

Томимый тревожными мыслями, он вновь пришел в знакомый лес, надеясь что-нибудь разузнать о судьбе Мриганкавати. Его встретили благоприятные предзнаменования, и он отыскал то самое место, где погиб его конь и откуда исчезла его жена. Невдалеке он заметил какого-то охотника, который шел ему навстречу. Когда тот приблизился, он спросил его, не видел ли тот женщину с глазами лани. «Не ты ли Шридатта?» — в свою очередь спросил его охотник, и Шридатта, вздыхая, ответил: «Да, этот несчастный — я». Тогда этот охотник сказал ему: «Раз так, то послушай, друг, что я тебе расскажу. Я встретил здесь твою жену, когда она жалобно тебя звала и искала. Я расспросил ее о том, что случилось, успокоил и, почувствовав к ней сострадание, взял ее, бедную, из этого леса в свою деревню. Там, однако, я за нее испугался, увидев нескольких юношей из племени пулиндов⁵⁷, и тогда я отвел ее в деревню Нагастхалу вблизи Матхуры. В этой деревне я оставил ее в доме одного престарелого брахмана по имени Вишвадатта, поручив ее его заботам, словно драгоценный заклад. Узнав от

нее твое имя, я затем возвратился сюда. Так ступай же скорее в Нагастхалу, разыщи ее».

Выслушав охотника, Шридатта немедленно пустился в путь и на следующий день вечером пришел в Нагастхалу. Отыскав дом Вишвадатты, он встретился с этим брахманом и сказал ему: «Возврати мне мою жену, которую оставил у тебя охотник». На это Вишвадатта ответил Шридатте: «Есть у меня в Матхуре знакомый брахман, почитаемый добродетельными людьми. Он советник и духовный наставник царя Шурасены. Его заботам я и поручил твою жену, потому что эта уединенная деревня не была бы для нее безопасным местом. Утром ты можешь отправиться в Матхуру, а сегодня отдохни у меня».

Выслушав Вишвадату, Шридатта провел у него ночь, а наутро отправился в Матхуру и прибыл туда в тот же день. Он очень устал и запылится после долгого пути и поэтому, увидев вблизи города большое озеро с прозрачной водой, искупался в нем. Во время купания он случайно нашел на дне озера чье-то платье, которое положили туда воры, завязав в одном из его углов драгоценное ожерелье. И вот, не заметив ожерелья, Шридатта взял это платье и вошел в город Матхуру, горя желанием повидать свою любимую. В городе платье было опознано местными стражниками, обнаружили они и ожерелье. Приняв Шридатту за вора, они арестовали его и, как схватили, в том виде и доставили его к правителю города. Тот доложил царю, и царь приказал казнить Шридатту.

Когда Шридатту под грохот барабанов вели к месту казни, его увидела издали Мриганкавати. В смятении бросилась она к главному министру, в доме которого жила, и сказала ему: «Это ведут на казнь моего мужа». Министр остановил палачей, испросив позволения царя, освободил Шридатту и отвел его в свой дом.

«Так ведь это брат моего отца Вигатабхая, который ушел на чужбину, а теперь по воле судьбы стал здесь министром!» — воскликнул Шридатта, когда он попал в его дом и узнал в нем своего дядю. Он упал к его ногам, и министр с удивлением признал в Шридатте сына своего брата. Тут он сердечно обнял его и стал расспрашивать о его злоключениях. Когда Шридатта поведал дяде обо всем, что он пережил, начиная с казни отца, Вигатабхая со слезами на глазах сказал ему: «Не падай духом, сын мой! У меня в услужении состоит одна якшини. Она подарила мне пять тысяч лошадей и семь коти⁵⁸ золота, а поскольку у меня нет сына, все это принадлежит тебе». Сказав это, дядя

отдал Шридатте его возлюбленную. И Шридатта, сделавшись богатым, женился на ней.

После этого Шридатта стал жить вместе с прекрасной Мриганкавати в доме своего дяди. Он испытывал такое блаженство, какое испытывает по ночам озеро белых лотосов⁵⁹. Однако хотя он и был счастлив, мысль о Бахушалине и остальных друзьях часто омрачала его душу, подобно тому как темные пятна омрачают лик месяца⁶⁰.

Однажды дядя сказал по секрету Шридатте: «Сынок, у царя Шурасены есть юная дочь. По приказу царя я должен отвести ее в страну Аванти и выдать там замуж. Под этим предлогом я взял ее к себе в дом, но выдать замуж хочу за тебя. Женившись на ней, ты обретишь могущество, я тоже буду на твоей стороне, и тогда в недалеком будущем ты добудешь себе царство, обещанное тебе богиней Шри».

Так они порешили и, захватив с собой эту девушку, Шридатта и его дядя выступили в поход во главе армии своих сторонников. Но когда они достигли леса Виндхья, на них неожиданно напало могучее войско разбойников, осыпавшее их дождем стрел. Разбойники разгромили армию Шридатты, а его самого, ослабевшего от ран, связали и доставили в свою деревню, присвоив себе все его богатство. Они привели его в ужасный храм Чандики, чтобы принести там в жертву богине. Как будто бы сама смерть окликала его гулким звоном их бубнов.

Но тут Шридатту увидела его жена Сундари, дочь правителя деревни, которая пришла почтить богиню со своим маленьким сыном. Она прогнала разбойников, заполнявших храм, и вместе со Шридаттой, исполненная радости, возвратилась к себе домой. Шридатта стал властелином этой деревни, потому что отец Сундари, не имевший сына, перед тем как умереть, завещал деревню ей. Он освободил всех своих сторонников, и в том числе дядю, попавших в руки разбойников, и возвратил себе меч Мриганкаку. Потом Шридатта женился на дочери Шурасены и стал могучим царем.

Вскоре он послал послов к обоим своим тестям: к Бимбаке и к царю Шурасене. Те, горячо любя своих дочерей, с радостью признали их брак и прибыли к Шридатте во главе своих бесчисленных войск. Узнав обо всем, явились к нему также Бахушалин и остальные его друзья, которые уже излечились от ран, были здоровы и счастливы.

А потом, объединив свои силы с силами Бимбаки и Шурасены, герой Шридатта выступил против убийцы своего отца и,

как жертвенный дар, сжег Викрамашакти в пламени своего гнева. Овладев землей, опоясанной океаном, и соединившись с Мриганкавати, Шридатта отныне наслаждался счастьем вместе со своей любимой.

Так, царь, люди мужественного сердца переplывают скорбный океан долгой разлуки и добиваются успеха».

Вот такой рассказ услышал царь Сахасраника из уст Сангатаки. В тоске по любимой всю эту ночь он стремился к ней своими мыслями. А когда наступило утро, Сахасраника выступил в поход навстречу жене, едва поспевая за своей нетерпеливой мечтой.

Через несколько дней он прибыл в исполненную умиротворенности обитель аскета Джамадагни, где даже движения ланей были медлительны и величавы. Там его встретил сам Джамадагни, один вид которого очищал от грехов, словно воплощенное покаяние. Царь почтительно его приветствовал, и тот оказал царю гостеприимство. Вслед за тем Джамадагни отдал Сахасранике царицу Мригавати с сыном, словно одарил его покоем, соединенным с блаженством.

Так встретились муж и жена, когда пришел конец их проклятиям, и глаза их, устремленные друг на друга, наполнились слезами счастья, словно увлажненные амритой.

Царь обнял и Удаяну, которого он увидел впервые, и долго не мог отпустить его, словно волосы, поднявшиеся от радости на теле царя⁶¹, крепко привязали к нему сына.

Затем царь Сахасраника попрощался с Джамадагни, забрал с собой царицу Мригавати с Удаяной и, покинув мирную обитель, до границ которой даже лани провожали его с заплаканными глазами, направился к своей столице. По дороге он выслушал рассказ жены о том, что она пережила за время разлуки, и сам поведал ей о своих приключениях. Спустя недолгое время достигли они города Каушамби, который был украшен в их честь арками и флагами. Вместе с женой и сыном царь вступил в свою столицу, и горожане, широко раскрыв глаза, никак не могли насытить свои взоры видом их шествия.

Вскоре царь, плененный достоинствами Удаяны, торжественно объявил сына наследником и назначил его советниками сыновей своих министров: Васантаку, Руманвата и Яугандхараюну. «С помощью этих превосходных советников он добьется власти над всем миром», — прозвучал тогда божественный голос, и с неба посыпался дождь цветов.

Затем царь возложил на сына все бремя царствования, а сам вместе с Мригавати наслаждался счастьем, какое только может быть доступно в мире смертных и к которому он так долго стремился.

Но однажды Радость жизни заметила возле ушей царя седые волосы — вестников успокоения и надвигающейся старости, и, разгневавшись, увь, улетела прочь. Тогда царь Сахасраника оставил на благо мира на царстве Удаюну, своего превосходного и почитаемого всеми подданными сына, и вместе с друзьями и возлюбленной женой удалился на снежные Гималаи, чтобы подготовиться к великому странствованию⁶².

Вот вторая волна книги «Начало рассказа» в «Океане сказаний» великого поэта Сомадевы.

ВОЛНА ТРЕТЬЯ

Получив в наследство от своего отца царство ватсов, Удаюна избрал своей столицей Каушамби и справедливо правил своими подданными. Но мало-помалу он переложил бремя власти на Яугандхараяну и остальных министров, а сам всецело предавался удовольствиям. Почти все время он посвящал охоте или же проводил дни и ночи за игрой на звонкой лютне, которую некогда подарил ему змей Васуки. Сладкими звуками ее струн, словно волшебными заклинаниями, он привораживал неистовых диких слонов и, смирив их, повсюду водил за собой. Царь ватсов пил вино, в котором отражались луноподобные лица его возлюбленных, но от этого, казалось, исчезли остатки румянца с лиц его министров.

Между тем Удаюной овладела одна-единственная мысль: «Нигде нет жены, равной мне родом и красотой. Такой слывет лишь одна девушка по имени Васавадатта. Как бы мне получить ее?»

А в это же время Чандамахасена в Уджайини так размышлял: «Кроме Удаюны, нет в этом мире мужа, который подходил бы моей дочери. Но он мой извечный враг. Как же сделать его моим зятем и вассалом? Здесь нужно действовать хитростью. Этот царь одержим страстью к охоте; в одиночку бродит он по лесу и ловит слонов. Так вот, я воспользуюсь его слабостью, обманом захвачу в плен и приведу сюда. Поскольку он

сведущ в искусстве гандхарвов⁶³, я дам ему в ученицы свою дочь, и нет сомнений, что тогда его взор невольно будет пленен ею. Так он станет по воле судьбы моим зятем и вассалом. Другого же способа подчинить его моей власти нет».

Так решив, Чандамахасена ради успеха задуманного дела пошел в храм Чандики и, вознеся богине хвалы и молитвы, попросил ее о помощи. «Царь, твое желание вскоре исполнится», — прозвучал с неба ответ.

Тогда обрадованный Чандамахасена возвратился во дворец и еще раз обсудил свой план с министром Буддхадаттой.

«Удаяну отличает высокое чувство чести, он чужд корысти, любим своим окружением и имеет могучее войско; обычные средства, например переговоры⁶⁴, не возымеют действия. Но все же следует попробовать», — так решили царь с министром, и Чандамахасена приказал одному из своих послов:

«Ступай к царю ватсов и скажи ему от моего имени: «Моя дочь хочет научиться у тебя искусству гандхарвов. Если ты по-дружески к нам расположен, приезжай к нам и научи ее». По приказу царя посол отправился в Каушамби и передал царю ватсов, что было ему поручено.

Удаяна, выслушав непочтительную речь посла, спросил своего министра Яугандхараяну, оставшись наедине с ним: «Почему этот царь разговаривает со мной так заносчиво? С какой целью этот негодяй обратился ко мне с таким посланием?» На эти слова царя мудрый министр Яугандхараяна, строгий в делах царской чести, ответил своему господину: «Слух о твоих дурных привычках, подобно лиане, ползет по земле; это, великий царь, их горький и суровый плод. Ибо Чандамахасена, думая, что ты раб своих страстей, хочет поймать тебя на приманку своей красавицы-дочери, завлечь в плен и подчинить своей власти. Поэтому откажись от пагубных увлечений! Ведь погрязшие в пороках цари так же легко попадают в руки врагов, как слоны, оказавшиеся в западне».

Выслушав министра, стойкий разумом царь ватсов направил к царю Чандамахасене собственного посла и поручил ему передать следующее: «Если твоя дочь хочет стать моей ученицей, то пошли ее ко мне». Сделав это, царь ватсов сказал своим советникам: «Я отправлюсь в поход и, захватив Чандамахасену в плен, приведу его сюда». На это ответил ему первый министр Яугандхараяна: «Не пытайся достичь невозможного. Чандамахасена — могущественный царь, еще сильнее тебя, мой господин. Послушай, я расскажу тебе все, что знаю о нем:

Есть на земле город под названием Удджайини. Этот город — краса вселенной. Сверканием стен своих дворцов он словно насмехается над Амаравати⁶⁵. В нем, в святыне «Махакала»⁶⁶, живет Верховный владыка Хара, не покидая при этом и своего жилища на горе Кайласе⁶⁷.

В этом городе царствовал Махендраварман, первый среди властелинов земли, и у него был сын по имени Джаясена, во всем на него похожий. У этого Джаясены родился сын Махасена, не знающий соперников в силе рук, слон среди царей. Однажды Махасена, в заботах о своем царстве, подумал: «Нет у меня меча, достойного моего могущества, и нет жены, равной мне родом». С этой мыслью царь пошел в храм Чандики и долго оставался в нем, не принимая никакой пищи и вознося хвалы богине. Затем он отрезал от своего тела несколько кусков мяса и принес в жертву на священном огне. Тогда предстала перед его глазами Чандика и сказала ему: «Я довольна тобой. Возьми из рук моих этот несравненный меч; благодаря его сверхъестественной мощи станешь ты непобедимым для врагов. В жены же ты получишь дочь асуры Ангараки по имени Ангаравати, красивей которой нет девушки во всех трех мирах. А в память о том, какую страшную жертву ты здесь совершил, да будет отныне имя тебе — Чандамахасена»⁶⁸.

Так сказав и вручив ему меч, богиня исчезла, а у царя, чьи желания исполнились, вновь просветлел взор. Этот меч и царь слонов, неистовый Надагири, стали, мой господин, двумя лучшими сокровищами царя, подобно перуну и слону Айраване у Шакры⁶⁹.

Довольный, что владеет этими сокровищами, отправился однажды царь Чандамахасена на охоту в густой лес. В лесу он встретил огромного и страшного вепря — казалось, ночной мрак сгустился среди белого дня в его теле. Даже самые острые стрелы царя не могли ранить этого вепря, и, разбив в щепы царскую колесницу, вепрь убежал и скрылся в расселине. Разгневанный Чандамахасена, бросив колесницу, последовал за ним и с одним только луком в руках вошел в ту же расселину. Пройдя долгий путь, он увидел большой и прекрасный город и в удивлении присел на берегу оказавшегося рядом обширного озера. В это время мимо проходила в сопровождении сотни женщин некая девушка, подобная стреле любви, сокрушающей стойкость любого сердца. Она, словно обволакивая царя своими

взорами, излучающими могучий поток нектара любви, медленно приблизилась к нему и спросила: «Кто ты, благородный, и зачем сюда явился?» В ответ царь рассказал ей, что с ним случилось. Когда девушка выслушала его, мужество покинуло ее сердце и потоки слез хлынули из ее покрасневших глаз. «Кто ты и почему ты плачешь?» — спросил ее царь в свою очередь. Послушная велению Бога любви, она так ему отвечала: «Тот вепрь, за которым ты, царь, пришел сюда, — дайтья по имени Ангарака, а я его дочь и зовут меня Ангаравати. Мой отец, чье тело твердо как алмаз, похитил из их дворцов сто царских дочерей, которых ты видишь, и дал мне их в услужение. А плачу я вот почему. Злое проклятие превратило моего отца, могучего асуру, в ракшасу. Встретившись с тобой, он пощадил тебя сегодня, потому что был измучен жаждой и усталостью. Теперь он отдыхает, скинув с себя обличье вепря, а когда проснется, то непременно причинит тебе зло. Увы, я не вижу для тебя избавления, и потому льются у меня слезы, словно душа кипит от горя». Царь выслушал Ангаравати и сказал ей: «Если я дорог тебе, то сделай так, как я тебе скажу. Когда твой отец проснется, пойдй к нему и начни плакать. Тогда он непременно спросит тебя о причине твоей печали. На это ответь ему: «Что со мной станет, когда кто-нибудь убьет тебя? Вот отчего я плачу». Если сделаешь так, то и ты, и я будем счастливы». Ангаравати обещала ему исполнить все в точности. Спрятав царя в потайном месте, дочь асуры, хотя и предчувствовала недоброе, подошла к спящему отцу. И когда этот дайтья проснулся, она начала плакать. Тогда он спросил ее: «Отчего ты плачешь?» — «Что будет со мной, если кто-нибудь убьет тебя, отец?» — ответила она ему печально. На это асура, усмехаясь, сказал: «Кто же может убить меня? Ведь все тело мое состоит из алмазов. Лишь на левой руке есть у меня одно уязвимое место, но и оно защищено луком». Так утешил дайтья родную дочь, царь же в своем тайнике все услышал.

Вскоре дайтья поднялся, совершил омовение и молча начал возносить моления богу Харе. Тут и появился царь; натянув свой лук, он стремительно бросился навстречу дайтье и вызвал его на битву. А тот, не прерывая молчания, поднял вверх левую руку, как бы давая царю знак, чтобы тот немного подождал. Но царь, ни секунды не медля, ловко поразил дайтью стрелой в уязвимую руку. Могучий асура Ангарака, раненный в потайное место, испустил страшный крик и упал на землю. Расставаясь с жизнью, он проговорил: «Если тот, кто лишил меня

жизни как раз тогда, когда я томился жаждой, не будет ежегодно совершать возлияния моей тени, то погибнут пять его министров»⁷⁰. Так сказав, дайтъя испустил дух, а царь, взяв с собой его дочь Ангаравати, возвратился в Удджайини.

Там Чандамахасена женился на Ангаравати и у него родились два сына. Одного из них он назвал Гопалакой, а другого Палакой, и по случаю их рождения устроил празднество в честь Индры. Тогда довольный Васав⁷¹ явился царю во сне и сказал ему: «По моей милости ты получишь дочь, равной которой нет на земле». И вот, спустя некоторое время, у царя родилась такая прекрасная дочь, будто была она новой луной, созданной Творцом в человеческом облике.

«У нее будет сын — воплощение Бога любви и владыка видьядхар», — прозвучал при ее рождении голос с неба. И царь назвал ее Васавадаттой, зная, что дочь ему дана милостивым Васавой⁷². По сей день остается она незамужней в доме своего отца, словно Лакшми в подземном чреве океана до его пахтанья богами⁷³.

Таково могущество царя Чандамахасены, и, поистине, его нельзя победить, да к тому же и царство его находится в недоступном крае.

Но выслушай еще одно, о царь. Чандамахасена давно уже хочет отдать за тебя свою дочь, однако чванливо стремится при этом к полному торжеству над тобой. И все-таки, я думаю, что Васавадатта непременно станет твоей женой.

В тот же миг царь ватсов почувствовал, что сердце его похищено Васавадаттой.

Вот третья волна книги «Начало рассказа» в «Океане сказаний» великого поэта Сомадевы.

ВОЛНА ЧЕТВЕРТАЯ

Тем временем посол владыки ватсов, явившись к царю Чандамахасене, передал ему ответ своего господина. Выслушав его, Чандамахасена подумал: «Ясно, что безмерно гордый владыка ватсов сам не придет сюда. Посылать же к нему мою дочь было бы явным бесчестьем. Поэтому мне следует заполучить Удаяну хитростью, захватив его в плен». Так подумав и

посоветовавшись со своими министрами, этот царь приказал построить большого искусственного слона, который был бы похож на его собственного слона Надагири. По распоряжению царя внутри этого слона спрятали царских воинов и доставили его в лес Виндхья.

Там его заметили издали соглядатаи, которые состояли на службе у Удаяны, страстно любящего охоту на слонов. Они немедленно явились к царю ватсов и уведомили его: «Божественный, мы видели, что в лесу Виндхья бродит какой-то слон. Второго такого слона не найти во всем нашем мире. Он настолько велик, что достигает неба, напоминая собой ожившую горную вершину». Выслушав донесение соглядатаев, царь ватсов обрадовался и наградил их сотней тысяч золотых монет. «Если я заполучу этого Индру среди слонов, соперника Надагири,— подумал царь,— мне несомненно удастся победить Чандамахасену. И тогда ему придется отдать мне в жены Васавадатту». В таких размышлениях провел царь ночь, а наутро в своем стремлении поймать слона он презрел увещевания министров и, приказав соглядатаям указывать ему дорогу, отправился в лес Виндхья. И хотя астрологи его предостерегали, говоря, что расположение звезд указывает не только на овладение девушкой, но и на плен, он пренебрег и их советами.

Достигнув леса Виндхья, царь ватсов из опасения вспугнуть слона запретил своему войску двигаться дальше. А сам в сопровождении одних только соглядатаев, взяв с собой сладкозвучную лютню, углубился в дремучий лес, не имеющий пределов, как и его собственная прихоть. На южном склоне горы Виндхья соглядатаи заметили этого слона, который выглядел, как живой, и издали показали на него царю. Пытаясь поймать слона, царь, оставшись один, начал медленно к нему приближаться, играя на лютне и напевая сладостные мелодии.

Из-за вечерних сумерек, а также потому, что мысли его были поглощены музыкой, царь не заметил, что перед ним настоящий слон. Между тем, подняв уши и хлопая ими, будто музыка доставляла ему удовольствие, этот слон то приближался к царю, то удалялся и постепенно завлек его в глубь леса. Там из брюха слона неожиданно выскочили вооруженные воины и со всех сторон окружили владыку ватсов. Увидев их, царь в гневе вытащил кинжал, но пока он сражался с теми, кто был перед ним, другие, подкравшись сзади, схватили его. По сигналу этих воинов им на помощь явились другие солдаты, и все вместе они отвели владыку ватсов к царю Чандамахасене. Чан-

дамахасена вышел навстречу Удаяне, принял его с подобающими почестями и вместе с ним отправился в город Удджайини.

Там царя ватсов встретили горожане, которым он показался месяцем, дарящим радость взорам, но запятнанным бесчестьем⁷⁴. Затем все жители города собрались вместе и, думая, что Удаяна будет казнен, из уважения к его доблести приняли решение: пусть царь примет смерть от собственной руки. Однако Чандамахасена объявил своим подданным, что не собирается казнить царя ватсов, но хочет заключить с ним союз, и этим устранил их беспокойство. Затем он поручил Удаяне обучить его дочь Васавадатту искусству гандхарвов и сказал ему при этом: «Научи ее, царь, искусству гандхарвов, и тогда ты обретишь счастье; не отчаивайся». И действительно, когда владыка ватсов увидел эту девушку, любовь настолько поглотила его сердце, что оно перестало чувствовать горе. Да и у нее и глаза и сердце устремились к Удаяне; но если стыдливость принуждала ее отводить взоры, то что может удержать сердце?

Так, обучая Васавадатту пению и не отводя от нее своего взгляда, стал жить царь ватсов в Удджайини, в музыкальной зале дворца. У него на коленях лежала сладкозвучная лютия, горло его наполняли мелодии песен, а разом улаждался близостью Васавадатты. И хотя он был пленником, Васавадатта, словно богиня Лакшми, опекала его и в своем поклонении Удаяне не знала иных забот.

Между тем люди из свиты царя ватсов возвратились в Каушамби, и народ заволновался, узнав, что его господин взят в плен. Из любви к Удаяне все подданные воспылали гневом и единодушно пожелали напасть на Удджайини.

«Могучего Чандамахасену не сокрушить силой, да, кроме того, это было бы небезопасным для жизни царя ватсов. Поэтому открытое нападение нам не подходит, будем полагаться на нашу мудрость», — так умерил волнение подданных Руманват. Затем, убедившись, что народ успокоился и полон доверия, мудрый Яугандхараяна сказал Руманвату и остальным министрам: «Вам всем следует остаться здесь и все время быть наготове. Охраняйте царство и в нужный момент проявите должное мужество, я же уйду вместе с Васантакой. С помощью разума освобожу владыку ватсов и без всякого для него риска приведу сюда. Лишь тот поистине мудр, чей ум блистает в минуту опасности, как свет молнии во время сильного ливня. К тому же я знаю магический способ стать невидимым и заклинания, чтобы пройти сквозь стены или разрушить оковы.

Все это может понадобиться». Так сказав и поручив народ заботам Руманвата, Яугандхараяна вместе с Васантакой отбыли из Каушамби. Вскоре они пришли в огромный лес Виндхья, богатый зверями, как был богат мудростью разум Яугандхараяны, непознаваемый, как непознаваемы его планы. Там Яугандхараяна явился в дом владыки пулиндов⁷⁵ Пулиндаки, который был другом царя ватсов и жил на склоне горы Виндхья. Он попросил Пулиндаку приготовить большое войско, чтобы охранять Удаяну, когда тот будет возвращаться этой дорогой.

Затем, продолжив вместе с Васантакой свой путь, Яугандхараяна спустя некоторое время достиг кладбища при храме Шивы близ Удджайини. Войдя на кладбище, он увидел там ветал⁷⁶, пахнувших мертвечиной, которые сновали повсюду во мраке, неотличимые от столбов дыма, поднимающихся от погребальных костров. В этот момент, обрадованный встречей с Яугандхараяной, к нему подошел брахмаракшаса⁷⁷ по имени Йогешвара и предложил ему свою дружбу. Он научил Яугандхараяну магическому заклинанию, с помощью которого тот немедленно изменил свой облик и стал уродливым, старым, лысым горбуном, одетым в платье помешанного, так что один вид его вызывал неудержимый смех. Потом, произнеся то же заклинание, Яугандхараяна изменил и внешность Васантаки. У Васантаки вырос огромный живот, на котором вздулись вены, лицо стало безобразным, а изо рта выступили наружу зубы.

Затем Яугандхараяна послал Васантаку вперед — к воротам дворца, а за ним и сам, преображенный, вошел в Удджайини. Танцуя и распевая, окруженный мальчишками и вызывая всеобщее изумление, он тоже направился к царскому дворцу. Там он своим видом и поведением возбудил любопытство у женщин царского гарема, и слух о нем постепенно дошел до ушей Васавадатты. Она тотчас послала за ним служанку и приказала привести его в музыкальную залу — ведь юность всерьез уделяет внимание одному веселью.

Войдя в залу, Яугандхараяна, одетый в платье безумца, сквозь слезы увидел царя ватсов, который был весел и приветлив. Он подал царю тайный знак, и царь узнал своего министра, хотя тот и был переодет. Тогда Яугандхараяна, прибегнув к своему магическому искусству, сделался невидимым для Васавадатты и ее служанок. Только один царь видел его, а все остальные с удивлением говорили: «Куда вдруг делся этот сумасшедший?» Слыша вокруг такие речи, царь ватсов понял, что Яугандхараяна прибег к магии, и тогда так сказал Васавадатте:

вадатте: «Девушка, пойдй и принеси сюда все, что нужно для богослужения в честь Сарасвати»⁷⁸. Васавадатта согласилась выполнить его просьбу и удалилась вместе с подругами.

Тогда Яугандхараяна почтительно приблизился к владыке ватсов и передал ему заклинания, способные разрушить оковы, а также научил его магическим приемам игры на лютне, которые должны были помочь ему подчинить Васавадатту. Потом он сказал ему: «Царь, со мной сюда прибыл Васантака; его тоже нельзя узнать, но он остался у ворот дворца. Постарайся, чтобы этот брахман был рядом с тобой. Когда же ты сможешь до конца довериться Васавадатте, я сообщу тебе, что делать дальше; пока же — прощай».

Так сказав, Яугандхараяна поспешно удалился, и тут же возвратилась Васавадатта, принеся с собой все, что необходимо для богослужения. Тогда царь сказал ей: «За воротами стоит брахман. Следовало бы позвать его, чтобы наградой дважды-рожденному⁷⁹ завершить обряд в честь Сарасвати». Васавадатта согласилась, и по ее приказанию от ворот дворца был приведен Васантака, поражающий своим безобразием. Войдя в зал и увидев владыку ватсов, Васантака заплакал от горя. А царь, опасаясь, что он раскроет тайну, сказал ему: «Эй, брахман! Не плачь. Я избавлю тебя от твоего уродства. Оставайся здесь, рядом со мной». — «Ты очень милостив ко мне, божественный», — ответил Васантака. Разглядывая, как изменился облик брахмана, царь рассмеялся. Заметив это и разгадав мысли Удаяны, Васантака тоже улыбнулся, и от этого его некрасивое лицо сделалось еще безобразнее. Тут и Васавадатта, увидев, что он улыбается и при этом становится похожим на уродливую куклу, тоже развеселилась и начала смеяться.

Затем эта девушка шутливо спросила Васантаку: «Скажи нам, брахман, что ты умеешь делать?» Он ответил: «Я умею рассказывать всякие истории». — «Тогда расскажи нам какой-нибудь рассказ», — попросила Васавадатта. И вот, исполняя просьбу царской дочери, Васантака рассказал ей смешную, необычную и увлекательную историю.

Рассказ о Лохаджангхе

«Есть на земле город под названием Матхура⁸⁰ — родина ненавистника Кансы⁸¹. В нем жила гетера по имени Рупаника. Ее мать, старуха Макараданштра, была при ней сводней и каза-

лась вместилищем яда в глазах юношей, привлеченных достоинствами гетеры. Однажды во время богослужения, когда Рупаника направлялась в храм, чтобы исполнить свой долг гетеры⁸², она увидела издали одного мужчину. Замеченный ею, этот избранник судьбы настолько глубоко запал ей в душу, что ради него она позабыла все наставления своей матери. И вот она говорит своей служанке: «Прошу тебя, сходи к этому человеку и скажи ему, чтобы он сегодня же явился ко мне домой». — «Хорошо», — ответила ей служанка, пошла к нему и передала, что ей было велено. А этот человек, немного подумав, так ей сказал: «Мое имя Лохаджангха, я брахман, но у меня мало денег. Зачем же идти мне в дом Рупаники, который открыт лишь для богачей?» — «Не денег ищет у тебя моя госпожа», — ответила ему служанка, и Лохаджангха согласился сделать то, о чем она его просила.

Узнав от служанки о его согласии, Рупаника возвратилась к себе домой и стала поджидать его, нетерпеливо поглядывая на дорогу. Вскоре Лохаджангха явился. Увидев его, сводня Макараданштра подумала: «Откуда он взялся?» А обрадованная Рупаника встретила его с почетом и, обняв за шею, весело повела в свою спальню. Покоренная красотой и достоинствами Лохаджангхи, Рупаника решила, что без него ее жизнь была бы бесплодной. Вслед за тем Лохаджангха стал бывать у нее в доме столько, сколько хотел, а она отказалась от встреч с другими мужчинами.

Видя это, мать Рупаники Макараданштра, в совершенстве знавшая обязанности гетер, была очень недовольна и как-то, оставшись наедине с дочерью, сказала ей: «Отчего ты, доченька, так предана этому бедняку? Благородные гетеры скорее любят труп, чем бедного человека. Да и что общего между любовью и ремеслом гетеры? Как ты забыла об этом? Подобно утренней заре, недолго блистает гетера, замороженная любовью. Лишь ради денег должна гетера изображать, словно актриса, поддельную страсть. Так брось этого бедняка, не губи себя». На эти слова матери Рупаника гневно возразила: «Не говори так, ведь мой любимый мне дороже жизни. У меня и так много денег; к чему мне еще? И больше ни слова об этом!» Выслушав это, раздосадованная Макараданштра стала обдумывать способ прогнать Лохаджангху.

Однажды она увидела на дороге обедневшего раджу⁸³, за которым следовали слуги с мечами в руках. Быстро выбежав ему навстречу, она отвела его в сторону и сказала: «Мой дом

захватил какой-то нищий, искатель любовных утех. Ступай ко мне немедленно и сделай так, чтобы он оставил мой дом. За это возьми себе мою дочь».

«Хорошо!» — согласился раджпут и вошел в ее дом. А Рупаника в это время находилась в храме, и Лохаджангха был где-то вне дома. Но немного времени спустя он вернулся, ничего не подозревая, и тогда слуги раджпута немедленно на него набросились и сильно избили ногами и чем попало, не оставив на нем живого места. Затем они столкнули его в канаву с нечистотами, и Лохаджангха лишь с большим трудом сумел из нее выбраться и убежать.

Когда Рупаника вернулась домой и обо всем узнала, она была вне себя от горя, и, видя это, раджпут принужден был удалиться с тем, с чем пришел.

Между тем Лохаджангха, с которым так подло и коварно обошлась сводня, решил отправиться к святым местам, чтобы расстаться там с жизнью, ибо он не в силах был вынести разлуку с любимой. Его сердце пылало от гнева на сводню, а кожа — от летнего зноя, и поэтому, войдя в лес, он принялся искать тень. Долго ему не удавалось найти подходящего дерева, как вдруг он наткнулся на тушу слона, в которую сквозило отверстие сзади проникли шакалы и сожрали все внутренности, так что от слона осталась одна кожа. Лохаджангха тоже пробрался внутрь туши и, усталый, заснул там, обвеваемый прохладным ветерком, дувшим сквозь отверстие.

Вскоре, однако, со всех сторон набежали внезапно тучи и обрушили на землю струи ливня. Из-за ливня слоновья кожа стянулась, и в ней не осталось отверстия, а спустя мгновение по той дороге, где она лежала, хлынул могучий поток воды. Этот поток подхватил кожу и сбросил ее в Ганг, а затем, плывя по течению реки, она оказалась в открытом море. Там слоновью кожу заметила птица из семейства Гаруды⁸⁴. Решив, что она полна мяса, птица спустилась, схватила ее в когти и унесла на противоположный берег моря. Там птица разодрала кожу клювом, но, когда увидела, что внутри находится человек, быстро улетела.

Между тем Лохаджангха проснулся от яростного клекота птицы и, воспользовавшись отверстием, которое она проделала, вышел наружу. С удивлением увидел он, что находится на другом берегу моря, и подумал, что, хотя и проснулся, все это похоже на сон. Но тут он испугался, заметив двух грозных ракшас⁸⁵, однако эти ракшасы сами смотрели на него с опаской

и не решались приблизиться. Дело в том, что они знали о поражении, которое нанес ракшасам Рама, и теперь, увидев человека, который, как и Рама, переправился через океан⁸⁶, почувствовали великий страх в своих сердцах. Посоветовавшись с приятелем, один из ракшас отправился тогда к царю Вибхишане⁸⁷ и рассказал ему о том, что случилось. Царь Вибхишана в свое время собственными глазами убедился в могуществе Рамы, и поэтому, напуганный прибытием человека, он сказал ракшасе: «Прошу тебя, приятель, пойди к этому человеку и дружески скажи ему, чтобы он оказал нам милость и пожаловал к нам в дом». — «Хорошо», — ответил ему ракшаса, вернулся к Лохаджангхе и, трепеща от страха, передал ему просьбу своего господина. Брахман Лохаджангха согласился и, стараясь сохранять спокойствие духа, направился вместе с ракшасой в Ланку⁸⁸. Проходя по ней, он с изумлением любовался золотыми зданиями, которые повсюду возвышались, а затем прибыл в царский дворец и встретился с Вибхишаной. Царь гостеприимно его приветствовал и, получив в ответ его благословение, спросил: «Брахман, как ты попал в нашу страну?» На это хитрый Лохаджангха ответил Вибхишане: «Я брахман, мое имя Лохаджангха, и живу я в Матхуре. Будучи бедняком, я отправился в храм и совершил покаяние перед лицом Нараяны⁸⁹, умерщвляя свою плоть и не принимая никакой пищи. «Ступай к Вибхишане, из преданности мне он одарит тебя богатством», — приказал мне тогда во сне Божественный Хари⁹⁰. «Где я, а где Вибхишана!» — воскликнул я, и снова Владыка приказал мне: «Ступай, еще сегодня ты увидишь Вибхишану». Так сказал Владыка, и тотчас же я проснулся и с удивлением обнаружил себя здесь, на другом берегу моря. Больше я ничего не знаю».

Вслушав Лохаджангху и зная, как трудно добраться до Ланки, Вибхишана подумал: «Поистине, здесь не обошлось без вмешательства бога». И решив, что Лохаджангху нельзя отдать в руки ракшас-людоедов, он сказал этому брахману: «Оставайся здесь, я дам тебе богатство». Он послал ракшас на находящуюся неподалеку гору Сварнамулу и приказал им доставить оттуда юную птицу из рода Гаруды. И он отдал ее в полную власть Лохаджангхе, чтобы тот ездил на ней и, когда придет время, смог бы вернуться на ней в Матхуру. Верхом на ней Лохаджангха разъезжал по Ланке и изредка отдыхал у Вибхишаны, пользуясь его гостеприимством.

Однажды он с любопытством спросил царя ракшас: «Почему

вся земля на Ланке деревянная?» В ответ Вибхишана поведал ему историю об этом: «Если тебе интересно, брахман, послушай, что я тебе расскажу. Некогда Гаруда, сын Кашьяпы⁹¹, пожелал освободить свою мать от рабства у нагов⁹², в которое она попала согласно своей клятве⁹³. Собираясь отнять у богов амброзию — выкуп за ее освобождение, он нуждался в такой пище, которая прибавила бы ему силы, и с просьбой о ней обратился к отцу. В ответ тот сказал: «В океане, сынок, живут огромные слон и черепаха, обреченные по проклятию на столь низкое рождение. Ступай и съешь их». И вот Гаруда отправился к океану, схватил обоих и, намереваясь их съесть, уселся на ветку гигантского дерева кальпаврикши⁹⁴. Вдруг эта ветка обломилась от тяжести, и Гаруда подхватил ее клювом, опасаясь, что она упадет на балакхильев⁹⁵, которые внизу предавались аскезе. Затем, чтобы не раздавить людей, Гаруда отнес эту ветку в пустынную местность и там бросил. На поверхности этой ветки и была воздвигнута Ланка. Оттого земля здесь деревянная».

Выслушав от Вибхишаны этот рассказ, Лохаджангха удовлетворил свое любопытство.

Затем, когда Лохаджангха пожелал отправиться в Матхуру, Вибхишана дал ему множество прекрасных драгоценных камней. Из почтения к богу Хари, обитающему в Матхуре, он вручил ему также лотос, палицу, раковину и диск⁹⁶, сделанные из золота. Взяв все это, Лохаджангха сел на подаренную ему Вибхишаной птицу, которая могла пролететь сто тысяч йоджан⁹⁷, поднялся вверх и, покинув Ланку, без труда по воздуху пересек океан и добрался до Матхуры.

Он спустился с неба в одном заброшенном парке в окрестностях города, спрятал в нем все свои сокровища и привязал птицу. Затем он отправился на рынок, продал там один драгоценный камень и купил на вырученные деньги одежду, благовоения, еду и иные товары. Вернувшись в парк, он поел сам и накормил птицу, надел купленную одежду, натерся благовоениями, украсил себя цветами и разными драгоценностями. Когда же наступила ночь, он сел на птицу и, взяв с собой раковину, диск и палицу, направился к дому Рупаники. Узнав знакомое место, он остановил птицу высоко в воздухе и издал необычный звук, чтобы привлечь внимание любимой, которая была в это время одна. Услышав этот звук, Рупаника вышла из дома и увидела, что кто-то парит в ночном небе, сияя драгоценностями и одетый, как Нараяна.

«Я — Хари и пришел сюда ради тебя», — сказал он ей, и она, склонившись перед ним, ответила: «Да будет бог ко мне милостив». Тогда Лохаджангха слез с птицы и, привязав ее, прошел вместе с возлюбленной в ее спальню. Вкусив там любовных радостей, он через некоторое время вышел, снова сел на птицу и удалился по воздуху.

«Я — божество, жена Вишну, и не должна разговаривать с простыми смертными», — с этой мыслью Рупаника проснулась утром и решила хранить молчание. «Скажи, дочка, отчего ты так странно себя ведешь?» — спросила тогда ее мать Макараданштра. Она так настойчиво ее расспрашивала, что Рупаника, приказав поставить между ними ширму, поведала ей о причине своего молчания, рассказав о том, что случилось ночью. Выслушав ее, сводня сначала была полна сомнений, но вскоре, ночью, сама увидела Лохаджангху верхом на птице. Наутро сводня Макараданштра подошла к Рупанике, скрытой за ширмой, и стала униженно ее просить: «Милостью бога, доченька, ты добилась в этом мире сана богини. А ведь я твоя мать, поэтому награди меня, как подобает дочери. Осчастливь меня, попроси бога, чтобы я, с этим своим старым телом, попала на небо». Рупаника ответила ей согласием и передала просьбу матери мнимому Вишну — Лохаджангхе, когда он снова явился к ней ночью.

На это Лохаджангха, одетый богом, сказал своей возлюбленной: «Твоя мать — дурная женщина, и не подобает открыто вести ее на небо. Однако каждый месяц на рассвете одиннадцатого дня отворяются врата неба, и первыми через них проходят многие ганы⁹⁸ из свиты Шамбху. Среди них сможет пройти и твоя мать, если она будет выглядеть так же, как и они. Для этого выбрей ей голову бритвой, оставив лишь пять пучков волос на темени, на шею надень гирлянду из черепов, один бок вымажь сажей, а другой киноварью, и пусть она снимет с себя всю одежду⁹⁹. И когда она станет похожей на ганов, я легко проведу ее на небо».

Так сказав, Лохаджангха еще немного побыл с Рупаникой, а затем удалился.

Наутро Рупаника обрядила свою мать, как ей было сказано, и та всей душой погрузилась в мечты о небе. Когда же вечером снова прилетел Лохаджангха, Рупаника отдала ему мать на его попечение. Лохаджангха взобрался на птицу, усадил рядом с собой сводню, голую и безобразно выглядящую, и вместе с ней стремительно взвился в воздух. Пролетая по небу, он заметил

перед одним храмом высокую каменную колонну, на верхушке которой был укреплен диск. Тогда он водрузил сводню на верх колонны, так что она смогла держаться за один только диск. Дурная женщина возвышалась там словно символ воздаяния за содеянное ею зло. «Побудь здесь без меня немного, пока я удостою землю своим присутствием», — сказал он и исчез с ее глаз.

Спустя немного времени он увидел людей, которые пришли бодрствовать эту ночь перед храмом, ожидая начала праздника¹⁰⁰, и проговорил с неба: «Эй, люди, еще сегодня в этом месте на вас падет сверху все истребляющая Богиня-Чума; ищите поэтому защиту у Хари». Когда в воздухе прозвучали эти слова, все собравшиеся там жители Матхуры, в страхе уповая лишь на милость бога, принялись прилежно читать молитвы об отвращении несчастья. А Лохаджангха, спустившись с неба и сняв с себя одеяние бога, затесался в толпу никем не замеченный, но сам за всем наблюдая.

«Что-то долго бог не возвращается, и я все еще не попала на небо», — так думала между тем сводня, оставленная на верхушке колонны. Тут ей показалось, что она уже не в силах держаться за диск, и она испуганно заорала: «Ой, ой! Я падаю!»

А люди, которые собрались внизу у храма, слышали ее и подумали, что падает Богиня-Чума. Тогда они в смятении стали кричать: «Не падай, не падай, богиня!»

Напуганные угрозой падения Чумы, жители Матхуры, и старые и молодые, еле-еле пережили эту ночь. А наутро все они во главе с царем увидели на колонне сводню и, хотя она была в столь странном виде, узнали ее. Тут все они избавились от страха и принялись хохотать.

Узнав о происшедшем, туда явилась Рупаника. Со стыдом она увидела на колонне свою мать и вместе с присутствующими людьми помогла ей поскорей спуститься. Затем все с любопытством стали расспрашивать сводню, что случилось, и она обо всем им рассказала.

Тогда эти люди — и в их числе царь, брахманы и купцы — решили, что удивительное это дело совершено каким-нибудь магом, и объявили во всеуслышание: «Пусть покажется тот, кто посмеялся над этой женщиной, обманувшей множество влюбленных; мы торжественно увенчаем его голову почетной повязкой».

Услышав это, Лохаджангха тут же объявился и в ответ на

расспросы рассказал обо всех событиях с самого начала. И он принес в дар богу раковину, диск и иные подарки, которые вручил ему Вибхишана и которые вызвали всеобщее восхищение. Затем довольные жители Матхуры немедленно повязали ему на голову почетную повязку, а Рупанику по приказу царя объявили свободной.

Множество драгоценных камней принесли Лохаджангхе огромное богатство, сводне он отплатил за свое унижение и, соединившись с возлюбленной, с тех пор жил в Матхуре в своем удовольствии».

Этот рассказ, который Васавадатта, сидя рядом с пленником Удаяной, услышала из уст переодетого Васантаки, доставил ей большое наслаждение.

Вот четвертая волна книги «Начало рассказа» в «Океане сказаний» великого поэта Сомадевы.

ВОЛНА ПЯТАЯ

Мало-помалу Васавадатта все больше привязывалась к владыке ватсов и отвращала сердце от интересов своего отца. Тогда Яугандхараяна снова явился к Удаяне, оставшись невидимым для остальных людей. В уединенном месте, в присутствии одного только Васантаки, он сказал царю: «Царь, Чандамахасена захватил тебя в плен обманом. Он хочет выдать за тебя свою дочь, а затем с почетом освободить. Но мы сами похитим его дочь, а затем скроемся. Только так мы отплатим ему за его высокомерие и избежим хулы от людей, упрекающих нас в отсутствии мужества.

Есть, царь, у царевны Васавадатты слониха по имени Бхадравати, которую подарил ей отец. Она настолько сильна, что ее не решается преследовать ни один слон, кроме Надагири, да и тот, завидев ее, избегает вступать с ней в битву. У этой слонихи есть здесь погонщик, зовут его Ашадхака; я дал ему много денег, и теперь он в нашем распоряжении. Садись верхом на эту слониху, захвати с собой оружие и ночью тайком беги отсюда вместе с Васавадаттой. Правда, во дворце живет начальник над слонами, который понимает все их намерения и крики. Следует напоить его вином, чтобы он ничего не заме-

тил. Я же тем временем пойду к твоему другу Пулиндаке, попрошу его охранять твой путь».

Так сказав, Яугандхараяна удалился, а царь ватсов хорошо запомнил все, что ему нужно сделать. Когда к нему пришла Васавадатта, царь повел с ней откровенный разговор и поведал ей о том, что сказал ему Яугандхараяна. Она на все дала согласие и, обдумав план побега, позвала Ашадхаку и приказала ему приготовиться к прогулке на слоне. Затем, будто бы для жертвенных возлияний, она раздала вино и напоила допьяна всех погонщиков слонов и главного начальника над ними.

И вот вечером, когда небо было застлано тучами, гремел гром и сверкали молнии, Ашадхака, все приготовив, привел слониху. Как только слониху взнуздали, она, как это обычно бывает, затрубила, и голос ее услышал главный погонщик, понимающий крики слонов. «Шестьдесят три йоджаны пройду я сегодня», — вот что сказала слониха, — пробормотал он, запинаясь на каждом слове. Однако от сильного опьянения он не был способен на размышления, а остальные погонщики, тоже пьяные, даже не разобрали его слов.

Между тем с помощью заклинаний, которым научил его Яугандхараяна, царь ватсов избавился от оков. Затем он взял свою лютню, взял и оружие, которое принесла ему Васавадатта, и вместе с Васантакой взобрался на слониху. За ними села на слониху Васавадатта и ее подруга Каньчанамала, посвященная в тайну; пятым спутником был погонщик.

Когда настала ночь, царь ватсов выехал из Удджайини через пролом в городской стене, пробитый диким слоном. Это место охраняли два воина: Вирабаху и Талабхата, оба — царские дети. Царь убил их, а затем, радостный оттого, что рядом с ним его любимая, верхом на слонихе, которую погонял стрекалом Ашадхака, пустился вперед.

Тем временем в Удджайини перепуганные городские стражники увидели у стены убитых часовых и ночью же доложили об этом царю. Чандамахасена велел провести дознание, и вскоре стало известно, что царь ватсов бежал, похитив Васавадатту. В городе начался ропот, и тогда царевич Палака сел на слона Надагири и пустился в погоню за Удаяной. Когда он догнал беглецов, владыка ватсов преградил ему путь стрелами, а Надагири, увидев слониху, не пожелал вступить с ней в поединок. Вскоре вслед за Палакой приехал туда и Гопалака, но он удержал брата от продолжения боя, ибо Палака слышал

лишь слова отца, а Гоналака был послушен его тайным умыслам.

После этого царь ватсов бесстрашно снова тронулся в путь. И пока он ехал, постепенно рассеялись сумерки ночи. Когда в середине дня он доехал до леса Виндхья, слониха, прошедшая шестьдесят три йоджаны, почувствовала жажду. Царь со своей женой сошли с нее, слониха напилась и спустя мгновение, словно вода была тому причиной, испустила дух. Охваченные печалью царь Удаяна и Васавадатта вдруг услышали голос, доносящийся с неба: «Царь, я женщина-видьядхари по имени Маявати, но проклятие на долгие годы превратило меня в слониху. Сегодня, владыка ватсов, я сослужила тебе хорошую службу, однако еще больше я сделаю для сына, который у тебя родится. Твоя жена Васавадатта тоже не простая смертная. Она из рода богов, и свело ее на землю неотвратимое предназначение».

Вслед за тем обрадованный царь послал на вершину Виндхья Васантаку, чтобы тот сообщил об их прибытии его другу Пулиндаке. Сам же он вместе с женой продолжил путь пешком. По дороге, однако, на них напали разбойники. С одним только луком в руках царь ватсов убил на глазах Васавадатты сто и еще пять разбойников. А тут подоспел друг царя Пулиндака в сопровождении Яугандхараяны и Васантаки, показавшего им дорогу. Царь бхиллов¹⁰¹ прогнал разбойников, почтительно приветствовал владыку ватсов и отвел его вместе с его возлюбленной в свою столицу. Там провели эту ночь, отдыхая от дороги, Удаяна и Васавадатта, чьи ноги оказались изрезанными лесной травой.

Утром к царю ватсов явился его военачальник Руманват, к которому несколько ранее Яугандхараяна послал вестника с новостями. Он привел свое войско, которое заполнило всю местность, так что впервые лес Виндхья почувствовал себя стесненным. Под защитой этого войска владыка ватсов остался в лесной стране, поджидая вестей из Удджайини.

Спустя некоторое время в лес прибыл один купец из Удджайини, друг Яугандхараяны, и сказал царю: «Божественный, Чандамахасена доволен, что ты будешь его зятем. И он послал к тебе своего телохранителя. Но тот сделал остановку в пути, а я, хотя вышел тайком и позже его, пришел первым, чтобы ты узнал обо всем от меня».

Услышав такую весть, владыка ватсов был очень доволен и поспешил рассказать о ней Васавадатте, которая тоже почув-

ствовала великую радость. Хотя она и была в разлуке со своими родственниками, но стремилась поскорее свершить свадебный обряд и одновременно и стыдилась этого, и страстно желала. Тогда она, чтобы отвлечься от своих забот, сказала Васантаке, который был поблизости: «Расскажи мне какую-нибудь историю». И Васантака с простодушным видом рассказал ей мудрый рассказ, который должен был усилить в ней преданность мужу:

Рассказ о Гухасене и Девасмите

«Есть в этом мире город, известный под названием Тамралипти¹⁰², и жил в нем очень богатый купец по имени Дханатта. Не имея детей, он созвал однажды большое число брахманов, поклонился им и сказал: «Сделайте так, чтобы в недалеком будущем у меня родился сын». На это ответили ему брахманы: «Это совсем нетрудно, ибо всего на земле добьются дваждырожденные, если исполнят обряды, предписанные ведами¹⁰³. Так, жил некогда один царь, и был он бездетен, хотя имел в своем гареме сто и еще пять жен. Тогда совершил он ради потомства положенное жертвоприношение, и у него родился сын по имени Джанту, который в глазах всех его жен казался молодым месяцем. Однажды, когда мальчик ползал на коленях, его укусил в бедро муравей, и, испугавшись, он громко заплакал. В гареме от этого начался переполох, послышались рыдания, и даже царь, как самый обычный человек, закричал: «Сынок, сынок!» Спустя мгновение мальчик успокоился, муравей был выброшен, а царь стал терзаться тем, что единственный сын всегда будет источником тревоги. «Есть ли какое-нибудь средство, чтобы у меня было много детей?» — спросил он, полный беспокойства, у брахманов. Те отвечали: «Да, царь, есть такое средство: убей своего сына, а тело его принеси в жертву на священном огне. Почувствовав запах твоей жертвы, все твои жены забеременеют». Услышав это, царь так и сделал. И сколько было у царя жен, столько у него родилось сыновей.

И мы тоже можем помочь тебе обрести сына, если совершим жертвоприношение».

Сказав это Дханатте и получив от него положенные дары, брахманы совершили жертвоприношение, и у того купца родился сын.

Мало-помалу мальчик, которого называли Гухасена, подрос, и его отец Дханадатта начал подыскивать ему жену. Вскоре под предлогом торговых дел, но на самом деле, чтобы найти невестку, отец взял сына и отправился с ним на чужбину. Там Дханадатта попросил знатного купца Дхармагупту выдать замуж за Гухасену его дочь Девасмиту. Но Дхармагупта, привязанный к дочери, не дал согласия на этот брак, считая, что Тамралипти находится слишком далеко.

Однако когда Девасмита увидела Гухасену, ее сердце покорили его достоинства, и она твердо решила покинуть своих близких. Сговорившись с Гухасеной через свою подругу, она ночью бежала из родной страны вместе с возлюбленным и его отцом.

Прибыв в Тамралипти, они поженились, и сердца супругов неразрывно связали узы взаимной любви.

Спустя некоторое время умер отец Гухасены, и родственники стали уговаривать Гухасену поехать в страну Катаха¹⁰⁴ — поискать удачи. Однако жена его, Девасмита, не соглашалась на эту поездку из боязни, что он привяжется там к другой женщине. И вот, поскольку жена противилась, а родственники, наоборот, настаивали, Гухасена, всегда твердый в выполнении своего долга, не знал, на что решиться. Тогда он пошел в храм Шивы и, воздерживаясь от пищи, совершил обряд в честь бога, надеясь, что бог укажет ему, как поступить. Вместе с ним совершила такой же обряд и Девасмита. После этого обоим супругам явился во сне Шива. Бог дал им два красных лотоса и сказал: «Пусть каждый из вас возьмет себе в руку по лотосу. И если в разлуке один из вас нарушит супружескую верность, лотос в руке другого тут же завянет».

Услышав это, супруги проснулись и увидели в руке у каждого красный лотос, словно они обменялись друг с другом своими сердцами. Затем Гухасена, взяв лотос, отправился в путь, а Девасмита осталась дома, не спуская глаз со своего лотоса.

Гухасена быстро прибыл в страну Катаха и начал там торговать, покупая и продавая драгоценные камни. Четверо купеческих сыновей из этой страны заметили, что он всегда держит в руке неувядаемый лотос, и пришли от этого в удивление. Под каким-то предлогом они заманили его к себе домой, напоили крепким вином и расспросили об истории лотоса. А он, опьянев, им все рассказал. Четыре купеческих сына знали, что Гухасена еще долго будет занят у них на родине своей торговлей драгоценностями, и, посоветовавшись друг с дру-

гом, эти негодяи из любопытства, не удастся ли им соблазнить его жену, не теряя времени, тайком отправились в город Тамралипти.

Там, изыскивая средства для успеха задуманного, они явились к монахине по имени Йогакарандика, которая жила в буддийском монастыре, и сказали ей откровенно: «Почтенная, если ты сможешь нам добиться желанного, мы дадим тебе много денег». Она ответила: «Вы, юноши, конечно, добиваетесь какой-либо здешней женщины. Скажите, я помогу вам. А денег мне не нужно: есть у меня ученица по имени Сиддхикари, женщина необычайно умная, по ее милости я получила несметное богатство». — «Как же ты получила такое богатство по милости ученицы?» — спросили ее купеческие сыновья. В ответ монахиня сказала: «Если вам это любопытно, дети мои, слушайте, я расскажу.

Рассказ о Сиддхикари

Давным-давно прибыл сюда с севера один купец. Изменив свою внешность, моя ученица пошла в дом, где он остановился, и хитростью заполучила у него кое-какую работу. А как только она вошла в доверие к этому купцу, то украла все золото, которое хранилось у него дома, и на рассвете тайком убежала. Когда она в страхе быть пойманной поспешно покидала пределы города, ее заметил некий домба¹⁰⁵ с барабаном в руках и быстро пустился за ней в погоню, чтобы ограбить. Подойдя к баньяновому дереву¹⁰⁶, она увидела, что домба уже близко, и тогда хитрая Сиддхикари с печалью ему сказала: «Сегодня я поссорилась с мужем и ушла из дому, желая умереть. Поэтому, добрый человек, прошу тебя: сделай для меня петлю». — «Пусть сама повесится; зачем мне убивать эту женщину?» — подумал домба и привязал петлю к дереву. Тогда Сиддхикари с простодушным видом спросила этого домбу: «А как нужно вешаться? Я не умею, покажи мне». Домба встал на свой барабан ногами, всунул шею в петлю и сказал: «Вот как это делается». Тут Сиддхикари, ни секунды не медля, ударом ноги разбила барабан в щепы, и этот домба задохнулся в петле.

Тем временем купец, у которого Сиддхикари украла деньги, в погоне за нею добрался до этого места и издали увидел ее у подножия дерева. Однако и она заметила его приближение,

незаметно вскарабкалась на дерево и скрылась на одной из его веток за густой листвой.

Когда купец со своими слугами подошел, он увидел лишь думбу, висящего в петле, а Сиддхикари нигде не было. «Не забралась ли она на дерево?» — сказал купец, и тотчас один из его слуг полез наверх. «Я всегда любила только тебя, и именно ты сюда забрался. Все эти деньги, мой красавец, теперь твои. Насладись же мною», — прошептала слуге Сиддхикари, обняла его, глупца, и, целуя в губы, откусила у него язык. Обессилевший от боли, слуга свалился с дерева и, выплевывая изо рта кровь, стал издавать какие-то невнятные звуки: «Лал-лала».

При виде этого купец перепугался и, решив, что слугой овладел злой дух, вместе со своими спутниками пустился бежать к себе домой. А благочестивая Сиддхикари, напуганная не менее, чем они, слезла тогда с верхушки дерева и тоже пошла домой, прихватив с собою деньги. Вот какова моя ученица, наделенная редким умом! Так, по ее милости, дети мои, стала я богатой».

Рассказав купеческим сыновьям эту историю, монахиня познакомила их со своей ученицей, которая как раз в это время к ней зашла, а затем спросила: «Теперь скажите мне всю правду: что за женщина вам любезна? Я вам быстро ее добуду». На это они ей ответили: «Ее зовут Девасмита, она жена купца Гухасены. Устрой нам свидание с нею». Услышав это, монахиня обещала им все сделать и предложила купеческим сыновьям остановиться в ее доме.

Она подкупила слуг Гухасены разного рода яствами и иными подарками, и вскоре ей удалось вместе со своей ученицей попасть к нему в дом. Когда она подошла к дверям спальни Девасмиты, ей помешала пройти туда собака, посаженная рядом на цепь, чтобы не пускать незнакомых. А Девасмита, увидев монахиню, подумала: «Что ей от меня нужно?» — и сама послала служанку, чтобы та ее привела. Войдя в спальню, негодная монахиня благословила добродетельную Девасмиту и с притворным доброжелательством сказала ей: «Всегда мне хотелось с тобой познакомиться, а сегодня к тому же я увидела тебя во сне, и потому, полная нетерпения, пришла навестить тебя. У меня болит сердце, когда вижу тебя в разлуке с мужем. Ведь юность и красота бессмысленны, если отнята радость быть с любимым». Такими и подобными словами монахиня долго искушала добродетельную женщину, а затем попрощалась с ней и пошла домой.

На следующий день она взяла с собой кусок мяса, посыпанный перцем, и снова явилась в дом Девасмиты. Этот кусок мяса она дала собаке, охраняющей дверь, и собака тут же его вместе с перцем и съела. От перца из ее глаз неудержимо полились слезы и потекло из носа. А монахиня, не теряя времени, вошла к Девасмите, которая гостеприимно ее встретила, и начала, обманщица, плакать. На вопрос Девасмиты, что с ней, она с усилием проговорила: «Доченька, погляди за дверь, как рыдает там сейчас собака. Дело в том, что сегодня она узнала меня, свою подругу в прошлом рождении¹⁰⁷, и принялась плакать. Из жалости к ней и у меня ручьем полились слезы».

Услышав это и увидев, что собака на самом деле словно плачет, Девасмита подумала: «Что за чудеса?» А монахиня продолжала: «В прежнем рождении, доченька, мы обе, я и она, были женами одного брахмана. Супруг наш часто по приказанию царя уезжал от нас с посольством в дальние страны. Во время его отлучек я охотно встречалась с другими мужчинами и не отказывала пяти своим органам чувств в наслаждении. А ведь известно, что нет у человека долга выше, чем не причинять вред органам чувств. Поэтому-то, родившись вновь на земле, я не забыла прошлых своих рождений. Она же по своему невежеству блюла только свою добродетель, поэтому и родилась собакой, хотя, как видишь, все-таки помнит свою былую жизнь».

«Что за странный долг? Наверное, она готовит какое-то мошенничество», — подумала рассудительная Девасмита и сказала монахине: «До сих пор, почтенная, я ничего не знала о таком долге. Но раз так, то устрой мне свидание с каким-нибудь красивым мужчиной». На это монахиня ответила: «Из дальней страны сюда приехали несколько купеческих сыновей. Их-то я и приведу к тебе».

С этими словами довольная монахиня пошла домой, а Девасмита по секрету сказала своим служанкам: «Вероятно, эти купцы увидели в руке моего мужа неуязвимый лотос и узнали у него, когда он был пьян, в чем здесь дело. Затем, желая меня обесчестить, эти негодяи приехали из своей страны сюда и прибегли к помощи этой подлой монахини. Поэтому принесите поскорее вина, подмешайте в него дурману, а потом пойдите и закажите сделать собачью лапу из железа». Так велела Девасмита, и служанки все это выполнили, а одна из них, по приказанию госпожи, переоделась в ее платье.

Между тем монахиня среди четырех юношей, каждый из которых хотел быть первым, выбрала одного и вместе с ним ушла. Нарядив его в платье своей ученицы, она привела его вечером в дом Девасмиты, а затем незаметно скрылась. Там купеческого сына с почетом встретила служанка, переодетая Девасмитой, и напоила вином, смешанным с дурманом. Это вино, словно его собственные нечестивые помыслы, лишило юношу рассудка, и тогда служанки сняли с него платье, оставив совершенно голым. Затем собачьей лапой они выжгли ему на лбу клеймо и ночью бросили в канаву, полную нечистот. Когда в последнюю стражу ночи он пришел в себя, то увидел, что лежит в канаве, словно понал за свои греховные помыслы в ад Авичи ¹⁰⁸.

Тогда купеческий сын поднялся, вымылся и, прикрывая руками клеймо на лбу, возвратился голый в дом монахини. Чтобы не только над ним одним посмеялись, он объявил остальным своим друзьям, что по дороге домой его ограбили. А наутро, сославшись на сильную головную боль от бессонной ночи и обильной выпивки, обвязал заклеянный лоб куском материи.

Вечером второй юноша отправился в дом Девасмиты, и с ним обошлись так же дурно. Возвратившись голым, он, как и первый, сказал: «Хотя я оставил у Девасмиты все свои украшения, на обратном пути меня ограбили вору». А наутро и он под предлогом головной боли прикрыл повязкой клеймо на своем лбу.

Так все эти купеческие сыновья, хотя им и удалось скрыть это, один за другим получили клеймо на лоб, лишились своего имущества и претерпели вдобавок дурное обращение и унижение.

«Пусть и ей достанется так же», — решили они про себя и, утаив свой позор от монахини, уехали. А она, радуясь, что добилась своей цели, на следующий день отправилась с ученицей в дом Девасмиты. Девасмита приняла ее с почетом и поднесла ей как будто из благодарности вино, смешанное с дурманом. Когда же монахиня и ее ученица опьянели, эта верная жена велела отрезать им уши и нос и выбросить в сток для нечистот.

Девасмиту, однако, беспокоило, что, уехав, эти купеческие сыновья попытаются убить ее мужа, и она рассказала о том, что произошло, своей свекрови. На это свекровь сказала ей: «Доченька, ты поступила правильно. Но как бы это не при-

несло вреда моему сыну». Тогда Девасмита ответила: «Как некогда Шактимати своей мудростью спасла мужа, так и я спасу своего». «А как Шактимати спасла мужа? Расскажи, доченька», — попросила ее свекровь, и Девасмита в ответ рассказала:

Рассказ о Самудрадатте и Шактимати

«В нашей стране, внутри города¹⁰⁹, воздвигнуто предками святилище могучего и славного якши по имени Манибхадра¹¹⁰. Местные жители приходят к нему с просьбами и приносят различные дары, чтобы исполнились их желания. Если же ночью какого-нибудь мужчину застанут с чужой женой, то их запирают внутри святилища, а утром его и эту женщину ведут на царский суд, там рассказывают о том, что случилось, и наказывают. Таков закон.

Однажды городской стражник поймал купца по имени Самудрадатта, который ночью пришел на свидание с чужой женой. Он отвел купца и эту женщину в храм якши и запер снаружи, плотно задвинув засов. Тем временем о случившемся узнала мудрая и верная жена этого купца по имени Шактимати. Решительная женщина переоделась, взяла подношения и, пригласив с собой для храбрости подруг, отправилась ночью к святилищу якши. Когда она пришла туда, жрец храма, жадный до даров, пустил ее внутрь, отворив с разрешения начальника стражи двери. Войдя и увидев своего пристыженного мужа с другой женщиной, она поменялась с ней своим платьем и велела уходить. Та вышла в платье Шактимати и скрылась в темноте ночи, а Шактимати осталась в святилище вместе с мужем.

Утром, когда пришли провести расследование царские чиновники, все увидели, что купец заперт со своей собственной женой. Когда царь узнал об этом, он, словно из пасти смерти, освободил купца из храма якши и наказал начальника стражи.

Вот как некогда Шактимати спасла своей мудростью мужа. Я тоже пойду и спасу моего мужа хитростью».

Так сказав по секрету своей свекрови, Девасмита вместе со своими служанками переоделась в купеческое платье и, сев на корабль, отправилась под предлогом торговых дел в страну Катаха, где находился ее муж.

Прибыв туда, она увидела как-то на улице, среди купцов, мужа своего, Гухасену, который словно олицетворял собой ее утешение. И он, издали заметив ее, одетую в мужское платье, казалось, пожирал ее глазами, размышляя: «Кто этот купец, так похожий на мою любимую?»

Между тем Девасмита пришла к тамошнему царю и заявила ему: «У меня к тебе просьба. Собери своих подданных». Тогда царь собрал всех горожан и с любопытством спросил Девасмиту, одетую в купеческое платье: «Так что же у тебя за просьба?» Девасмита ответила: «Здесь, среди толпы, найдутся четверо сбежавших от меня рабов. Возврати мне их, божественный». На это царь сказал ей: «Перед тобой все жители города. Если ты среди них опознаешь своих рабов, бери их».

Тогда она забрала четырех купеческих сыновей, которые стояли с обвязанными головами и с которыми ранее она так дурно обошлась в своем доме. «Это — сыновья богатых торговцев; как же они могут быть твоими рабами», — с гневом сказали ей бывшие там купцы. Тогда она ответила им: «Если вы мне не верите, то взгляните на их лбы, которые я заклеила собачьей лапой». Послушавшись ее, они сняли с голов четырех юношей повязки, и тут все увидели на их лбах клеймо от собачьей лапы. Все купцы были пристыжены, и тогда сам царь, преисполненный удивления, спросил Девасмиту, в чем тут дело. Она рассказала все, как было, и народ принялся смеяться, а царь сказал ей: «Поистине, они твои рабы». Тут остальные купцы, чтобы освободить четырех юношей от рабства, дали верной жене много денег, а купеческих сыновей наказали от имени царя.

Девасмита взяла эти деньги и, вновь обретя мужа, возвратилась в свой город Тамралипти, окруженная уважением всех добрых людей. И больше она уже не расставалась с любимым своим супругом.

Так, божественная, женщины благородного происхождения своими праведными и мужественными делами всегда чтут мужа и ни о ком другом не помышляют. Ибо для добродетельных жен супруг — высшее божество».

Услышав по дороге в Каушамби из уст Васантаки этот превосходный рассказ, Васавадатта, хотя она еще так недавно покинула дом отца, перестала стыдиться; и сердце ее, которое и раньше было полно глубокой любви к Удаяне, царю ватсов,

теперь вообще ничего не хотело знать, кроме одной преданности мужу.

Вот пятая волна книги «Начало рассказа» в «Океане сказаний» великого поэта Сомадевы.

ВОЛНА ШЕСТАЯ

●

Когда царь ватсов находился в лесу Виндхья, к нему прибыл телохранитель Чандамахасены. Приблизившись к царю и почтительно перед ним склонившись, он сказал: «Царь Чандамахасена посылает тебе такое послание: «Я доволен, что ты по собственной воле похитил Васавадатту, ибо только ради того я и привел тебя к себе. Я не принуждал тебя жениться на ней, пока ты был моим пленником, потому что опасался, что в таком случае ты не будешь любить ни меня, ни ее. Теперь же, царь, прошу тебя, подожди немного, дабы свадьба моей дочери не свершилась вопреки принятым обычаям. Скоро прибудет к тебе мой сын Гопалака, он и устроит свадьбу своей сестры согласно положенному обряду».

Передав царю ватсов это послание, телохранитель осведомил о нем и Васавадатту. Вслед за тем радостный владыка ватсов решил возвратиться с ошастливленной Васавадаттой в Каушамби. «Подождите здесь прибытия Гопалаки, а потом вместе с ним следуйте в Каушамби», — так сказал Удайна телохранителю своего тестя и другу своему Пулиндাকে, оставив их в лесу Виндхья.

На следующее утро выступил великий царь вместе с царицей Васавадаттой в путь к своей столице. Его сопровождали величественные слоны, покрытые потоками мады¹¹¹, словно вершины Виндхья ожили и пошли за ним, не желая расстаться. Гулким эхом от топота множества ног солдат и лошадей его прославляла земля, как будто придворные поэты возносили ему свои гимны. А тучи пыли, вздымавшиеся к небу от шествия войска, внушили страх самому Индре, что горы от радости вновь обрели крылья¹¹².

На второй или третий день достиг Удайна своего царства и одну ночь отдыхал в доме у Руманвата. На следующее утро настало, наконец, великое торжество — царь со своей любимой вступил в Каушамби, все жители которой в страстном нетерпе-

нии устремили свои взоры на дорогу. Вычищенный и празднично украшенный женщинами, этот город сиял, словно жена при прибытии долгожданного мужа. И горожане, чьи страдания кончились, любовались царем ватсов и его супругой, как павлины любят тучей, опоясанной молнией¹¹³. А жены горожан, выйдя на крыши домов, загородили своими лицами небо, так что казалось, что золотые лотосы расцвели по берегам небесного Ганга¹¹⁴.

Затем Удайна вместе с Васавадаттой, словно с богиней Шри, принесшей ему счастье, вошел в свой дворец. Заполненный васальными царями, пришедшими выразить свою покорность, оглашаемый радостными гимнами придворных певцов, этот дворец как бы пробудился ото сна.

Вскоре явился брат Васавадатты Гопалака в сопровождении телохранителя и Пулиндаки. Царь встал со своего трона, чтобы приветствовать гостя, а Васавадатта с широко открытыми от счастья глазами встретила его приход как новую радость. Когда она увидела своего брата, то подумала: «Мне нечего стыдиться», — и тут же удержала слезы, готовые хлынуть из глаз. Уже раньше, узнав о послании отца, она воспряла духом, а теперь, когда приехал ее родственник, чувствовала себя совершенно счастливой.

На следующий день Гопалака, согласно положенным обрядам, устроил торжественную свадьбу Васавадатты и владыки ватсов. Когда Удайна взял руку Васавадатты, казалось, что он коснулся прекрасного цветка, распустившегося на лиане любовной страсти. А у нее, как только она почувствовала прикосновение руки любимого, от блаженства закрылись глаза, затрепетали и покрылись испариной члены и поднялись все волоски на теле¹¹⁵ и видно, в этот момент ее одна за другой пронзили стрелы из цветочного лука Бога любви: Стрела, лишающая чувств, и Стрела ветра, и Стрела воды¹¹⁶. Когда же она слева направо обходила священный огонь¹¹⁷ и ее глаза стали темно-красными от дыма, можно было подумать, что какой-то хмельной напиток сделал ее еще более прекрасной.

Владыка ватсов наполнил свою сокровищницу драгоценными камнями, переданными ему Гопалакой, и подарками своих васалов и поистине сравнялся теперь в богатстве с самим Раджараджей¹¹⁸.

Когда свадьба закончилась, молодые супруги показались на глаза народу, а затем счастливые удалились в свои покои. По случаю своего торжества царь ватсов почтил Гопалаку и Пу-

линдаку собственным платьем и царскими тюрбанами и приказал Яугандхараяне и Руманвату щедро наградить всех вассальных царей и горожан.

Тогда сказал Яугандхараяна Руманвату: «Царь дал нам трудное поручение, ибо нелегко угадать желания народа. Даже один недовольный ребенок может возбудить сильный гнев. Послушай, например, друг, историю о Балавинаштаке.

Рассказ о Балавинаштаке

Жил некогда один брахман по имени Рудрашарман, и были у него, когда он сделался домохозяином¹¹⁹, две жены. Одна из них, родив ему сына, умерла, и тогда он поручил этого сына заботам мачехи. Когда сын немного подрос, мачеха стала давать ему дурную пищу, и от этого тело мальчика стало серого цвета, а живот раздулся. «Как же ты не досмотрела за моим сыном, который остался без матери?» — спросил тогда Рудрашарман у своей второй жены. «Что же мне с ним делать? — отвечала она мужу. — Сколько я о нем ни забочусь, как ни усердствую, он все больше таким становится». — «Видно, на самом деле такова его природа», — подумал брахман. Ибо кто не поверит лживым и коварным речам женщин! Так и стали в отцовском доме называть этого мальчика Балавинаштакой, потому что он казался мальчиком-калекой¹²⁰.

«Моя мачеха все время обижает меня; будет справедливо, если я ей как-нибудь отомщу», — так подумал про себя этот Балавинаштака, который, как это ни странно, был очень умен, хотя ему едва минуло пять лет. И вот однажды, когда его отец возвратился с царского двора, он прошептал ему украдкой: «Отец, а у меня два отца». Мальчик стал повторять это каждый день, и тогда его отец, подозревая, что у жены есть любовник, прекратил с ней всякое общение. Она же подумала: «Отчего гневается на меня супруг, хотя нет за мной никакой вины? Не дело ли это рук Балавинаштаки?» Она заботливо умыла Балавинаштаку, дала ему вкусной еды и, посадив к себе на колени, спросила: «Сынок, не ты ли сделал так, что твой отец Рудрашарман сердится на меня?» В ответ мальчик сказал своей мачехе: «Я не буду тебе больше вредить, если и ты перестанешь с сегодняшнего дня меня мучить. О своих детях ты заботишься, почему же меня все время обижаешь?» Услышав это, она дала

ему клятву, что больше не будет так поступать, и смиренно попросила помирить с мужем. Тогда мальчик сказал ей: «Когда отец вернется, пусть какая-нибудь из твоих служанок подаст ему зеркало. Остальное я беру на себя». Мачеха согласилась, и, как только Рудрашарман пришел домой, служанка по ее приказанию дала ему посмотреться в зеркало. В тот же момент мальчик, указывая на отражение в зеркале, проговорил: «Отец, вот мой второй отец». Услышав это, Рудрашарман избавился от подозрений и с этих пор стал ласков со своей супругой, которую винил без вины.

Вот так даже мальчик может причинить вред, если его обидеть. Поэтому нам нужно постараться, чтобы был доволен весь народ».

После этого Яугандхараяна вместе с Руманватом одарили всех людей, собравшихся на праздник царя ватсов. Цари, прибывшие на свадьбу, были настолько ими довольны, что каждый из них подумал: «Только ко мне одному они так расположены». А обоим своим министрам вместе с Васантакой воздал почести сам царь Удайна, собственноручно наградив их богатой одеждой, благовониями, украшениями, а также пожаловав им деревни.

Окончилось свадебное празднество, и у владыки ватсов, соединившегося с Васавадаттой, исполнились все его желания. Наконец-то их любовь увенчалась нескончаемой чредой наслаждений — пылких, как у пары чакравак, измученных ночной разлукой ¹²¹. И чем больше молодые супруги узнавали друг друга, тем больше, как бы заново, расцветала их страсть.

Спустя некоторое время по повелению отца, устроившего свадьбу, уехал Гопалака, и царь ватсов просил его поскорее вернуться.

Между тем ветреный Удайна продолжал иногда тайком встречаться со служанкой гарема Вирачитой, с которой он сошелся раньше. По ошибке ее именем он назвал однажды царицу и, припав к ее ногам, умолял о милости; и царица окропила любимого своими слезами, как бы даруя ему верховную царскую власть ¹²².

И еще один случай — с царевной по имени Бандхумати, которую захватил в плен Гопалака и послал в дар царице. Васавадатта взяла ее под свое покровительство, дав ей новое имя — Маньджулика; и была эта девушка словно вторая богиня Шри, поднявшаяся из океана красоты ¹²³. При содействии Васантаки царь встретился с ней в беседке, увитой лианами, и тайно соче-

тался браком по обряду гандхарвов¹²⁴. Однако Васавадатта, оставшись незамеченной, их выследила и, разгневавшись, приказала посадить Васантаку в темницу. Тогда царь попросил помощи у ее подруги, монахини Санкритьяйни, которую Васавадатта взяла к себе из отцовского дома. Монахиня развеяла гнев главной царицы, и та по ее совету отдала Бандхумати царю, ибо мягки сердца у добродетельных жен.

Затем царица освободила из тюрьмы Васантаку, а он пришел к ней и с улыбкой сказал: «Перед тобой, царица, провинилась Бандхумати; я-то в чем виноват? В гневе на гадюк ты нападаешь на ужей».

«Поясни мне твоё сравнение», — с любопытством попросила его царица, и Васантака рассказал в ответ:

Рассказ о Руру и Прамадваре

«Некогда сын отшельника по имени Руру увидел в своих скитаниях девушку удивительной красоты. Она была дочерью апсары Менаки¹²⁵ и видьядхары, и ее вырастил в своей обители отшельник Стхулакеша. Прамадвара — так звали девушку — настолько при встрече пленила сердце Руру, что он пошел и попросил у Стхулакеши ее руки. Стхулакеша обещал отдать девушку ему в жены, но когда свадьба была уже близко, Прамадвару ужалила змея. Сердце Руру охватило отчаяние, но тут он услышал голос с неба: «Брахман, хотя срок ее пребывания на земле истек, ты можешь оживить ее ценой половины собственной жизни». Услышав это, он отдал ей тогда половину своей жизни, и когда она восстала из мертвых, женился на ней. С тех пор, всякий раз как Руру встречал змею, он в гневе ее убивал, думая, что, может быть, именно эта укусила его жену.

Но вот один уж, когда он собирался убить его, сказал ему человеческим голосом: «Брахман, ты гневаешься на гадюк; зачем же истребляешь ужей? Твою жену укусила гадюка, а ужьи от гадюк отличаются: гадюки ядовиты, а у ужей нет яда». Выслушав ужа, Руру спросил его: «Кто ты, друг?» — а тот ответил ему: «Брахман, я отшельник и стал змеей из-за проклятия. Но срок проклятия кончился после беседы с тобой». Так сказав, он исчез, и Руру больше не убивал ужей.

Поэтому-то, царица, я и привел тебе это сравнение: в гневе на гадюк ты нападаешь на ужей».

Произнеся эти слова с лукавой усмешкой, Васантака кончил рассказывать, и Васавадатта, сидящая рядом с мужем, больше на него не сердилась.

Так влюбленный парь ватсов Удайна, всякий раз, когда царица гневалась, припадал к ее ногам и просил Васантаку успокоить ее своими пленительными, как мед, разнообразными и искусными рассказами. И всегда с тех пор у этого царя-счастливицы язык был увлажнен лишь ароматным вином, слух прикован к звукам сладостной лютни, а взор не отрывался от лица любимой жены.

Вот шестая волна книги «Начало рассказа» в «Океане сказаний» великого поэта Сомадевы.

Вторая книга по названию «Начало рассказа» окончена.

КНИГА ТРЕТЬЯ ЛАВАНАКА ¹

Как некогда напиток бессмертия возник из океана, взволнованного раскачиванием Мандары, так этот рассказ возник из уст Хары, взволнованного страстью к дочери благородного Гириндры. Те, кто без промедлений вкусят его сладости, избавятся от препятствий, добьются успеха и еще на земле по милости Бхавы достигнут сана богов.

ВОЛНА ПЕРВАЯ

●

Слава Устранителю препятствий!² Сам Творец³, я думаю, искал его благосклонности, чтобы беспрепятственно завершить создание вселенной.

Бог любви, вооруженный пятью стрелами⁴, царит над миром. По его велению трепещет даже Шанкара⁵, всякий раз, как его обнимает любимая.

Царь Удаяна, владыка ватсов, женившись на Васавадатте, мало-помалу всем своим сердцем и помыслами отдался счастью ее любви. А его главный министр Яугандхараяна и военачальник Руманват и днем и ночью несли на своих плечах все бремя царской власти.

Однажды ночью министр Яугандхараяна привел Руманвата к себе домой и озабоченно сказал ему: «Владыка ватсов — отпрыск рода Панду⁶, ему по праву должна принадлежать вся земля, и в том числе город, прозванный Слоновым⁷. Между тем наш царь и не думает об этом, равнодушный к военной славе, и все его царство состоит из одной лишь нашей страны. Беспечный, он привязан только к женщинам, вину и охоте, а все заботы о царстве переложил на нас. Поэтому следует нам прибегнуть к нашей мудрости, чтобы покорить для него всю землю — его наследственное владение. Если мы сделаем это, то выполним свой долг подданных и министров. Разумом же можно всего добиться. Послушай, например, такой рассказ:

Рассказ о царе Махасене и искусном лекаре

Некогда был царь по имени Махасена, и напал на него другой царь, еще более могущественный. Тогда собрались министры Махасены и, чтобы спасти себя от гибели, посоветовали Махасене покориться врагу. Уступив власть, гордый царь очень страдал. «Как мог я склониться перед врагами?» — думал он все время. От печали внутри его тела образовался нарыв, и царь так был измучен и нарывом, и своим горем, что оказался на грани смерти.

Убедившись, что лекарства тут бессильны, один мудрый лекарь, прибегнув к обману, сказал царю: «Царь, твоя жена умерла!» Услыхав неожиданное известие, царь упал на землю, и от сильного волнения, вызванного горем, нарыв сам собой

лопнул. Одолев болезнь, царь долго еще вкушал вместе с царицей желанные радости жизни и вновь победил своих врагов.

Как этот лекарь благодаря своей мудрости принес Махасене счастье, так и мы сделаем счастливым Удаюну и добудем для него всю землю.

Здесь у нас на пути стоит один Прадьюта, владыка Магадхи⁸. Он наш враг и постоянно угрожает нам с тыла. Но у него есть красавица-дочь Падмавати, и мы должны приложить все усилия, чтобы сделать ее женой владыки ватсов. Для этого спрячем где-нибудь Васавадатту, а потом подожжем ее покои и распустим слух, что царица сгорела. Если этого не сделать, царь Магадхи не выдаст за Удаюну свою дочь. Я уже спрашивал его об этом, и он мне ответил: «Я не отдам свою дочь, которая мне дороже жизни, за владыку ватсов, потому что слишком велика его любовь к Васавадатте». Да и царь ватсов ни на ком другом не женится, пока жива царица. Но когда распространится слух, что она сгорела, все пойдет успешно. Как только нам достанется Падмавати, царь Магадхи, став нашим родственником, перестанет угрожать нам и вступит с нами в союз. Тогда мы выступим в поход на восток, а затем на завоевание остальных стран света, и так, шаг за шагом, покорим для владыки ватсов весь мир. Если только мы проявим рвение, наш царь добудет себе всю землю, ибо так предсказал божественный голос».

Выслушав эту речь Яугандхараяны, лучшего из министров, Руманват, опасаясь необдуманных решений, возразил ему: «Как бы обман, на который мы пойдем ради Падмавати, не обернулся для нас бедою. Послушай-ка такой рассказ:

Рассказ о лживом монахе

Есть на берегу Ганга город по названию Макандика⁹. В нем некогда жил один нищенствующий монах, давший обет молчания. Он питался лишь подаянием, вокруг него всегда теснились кающиеся; и жилищем его была одинокая келья внутри ограды храма. Однажды, собирая подаяние, он попал в дом некоего купца и встретил там прекрасную девушку, которая вышла дать ему милостыню. Любуясь ее красотой, мошенник, оказавшийся во власти любви, воскликнул: «Ах, ах, ах!» А купец его услышал.

Когда монах, собрав милостыню, возвратился в свою келью, купец тайком явился к нему и спросил с удивлением: «Отчего

сегодня ты вдруг нарушил обет молчания и заговорил?» Выслушав купца, монах так ему ответил: «У твоей дочери несчастливые приметы. Когда наступит срок ее свадьбы, тебе непременно предстоит потерять и жену, и сына. И вот, когда я увидел ее, меня охватила печаль, ибо ты меня считаешь. Ради тебя и теперь с тобой говорю я, нарушая обет молчания. Так вот, ночью посади свою дочь в корзину, а на крышке корзины укрепи светильник и пусти эту корзину в Ганг».

«Хорошо», — согласился купец и, возвратившись домой, в испуге этой же ночью все так и сделал. Ведь трусы всегда безрассудны.

А тем временем нищенствующий монах сказал своим приверженцам: «Ступайте к Гангу, и если увидите, что по нему плывет корзина со светильником наверху, тайно доставьте ее сюда. Но ни в коем случае не открывайте корзины, даже если услышите внутри ее шум». — «Да будет так», — ответили ему его ученики и ушли, но прежде чем они достигли Ганга, к реке подошел некий царевич. Там он заметил освещенную светильником корзину, которую бросил в воду купец, приказал слугам принести ее и тут же из любопытства открыл. Он увидел в корзине девушку, красота которой свела его с ума, и немедленно женился на ней по обряду гандхарвов¹⁰. А корзину он не тронул, только посадил в нее страшную обезьяну и со светильником, укрепленным наверху, снова пустил в Ганг.

Затем царевич вместе с доставшейся ему девушкой-сокровищем удалился, а к Гангу в поисках корзины явились ученики нищенствующего монаха. Они обнаружили эту корзину, выловили ее и отнесли к монаху. Тот обрадовался и сказал им: «Я возьму эту корзину наверх и совершу над ней заклинания, а вы должны оставаться внизу и провести эту ночь в молчании». Сказав так, монах втащил корзину на верх своей кельи и, в страстном томлении по дочери купца, открыл ее. Тут выскочила из корзины страшного вида обезьяна и набросилась на монаха с такой яростью, словно в ней воплотилось его злодейство. В одно мгновение обезьяна отодрала своими зубами у него джодя нос, а когтями — уши, как будто была его палачом¹¹. И когда в таком виде этот монах спустился вниз, ученики, заведя его, с трудом удержались от смеха. А наутро, узнав о случившемся, хохотал весь народ. Купец же и его дочь были счастливы, потому что ей достался хороший муж.

Так вот, так же как стал посмешищем этот нищенствующий монах, и мы можем быть осмеяны, если, прибегнув к обману,

не добьемся успеха. Ведь разлука царя и Васавадатты грозит большой опасностью».

На эти слова Руманвата Яугандхараяна так отвечал: «Никаким другим способом нам не достичь успеха; а если будем бездействовать, то при царе, отдавшемся удовольствиям, непременно погибнет и то, что еще у нас остается. Тогда лишимся мы приобретенной славы мудрых министров и изменим нашему долгу преданности господину. Ведь если царь в своих делах полагается на самого себя и считает министров лишь орудием своих решений, от них тогда действительно ничего не зависит; но если царь в своих свершениях опирается на министров, то их мудрость — единственный залог успеха. И раз они бездействуют, царь может навсегда распрощиться со своим счастьем.

Но может быть, ты колеблешься из-за Чандамахасена, отца царицы? Знай, что и он, и его сын, и сама царица поступят так, как я им посоветую».

Так говорил мудрейший среди мудрых — Яугандхараяна. Но Руманват, чье сердце предчувствовало опасность, снова сказал: «От скорби разлуки с любимой страдает даже тот, кто умеет рассуждать трезво. Что же тогда будет с царем ватсов? Послушай, например, такой рассказ:

Рассказ о царе Девасене и Унмадини

Некогда был царь по имени Девасена, мудрейший среди мудрых, и столицей его был город по названию Шравасты¹². В этом городе жил один очень богатый купец; у него родилась дочь, с которой, поистине, никто не мог сравниться. Когда девушка выросла, ее стали называть Унмадини, потому что любой человек, увидев ее красоту, сходил с ума¹³.

«Мою дочь никак нельзя выдать замуж без ведома царя; иначе он разгневется», — так подумал купец, ее отец, и, придя к царю Девасене, сказал ему: «Царь, у меня есть дочь-сокровище. Возьми ее себе, если она тебе подойдет».

Выслушав его, царь позвал к себе брахманов, которым доверял, и приказал им: «Пойдите и взгляните, обладает ли она счастливыми признаками, или нет». — «Да будет так», — ответили дваждырожденные¹⁴ и удалились. Когда же увидели они купеческую дочь Унмадини, тотчас пришли в замешательство и сами почувствовали к ней влечение. «Если царь на ней женится, — подумали эти брахманы, овладев собой, — ею одной

будет поглощен его ум, он забросит дела царства, и все погибнет. Зачем же она нам нужна?» И они пошли к царю и солгали ему, сказав так: «У этой девушки дурные признаки».

Тогда купец выдал Унмадини, отвергнутую царем и чувствовавшую себя униженной, ~~за~~ царского военачальника. Однажды, когда Унмадини уже жила у своего супруга, она узнала, что по дороге рядом с домом должен проехать царь, и вышла на крышу, чтобы его встретить. Как только царь увидел Унмадини, подобную магической стреле, которой Кама приводит в смятение мир¹⁵, он словно лишился рассудка. Возвратившись во дворец и узнав, что это та, которой он раньше пренебрег, царь, охваченный раскаянием, стал испытывать муки любви, словно лихорадка сжигающей его душу.

«Считай ее рабыней, а не чужой женой, и возьми себе, иначе я сделаю ее гетерой в храме, чтобы ты смог обладать ею, мой господин», — настойчиво просил царя его военачальник, супруг Унмадини, но царь так отвечал ему: «Я не возьму чужой жены; если же ты бросишь ее, то нарушишь закон и будешь мною наказан». Слыша это, и военачальник, и другие министры принуждены были молчать, царь же от любовной лихорадки вскоре сошел в могилу.

Так погиб этот царь вдали от Унмадини, хотя и был он тверд духом. Что же будет с царем ватсов, если он лишится Васавадатты?»

Выслушав Руманвата, Яугандхараяна сказал: «Цари, со знающие свой долг, умеют переносить страдания. Разве Рама, когда боги, стараясь истребить Равану, разлучили его с царицей Ситой¹⁶, не вынес боль разлуки?»

На это Руманват ответил: «Ведь Рама и такие, как он, — боги, их рассудок может все претерпеть. Но не стоек рассудок у смертных. Послушай об этом такой рассказ:

Рассказ о купце Яиллаке

Есть на земле большой город Матхура¹⁷, богатый множеством драгоценных камней. В нем жил один купеческий сын по имени Яиллака, и у него была любимая жена, чье сердце было привязано к нему одному. Они жили, не разлучаясь, но однажды этот сын купца собрался уехать по важному делу в другую страну. Тогда и его жена пожелала отправиться вместе с ним, ибо женский разум, если он послушен любви, не в силах

вынести разлуки. Но хотя она и приготовила дорожное платье, Яиллака не взял жену с собой и, совершив положенный обряд, пустился в путь один.

Когда он уходил, она стояла во дворе, прислонившись к створке дверей, и глазами, полными слез, смотрела ему вслед. И даже после того как он скрылся из виду, она, словно оцепенев, не могла сдвинуться с места, а потом испустила дух, не в силах справиться с разлукой.

Как только сын купца узнал об этом, он тут же вернулся, но увидел, что жизнь уже оставила его сраженную горем жену. При этом она была еще прекрасна, хотя стала бледна, как тень; ее волосы были распущены, и казалось, что в ней воплотилась вся прелесть луны, незаметно сошедшей с неба на землю. Он взял ее на колени и начал так рыдать, что, словно бы испугавшись его плача, жизнь покинула его тело, спаленное огнем горя.

Так от разлуки друг с другом погибли эти супруги. Поэтому нужно хранить от разлуки наших царя и царицу».

Так сказал Руманват, полный опасений, и замолчал. А мудрый Яугандхараяна, океан неисчерпаемого мужества, ответил ему: «Я все уже решил. От царей же подобного поведения требует долг. Послушай, например, один рассказ:

Рассказ о царе Пуньясене

Некогда был в Удджайини¹⁸ царь по имени Пуньясена. Однажды на него напал другой могучий царь. Тогда его мудрые министры, видя, что врага победить трудно, повсюду распространили ложную весть, что царь умер. Спрятав Пуньясену в тайном убежище, они сожгли с царскими почестями труп кого-то другого, а к своему врагу отправили вестника с таким посланием: «Поскольку нет у нас царя, будь ты теперь нашим царем». Как только обрадованный враг согласился, они собрали свои армии и неожиданно разгромили его лагерь. Когда же вражеское войско было разбито, эти министры вывели из убежища царя Пуньясену, а его врага казнили, достигнув полного могущества.

Вот как иногда должны поступать цари. И мы тоже мужественно выполним свой долг, если распространим весть, что царица стореда».

Выслушав Яугандхараяну, чье сердце было исполнено решимости, Руманват сказал: «Если таково твое решение, то давай

позовем Гопалаку, достойного брата царицы, и, поставив его обо всем в известность, будем действовать так, как должно». «Да будет так»,— ответил Яугандхараяна, и Руманват, исполненный доверия к нему, начал осуществлять его замысел.

На следующий день оба главных министра отправили посла, чтобы он пригласил к ним Гопалаку под тем предлогом, что они хотят его повидать. И хотя не так давно дела принудили Гопалаку уехать из Каушамби, по просьбе посла он снова туда прибыл, и его появление было встречено, как праздник.

В тот же день, как только Гопалака появился, Яугандхараяна, с его согласия, привел его вместе с Руманватом вечером к себе домой. Там он рассказал ему о деле, которое он замыслил и заранее обсудил с Руманватом. И Гопалака, желая блага царю, согласился с его замыслом, хотя он и сулил страдания его сестре, ибо следует поступать так, как советуют добродетельные.

«Все это хорошо задумано. Но решив, что царица сгорела, царь ватсов может распроститься с жизнью. Следовало бы нам подумать, как уберечь его от этого. Ведь когда есть все необходимые средства для достижения успеха, главное, о чем нужно позаботиться,— это о том, как предотвратить неожиданную беду»,— снова сказал с тревогой Руманват, и Яугандхараяна, обдумавший дело со всех сторон, ответил ему: «Не стоит тревожиться; ведь юная наша царица — младшая сестра Гопалаки, и она ему дороже, чем собственная жизнь. Поэтому, когда Удаяна увидит, что Гопалака не слишком печален, он подумает, что царица, может быть, жива, и не утратит мужества. А сохранив непоколебленной твердость духа, он не станет отказываться от женитьбы на Падмавати, и тогда уж недалек будет час, когда вновь появится Васавадатта».

Все обдумав, Яугандхараяна, Гопалака и Руманват составили тогда такой план: «Под каким-нибудь предлогом мы отправимся вместе с царицей и царем в Лаванаку, ибо эта область пограничная и находится вблизи Магадхи. Там есть прекрасные места для охоты, и царь часто будет отлучаться. Тогда мы сможем, как и решили, поджечь женские покои. Царицу же мы увезем и под каким-нибудь предлогом поместим во дворец у Падмавати, чтобы та могла быть свидетельницей ее добродетели, пока Васавадатта будет скрываться».

Такой план составили они все вместе ночью, а на следующий день явились во главе с Яугандхараяной во дворец. Там Руманват обратился к владыке ватсов с такими словами: «Царь, хорошо бы было отправиться нам в Лаванаку. Это прекрасная

местность, там много земель для охоты и повсюду растет превосходный тростник, которым можно полакомиться. К тому же по близкому соседству на Лаванаку то и дело нападает владыка Магадхи. Поэтому следует отправиться в Лаванаку и ради ее защиты, и ради удовольствия».

Выслушав это, владыка ватсов, жаждущий удовольствий, решил выехать вместе с Васавадаттой в Лаванаку.

На следующий день, когда поход был уже назначен и ждали лишь благоприятного момента для отбытия, к владыке ватсов неожиданно явился мудрец Нарада¹⁹. Спустившись с неба, он осветил все окрестности своим сиянием и наполнил веселым блеском глаза присутствующих, словно месяц, из любви к своим родичам сошедший на землю²⁰. Встреченный с уважением, подобающим такому гостю, благосклонный мудрец подарил царю, павшему перед ним ниц, гирлянду цветов с райского дерева Париджаты²¹. Когда же его почтительно приветствовала Васавадатта, он обрадовал ее предсказанием, что у нее родится сын — повелитель видьядхар²² и земное воплощение бога Камы.

Затем он обратился к Удаяне, около которого стоял Яугандхараяна: «Послушай, царь, вот что я вспомнил, когда увидел твою жену Васавадатту. Давным-давно жили на земле Юдхитхира и его братья — твои прадеды. И у них пятерых была одна жена — Драупади²³. Как и Васавадатта, она не имела равных себе по красоте, и, опасаясь вреда от этого, сказал я тогда братьям: «Остерегайтесь ссор из-за жены, ибо в этом — семя бедствий. Послушайте, какой рассказ я расскажу вам в назидание:

Рассказ о Сунде и Упасунде

Было два брата, асуры²⁴ Сунда и Упасунда, которых никто не мог победить в трех мирах, ибо всех они превзошли своей доблестью. И, желая их уничтожить, Брахма повелел Вишвакарману²⁵ создать божественную нимфу Тилоттаму. Ради того чтобы не терять из виду ее красоты, когда по обряду она обходила его слева направо, стал четырехликим Шарва²⁶ и мог сразу обозревать все четыре стороны света. По приказу Брахмы Тилоттама была послана соблазнить Сунду и Упасунду в парк на горе Кайласе²⁷, где они жили. И только она приблизилась, оба асуры ее заметили и, обезумев от любви, схватили красавицу за руки. Вступив между собой в ссору, они принялись тащить ее

в разные стороны, и вскоре оба погибли в сражении друг с другом.

Так вот скажите: у кого страсть к женщине не была причиной несчастий? Вас же, тем более, здесь много, а жена у вас одна — Драупади. Поэтому, говорю вам, остерегайтесь соперничества из-за нее, и да будет у вас, по моему слову, всегда такое правило: если она пришла к старшему, пусть младший почитает ее, как мать; если же она пребывает с младшим, пусть старший видит в ней невестку».

Твои прадеды, царь, согласились с моим советом и обратили свои помыслы на общее благо. И стали они моими друзьями. Из любви к ним я и пришел сюда повидаться с тобой, владыка ватсов. Послушай поэтому, что я тебе скажу.

Как они последовали моему совету, так и ты следуй советам своих министров. Тогда вскоре придет к тебе великий успех. Но на некоторое время тебя постигнет горе. Однако ты не должен слишком сильно из-за него страдать, ибо все завершится счастливо».

Так мудрец Нарада, непревзойденный в искусстве правдого намека, предсказал царю ватсов грядущее процветание и тут же скрылся из глаз. Тогда все министры царя во главе с Яугандхараяной, заключив из слов этого лучшего из мудрецов, что их замысел увенчается успехом, еще более ревностно взялись за его исполнение.

Вот первая волна книги «Лаванака» в «Океане сказаний» великого поэта Сомадевы.

ВОЛНА ВТОРАЯ

Спустя некоторое время под предлогом, о котором уже шла речь, Яугандхараяна и его помощники отправились вместе с царем ватсов и его супругой в Лаванаку. Когда царь подошел к городу, в шуме войска, заполнившего всю местность, как бы слышалось предсказание успеха планам министров. Узнав о прибытии в Лаванаку Удаяны и его соратников, владыка Магадхи затрепетал от страха, опасаясь нападения. И, будучи человеком разумным, он направил посла к Яугандхараяне, а тот, опытный и знающий свой долг министр, приветливо с ним обошелся.

Между тем владыка ватсов, поселившись в Лаванаке, каждый день подолгу бродил в лесу, увлеченный охотой. Однажды, когда царь отправился на охоту, мудрый Яугандхараяна, договорившись обо всем с Гопалакой, тайком явился вместе с Руманватом и Васантакой к царице Васавадатте. Всячески уговаривал он ее помочь царю в том деле, о котором заранее поведал ей ее брат. И она согласилась пожертвовать собой, хотя это и сулило ей скорбь разлуки. Поистине, чего не вытерпят благородные женщины, если они преданы своему супругу!

Тогда мудрый Яугандхараяна произнес заклинание, изменяющее внешность, и преобразил царицу в брахманку; Васантаку он сделал одноглазым брахманом-подростком, а вслед за ними и себе самому придал облик старого брахмана. Затем, взяв с собой царицу, которую трудно было узнать, и Васантаку, этот великий искусник отправился, как он заранее решил, в Магадху. Так Васавадатта покинула свой дом и пошла по предначертанному ей пути, хотя в мыслях она не могла расстаться со своим мужем.

В это самое время Руманват поджег ее дворец, и тут же поднял крик: «Горе, горе! Царица сгорела вместе с Васантакой!» Огонь и крики поднялись в воздух одновременно, но огонь по-прежнему затаил, а стечения долго еще не смолкали.

Между тем Яугандхараяна с Васавадаттой и Васантакой прибыли в столицу царя Магадхи. Там, заметив, что царевна Падмавати вышла в сад, Яугандхараяна вместе со своими спутниками направился к ней, хотя его и пытались задержать стражники. Когда Падмавати увидела божественную Васавадатту, принявшую облик брахманки, она с первого взгляда почувствовала к ней любовь. И, отогнав стражников, дочь царя приказала Яугандхараяне, переодетому брахманом, подойти поближе. «Почтенный брахман,— спросила его она,— кто эта девушка рядом с тобой? И ради чего ты пришел сюда?» А он ответил: «Это, царевна, моя дочь, которую зовут Авантика²⁸. Негодный муж бросил ее и куда-то уехал. Поэтому я хотел бы оставить ее на твое попечение, высокочтимая, а тем временем отправиться на розыски ее супруга, чтобы поскорее привести его обратно. И пусть с ней вместе останется здесь вот этот одноглазый мальчик, ее брат, чтобы она не загрустила в одиночестве». Так сказал мудрый министр, и, после того как царевна ответила ему согласием, распрощался с ней и быстро возвратился в Лаванаку.

Всячески стараясь быть гостеприимной, Падмавати, обладаю-

пчая добрым сердцем, поселила Васавадатту, оставленную у нее под именем Авантики, а также Васантаку в облике одноглазого мальчика у себя во дворце, вызывавшем всеобщее восхищение. Когда Васавадатта стала жить во дворце, то, рассматривая нарисованные на его стенах картины из жизни Рамы и изображенную на них Ситу, она легче научилась переносить свое собственное горе ²⁹, Падмавати же по внешнему виду Васавадатты, по ее нежному сложению, по изысканным манерам, с которыми она спала и ела, по благоуханию ее тела, подобному запаху голубых лотосов, поняла, что рядом с ней не обыкновенная женщина, и предоставила ей право на всю ту роскошь и услуги, которыми пользовалась она сама. При этом она про себя решила: «Поистине, эта девушка скрывается в моем доме. Разве не скрывалась Драупади в доме у Вираты?» ³⁰.

Однажды Васавадатта из привязанности к царевне сделала для нее гирлянду из невянущих цветов и несмываемой краской нанесла ей на лоб тилаку ³¹, как в свое время научил ее этому искусству владыка ватсов. Когда мать Падмавати увидела у дочери эти украшения, она украдкой спросила ее: «Кто сделал тебе такие гирлянды и тилаку?» На это Падмавати ответила ей: «В моем доме живет одна девушка по имени Авантика. Она это и сделала». Выслушав ее ответ, мать сказала: «В таком случае, доченька, она не смертная женщина, а какая-нибудь богиня, раз она сведуща в этом искусстве. Ведь боги и святые мудрецы нередко вводят в заблуждение добрых людей, останавливаясь в их доме. Послушай, доченька, такой рассказ об этом:

Рассказ о Кунти

Был царь по имени Кунтибходжа. Как-то раз пришел к нему и остановился в его доме мудрец Дурвасас, не отрешившийся лишь от единственной страсти — вводить в заблуждение. Царь поручил заботы о мудреце своей дочери Кунти, и та ревностно за ним ухаживала. Однажды этот мудрец, желая испытать Кунти, сказал ей: «Я пойду искупаюсь, а ты тем временем поскорее свари в молоке рис и дай мне его поесть». Сказав это, риши быстро выкупался и приступил к еде, ибо Кунти уже принесла ему горшок, полный каши. От горячей пищи этот горшок будто пылал и его невозможно было держать в руках. Видя это, мудрец взглядом указал Кунти на ее спину. И тогда она, поняв его желание, поставила горшок себе на спину. Мудрец

посл в свое удовольствие, а Кунти сожгла себе спину; но хотя ей было очень больно, она ни разу не пошевелинулась. Довольный этим, мудрец наградил ее, когда закончил свою еду³².

Вот как жил мудрец Дурвасас у Кунтибходжи, и мне кажется, что Авантика тоже живет у тебя неспроста. Поэтому будь почтительна с нею».

Услышав из уст матери этот рассказ, Падмавати стала еще больше стараться угодить остававшейся неузнанной Васавадатте. Но Васавадатта, разлученная со своим супругом, становилась от тоски по нем все бледнее, словно лотос в полночь³³. И только всевозможные ужимки Васантаки, приличествующие его мальчишескому облику, иногда вызывали у нее, страдающей от одиночества, улыбку на лице.

Между тем царь ватсов после долгой и дальней охоты возвратился поздно вечером в Лаванаку. Там он увидел, что огонь превратил в золу женские покои дворца, и услышал от министров, что Васавадатта и Васантака сгорели.

Узнав все это, Удаяна, лишившись чувств, упал на землю, и казалось, этот обморок был послан царю, чтобы облегчить ему первую боль при известии о несчастье. Однако спустя несколько мгновений царь пришел в себя, и горе так начало жечь его сердце, как будто бы в нем пылал огонь, сгубивший царицу. Рыдающий, сломленный страданием, царь был близок к самоубийству, но тут он стал припоминать, и в голову ему пришли такие мысли: «Сын твоей жены — царицы будет владыкой видьядхар», — так сказал мне мудрец Нарада, и это не может быть ложью. Мудрец предсказал мне также, что через некоторое время меня постигнет несчастье. К тому же скорбь Гопалаки кажется мне не очень глубокой, да и Яугандхараяна со всеми прочими не выглядят слишком огорченными. Все это наводит меня на мысль, что царица, может быть, и жива. Не прибегли ли здесь мои министры к какой-нибудь политической хитрости? Тогда, возможно, я еще встречу с моей царицей. Подожду и посмотрю, чем все кончится». Так рассудив, царь, ободряемый министрами, укрепил свое сердце мужеством. А Гопалака немедленно послал к своей сестре тайного гонца, чтобы сообщить, как идут дела, и придать ей твердость духа.

Между тем царь Магадхи послал в Лаванаку своих лазутчиков. Разведав обо всех событиях, они возвратились обратно к царю и доложили ему о том, что узнали. Выслушав их, царь решил, что настал благоприятный момент, и пожелал выдать за владыку ватсов свою дочь Падмавати, тем более что его уже

просил об этом министр Удаяны. Тогда он послал посла, который поведал его желание владыке ватсов, а также Яугандхараяне. По совету Яугандхараяны Удаяна выразил свое согласие; при этом он подумал: «Может быть, только поэтому и скрылась царица!»

После этого, уверившись, что судьба ему благоприятствует, Яугандхараяна немедленно отправил к царю Магадхи своего посла. «Мы пошли навстречу твоей просьбе. Через шесть дней, на седьмой, владыка ватсов отбудет в Магадху, чтобы жениться на Падмавати. И тогда он быстро забудет Васавадатту», — вот о чем известил царя Магадхи мудрый министр. И посол отправился и передал, что ему было поручено, а царь Магадхи принял его с великой радостью.

Затем владыка Магадхи, в согласии со своим желанием и любовью к своей дочери, начал торжественные приготовления к пышной свадьбе. Падмавати, узнав о желанном женихе, была счастлива, Васавадатту же, когда она услышала ту же новость, охватила скорбь. Это известие сделало ее такой бледной, что казалось, и так уже преображенная, она хочет еще меньше быть на себя похожей. Лишь слова Васантаки: «Благодаря этому враг станет другом, а муж все равно к тебе не переменится», — словно утешение задумчивой подруги, внушили ей мужество. И поскольку свадьба Падмавати была уже близка, Васавадатта, успокоившись, начала готовить для царевны неувядающий венок и тилаку божественной красоты.

На седьмой день, как и было сказано, вместе со своим войском и министрами прибыл на свадьбу в Магадху владыка ватсов. Не будь у него тайной надежды только таким путем обрести вновь свою царицу, он, разлученный с женой, даже не помыслил бы о новой супруге! На глазах своих ликующих подданных вышел его встретить радостный царь Магадхи, будто океан, поднявшийся навстречу восходящему месяцу. И владыка ватсов вступил в столицу царя Магадхи, а для всех горожан наступил великий праздник. На него, околдовывающего своей красотой сердца, хотя тело его и исхудало от разлуки, тамошние женщины взирали словно на Смару, лишившегося Рати³⁴.

Войдя во дворец владыки Магадхи, Удаяна тут же проследовал в свадебную залу, которую заполняли замужние женщины. Посреди залы царь увидел приготовленную для обручения Падмавати, чье округлое, как луна, лицо затмевало своей красотой полный диск месяца. Заметив на ней гирлянду и тилаку божественной красоты, точно такие же, как у него самого,

царь невольно подумал: «Откуда они у нее?» Затем, взойдя на алтарь, царь взял ее руку, как будто принял дань от покоренной им земли³⁵. А дым с алтаря застилал его взор слезами, будто он из преданности Васавадатте не в состоянии был видеть праздника. И, казалось, Падмавати угадала тайные мысли жениха, потому что лицо ее, когда она обходила слева направо огонь³⁶, стало ярко-красным, словно от гнева.

Едва только кончилась свадьба, владыка ватсов выпустил руку невесты, но ни на мгновение не отпускал он Васавадатты из своего сердца. Затем царь Магадхи вручил ему столько драгоценных камней, что, казалось, земля, из которой их добыли, лишилась всех своих сокровищ. В этот момент Яугандхараяна, призвав в свидетели Агни³⁷, заставил царя Магадхи дать клятву, что он не будет питать злых умыслов против Удаяны. И долго еще длилось празднество, во время которого дарили одежду и украшения, пели лучшие из певцов, исполняли свои танцы гетеры.

Озабоченная благополучием супруга, Васавадатта старалась остаться незамеченной; она притворилась спящей, и красота ее была подобна красоте луны, появившейся среди белого дня. Но вот владыка ватсов проследовал на женскую половину дворца, и мудрый Яугандхараяна, испугавшись, что он встретится с царицей и раскроется весь их замысел, сказал царю Магадхи: «Сегодня же, господин, владыка ватсов должен покинуть твой дом». И поскольку тот ответил согласием, он известил об этом царя ватсов, и Удаяна тоже высказал свое одобрение. Поэтому вскоре уже владыка ватсов, захватив с собой еду и питье, тронулся в путь вместе с министрами и женой своей Падмавати. А свой превосходный паланкин Падмавати уступила Васавадатте, дав ей также в услужение своих придворных. И вот Васавадатта, никем не замеченная, тоже отправилась вслед за войском, взяв с собой переодетого Васантаку.

Спустя некоторое время владыка ватсов достиг Лаванаки и вошел в свой дом вместе с новой супругой, но думая об одной лишь своей царице. Прибыла в Лаванаку и Васавадатта. Отпустив своих придворных, она явилась ночью в дом Гопалаки. Встретившись там со своим братом Гопалакой, который радостно ее приветствовал, она обняла его и дала волю слезам, хлынувшим из ее глаз. В то же время, верный своему обещанию, туда пришел Яугандхараяна вместе с Руманватом, и царица оказала ему должное почтение. Но пока он старался облегчить ей горе от едва выносимой разлуки с мужем, отпущенные ею

придворные явились к Падмавати и сказали: «Сюда прибыла Авантика, царица. Но, отослав нас, она зачем-то направилась в дом царевича Гопалаки». Узнав такое от своих придворных, Падмавати ощутила тревогу и приказала им в присутствии Удаяны: «Ступайте к Авантике и скажите ей: «Ты поручена моему покровительству. Что за дела у тебя с Гопалакой? Тебе следует быть там, где нахожусь я».

Царь услышал это, и когда придворные ушли, он, оставшись наедине с Падмавати, спросил ее: «Кто сделал тебе эти венки и тилаку?» Она ответила: «В моем доме некий брахман оставил девушку по имени Авантика. Это ее замечательное искусство». Когда владыка ватсов это услышал, он подумал: «Вполне возможно, что в доме Гопалаки Васавадатта», — и бросился туда. Придя, он вошел в дом, у дверей которого ждали придворные, а внутри находились царица, Гопалака, оба министра и Васантака. Тут-то он и увидел Васавадатту, скрывшуюся и вновь найденную, словно воплощение луны, избавившейся от затмения. Тогда он пал на землю, пронзенный жалом скорби, а сердце Васавадатты затрепетало от страха за него. И она, чье тело стало бледным от разлуки, тоже пала на землю, рыдая и обвиняя себя в том, что она сделала. Так плакали эти муж и жена, измученные горем, что даже лицо Яугандхараяны увлажнилось слезами. В конце концов, услышав эти стенания, явилась туда на шум недоумевающая Падмавати. Когда она понемногу узнала обо всем, что случилось с Удаяной и Васавадаттой, то пришла в такое же отчаяние, как и они, ибо добры и мягкосердечны благородные женщины. А Васавадатта сквозь рыдания восклицала снова и снова: «Зачем мне моя жизнь, если я принесла горе моему супругу!»

«Царь, все это сделал я, желая, чтобы ты стал верховным государем и для этого взял в жены дочь царя Магадхи. А на царице нет никакой вины. Падмавати, хотя она и ее соперница, — свидетельница ее добродетельной жизни в изгнании», — так сказал тогда царю ватсов стойкий духом Яугандхараяна. «Я готова немедленно войти в огонь, чтобы подтвердить ее чистоту», — промолвила тут же Падмавати, свободная от всякой ревности. «Это я виновен перед ней в великом зле, ведь царица страдала из-за меня», — настаивал царь. «Нет, это мне нужно войти в огонь, чтобы очистить сердце царя от подозрений»³⁸, — исполненная решимости, требовала Васавадатта.

Тогда мудрый Яугандхараяна, лучший среди добродетельных, ополоснул рот водой и, повернувшись лицом к востоку, вос-

кликнул: «Если я заботился о благе царя, если царица невинна, скажите об этом, хранители мира³⁹. Иначе я лишу себя жизни». Произнеся это, он замолчал, и тогда раздался божественный голос: «Счастлив ты, царь, что имеешь министром Яугандхараяну. Счастлив ты и тем, что жена у тебя — Васавадатта, богиня в прежнем рождении. Нет на ней никакой вины». Так сказав, голос умолк. И услышав этот голос, наполнивший своим эхом все стороны неба, прекрасный, словно гром, прогремевший из только что показавшихся туч, все эти люди, так долго испытывавшие тяжкие муки, подняли свои головы, не стыдясь того, что подражают павлинам⁴⁰. А Удайна вместе с Гопалакой одобрили все, содеянное Яугандхараяной, и почудилось царю ватсов, что уже вся земля находится у него в повиновении.

Царь испытывал великую радость, имея рядом с собой двух жен, которые воплощали для него Наслаждение и Счастье и чья любовь с каждым днем расцветала все больше и больше.

Вот вторая волна книги «Лаванака» в «Океане сказаний» великого поэта Сомадевы.

ВОЛНА ТРЕТЬЯ

На следующий день, пируя в уединении с Васавадаттой и Падмавати, владыка ватсов позвал туда Гопалаку, Руманвата, Васантаку и Яугандхараяну, и они повели дружеский разговор. Слушая рассказы собеседников, великий царь и сам рассказал одну историю, которая напомнила ему о его собственной разлуке с любимой:

Рассказ об Урваши и Пуруравасе⁴¹

Жил царь по имени Пуруравас, преданный почитатель Вишну, и небо было для него доступно так же, как земля. Рассказывают, что однажды, когда он бродил по Нандане⁴², его повстречала апсара по имени Урваши, подобная Сводящей с ума стреле бога Камы⁴³. Едва только она на него взглянула, как лишилась чувств, и этим привела в ужас и трепет сердца своих

подруг во главе с Рамбхой ⁴⁴. А царь, глядя на нее, исполненную сладчайшего нектара красоты, от жажды испить этот нектар, которую он не мог утолить, тоже упал в обморок. Тогда всеведущий Хари, возлежащий на молочном океане ⁴⁵, сказал Нараде ⁴⁶, лучшему из мудрецов, пришедшему его повидать: «Божественный мудрец ⁴⁷, у царя Пурураваса, когда он гулял по саду Нандане, Урваши похитила сердце, и он лежит в обмороке, не в силах подумать о разлуке с нею. Поэтому ступай, святой мудрец, к Шатакрату ⁴⁸ и передай ему мое слово: пусть поскорей отдаст Урваши в жены этому царю».

«Да будет так», — ответил Нарада на приказ Хари, приблизился к Пуруравасу и, пробудив его от обморока, сказал: «Встань, царь! Ради тебя меня послал сюда Вишну; ведь он не оставляет в несчастье без помощи тех, кто искренне ему предан». Так сказав, мудрец Нарада пошел вместе с утешенным Пуруравасом к Царю богов ⁴⁹. Он поведал Индре слова Хари, и тот, повинувшись им всем сердцем, отдал Урваши Пуруравасу. Замужество Урваши было смертельным ударом для богов, но саму Урваши оно избавило от смерти.

Вслед за тем Пуруравас вернулся вместе с женой на землю, и глазам смертных было даровано великое чудо — лицезреть ее божественный облик. Отныне оба они, Урваши и царь, жили не разлучаясь, как бы связанные цепочкой взглядов, которые они не отрывали друг от друга.

Однажды Громовержец ⁵⁰, у которого началась битва с данавами ⁵¹, позвал Пурураваса к себе на помощь, и тот отправился на небо. После того как предводитель асур Маядхара был убит в сражении, у Шакры состоялся праздник, на котором танцевали все божественные нимфы. И вот, когда Рамбха в присутствии своего учителя Тумбуру исполняла танец, называвшийся «Чалита» ⁵², Пуруравас вдруг рассмеялся. «Мне кажется, смертный, тебе известен этот божественный танец. Не так ли?» — спросила его Рамбха со злорадством. «Благодаря Урваши, — ответил ей тогда Пуруравас, — я знаю даже такой танец, который неизвестен вашему Тумбуру». Услышав это, Тумбуру разгневался и наложил на него проклятие: «Да предстоит тебе разлука с Урваши до тех пор, пока ты не умилиставишь Кришну» ⁵³.

Выслушав это проклятие, Пуруравас удалился и поведал Урваши о случившемся несчастье, пугающем, как гром среди ясного неба. А затем, не замеченные царем, внезапно спустились с неба гандхарвы ⁵⁴, похитили Урваши и унесли ее куда-то. Зная, что виной этому — проклятие, Пуруравас отправился

тогда в обитель Бадарику⁵⁵ и предался покаянию, чтобы уми-
лостивить Хари. Урваши же оставалась в стране гандхарвов и,
сломленная разлукой, казалось, лишилась всех признаков
жизни, словно мертвая или спящая, или нарисованная на
холсте. Действительно, чудо, что она не испустила дух: лишь
надежда на конец проклятия поддерживала ее, как она поддер-
живает чакраваку во время долгих ночей разлуки⁵⁶.

Между тем Пуруравас своим покаянием снискал благосклон-
ность Ачьюты⁵⁷, и по его милости гандхарвы возвратили царю
Урваши. Когда кончился срок проклятия и царь вновь обрел
свою апсару, он, хотя и жил на земле, наслаждался с ней вместе
радостями неба.

Поведав этот рассказ, царь умолк, а Васавадатта, услышав
о преданности Урваши, почувствовала себя пристыженной, по-
тому что смогла перенести разлуку. Тогда Яугандхараяна, за-
метив, что царица, которую задел скрытый упрек царя, полна
смущения, пожелал, чтобы и царь разделил ее чувства, и ска-
зал: «Если ты его не знаешь, то послушай, царь, такой рассказ:

Рассказ о Вихитасене и Теджовати

Есть на земле город по названию Тимпра, обитель Шри⁵⁸.
В этом городе жил знаменитый царь по имени Вихитасена,
и была у него жена Теджовати — апсара среди смертных. Ее
объятия были главной целью жизни этого царя, и, страстно
стремясь к ним, царь даже мгновения не мог вынести, когда
что-нибудь могло им помешать — даже кольчуга на его теле. Од-
нажды царь заболел — его терзала изнуряющая лихорадка,
и врачи запретили ему касаться царицы. Тогда у царя, лишен-
ного любви супруги, началась болезнь сердца, не подвластная
ни лекарственным травам, ни любым иным лекарствам. «Эта
болезнь, — раскрыли ее тайну врачи министру, — исчезнет у царя
только тогда, когда он испугается или почувствует внезапный
приступ горя». — «Он не испугался, когда однажды громадная
змея упала ему на спину, он не растерялся, когда вражеское
войско ворвалось в его гарем, — откуда же взяться страху у та-
кого мужественного царя? Нет, мы не знаем, чем здесь помочь.
Что же нам делать?» — так стали сетовать министры; но, посо-
ветовавшись с царицей, они ее спрятали, а царю сказали: «Ца-
рица умерла». Несчастный царь был сражен таким великим
горем, и болезнь покинула его сердце. А когда бедствие забо-

левания осталось позади, министры возвратили царю его благородную царицу, как бы подарив ему новое счастье. И царь высоко чтит ее за спасение собственной жизни; оставаясь мудрым, он ничуть на нее не гневается за то, что она от него скрывалась.

Ибо только та заслуживает сана царицы, которая стремится к благу своего супруга; но лишь потому, что этого хочет влюбленный муж, звание царицы не достается. Первейший же долг министров — заботиться о нуждах царства, а потворствовать желаниям царя — это обязанность одних только слуг. Потому-то мы и приложили наши усилия, чтобы заключить союз с царем Магадхи, преграждавшим тебе путь к завоеванию всей земли. Потому-то и царица, которая из преданности тебе сумела вынести непереносимую разлуку, не только не совершила проступка, но оказала тебе, царь, великую услугу».

Услышав эти справедливые слова своего главного министра, царь ватсов почувствовал свою вину и воспрял духом. Он сказал: «Да, я знаю это, и мне кажется теперь, что царица, руководимая вами, словно воплощенная Нити⁵⁹, дала мне землю во владение. И еще: если я и сказал что-нибудь неподобающее, то это от слишком большой любви. Откуда взять рассудительность людям, ослепленным страстью?»

В таких и подобных им разговорах прошел для царя ватсов этот день, и вместе с ним прошло чувство стыда у царицы.

На следующий день посол от владыки Магадхи, узнавшего о случившемся, прибыл к Удаяне и передал ему такое послание: «Поскольку нас обманули твои министры, то теперь нам надлежит позаботиться, чтобы этот мир не показался нам сотканным из горя». Выслушав речь посла, владыка ватсов оказал ему должный почет и направил к Падмавати, чтобы та сама дала ему ответ. Падмавати же, искренне привязанная к Васавадатте, приняла посла в ее присутствии. Ибо верность в любви и дружбе — украшение женщины.

«Дочь моя, ты обманута, и твой муж любит другую. Вот как выпало мне горе пожать плоды рождения дочери!» — пересказал ей посол послание отца. На это ответила Падмавати: «Друг, передай от меня отцу и матери такие слова: «К чему печалиться! Мой благородный супруг очень добр ко мне, а царица Васавадатта заменила мне любящую сестру. Поэтому не следует отцу менять свои чувства к моему благородному супругу, иначе он пожертвует и своей клятвой, и моей жизнью».

Когда Падмавати дала этот достойный ее ответ, Васавадатта с почестями отпустила посла. Но после его ухода Падмавати,

вспоминая свою жизнь в отцовском доме, была, казалось, угнетена какой-то неясной тоской. Тогда, чтобы ее развлечь, к ней, по просьбе Васавадатты, пришел Васантака и поведал такой рассказ:

Рассказ о Сомапребхе и Гухачандре

«Есть город — краса земли, зовущийся Паталипутра⁶⁰. Жил в нем один богатый купец по имени Дхармагупта. У купца была жена по имени Чандрапребха. Однажды она забеременела и родила дочь, прекрасную во всем. Едва только девочка родилась, осветив весь дом сиянием своей красоты, как, приподнявшись, она села и внятно заговорила. Видя, что женщины в родильном покое поражены и испуганы, к дочери со страхом приблизился сам Дхармагупта. И, склонившись перед девочкой, он спросил ее тихим шепотом: «Кто ты, благословенная, и почему снизошла в мою семью?» А она ответила: «Ни в коем случае ни за кого не выдавай меня замуж. Оставшись в твоём доме, я принесу тебе счастье. К чему другие вопросы, отец!» После ее слов напуганный Дхармагупта тайно оставил ее в своём доме, а повсюду объявил, что его дочь умерла. Мало-помалу эта девочка, которую называли Сомапребха, подросла — смертная женщина — телом, но богиня — красотой облика.

Однажды, когда она стояла на крыше своего дома и весело любовалась праздником весны, ее увидел молодой купец по имени Гухачандра. Словно стрела Бога любви, она в тот же момент проникла в его сердце, и, едва не лишившись чувств, он с трудом добрался до дому. После этого его начала терзать лихорадка любви, и на настойчивые расспросы родителей о причине его страданий он попросил своего друга все им рассказать. Тогда его отец, которого звали Гухасена, из любви к сыну отправился в дом купца Дхармагупты просить руки его дочери. Но Дхармагупта отверг его сватовство, сказав при этом: «Что ты! Моя дочь не в своём уме». Гухасена, поняв, что это только предлог для отказа, вернулся домой. Но вновь увидев сына, измученного лихорадкой любви, он подумал: « Попрошу-ка я вмешаться царя; ведь некогда я оказал ему услугу. Пусть царь заставит выдать эту девушку замуж за моего сына, раз без нее он близок к смерти».

Так решив, купец пошел во дворец, подарил царю превосходный драгоценный камень и рассказал ему, чего он ждет от

своего господина. Царь, чувствуя к нему расположение, дал ему в помощь начальника стражи, и Гухасена отправился вместе с ним к дому Дхармагупты.

Когда солдаты со всех сторон окружили его дом, Дхармагупте показалось, что ему набросили петлю на шею⁶¹, и он стал думать, что все погибло. Тогда Сомапратха сказала Дхармагупте: «Выдай меня замуж, батюшка, чтобы не случилось по моей вине несчастья. Но у будущих моих родственников ты должен взять клятву, что мой муж никогда не попытается возлечь со мной на ложе». Послушавшись дочери, Дхармагупта согласился выдать ее замуж, но поставил условие, чтобы муж не ложился с ней на одно ложе. Гухасена принял это условие, рассмеявшись просьбе и подумав: «Пусть только у сына состоится свадьба, а там посмотрим».

И вот после свадьбы сын Гухасены Гухачандра привел свою жену Сомапратху к себе домой. А вечером отец сказал ему: «Сынок, бери жену к себе на ложе. Кто же будет спать отдельно от собственной жены!» Когда Сомапратха это услышала, она гневно взглянула на своего свекра и погрозила ему пальцем, и ее угроза оказалась приказом Ямы⁶². Как только купец взглянул на палец своей невестки, жизнь тотчас же оставила его, а всех, кто был рядом, охватил ужас.

Увидев отца мертвым, Гухачандра подумал: «Мари⁶³ взял я женой в свой дом». С тех пор Гухасена отказался от попытки приблизиться к своей жене, хотя она и жила в его доме, как будто он принял на себя обет, подобный обету «лезвие меча»⁶⁴. Соблюдая этот обет, подавленный своим горем и безразличный ко всем радостям жизни, он каждый день угощал обедом брахманов. А жена его, сияя божественным обликом, после трапезы каждый раз раздавала брахманам подарки, храня при этом молчание.

Однажды ее, вызывающую всеобщее изумление совершенством своей красоты, увидал один старый брахман, пришедший на обед к Гухачандре. Полный удивления, брахман потихоньку спросил Гухачандру: «Что это за девушка у тебя в доме? Расскажи мне». Он так настойчиво расспрашивал, что Гухачандра, со скорбящей душой, рассказал ему все, что с ним случилось. Когда этот лучший из брахманов обо всем узнал, то, исполненный сострадания, он дал Гухачандре магическое заклинание, чтобы тот умилиствовал Агни⁶⁵ и достиг желанного.

Спустя некоторое время, удалившись в потайное место, Гухачандра вполголоса произнес это заклинание, и тогда появился

человек, объятый пламенем. Это был Агни в облике брахмана, и, когда Гухачандра склонился к его ногам, он сказал ему: «Сегодня я поем в твоём доме и останусь у тебя на ночь. А как только узнаю всю правду, сделаю то, что ты хочешь». Сказав это Гухачандре, брахман вошел в его дом. Он разделил трапезу с остальными брахманами, а вечером занял место на ложе рядом с Гухачандрой, собираясь бодрствовать всю ночь. И как раз в первую стражу ночи⁶⁶, когда все спали, жена Гухачандры Сомапратха покинула его дом. В тот же момент брахман разбудил Гухачандру и сказал ему: «Пойдем посмотрим, что делает твоя жена». Силой магии он превратил себя и Гухачандру в пчел и, едва они вылетели на улицу, указал ему на его жену, удалявшуюся от дома. Красавица направилась далеко за город, а брахман вместе с Гухачандрой последовали за ней.

Вскоре за городом Гухачандра заметил огромных размеров баньяновое дерево⁶⁷, прекрасное своей густой и тенистой кроной. У его подножия играла божественная музыка, и звуки лютней и флейт сопровождали сладкое пение. В кроне дерева Гухачандра увидел какую-то девушку божественного облика, восседавшую на троне. Ее красота походила на красоту его жены, затмевая собой лунное сияние. Вокруг нее реяли белые опахала, и она была подобна богине — хранительнице сокровищ луны. А затем Гухачандра увидел свою жену, которая взобралась на дерево и уселась рядом с первой девушкой на троне. Все то время, пока он смотрел на встретившихся друг с другом божественных девушек, равных своей красотой, ему казалось, что сразу три луны озаряют эту ночь. Полный изумления, он подумал: «Что это — сон или мираж? Нет, ни то ни другое. Это из почки встречи с мудрым человеком, что налилась на древе добродетельного поведения, распустился цветок. И он сулит мне достойный плод».

Пока он так думал, божественные девушки отведали подобающей им пищи и выпили божественного вина. Затем жена Гухачандры сказала: «Сегодня, сестра, в наш дом явился некий брахман, окруженный великим сиянием. Из-за этого мое сердце полно каких-то предчувствий. Пожалуй, я пойду». И попрощавшись с первой божественной девушкой, жена Гухачандры спустилась с дерева. Увидев это, Гухачандра и брахман, преобразенные в пчел, опередили ее в темноте ночи и первыми оказались дома. Вскоре после них вернулась домой божественная девушка, жена Гухачандры, и незаметно прокралась к себе в комнату.

Тогда брахман прервал молчание и так сказал Гухачандре: «Ты убедился, что природа твоей жены божественная, а не человеческая. Ты повидал сегодня и ее сестру, во всем ей подобную. К чему же божественной женщине искать любви простого смертного? Но чтобы ты своего добился, я сообщу тебе заклинание, которое ты должен написать на дверях дома, а для того чтобы оно подействовало сильнее, научу тебя еще одному средству. Огонь и сам по себе пылает, но насколько ярче он горит, если его раздувает ветер. Так и заклинание: оно само принесет пользу, но лучше подкрепить его еще чем-нибудь». Так сказав, этот лучший из брахманов дал Гухачандре заклинание, обучил его также иному средству добиться успеха, а затем, на рассвете, исчез.

Гухачандра же начертал это заклинание на дверях спальни своей жены и после этого, чтобы снискать ее любовь, вечером прибег к такой хитрости. Надев свои лучшие украшения, он на ее глазах стал прогуливаться и болтать с одной красивой женщиной. Когда божественная девушка это увидела, она почувствовала ревность, подозвала его — впервые, благодаря заклинанию, он услышал ее голос — и спросила: «Кто это?» — «Это одна красавица. Она влюбилась в меня, и сегодня я пойду к ней домой», — ответил он ей, лукавя. Тогда она, искоса взглянув на него и левой рукой откинув вуаль со своего лица, украшенного изогнутыми бровями, сказала: «Вот как! Тогда понятно, почему на тебе такой наряд. Но не ходи к ней; на что тебе она! Иди ко мне; ведь я твоя жена». Так воскликнула она, охваченная трепетом любви, и все волоски поднялись на ее теле⁶⁸, как будто в нем поселился демон страсти, привлеченный заклинанием. Тут Гухачандра немедленно возвратился домой и, хотя был простым смертным, вкусил такие божественные улады, которые при всем желании нельзя себе даже вообразить.

Вот как Гухачандра завоевал любовь своей жены, которая стала послушной благодаря заклинанию, отказалась от своей божественной природы и жила с ним в довольстве и счастье.

Как видишь, божественные нимфы, обреченные родиться на земле, поселяются в домах у тех людей, которые совершают благочестивые дела, будь то, к примеру, жертвоприношение или даяние⁶⁹. Ибо почитание богов и брахманов по праву считается Коровой желаний⁷⁰ для добродетельных. Чего только им не добьешься! Особенно если приложить к нему известные способы достижения успеха — «умиротворение» и прочие⁷¹. Единственная же причина падения божественных существ, которые

получают низкое рождение, — их дурные дела. Так сильный ветер — причина того, что осыпаются цветы».

Вот что поведал Васантака царской дочери, а затем продолжал: «Послушай еще один рассказ — о том, что случилось с Ахальей ⁷²:

Рассказ об Ахалье

Некогда жил великий мудрец Гаутама ⁷³, знающий, что было, что есть и что будет, и была у него жена Ахалья, превосходившая своей прелестью апсар. Однажды Индра, соблазнившись ее красотой, начал ее тайком домогаться. Ибо разум владык, опьяненных своим величием, часто стремится к тому, что им не принадлежит. И она, глупая, сластолюбивая женщина, уступила ему. Но, узнав об этом своим всевидящим разумом, на место их свидания явился мудрец Гаутама. Испугавшись, Индра тут же превратился в кота, а Гаутама спросил Ахалью: «Кто здесь с тобой?» — «Один только кот», — ответила она супругу на местном наречии, двусмыслицей пытаясь соблюсти правду ⁷⁴. «Поистине, это твой любовник», — рассмеявшись, сказал мудрец и произнес проклятие, которое не было вечным только потому, что он увидел в ней приверженность к истине: «Женщина дурного нрава, ты до тех пор будешь камнем, пока не встретишь потомка Рагху ⁷⁵, блуждающего по лесу». Одновременно Гаутама проклял и Индру: «Ты жаждешь женского лона; да будет их тысяча на твоём теле. И только тогда, когда ты встретишь божественную нимфу Тилоттаму, сотворенную Вишвакарманом ⁷⁶, они превратятся у тебя в тысячу глаз».

Произнеся проклятия, мудрец, послушный своим желаниям, вернулся к покаянию. Ахалье же выпала тяжкая участь стать камнем, а у Индры на теле не осталось места, где бы не было женского лона. Поистине, кому безнравственность не сулит жалкой участи!

Так, всякое дурное дело в себе же самом всегда таит дурной плод. Ибо какое зерно посеешь, такой же соберешь урожай ⁷⁷. Поэтому благородные люди не способны причинить вред ближнему. Ведь для тех, кто велик душою, установлен священный закон, этот закон — добродетельное поведение.

Вы обе в былом рождении были богинями-сестрами, только проклятие осудило вас родиться на земле. Поэтому сердца ваши свободны от ревности и так страстно желают блага друг другу».

Выслушав слова Васантаки, и Васавадатта, и Падмавати окончательно избавились даже от малейшего признака ревности. Царица Васавадатта, признав Падмавати равной себе женой своего супруга, заботилась о ней и старалась доставить ей столько же удовольствий, сколько имела сама. Когда же владыка Магадхи от послов, присланных к нему Падмавати, узнал о таком великом благородстве первой царицы, он почувствовал себя счастливым.

На следующий день министр Яугандхараяна пришел к владыке ватсов и в присутствии царицы, а также всех тех, кто оказался поблизости, сказал ему: «Божественный, отчего бы теперь не возвратиться нам в Каушамби, чтобы начать наше дело? Нам не нужно уже опасаться владыки Магадхи, хотя мы его и обманули. Ибо мы устранили его со своего пути по всем законам государственной мудрости, применив тот способ умиротворения, который зовется «женитьба на дочери». Как же может он теперь напасть на нас? Ведь тогда ему придется отказаться от дочери, которая ему дороже жизни. К тому же он должен сдержать свою клятву. Да и не тобой он был обманут — все, что сделано, было сделано мною и не принесло ему горя. Я узнал от моих соглядатаев, что он не питает к нам вражды; ради этой вести мы и оставались здесь все эти дни».

Как раз тогда, когда верный своему долгу Яугандхараяна так говорил, прибыл в качестве посла от царя Магадхи один из его родственников. О нем сразу же доложил хранитель дверей и получил повеление ввести его. Поклонившись царю ватсов, посол сел и передал ему такое послание: «Обрадованный известиями от царицы Падмавати, владыка Магадхи объявляет царю следующее: «К чему много слов: я все знаю и доволен тобой. Делай то, ради чего ты все это начал. Привет тебе».

Царь ватсов радостно встретил эту прямую и искреннюю речь посла, подобную цветку, выросшему на древе мудрости Яугандхараяны. Затем, позвав Падмавати и царицу Васавадатту, он вручил послу подарки и с почетом отпустил его.

Вскоре прибыл к нему и посол от Чандамахасены. Когда его привели, он приветствовал царя, как положено, и сказал: «Божественный, царь Чандамахасена, знаток истины, получил весть о твоих делах. Он обрадован и передает тебе следующее: «О твоем величии достаточно говорит одно то, что Яугандхараяна — твой министр. Что к этому можно добавить! Благословенна Васавадатта! То, что она сделала ради твоего блага, позволяет нам отныне высоко нести свою голову даже среди добродетельных».

тельных людей. Падмавати же я не хочу отделять от Васаватты, потому что у них обеих — одно сердце. Итак, быстрее завершайте свое дело».

Когда владыка ватсов выслушал речь посла своего тестя, радость в его сердце усилилась и еще больше окрепла любовь к царицам и узы доверия к лучшему из министров. Вместе с царицами он оказал послу должное гостеприимство и отпустил его довольным. А затем, охваченный нетерпением, поскорее стремясь приступить к исполнению своих замыслов, царь повсещался с министрами и принял решение возвратиться в Каушамби.

Вот третья волна книги «Лаванака» в «Океане сказаний» великого поэта Сомадевы.

ВОЛНА ЧЕТВЕРТАЯ

На следующий день царь ватсов вместе со своими министрами и женами отправился из Лаванаки в Каушамби.

Когда его войско, блистая, двинулось в путь, оно наполнило шумом всю окрестность, подобно водам океана, заливающим берег в час прилива. Царь сидел на громадном слоне, шествующем по дороге, и казался солнцем, которое движется по небу вместе с Восточной горой⁷⁸. Белый зонт над царем дарил прохладную тень, словно его опекала луна, довольная тем, что он затмил собою свет солнца. На царя ярко сверкали одежды, и его, возвышавшегося над всеми, окружали вассалы, как Полярную звезду⁷⁹ окружают планеты. А сзади сияли, словно воплощенные Шри и Бху⁸⁰, из любви к царю присоединившиеся к его свите, обе царицы, восседавшие на слонихах. Казалось, блаженствует даже земля, по которой проходили царь и его войско, и следы от острых копыт сотен скачущих лошадей для нее что царапины от ногтей во время любовного наслаждения.

Так продвигался вперед под хвалебные гимны поэтов владыка ватсов, и через несколько дней прибыл он в Каушамби, где воцарилось торжество. Столица сияла, словно супруга, встречающая мужа⁸¹ после долгой разлуки: полотнища красных флагов были ее одеждой, круглые окна домов казались широко раскрытыми глазами, высокие кувшины с вином, выставленные

за ворота, напоминали круглые груди, радостный гул толпы — любовный лепет, а блеск дворцов — улыбку.

В сопровождении обеих цариц царь вошел в город, и зрелище это стало праздником для жен горожан. Сотни лиц красавиц, вышедших на крыши разукрашенных домов, заслонили собою небо, словно воины луны, побежденные красотой цариц, явились воздать им почести. Те из женщин, которые, не отрывая взоров от процессии, толпились у окон, казались апсарами, съехавшимися сюда из любопытства на своих небесных колесницах. Иные, которые своими глазами, украшенными длинными ресницами, прильнули к решеткам окон, как будто бы наполняли собою клетку, составленную из стрел Бога любви⁸². У одной из женщин от страстного нетерпения посмотреть на царя глаза расширились так, что дошли чуть ли не до ушей, словно желая им рассказать о том, что они не могли видеть. Другая, стремительно подбежав, так часто и глубоко дышала, что, казалось, её груди, пытаясь рассмотреть царя, хотели вырваться из лифа. А у третьей от поспешности разорвалось ожерелье и рассыпались бусины, будто капли радостных слез, вылившиеся из ее сердца.

«Если бы огонь в Лаванаке смог причинить ей вред, то и солнце тогда могло бы обрушиться на землю слепой мрак», — с притворной тревогой восклицали некоторые женщины, глядя на Васавадатту и вспоминая молву о том, что она сгорела. «Как я рада, что царице нечего стыдиться первой жены царя; ведь она во всем ей равна», — шепнула одна подружка другой, любясь Падмавати. «Поистине, Хара и Мурари не видели красоты этих двух цариц, иначе нечего было бы им так чваниться Умой и Шри»⁸³, — говорили друг другу еще две девушки, бросая, словно гирлянды голубых лотосов, восторженные взгляды на Васавадатту и Падмавати.

Так, доставляя радость глазам своих подданных, владыка ватсов вместе с царицами при счастливых предзнаменованиях вступил во дворец. И красота дворца в этот миг была подобна красоте озера на рассвете или красоте океана во время восхода луны.

Вскоре весь дворец был заполнен подарками вассалов, ищущих царской благосклонности; подарки эти, казалось, предвещали те дары, которые Удаяне суждено будет получить от царей со всего света. Поблагодарив своих вассалов, владыка ватсов с большой торжественностью вошел во внутренние покои дворца, как до этого он вошел в сердце каждого своего подданного.

И, сидя между двумя царицами, словно Смара между Рати и Прити⁸⁴, царь провел остаток этого дня за вином и прочими увеселениями.

На следующий день, когда царь со своими министрами пребывал в приемной зале, какой-то брахман крикнул в дверях: «Оскорбление брахмана! Владыка, злодеи-пастухи отрубили в лесу без всякого на то повода ногу у моего сына!» Услышав такое, царь приказал тотчас же задержать двух или трех пастухов и, как только их привели, учинил им допрос. Они же вот что ему рассказали:

«Божественный, мы — пастухи и играем между собой в такую игру: Есть среди нас пастух по имени Девасена. Он выбрал в лесу одно место, садится там на камень и говорит: «Я ваш царь» — и правит нами. Среди нас никто не смеет нарушать его приказы, и пользуется этот пастух в лесу безграничной властью. А сегодня сын этого брахмана, проходя мимо, не воздал царю пастухов почестей. Царь повелел нам предупредить его: «Не уходи, пока не отвесишь поклон». Но юноша прогнал нас и посмеялся над нашими словами. Тогда царь пастухов приказал нам наказать его за невоспитанность — отсечь ему ногу. Мы побежали за юношей и отрубили у него ногу. Да и кто из таких, как мы, царь, осмелился бы перечить приказу своего господина?»

Когда пастухи закончили свой рассказ, Яугандхараяна, обдумав их слова, отвел царя в сторону и сказал: «Простой пастух потому занял такую власть, что в том месте, где он восседает, спрятано, конечно, сокровище или какой-нибудь иной клад⁸⁵. Нам нужно пойти туда».

Выслушав министра, царь назначил пастухов своими проводниками и отправился вместе с войском и свитой в лес к указанному ими месту. Там, обследовав землю, ремесленники принялись ее рыть, и вдруг снизу поднялся якша⁸⁶ величиной с гору. Он сказал: «Царь, я охраняю сокровище, которое давным-давно зарыли твои предки. Возьми его себе». Сказав это владыке ватсов и приняв от него почести, якша исчез, а на дне вырытой ямы оказалось великое сокровище. Царю достался драгоценный трон, украшенный жемчужинами. Поистине, для добродетельных во времена их успеха одна удача влечет за собой другую.

Вслед за тем, забрав с собой найденное сокровище и наказав пастухов, владыка ватсов в праздничном настроении вернулся в свою столицу. Золотой трон, который привез царь, ярко-крас-

ными потоками лучей, струящихся от драгоценных камней, будто бы предвещал своему господину грядущее величие, которого он добьется во всех частях света. А его остроконечная серебряная спинка была унижена, словно зубами, рядами перлов, так что казалось, трон все время улыбается, изумленный мудростью царского министра. Когда жители города увидели этот трон, они возликовали и, ударив в литавры, выразили свою радость их праздничным звоном. Были обрадованы и министры, убедившись в счастье царя, ибо удача в начале дела всегда предвещает его полный успех. И небо при этом сверкало молниями флагов, а царь, словно грозовая туча, пролил дождь золота на своих подданных.

Весь этот день прошел в празднествах, а на следующее утро, чтобы узнать образ мыслей владыки ватсов, Югандхараяна сказал ему: «Божественный, взойди на этот величественный трон, доставшийся тебе в наследство от предков, и укрась его собою». — «Мои предки, — ответил Удаяна, — вступали на него, подчинив себе мир. Что мне за честь взойти на него, не покорив еще все страны. Только тогда, когда я завоюю эту необозримую, прекрасную землю, омываемую океаном, я решусь украсить собою великий, драгоценный трон моих предков». Так сказав, царь отказался подняться на трон, ибо людям высокого происхождения присуща природная гордость.

Обрадованный этим, Югандхараяна сказал тогда царю: «Прекрасно, божественный! Приложи же сначала все силы, чтобы завоевать Восточные земли». Услышав это, царь воспользовался случаем и спросил своего министра: «Есть ведь Северные и иные земли, почему же цари сначала идут на Восток?» На это ответил ему Югандхараяна: «Север, царь, хоть и богатая страна⁸⁷, но осквернен соседством с варварами⁸⁸. Из-за того, что там заходят солнце и иные светила, не пользуется почетом Запад. Юг запятнан близостью ракшас, и в его пределах обитает смерть⁸⁹. А на Востоке восходит солнце, на Востоке царствует Индра, на Восток течет Ганг. Поэтому всюду славят Восток. Среди земель же, которые находятся между горами Виндхья и Гималаями, самыми лучшими считаются те, которые омыты Гангом. Поэтому цари, рассчитывающие на успех, сначала идут на Восток и селятся в той стране, по которой течет Река богов⁹⁰. Поэтому и твои предки начали завоевание стран света с Востока, а столицей своей сделали Хастинапур⁹¹ вблизи Ганга. Шатаника⁹² же перенес столицу в Каушамби, пленившись красотой этого города; он считал, что верховная власть над землей зиж-

дется на доблести, а в какой стране ты живешь — не имеет значения».

Тут Яугандхараяна умолк, и царь, который тоже превыше всего ценил доблесть, сказал: «Это правда, что верховная власть над землей не зависит от расположения страны. Ибо для мужественных людей их доблесть — единственный источник успеха. Доблестный человек один, без чьей-либо помощи, добьется счастья. Слышали ли вы такую историю об одном доблестном человеке?» — И царь ватсов по просьбе министров рассказал в присутствии обеих цариц прекрасную и удивительную повесть.

Рассказ о Видушаке

«В славном городе Удджайини жил некогда царь по имени Адитьясена. И поскольку он, воплощение мужества, был верховным правителем мира, его колесница никогда не сбивалась с пути, словно колесница Адитьи⁹³. Когда он раскрывал в воздухе свой зонт, сверкающий белизной, точно снег, остальные цари убирали свои зонты, потому что уже не чувствовали зноя. Он казался средоточием всех драгоценностей, какие только можно найти на земле, подобно тому как океан — средоточие всех вод.

Однажды этот царь по какой-то надобности отправился в поход и остановился со своим войском неподалеку от берега Ганга. Первым из жителей окрестной страны к нему явился некий купец по имени Гунаварман и привел с собой в подарок царю девушку-сокровище. «Эта девушка родилась в моем доме. Она украшение всех трех миров⁹⁴, и ее нельзя отдать ни за кого, кроме царя, ибо только царь подобен Индре — их владыке», — так уведомил Гунаварман царя через хранителя дверей, а потом предстал перед царем и показал ему свою дочь. Ее звали Теджасвати⁹⁵, и она озаряла своим блеском, подобным блеску драгоценных камней в храме Ананги⁹⁶, всю вселенную. Увидев ее, царь был охвачен любовью, и тело его покрылось испариной, как будто сияние ее красоты жгло его, словно огонь Камы. Он сразу же оставил ее, достойную сана главной царицы, у себя во дворце, а Гунавармана сделал на радостях своим соправителем.

Затем царь женился на пленившей его Теджасвати и, полагая, что достиг исполнения всех своих желаний, возвратился вместе с нею в Удджайини. Там взоры царя настолько прико-

вало к себе лицо Теджасвати, что он уже не удостоивал своим взглядом ни одно царское дело, сколь бы важным оно ни было. А слух его был так привязан к нежной музыке ее голоса, что его никак не могли привлечь жалобные стоны покинутых им подданных. С тех пор как царь вошел в свой гарем, он уже не покидал его, зато покинула сердца его врагов лихорадка тревог и забот.

Но шло время, и царица родила царю прекрасную дочь, которую все с восторгом встретили, а в душе царя возродилась жажда славы. Девочка была удивительной красоты, все три мира в сравнении с ней казались ничтожной былинкой, и она принесла с собой царю радость, как жажда славы принесла ему величие.

Однажды царь Адитьясена выступил из Удджайини в поход против высокомерного государя-соседа. Восседаая на слоне, его сопровождала, словно богиня-покровительница войска, царица Теджасвати. А сам он ехал на превосходном коне в богатой сбруе, с завитком волос на груди, похожим на священную пальму⁹⁷, огромном, как ожившая гора, гордом и неистовом, как водопад. Когда этот конь вскидывал свои ноги, его бег напоминал полет Гаруды⁹⁸, которому он не уступал в стремительности. Подняв шею, он, казалось, высокомерно обзирает землю, думая при этом: «Где может быть предел моей резвости!»

Когда царь проехал часть пути и достиг равнины, он пустил своего коня во всю прыть, чтобы им полюбовалась Теджасвати. Но как только он ударил коня пятками, тот, словно стрела из лука, пустился вперед с такой скоростью, что быстро исчез из виду. При этом зрелище все войско было охвачено ужасом, и хотя всадники, разделившись на тысячу групп, принялись повсюду искать исчезнувшего царя, им нигде не удалось найти его. Тогда министры, опасаясь беды, забрали с собой рыдающую царицу и из осторожности возвратились с войском обратно в Удджайини. Там они приказали запереть ворота, укрепить крепостные стены и, стараясь успокоить народ, стали поджидать известий о своем царе.

Между тем конь мгновенно перенес царя в дремучий лес Виндхья, населенный грозными львами. Там по воле судьбы конь остановился, и царь внезапно испугался, что ему уже не выбраться из этого глухого леса. Не видя иного выхода, царь слез со своего превосходного коня, пал перед ним ниц и, чувствуя, что в прошлом рождении его конь не был простым животным, сказал: «Ты — бог, и такому, как ты, не подобает предавать своего господина; в тебе мое спасение — выведи меня на

верную дорогу!» Услышав эти слова, чудесный конь, который действительно был божеством и помнил прошлое свое рождение, в душе согласился с царем, охваченный раскаянием. И когда царь сел на него, он поскакал назад дорогой, которая шла по берегу озера с прохладными и чистыми водами, облегчая усталость от далекого пути. К вечеру лучший из коней, пробежав сто йоджан⁹⁹, доставил царя в окрестности Удджайини.

Между тем солнце, словно стыдясь того, что его собственные кони, хотя их и было семь¹⁰⁰, посрамлены стремительным бегом царского скакуна, скрылось в пропасти за Западной горой¹⁰¹. Стало темно. Мудрый конь, увидев, что ворота Удджайини закрыты, а кладбище за чертой города ужасно в это время суток, отвез царя, чтобы тот отдохнул, к укромному монастырю брахманов, который был расположен тут же за городом в уединенном месте. Царь Адитьясена, полагая, что в этом монастыре удобно будет провести ночь и ему, и уставшему коню, попытался в него войти. Но брахманы, которые там жили, подняли крик, что он или сторож с кладбища или какой-нибудь разбойник, и отказались его пустить. Они выбежали ему навстречу, бранясь и готовясь затеять ссору, ибо даже брахманы, изучающие веды, бывают средоточием трусости, жестокосердия и грубости.

Однако пока они галдели, из монастыря вышел еще один брахман от имени Видушака — благородный и несравненный по доблести. Этот отважный юноша в свое время умилился покаянием Паваку¹⁰² и получил от него превосходный меч, который появлялся в его руках, как только он о нем подумает. Мудрый Видушака, увидев красоту царя, прибывшего среди ночи, подумал: «Это какой-то переодетый бог». И, чистый помыслами, он прогнал всех остальных брахманов и с почтением проводил царя в монастырь. После того как тот отдохнул и рабыни очистили его одежду от дорожной пыли, он угостил царя едой, достойной царского сана. А с его превосходного коня он снял сбрую, накормил его травой и другим кормом, и конь сразу почувствовал, как спала с него усталость. Затем Видушака растелил для утомленного царя постель и так сказал ему: «Я буду охранять твою жизнь. Спи поэтому спокойно, мой господин». И пока царь спал, брахман, стоя у дверей, бодрствовал всю ночь, а в руках его был меч Агни, который появился у него, как только он о нем подумал.

Наутро, когда царь проснулся, Видушака по собственной охоте, хотя никто его не просил об этом, приготовил для царя коня. Царь попрощался с брахманом, сел на коня и въехал в

Удджайини, где еще издали его заметили обрадованные горожане. Тотчас же навстречу ему сбежались все его подданные, и повсюду слышался восторженный гул, который вызвало его возвращение. Как только царь вместе с министрами вошел в царский дворец, глубокая скорбь ушла из сердца царицы Теджасвати. А уныние в городе, казалось, развеяли вереницы трепещущих по ветру флагов, которые тут же развесили повсюду в знак торжества. До конца дня продолжался великий праздник, устроенный царицей, пока лица горожан не стали такого же багрово-красного цвета, как и солнце.

На следующее утро царь Адитьясена распорядился привести из монастыря Видушаку со всеми остальными брахманами. Предав гласности все, что произошло прошлой ночью, он, не теряя времени, наградил Видушаку за оказанную услугу тысячью деревень. Благодарный Адитьясена назначил также этого брахмана, на которого все взирали с любопытством, царским жрецом и подарил ему царский зонт и слона. Отныне стал Видушака равным самому знатному из царских вассалов. Да и на самом деле может ли остаться бесплодной услуга, оказанная властителям мира?

Беликодушный Видушака все деревни, которые подарил ему царь, отдал в пользование тем брахманам, которые жили с ним в монастыре. Вместе с ними он получал с деревень доходы, а сам остался жить во дворце, исполняя царскую службу.

Однако спустя немного времени все эти брахманы, опьяненные богатством и стремясь к безраздельной власти, перестали и думать о Видушаке. Разделившись на группы — по семь человек на каждый округ — они, подобно враждебным планетам, в соперничестве друг с другом угнетали жителей своих деревень.

Видушака оставался равнодушен к их разнузданности, ибо людям благородным подобает презрение к существам столь ничтожным. Но однажды, убедившись в их склонности к насилию и раздорам, к ним, явился некий брахман сурового нрава по имени Чакрадхара. Хотя и одноглазый, он обладал ясным зрением в оценке чужого поведения, хотя и горбун, он был прям в своей речи. Этот брахман так им сказал: «Негодные, вы жили одной милостыней, а теперь стали так богаты. Так почему же, не в состоянии ужиться друг с другом, вы губите эти деревни? Это вина Видушаки, что он перестал следить за вами. И нет сомнения, что вскоре вы снова будете попрошайничать в поисках милостыни. Ибо лучше одному, без вожakov искать себе выгоды, полагаясь лишь на судьбу, чем соперничать вожакам друг

с другом и губить общее дело. Поэтому говорю вам: выберите себе одного полновластного предводителя. Тогда, быть может, под его надзором, вы и добьетесь прочного благоденствия».

Услышав это, каждый из брахманов стал требовать власти для себя, и тогда, подумав, Чакрадхара сказал этим глупцам: «Раз вы начали спорить друг с другом, я предлагаю вам такой уговор. Вон на том кладбище посажены на колы три вора. Тот из вас, который окажется таким смелым, что отрежет ночью у них носы и принесет их сюда, пусть будет среди вас главным, ибо только мужество заслуживает власти».

Когда Чакрадхара предложил это, оказавшийся неподалеку от брахманов Видушака сказал им: «Сделайте так. Что здесь опасного!» Тогда эти брахманы ответили ему: «Мы не способны на это. Если кто-нибудь может, пусть делает, тогда мы будем жить в согласии». На это Видушака сказал: «Я это сделаю. Ночью я отрежу у воров носы и принесу их с кладбища». Тут эти глупцы, уверенные, что выполнить такое дело очень трудно, обещали ему: «Если сделаешь, то будешь нашим господином. Вот тебе наша клятва». На этом они и порешили. А когда наступила ночь, Видушака простился с брахманами и отправился на кладбище.

И вот герой вошел на кладбище, страшное, как его собственный замысел, имея с собой один только меч Агни, который оказался в его руках, как только он о нем подумал. На этом кладбище крики воронов и стервятников заглушались воплями дакинй¹⁰³, а пламя погребальных костров сливалось с пламенем, вырывающимся из пасти огнедышащих демонов. В середине кладбища Видушака увидел посаженных на кол людей; их лица задрались вверх, как будто они боялись, что у них могут отрезать носы. Когда он подошел к ним поближе, три этих трупа, в которых поселились ветапы¹⁰⁴, стали бить его кулаками. Но, не дрогнув, он прогнал ветап своим мечом. Ибо у смелых воля никогда не просит советов у страха. После того как ветапы исчезли, тела разбойников расслабленно обвисли, и Видушака сделал свое дело, отрезал у них носы и завязал их в свой платок.

Но когда он уже шел обратно, то увидел невдалеке на кладбище какого-то нищенствующего монаха, который сидел на трупе и бормотал заклинания. Из любопытства поглядеть, чем он занят, Видушака неслышно подкрался к этому монаху и стал за его спиной. Спустя несколько мгновений труп под монахом издал громкий крик, изо рта его вырвалось пламя, а из пупа выпали горчичные зерна. Тогда монах, подобрав горчичные

зерна, приподнял труп и начал бить по нему ладонью. Тут этот труп, внутри которого находился могучий владыка ветал, выпрямился, а монах взобрался к нему на плечи. Сев на него, монах принудил его тронуться с места, а Видушака бесшумно и незаметно стал красться за ними.

Неподалеку от кладбища Видушака увидел пустой храм, посвященный богине Катъяни¹⁰⁵. У этого храма монах сошел с плеч ветапы и вошел внутрь, а ветапа улегся на землю. Видушака же, ухитрившись остаться незамеченным, тоже пробрался в храм вслед за монахом.

Там монах сначала вознес хвалы Девы¹⁰⁶, а потом начал просить ее: «Если ты довольна мною, богиня, то исполни мое желание. Если нет, то я убью себя, чтобы заслужить твою благосклонность». Едва он это произнес, как из глубины храма монаху, гордому, что его неистовые заклинания увенчались успехом, ответил голос богини: «Приведи сюда дочь царя Адитья-сены и принеси здесь в жертву. Тогда ты получишь все то, что желаешь».

Услышав это, монах вышел и, снова ударив ветапу рукой, заставил его подняться с громким шипением. Затем он сел на плечи ветапы, из пасти которого рвалось наружу яркое пламя, поднялся в воздух и улетел за царской дочерью.

Видушака же, видя все это, подумал: «Пока я жив, ему не удастся убить царевну. Я останусь здесь и буду поджидать возвращения злодея». Так решив, Видушака спрятался в храм в потайном месте.

Между тем монах подлетел к женским покоям дворца, проник туда через окно и нашел царевну спящей, потому что еще была ночь. Схватив ее, он улетел вместе с ней, и, окутанный тьмой, он сам был подобен Раху, а она, осветившая своей красотой небо, казалась серпом луны¹⁰⁷. Девушка рыдала: «Отец, мать! Где вы?» — но он неся с ней по воздуху и наконец опустился на прежнее место у храма Девы. Сойдя с ветапы, он тотчас же вошел внутрь храма, не выпуская царевны из своих рук. Но когда он уже вытащил меч, чтобы убить ее, перед ним вдруг предстал Видушака. «Ах негодяй, ты, видно, способен обрушить камень на цветок жасмина, раз решился обнажить меч против столь нежного существа», — с этими словами Видушака схватил за волосы трепещущего монаха и отсек ему голову. Он успокоил объятую страхом царевну, и она, прильнув к нему всем телом, понемногу начала приходить в себя.

Затем храбрец стал размышлять: «Как мне отсюда доставить

эту царевну в женские покои дворца?» Тут с неба донесся до него голос: «Эй, Видушака, послушай! Монаху, которого ты убил, удалось стать повелителем могучего веталы, а также горчичных зерен. После этого он пожелал быть владыкой земли и господином всех царских дочерей; но в этом, глупец, сегодня он потерпел неудачу. Теперь ты, герой, возьми эти зерна. С их помощью сегодня ночью — но не позже — ты сможешь летать по воздуху». Так сказал, обрадовав Видушаку, голос с неба, ибо даже боги обычно благосклонны к таким людям, как он.

Затем Видушака достал из платья монаха горчичные зерна, взял царевну на руки и вышел наружу из храма богини. В этот момент вновь в воздухе прозвучал голос: «Сюда, в храм Девы, ты снова должен прийти в конце месяца. Не забывай об этом, могучий герой!» Выслушав эти слова и ответив на них согласием, Видушака, по милости богини, в тот же момент поднялся в небо вместе с царевной. Летя по воздуху, они быстро достигли женских покоев дворца, и там Видушака сказал проникшейся к нему доверием царевне: «Утром я уже не смогу улететь, и все увидят, как я выхожу отсюда. Поэтому я уйду сейчас». Но испуганная девушка ответила ему на это: «Если ты уйдешь, то жизнь моя, сломленная страхом, меня покинет. Не уходи, великодушный. Еще раз спаси меня от смерти. Ведь завершать начатое дело — от рождения свойственно добродетельным». Выслушав царевну, доблестный Видушака подумал: «Что бы со мной ни случилось, я не уйду. Иначе она от страха может расстаться с жизнью. В чем же тогда проявится моя верность царю?» И решив так, он до утра остался в женских покоях. Уставший от трудов и бессонной ночи, он незаметно уснул, а царевна, полная страха, всю эту ночь не сомкнула глаз. Даже на рассвете она не разбудила его, подумав с нежностью и любовью: «Пусть еще отдохнет немного».

Но тут пришли и увидели его служанки гарема. В смятении они бросились доложить о нем царю. А царь, желая знать правду, послал в гарем своего телохранителя, который пришел туда и тоже застал Видушаку. Тогда сама царевна поведала телохранителю о том, что с ней произошло, и телохранитель, удалившись, все это пересказал царю. Выслушав его и твердо веря в благородство Видушаки, царь в недоумении ломал себе голову, не зная, что и подумать. Тогда он приказал привести Видушаку из покоев дочери, и, когда его уводили, вслед за любимым устремилось сердце царевны, не желая ни на минуту с ним расстаться.

Как только Видушака явился, царь расспросил его о случившемся, и брахман рассказал ему о событиях ночи с начала и до конца. Он показал царю завязанные в его платке носы разбойников и отобранные у нищенствующего монаха горчичные зерна, которые отличались от тех, что растут на земле. Чтобы выяснить, правду ли говорит Видушака, царь приказал привести из монастыря Чакрадхару и остальных брахманов и узнал у них, с чего началось все дело. Затем он сам пошел на кладбище и увидел там людей с отрезанными носами и подлого монаха с перерубленной шеей.

Когда великодушный царь убедился в истинности рассказа, он так был доволен Видушакой, выполнившим свой долг и спасшим жизнь его дочери, что отдал ее за него замуж. Да и чего не сделают благородные люди из признательности тем, кто оказал им услугу!

Овладев рукой царевны, Видушака овладел и счастьем, потому что поистине обитала в этой руке богиня Шри, приняв ее за свой любимый лотос¹⁰⁸. Исполняя царскую службу, он жил вместе с женой во дворце царя Адитьясены, окруженный уважением и почетом.

Так шло время, но однажды вечером, по воле судьбы, царевна сказала Видушаке: «Припомни, господин, что когда ты ночью был в храме Деви, тебя предупредил божественный голос, чтобы ты вернулся туда в конце месяца. Сегодня как раз кончается месяц, а ты забыл об этом». Слова жены пробудили у Видушаки память, и он обрадовался. «Хорошо, что ты напомнила мне, прекрасная. Ведь я действительно забыл об этом», — ответил он и, полный благодарности, обнял ее.

А когда она заснула, он покинул этой же ночью женскую половину дворца и, бодрый духом, взяв с собой меч, отправился к храму Деви. Подойдя к храму, Видушака крикнул снаружи: «Вот я» — и услышал, как изнутри раздался чей-то голос: «Входи!» Войдя внутрь, он увидел божественный дворец, а посреди дворца девушку божественной красоты и в божественной одежде. Своим сиянием она рассеивала тьму, пылая, как факел в ночи, и была подобна магической траве, способной оживить Смару, после того как он был сожжен пламенем гнева Хары¹⁰⁹.

Недоумевая, что бы это могло значить, он остановился, но она сама радостно пошла ему навстречу и приняла его с любовью и глубоким почтением. Затем он сел и, убедившись в дружелюбии девушки, почувствовал к ней полное доверие. А она в ответ на его желание узнать, кто она такая, ему сказала:

«Я девушка-видьядхари¹¹⁰ из знатного рода, и зовут меня Бхадра. Гуляя, я однажды тебя здесь увидела. И поскольку сердце мое было пленено твоим мужеством, невидимая, я крикнула тебе, чтобы ты снова сюда пришел. Сегодня своим магическим искусством я принудила царскую дочь саму напомнить тебе о моей просьбе. Ради тебя я и нахожусь здесь. Отдаю тебе свою жизнь; вот тебе моя рука!»

«Да будет так!» — ответил Бхадре ошастливленный Видушака и тут же женился на ней по обряду гандхарвов¹¹¹. Он остался во дворце своей жены, пожиная плоды собственной доблести и вкушая божественные наслаждения.

Между тем царевна проснулась в конце ночи и, не найдя своего мужа, была охвачена отчаянием. Встав с постели, она неверными шагами направилась к своей матери, испуганная, с глазами полными слез. «Мой муж ушел куда-то ночью», — сказала она матери, мучаясь раскаянием и опасаясь, что сама тому была виновницей. Из любви к дочери огорчилась и ее мать, а когда спустя короткое время о случившемся узнал царь, то и он сначала совсем растерялся. «Я думаю, он ушел к храму Девы, расположенному за оградой кладбища», — сказала ему царевна, и царь сам туда отправился. Но в храме, несмотря на все свои поиски, он не нашел Видушаки, потому что его скрыло от глаз царя магическое искусство видьядхари.

Царь возвратился, а его дочь в отчаянии хотела лишить себя жизни. Но тут к ней явился некий мудрец и сказал: «Не страшись несчастья. Твой супруг не умер, он вкушает божественные наслаждения и скоро вернется к тебе». Услышав это, царевна сохранила волю к жизни, и надежда на возвращение мужа укрепилась в ее сердце.

Тем временем к Бхадре, не расстававшейся со своим возлюбленным Видушакой, пришла одна из ее подруг по имени Йогешвара. Отведя Бхадру в сторону, она вот что ей рассказала: «Подружка, видьядхари разгневаны на тебя за то, что ты вступила в брак с простым смертным. Они готовят недоброе. Поэтому поскорее уходи отсюда. На том берегу Восточного океана¹¹² есть город по названию Каркотака. За ним течет священная река Шитога, а если через нее переправиться, увидишь высокую гору Удая¹¹³, обитель сиддхов¹¹⁴. Эта гора недоступна для видьядхар. Немедля ступай туда и не беспокойся об этом смертном, которого ты любишь. Расскажи ему все перед своим уходом, чтобы и он, укрепив свое сердце мужеством, тоже пришел туда».

Когда Бхадра услышала слова подруги, ею овладел страх и, хотя она была предана Видушаке, все же согласилась сделать так, как та ей посоветовала. Сказав Видушаке о горе Удая и дав ему в помощь свое кольцо, она исчезла в конце ночи. И в тот же момент Видушака оказался в пустом храме богини, где он уже побывал раньше, и не видно было ни Бхадры, ни ее дворца.

Вспоминая магический обман, во власти которого он находился, и глядя на кольцо Бхадры, Видушака был полон горести и недоумения. Но тут, припомнив, словно сон, прощальные слова Бхадры, он подумал: «Уходя, она назвала мне гору Удая. Чтобы найти Бхадру, мне нужно поскорее туда отправиться. Однако если люди меня заметят, то царь поймает меня и уже не отпустит. Поэтому мне нужно пойти на хитрость, чтобы достичь своей цели». Так подумав, этот мудрый человек решил изменить свою внешность. Он разорвал свою одежду, запачкал себя грязью и, выйдя из храма Девы, беспрестанно восклицал: «Ах, Бхадра! Ах, Бхадра!».

Вскоре его увидели люди, живущие в этой местности, и подняли крик: «Вот Видушака, он нашелся!» Как только царь узнал об этом, он снова направился к храму и, встретив Видушаку, который жалко выглядел и вел себя, как безумец, задержал его и отвел в свой дворец. Во дворце, о чем бы с участием ни спрашивали его слуги или родственники, Видушака всякий раз давал один и тот же ответ: «Ах, Бхадра!» Если его мазали мазями, предписанными ему врачами, он тотчас же посыпал себе золой все тело. А пищу, которую собственными руками с любовью подносила ему царица, он немедленно выбрасывал и топтал ногами. Так провел во дворце Видушака несколько дней, ко всему безразличный, раздирая в клочки свое платье, притворяясь безумным.

«Лекарства здесь бессильны. Зачем же мучить его? К тому же, если он вдруг умрет, на нас ляжет грех убийства брахмана. Но если предоставить его самому себе, то со временем он, может быть, и выздоровеет», — так рассудил царь Адитьясена и возвратил Видушаке свободу. На следующий же день герой Видушака, поняв, что никто уже не будет ему чинить препятствий, захватил с собой кольцо и поспешил отправиться на поиски Бхадры.

Много дней подряд шел он на Восток и наконец достиг города Паундравардханы¹¹⁵, который лежал на середине его пути. Там он постучался в дом какой-то старой брахманки и попросил

ее: «Разреши мне один разок переночевать у тебя». Та пустила его в дом, оказала положенное гостеприимство, а потом вдруг подошла к нему с убитым видом и сказала: «Сынок, я уступаю тебе весь этот дом. Возьми его себе, потому что даже жизнь мне теперь ни к чему». — «Отчего ты так говоришь?» — с удивлением спросил ее Видушака. А она ответила: «Послушай-ка, что я тебе расскажу». И продолжала: «В этом городе правит царь по имени Девасена. У него есть дочь — краса всей земли. «Нелегко она мне досталась», — подумал любящий отец, когда она родилась, и назвал ее Духхалабдхикой¹¹⁶. Со временем, когда она подросла, царь отдал ее замуж за царя Каччхапанатху, пригласив его жить у себя во дворце. Ночью Каччхапанатха отправился в спальный покой новобрачной, но, как только туда вошел, сразу же испустил дух. Удрученный царь отдал вновь свою дочь замуж — за другого царя, но и этот погиб точно так же. Остальные цари из страха смерти отказываются теперь жениться на Духхалабдхике, и тогда царь так приказал своему военачальнику: «Ты должен ежедневно из каждого дома в нашей стране по очереди приводить сюда юношей — брахманов и кшатриев¹¹⁷. А приведя, посылай их ночью в спальню моей дочери. Посмотрим, как долго смогут они там пробыть и сколько их погибнет. Если же кто-нибудь из них останется в живых, то он и будет ей супругом; ибо неисповедимы пути судьбы и удивительны ее веления!»

Получив от царя такой приказ, военачальник день за днем, из каждого дома по очереди, отводит во дворец мужчин. И сотни их уже встретили там свою смерть. У меня, видно, мало было заслуг в прежней жизни, поэтому есть у меня только один сын¹¹⁸. Как раз сегодня пришла его очередь идти на смерть. И завтра утром, когда его не станет, я непременно взойду на костер. Поэтому теперь, пока я еще жива, я собственной рукой отдаю тебе, добродетельный, весь мой дом. Пусть за это в новом моем рождении не выпадет мне снова несчастная судьба».

Когда она кончила свой рассказ, стойкий духом Видушака ей ответил: «Если дело только в этом, не отчаивайся. Я сегодня пойду во дворец; пусть останется жив твой единственный сын. И не стоит меня жалеть; не думай, что ты посылаешь меня на гибель. Я владею могучими талисманами и не боюсь туда отправиться». На эти слова Видушаки брахманка сказала ему: «Ты, верно, какой-нибудь бог, посланный мне в награду за мою добродетель. Спаси же нам жизнь, сынок, и да будет тебе удача!»

Так брахманка одобрила его решение, и в сопровождении слуги, приставленного к нему военачальником, Видушака отправился в покои царевны. Там его встретила царская дочь, истерзанная вожделениями юности, подобно лиане, согнувшейся под бременем слишком многих цветов, которые никто не сры-вает. Когда наступила ночь, царевна возлегла на ложе, а Видушака остался в спальне, бодрствуя и зажав в руке меч Агни, который явился, как только он о нем вспомнил. «Посмотрю-ка я, кто здесь убивает людей», — думал про себя Видушака; и вот, едва только все люди заснули, отворилась дверь и на пороге показался страшный ракшаса¹¹⁹. Стоя в дверях, этот ракшаса протянул в спальню свою руку, подобную палице Ямы¹²⁰, внезапно обрушивающейся на сотни людей. Тотчас же Видушака бросился вперед и в гневном ударом меча отрубил эту руку прочь. Потеряв руку, ночной гость был охвачен ужасом и, чувствуя, что его доблесть уступает доблести Видушаки, поспешно пустился в бегство, чтобы никогда больше уже не возвращаться.

Когда царская дочь пробудилась и увидела лежавшую рядом руку ракшасы, она была и напугана, и обрадована, и полна изумления. Наутро, подойдя к дверям покоя своей дочери, нашел там отрубленную руку и царь Девасена, словно Видушака водрузил ее туда вместо могучего железного засова, как бы предупреждая этим, что отныне никто, кроме него, не должен входить в спальню царевны.

Обрадованный царь тут же отдал тогда свою дочь Видушаке, обладателю божественной силы, и наградил его большим богатством. Несколько дней Видушака провел во дворце, не расставаясь с красавицей-царевной, словно в ней воплотилась его удача. Но однажды, когда она спала, он все-таки ее покинул и этой же ночью поспешил отправиться снова на поиски Бхадры. Когда утром царевна его не увидела, ею овладело отчаяние, но отцу удалось утешить ее надеждой на возвращение мужа.

Между тем Видушака, ни на день не прерывая своего пути, достиг наконец города Тамралипти¹²¹, расположенного неподалеку от Восточного океана. В этом городе он повстречал одного купца по имени Скандадаса, который собирался отплыть к другому берегу. Вместе с ним он поднялся на корабль, нагруженный принадлежащими купцу богатствами, и они пустились в путь через океан. Но едва только корабль доплыл до середины океана, как вдруг остановился, словно кто-то задержал его. И корабль так и не мог сдвинуться с места, хотя океану, чтобы его умиловить, принесли в жертву драгоценные камни.

Тогда купец Скандадаса в отчаянии воскликнул: «Тому, кто освободит мой корабль, я отдам половину своих богатств и собственную дочь!» Услышав это, стойкий духом Видушака так сказал: «Я готов спуститься в глубь вод океана и посмотреть, в чем дело. Я быстро освобожу твой застрявший в волнах корабль. Но вы должны обязать меня веревками и на них поддерживать. А когда корабль будет свободен, с помощью этих же веревок вы вытащите меня из воды». — «Так мы и сделаем», — обрадовался купец его словам. Матросы обвязали Видушака веревками и, поддерживаемый ими, он опустился в океан. Поистине, если приходит час испытания, мужественный человек никогда не колеблется!

Держа в руке меч Агни, который оказался у него как только он о нем подумал, храбрец погрузился в воду под дно корабля. И там он повстречал какого-то спящего великана, а затем увидел, что корабль застрял на его голени. Не теряя ни минуты, он отсек своим мечом у великана ногу, и тогда корабль, который ничто уже не удерживало, тронулся с места.

Однако негодяй купец, поняв, что корабль свободен, и желая сохранить обещанные им Видушаке деньги, приказал обрубить веревки, на которых тот держался. И на своем корабле, не встречая уже никаких препятствий, быстро поплыл к дальнему берегу океана, необозримого, как его собственная жадность.

Тем временем Видушака, после того как были обрезаны веревки, которые его поддерживали, сначала пошел ко дну, но потом вынырнул и, даже увидев, что произошло, сохранил присутствие духа. Он подумал: «Отчего этот купец так поступил? Видно, правильно говорится, что люди, ослепленные жадностью к деньгам, неблагодарны и неспособны ценить услуги. Однако теперь самое время проявить все мое мужество, потому что если человек теряет мужество, даже маленькая опасность становится для него непреодолимой». Так подумав, он в ту же секунду взобрался на ногу, которую отрубил у великана, спящего среди вод. И разгребая воду руками, он переплыл на ней, словно на корабле, океан, ибо судьба не отказывает в помощи тем, кто наделен доблестью.

Когда храбрый Видушака, подобно Хануману, пересек океан ради своей возлюбленной¹²², в воздухе прозвучал незримый голос: «Прекрасно! Прекрасно, Видушака! Кто, кроме тебя, обладает таким мужеством! Я доволен твоей храбростью. Послушай же, что я тебе скажу. Сейчас ты находишься в пустынном месте. Ступай отсюда, и на седьмой день ты попадешь в

город по названию Каркотака. Укрепив там свое сердце мужеством, ты снова тронешься в путь и очень быстро получишь то, что ищешь. Это говорю тебе я, пожиратель жертв богам и предкам¹²³, которого однажды ты уже умилиствовал. Теперь я вручаю тебе другой дар: отныне ты не будешь испытывать ни жажды, ни голода. Поэтому бесстрашно иди навстречу успеху!» — так сказал голос и умолк. А Видушака, выслушав эти слова, обрадованный, вознес хвалы Агни и отправился в дорогу. На седьмой день он достиг города Каркотаки.

В городе он зашел в богатый монастырь, воздвигнутый местным царем Арьяварманом и окруженный красивыми храмами, сплошь построенными из золота. В этом монастыре жило много благородных брахманов, уроженцев разных стран. Они гостеприимно и приветливо встретили Видушаку, а один из них отвел его в комнаты и позаботился о том, чтобы гость мог умыться, поесть и переодеться. Оставшись в монастыре, тем же вечером услышал Видушака, как глашатаи под стук барабанов объявляли по городу: «Пусть брахман или кшатрий, который хочет завтра же утром жениться на царской дочери, сегодняшнюю ночь переночует в ее спальне!»

Услышав это и предчувствуя здесь какую-то тайну, Видушака, который привык смело глядеть в лицо опасности, решил сразу же отправиться в покои царевны. Но брахманы из монастыря сказали ему: «Брахман, не будь безрассуден. Это не покои царевны — это раскрытая пасть смерти. Кто входит в них ночью, никогда не остается в живых. Много, много отважных людей нашли там свою гибель». Но как ни уговаривали его брахманы, Видушака, не обратив внимания на их советы, вместе с царскими слугами отправился во дворец. Там его приветливо встретил сам царь Арьяварман, а ночью, словно солнце в огонь, вошел Видушака в спальню царской дочери.

Там увидел он царевну: она пленяла своей красотой, но глаза ее, полные слез, говорили о безнадежном горе и отчаянии. Видушака провел в ее спальне ночь, бодрствуя и внимательно вглядываясь во тьму, а в руке его был меч Агни, который явился, как только он о нем подумал. Вдруг в дверях Видушака увидел ужасного ракшасу. Правая рука была у него отрублена, и поэтому он простирал вперед другую свою руку. Заметив его, Видушака подумал: «Вот оно что! Это тот самый ночной гость, у которого я отрубил руку в городе Паундравардхане. На сей раз я не стану отсекай ему руку, не то он, как и в первый раз, убежит от меня. Лучше я убью его». Решив так, Видушака вы-

ступил вперед, схватил ракшасу за волосы и уже собирался отсечь ему голову, как вдруг перепуганный ракшаса сказал: «Нет, нет, не убивай меня! Ты настоящий герой, поэтому будь ко мне милостив». Храбрец Видушака отпустил его и спросил: «Кто ты и чем занимаешься?» На это ракшаса отвечал: «Меня зовут Ямаданштра, и есть у меня две дочери: вот эта — одна из них, а другая живет в Паундравардхане. «Нужно тебе позаботиться, чтобы только герой мог жениться на царевнах» — такой приказ был милостиво дан мне Ишварой¹²⁴. И я выполнил этот приказ: сначала кто-то отсек мне руку в Паундравардхане, а теперь ты меня победил здесь». Услышав это, Видушака со смехом ответил: «Это я отрубил тебе руку в Паундравардхане». Тогда ракшаса сказал: «Ты — воплощение бога, а не простой смертный. Думаю, ради тебя оказал мне милость Шарва¹²⁵, отдав свой приказ. Отныне, поэтому, ты — мой друг, и едва ты обо мне вспомнишь, я окажусь рядом с тобой, чтобы помочь тебе в опасности». Так ракшаса Ямаданштра предложил Видушаке свою дружбу и, порадовав его своими словами, скрылся.

Между тем Видушака провел эту ночь в веселом расположении духа, выслушивая от царевны восторженные похвалы своей доблести. А наутро, узнав о случившемся, счастливый царь вручил ему богатые дары и отдал за него свою дочь, словно та была символом его мужества. Несколько ночей провел с ней Видушака, и все это время она, очарованная его достоинствами, словно богиня Лакшми, ни на миг не могла от него оторваться.

Но однажды ночью в тоске по своей возлюбленной Бхадре он по собственной охоте покинул царевну; ибо кто, вкусив божественных радостей, найдет усладу в иных удовольствиях?

Выйдя из города, он вспомнил о ракшасе, и едва он о нем подумал, как тот появился. Видушака приветствовал его, поклонившись и сказал: «Друг, я хочу попасть в страну сиддхов, на гору Удая, чтобы встретиться там с видьядхари Бхадрой. Прошу тебя, отвези меня туда». — «Хорошо», — ответил ракшаса, и Видушака, взобравшись к нему на плечи, за одну эту ночь проделал шестьдесят йоджан трудного пути. Наутро, переправившись через реку Шитода, которую не пересекал ни один смертный, он, не затратив никаких усилий, очутился поблизости от горы Удая.

«Перед тобой священная гора Удая, — сказал ракшаса, — мне нет на нее доступа, потому что на ней обитают сиддхи». С разрешения Видушаки ракшаса удалился, и Видушака увидел невдалеке большое и прекрасное озеро. Оно сверкало цветущими бутонами лотосов и жужжанием снующих повсюду пчел словно

приветствовало его: «Добро пожаловать!» Видушака сел на берегу и вскоре заметил поблизости ряд четких следов, похожих на женские. Эти следы, казалось, говорили ему: «Вот дорога к твоей любимой». — «На эту гору не может подняться смертный, — подумал Видушака. — Поэтому лучше мне пока побыть здесь и разузнать, чьи это следы». В этот момент к озеру, чтобы набрать из него воды, подошло несколько красивых женщин с золотыми кувшинами. Подождав, пока эти женщины наполнят свои кувшины, он затем спросил их приветливо и дружелюбно: «Кому несете вы эту воду?» — «Здесь на горе живет видьядхари по имени Бхадра. Эта вода, добрый человек, для ее купания», — сказали они ему в ответ.

Удивительное дело! Творец словно радуется дерзновенным начинаниям мужественных людей и все обращает им на пользу! Как раз в этот момент одна из женщин попросила Видушаку: «Почтенный, помоги мне поднять кувшин на плечо». Видушака согласился, и когда ставил кувшин ей на плечо, то положил в него драгоценное кольцо, которое некогда Бхадра ему подарила. Затем он снова уселся на берегу озера, а женщины, набрав воду, пошли к дому Бхадры. Там они стали помогать Бхадре совершить омовение, и тут кольцо упало ей на колени.

Заметив его, Бхадра тотчас его узнала и спросила своих подруг: «Не встретили ли вы поблизости какого-нибудь незнакомца?» — «Да, — ответили женщины, — мы видели на берегу озера одного юношу. Он помог нам поднять как раз вот этот кувшин». Тогда Бхадра воскликнула: «Поскорее идите, совершите положенное омовение и украсьте его, а потом приведите сюда; ко мне пришел мой супруг!» Повинуясь словам Бхадры, ее подружки возвратились к Видушаке, рассказали ему о том, что произошло, и, совершив омовение, отвели его к возлюбленной.

В утренних сумерках он еще издали увидел Бхадру, которая в страстном нетерпении не отрывала глаз от дороги и казалась прекрасным и спелым плодом его доблести, воплотившимся в зримую форму. И она тоже его увидела, бросилась ему навстречу, и, оросив его ливнем радостных слез, словно свершив над ним возлияние, обвила его шею гирляндой своих рук, гибких, как лианы. Они оба так прижались друг к другу, что на их коже от крепких объятий показались капельки пота, будто страсть их, так долго не находившая выхода, выступила, наконец, наружу. Затем они сели, но еще много времени оставались сплетенными их взоры, словно тоска друг по другу, которую они терпели, теперь усилилась во сто крат.

«Как ты попал в эту страну?» — спросила, наконец, Бхадра, и Видушака так ей ответил: «Чтобы попасть сюда, я перенес много опасностей, но меня поддерживала любовь к тебе. Мне нечего больше добавить, моя прекрасная». Услышав это и чувствуя, что его любовь чуралась забот о собственной жизни, она, чья страсть уже не знала пределов, воскликнула: «Мой благородный супруг, мне нет дела до моих друзей, мне нет дела до моего магического искусства¹²⁶! Ты моя жизнь! Ты купил меня ценой доблести, и я твоя рабыня, мой господин!» Тогда Видушака сказал: «Раз так, уйдем отсюда, будем вместе жить в Удджайини, любимая. Не нужны нам небесные радости!» Бхадра ответила ему согласием и, как от ничтожной травинки, отказалась от своей магической силы, которая тут же ее покинула.

Первую ночь провел Видушака с Бхадрой в ее доме, и прислуживала им ее подруга Йогешвари. А на следующее утро он покинул с ней гору Удаю, счастливый, что исполнилось его желание. Спустившись с горы, он вспомнил о ракшасе Ямандаштре, и как только вспомнил, Ямандаштра появился. Видушака сказал ему, куда идти, и снова взобрался на его плечо, посадив рядом с собой Бхадру. И она не испугалась сесть на плечо ужасного ракшасы, потому что все готовы вытерпеть женщины, если они во власти любви.

Верхом на ракшасе Видушака со своей любимой тронулся в путь и вскоре снова попал в город Каркотаку, где ракшаса перепугал своим видом всех жителей. Видушака побывал у царя Арьявармана и потребовал у него свою жену. Царь отдал ему свою дочь, которую Видушака добыл собственной рукой, и вместе с ней верхом на ракшасе он выехал из города.

Проезжая берегом моря, Видушака встретил негодяя-купца, перерезавшего веревки, на которых он держался, когда спускался в глубь океана. Он забрал у купца дочь, обещанную ему в награду за освобождение корабля, и отнял у него его богатства. Ведь для этого негодяя, решил Видушака, лишиться имущества значит то же, что умереть, ибо алчным людям их богатства нередко дороже жизни.

Затем усадив дочь купца рядом с Бхадрой и царевной, он сам взобрался на ракшасу и поднялся в небо. Так, по воздуху, он переправился через океан и любовался им вместе со своими возлюбленными, в то время как океан внизу сверкал и бурлил подобно его собственному мужеству. Потом он приехал в город Паундравардхану, и народ смотрел на него с восхищением, удивляясь, как ему удалось стать наездником ракшасы. Он встре-

тился там со своей женой, дочерью царя Девасены, доставшейся ему после победы над ракшасой, которая давно уже с нетерпением его поджидала. Хотя отец ее пытался удержать его у себя, Видушака, сильно тоскуя по родине, забрал царевну с собой и направился в Удджайини.

С помощью ракшасы он быстро достиг этого города, который показался ему олицетворением счастья свидания с отчизной. Верхом на громадном ракшасе, сияющем от красоты женщин, сидевших на его плечах, Видушака показался людям месяцем, взошедшим над Восточной горой, на вершине которой блестит трава¹²⁷. Узнав, что народ изумлен и встревожен, навстречу Видушаке из города вышел его тесть, царь Адитьясена. Завидев царя, Видушака слез с ракшасы и, подойдя, почтительно перед ним склонился, а царь в ответ с радостью его обнял. Затем Видушака помог своим женам спуститься с плеч ракшасы, а самого его отпустил, позволив идти, куда он хочет. Простившись с ракшасой, он вместе с царем, своим тестем, и всеми женами вошел в царский дворец. Его появление во дворце осчастливило его первую супругу, дочь царя Адитьясены, которая давно уже страдала от страстной тоски по нему.

«Откуда у тебя эти жены и кто этот ракшаса?» — спросил у Видушаки царь. А когда тот рассказал ему в ответ все, что с ним случилось, царь, восхищенный доблестью своего зятя, отдал ему, сочтя это своим долгом, половину царства. И так, хотя Видушака и был по рождению брахманом, он стал царем¹²⁸, и его осенял высокий белый зонт, по обеим сторонам которого реяли царские опахала. Казалось, что весь Удджайини при этом светится радостью — его наполняли праздничные звуки барабанов и труб, город звенел от восторженных криков.

Получив царский сан, Видушака постепенно покорил землю. Все государи на ней должны были целовать его царственную ногу, и он долго наслаждался жизнью вместе с Бхадрой и остальными женами, которые всегда были в согласии друг с другом и не знали ревности. Так, если судьба благоприятствует мужественным людям, их доблесть становится великой, радостной и могучей силой, которая всегда приведет их к счастью».

Вслушав из уст царя ватсов этот рассказ, полный разнообразных и удивительных приключений, все, кто был рядом с Удаяной — и министры, и его жены, — испытали высочайшее наслаждение.

Вот четвертая волна книги «Лаванака» в «Океане сказаний» великого поэта Сомадевы.

ВОЛНА ПЯТАЯ

Тут сказал владыке ватсов Яугандхараяна: «Царь, всем известно, что и судьба к тебе благосклонна, и доблестью ты обладаешь. Да и мы все здесь достаточно сведущи в искусстве нити¹²⁹. Поэтому поскорее приступай к тому, что задумал, — к завоеванию мира».

На эти слова министра Удайна, царь ватсов, ответил: «Да будет так! Но овладеть счастьем никогда нельзя, если не преодолеешь многих опасностей. Поэтому сначала я хочу своим покаянием снискать благосклонность Шамбху¹³⁰. Если нет на это его воли — откуда добьешься желанного?» Выслушав царя, министры одобрили его решение, как сделали это в свое время вожди обезьян, когда Рама захотел построить мост над океаном¹³¹.

Вместе с женами и министрами царь принял на себя обет покаяния, и, когда он постился уже в течение трех дней и трех ночей, перед ним во сне предстал Шива и сказал: «Я доволен тобой. Вставай! Твой путь к победе не будет омрачен препятствиями, и к тому же вскоре у тебя родится сын — повелитель всех видьядхар».

Царь пробудился, его усталость исчезла по милости Шивы, как исчезает молодой месяц при первых лучах солнца. Наутро он обрадовал рассказом об этом сне министров и двух своих нежных, как цветы, жен, которых истомили пост и покаяние. Они насытили свой слух этим рассказом, и радость, которую им принес сон царя, словно сладкое лекарство, восстановила их силы. Благодаря покаянию царь обрел могущество, равное могуществу его предков, а Васавадатта и Падмавати снискали славу добродетельных жен, верных супружескому обету.

Когда окончили пост и покаяние и все горожане предались торжеству, Яугандхараяна обратился к царю с такими словами: «Счастлив ты, царь, что к тебе так благоволит всевышний Хара¹³². Теперь ты можешь разбить своих врагов и насладиться успехом, добытым собственной рукой. Ибо когда счастье — награда доблести, оно неизбежно в царском роду; оно никогда не иссякает, если досталось по заслугам. Так и сокровище твоих предков; хотя оно было зарыто в земле и надолго исчезло из глаз, все-таки ты нашел его. Послушай один рассказ, который может служить примером:

Жил некогда в городе Паталипутре купеческий сын по имени Девадаса, потомок очень богатого рода. Он был женат на дочери одного зажиточного купца из города Паундравардханы. Когда отец умер, Девадаса предался порочной жизни и постепенно за игрой в кости промотал все свое состояние. Видя, что его дочь во власти горя и бедности, за женой Девадасы приехал отец и увез ее к себе домой, в Паундравардхану.

Со временем, однако, Девадаса начал тяготиться своим несчастьем и решил начать новое дело. Тогда он отправился к своему тестю, чтобы одолжить у него денег. В город Паундравардхану он приехал поздно вечером и весь был покрыт дорожной пылью, а платье его превратилось в лохмотья. Заметив это, Девадаса подумал: «Как же мне в таком виде идти в дом своего тестя? Нет, гордому человеку легче умереть, чем показать родственнику свою бедность». Так подумав, он отправился на рыночную площадь и там, возле какой-то лавки, приготовился скоротать ночь, свернувшись в клубок, точно лотос при лунном свете ¹³⁴.

Но тут он увидел, как, отперев засов, в эту лавку вошел некий юный купец. А спустя немного времени неслышной походкой на рынок явилась какая-то женщина и тоже проскользнула в лавку. В лавке зажгли свет, и, когда Девадаса заглянул внутрь, он узнал в этой женщине свою собственную жену. Вслед за тем неверная жена заперла за собой дверь, и, видя это, Девадаса, пораженный горем, как ударом грома, подумал: «Человек, потерявший деньги, теряет с ними и саму жизнь. Что же тут говорить о женщинах? Ведь женская любовь по самой своей природе мгновенна, как молния. Так вот каков удел мужчин, оказавшихся в пучине бедствий; вот какова участь жен, когда они становятся свободными и попадают в отцовский дом!» Пока он так думал, оставаясь за стенами лавки, ему послышался голос его жены, наслаждавшейся отдыхом после любовных утех. Тогда он подошел и приложил ухо к двери; как раз в этот момент негодная женщина вот что нашептывала своему любовнику-купцу: «По страстной любви к тебе я хочу поделиться с тобой одним секретом. Послушай, у моего мужа был некогда прадед по имени Вираварман. Во дворе своего дома он тайно зарыл в землю четыре кувшина с золотом — в каждом углу двора по одному кувшину. Затем он рассказал об этом одной из своих жен, а жена в час своей смерти поведала об этом своей

невестке. Та — своей невестке, моей свекрови, а свекровь рассказала мне. Вот какая тайна, переходя от одной свекрови к другой, хранится в семье моего мужа. Я не рассказала о ней своему мужу, когда он оказался беден, потому что из-за своего увлечения игрой в кости он стал мне ненавистен. Тебя же я люблю больше всего на свете. Ступай поэтому к моему мужу и, купив у него за деньги дом, возьми себе это золото. Затем возвращайся обратно и живи со мной в довольстве».

Когда жена-предательница рассказала это своему любовнику, тот был обрадован и решил, что без труда овладеет кладом. А у Девадасы, стоявшего снаружи, слова негодной женщины, словно острое жало, пронзили сердце, но в то же время у него появилась надежда вновь разбогатеть.

В тот же день он возвратился в город Паталипутру, пришел домой, вырыл клад и взял его себе. Вскоре под предлогом торговых дел в Паталипутру приехал купец, ставший тайным любовником жены Девадасы. В пылких мечтах о кладе он купил у Девадасы дом, который тот уступил ему за большую цену. Затем Девадаса взамен старого приобрел новый дом и, задумав хитрость, побыстрее возвратил свою жену из дома ее отца. Едва он это сделал, как негодный купец, любовник его жены, не найдя клада, явился к Девадасе и сказал: «Твой дом оказался старым, и мне он не подходит. Поэтому отдай мне деньги, которые я за него заплатил, и возьми его себе обратно». Как ни требовал купец, Девадаса отверг его настояния; между ними началась ссора, и оба они явились на суд к царю.

Здесь Девадаса рассказал царю все, что сделала его жена, и рассказ этот был нестерпим, как яд, жгущий грудь. Царь приказал привести жену Девадасы, и, когда вся правда была выявлена, он наказал прелюбодея-купца, отобрав у него все имущество. А Девадаса отрезал у негодной женщины нос и, женившись на другой, жил счастливо на приобретенные им деньги.

Так, богатство, если оно нажито честным путем, сохраняется из поколения в поколение; а всякое другое исчезает, как иней под потоками ливня. Поэтому каждому человеку, когда он копит богатство, нельзя нарушать добродетели; особенно же царю, ибо богатства — корни древа его царствования.

Итак, царь, ради своего успеха воздай должное своим министрам и приступай к завоеванию мира, чтобы обрести счастье, подобающее твоей доблести. Зная о твоем союзе с двумя твоими свекрами, немногие цари осмелятся тебе противиться —

все они примкнут к тебе. Но есть у тебя извечный враг — царь Варанаси¹³⁵ по имени Брахмадатта. Поэтому сначала ты должен его победить. А когда победишь, завоюй все страны света, начиная с восточных, и высоко вознеси славу рода Панду¹³⁶, сияющую, как белый лотос».

Выслушав и одобрив речь первого советника, царь ватсов, жаждущий победы, приказал своим министрам готовиться к походу. Чтобы присоединиться к походу, к Удаяне явился его шурина Гопалака, и в знак своей любви царь отдал ему под власть страну Видеха¹³⁷. Пришел к нему на помощь с войском и брат Падмавати — Санхаварман; чтобы выразить ему свое почтение, царь пожаловал ему страну Чеди¹³⁸. Наконец, могущественный Удаяна призвал к себе своего друга, царя бхиллов¹³⁹, Пулиндаку, и войска, которые привел с собой Пулиндака, заполнили всю окрестность, как тучи заполняют небо в сезон дождей.

Пока шли в земле великого государя приготовления к походу, в сердцах его врагов началось небывалое смятение. А Югандхараяна прежде всего послал своих соглядатаев в Варанаси, чтобы разузнать о планах царя Брахмадаты.

Затем, в благоприятный день, обрадованный знамениями, сулящими победу, владыка ватсов выступил на восток, в поход против Брахмадаты. Он взобрался на громадного и могучего слона, осененного высоким зонтом, будто лев — на гору с цветущим на вершине деревом. Его радовала осень, которая пришла, словно вестница успеха, и сделала доступными все дороги, иссушив воды в реках. Войска наполнили громким гулом землю, так что казалось, будто внезапно, хотя на небе не было ни единой тучи, настал сезон дождей. А стороны света, отвечавшие эхом этому гулу, как будто делились друг с другом ужасом, который вызывал у них поход войска. В золотой упряжке лошадей отражались солнечные лучи, словно ликующие огни обряда очищения армии¹⁴⁰ продолжали следовать за ней в ее движении. Слоны, шествующие по дороге, напоминали сыновей гор, высланных испуганными отцами, чтобы присоединиться к войску; их белые уши, похожие на опахала, казались белыми осенними облаками на горных вершинах, а струи мады¹⁴¹, окрашенные краской, нанесенной на их головы, казались горными потоками, окрашенными минералами. Пыль, поднятая войском, затмевала блеск солнца, будто царь не желал терпеть сияние, исходящее от его соперников. Ни на шаг не отставали от царя и обе царицы, словно богини Славы и Победы, покоренные его государственной мудростью. И войсковые знамена, которые то

опали, то снова развевались по ветру, как бы говорили врагам: «Склонитесь! Бегите!»

Так шествовал царь, и повсюду на пути войска его встречали цветущие белые лотосы, будто встревоженный Шеша¹⁴² высунул наружу свои головы, опасаясь, что расколется земля.

Между тем соглядатаи Яугандхараяны приняли по его приказу обет капаликов¹⁴³ и пришли в город Варанаси. Один из них, искусный в плутнях, притворился предсказателем и стал изображать из себя учителя, а остальные — его учеников. «Вот наш учитель, которому ведомо прошлое, настоящее и будущее», — так представляли этого лжеучителя его ученики, когда он то там, то здесь собирал подаяния. И если в ответ на расспросы он предсказывал будущее, например пожары или что-нибудь в этом роде, его ученики тайком исполняли его предсказания. Так он прославился.

Вскоре он снискал полное доверие одного местного раджпута, любимца и слуги царя, который был покорен молвой о его магическом искусстве. Когда началась война с владыкой ватсов, при посредстве этого раджпута с предсказателем стал советоваться царь Брахмадатта, и тот разузнал тайные планы царя. Так, министр Брахмадатты Йогакаранда по всему пути, которым следовал царь ватсов, расставил ловушки, напоил всякого рода ядами деревья, цветы, водоемы и травы вдоль дороги, под видом гетер отправил в войско Удаяны девушек-отравительниц и подослал туда переодетых ночных убийц. Но лишь только шпион, притворявшийся предсказателем, узнал об этом, как через своих помощников известил Яугандхараяну. А предупрежденный ими Яугандхараяна вдоль всего пути войска на каждом шагу с помощью противояднй очистил отравленную траву, водоемы и растения, запретил солдатам знаться с женщинами, появившимися среди них недавно, и вместе с Руманватом поймал и казнил подосланных убийц.

Увидев, что все его планы рухнули и что страна его наводнена войсками врага, Брахмадатта решил, что нельзя победить владыку ватсов. Обдумав это, он послал посла, а потом и сам явился к царю ватсов, находившемуся уже неподалеку, поднося к голове сложенные ладонями руки в знак покорности и почтения. Удаяна же, когда Брахмадатта пришел к нему с дарами, принял его милостиво и с почетом, ибо героям любезно послушание.

Победив Брахмадату, Удаяна затем усмирил весь Восток, подчинив себе безропотно склонившихся перед ним царей и с

корнем уничтожив непокорных, как ветер вырывает деревья. Могучий царь дошел до Восточного океана, и океан встретил его рябью волн, словно в страхе трепетал перед завоевателем Ванги¹⁴⁴. На берегу, у самого океана, он воздвиг колонну победы, и казалось, что это поднялся из-под земли царь нагов¹⁴⁵, умоляя не трогать подземный мир.

Затем Удайна покорил Калингу¹⁴⁶ и наложил на нее дань, и слава его, достославного, будто бы вслед за жителями этой страны взошла на горы Махендры¹⁴⁷. Со своими слонами, которые напоминали вершины гор Виндхья¹⁴⁸, как бы присоединившиеся к нему из страха перед участью Махендры, он победил множество царей и повернул на юг.

Там он лишил своих врагов сил и голоса, заставил их поблуднеть и искать убежища в горах, как это делает осень с тучами¹⁴⁹. Победоносный, он переправился через реку Кавери¹⁵⁰ и этим растоптал славу царя чолов¹⁵¹. Он не пожелал терпеть ни заносчиво поднятых голов жителей Муралы¹⁵² — и пригнул их наложенной данью, ни высоких грудей их женщин — и их стиснули руки победителей. Его слоны припали к реке Годавари¹⁵³, разделенной на семь рукавов, и сколько выпили из нее воды, столько ей возвратили в виде мады, стекающей с их висков семью потоками.

Затем царь ватсов пересек реку Реву¹⁵⁴ и достиг Удджайини. Там встретил его царь Чандамахасена и почтительно ввел в свою столицу. На всем пути через город его провожали лукавые взгляды женщин Малавы¹⁵⁵, красота которых не нуждается в иных украшениях, кроме цветочных гирлянд и распущенных волос. Не зная никаких забот, он провел в Удджайини немного времени, и его тесть так ухаживал за ним, что он даже забыл дорогие его сердцу радости собственной отчизны. Васавадатта же все время не отходила от своего отца и вспоминала детство, отчего даже в своем счастье она казалась печальной. А царь Чандамахасена был столь же доволен знакомством с Падмавати, сколько и встречей с собственной дочерью.

Отдохнув несколько дней и ночей, в радостном расположении духа владыка ватсов выступил вместе с войсками своего тестя на Запад. Его острый меч казался дымом от пожара его доблести, потому что замутил слезами взоры женщин Латы¹⁵⁶. «Как бы он ни вырвал меня, чтобы опять вспахать океан», — возможно, думала дрожащая Мандара¹⁵⁷, когда его слоны опустошали лес на ее склонах. Поистине, он был каким-то новым могучим светилом, отличным и от солнца, и от других звезд

тем, что его долгий и победоносный восход продолжался и на Западе.

Потом он направился в страну, отмеченную пребыванием Куберы¹⁵⁸, обещающую свидание с Алакой¹⁵⁹, прекрасною улыбкой горы Кайласа¹⁶⁰. Затем, покорив царя Синдху¹⁶¹, он во главе своих всадников истребил млеччхов¹⁶², как потомок Рагху истребил ракшас, встав во главе обезьян¹⁶³. Несметные скопища конницы турушков¹⁶⁴ были разбиты отрядами его слонов, как волны бурного океана разбиваются, столкнувшись с прибрежным лесом. Лучший и славнейший из людей, он наложил дань на своих врагов и отсек голову у негодного властителя персов, как Вишну — у Раху¹⁶⁵. После победы над гунами¹⁶⁶ его слава громко прозвучала по всем странам света и, словно второй Ганг, заполнила собой небо¹⁶⁷. Когда раздавались воинственные клики его войска, только ущелья отвечали им эхом, а враги молчали, оцепенев от страха. И нет ничего удивительного, что властитель Камарупы¹⁶⁸, склонивший перед ним свою голову, над которой уже не было царского зонта, одновременно лишился не только тени, но и блеска¹⁶⁹. Затем владыка мира начал свое возвращение домой, и слоны, отданные ему царем Камарупы, сопровождали его в пути, словно живые холмы, которых их отцы — горы преподнесли ему в качестве дани.

Завоевав всю землю, Удайна прибыл со своей свитой и войском в столицу царя Магадхи, отца Падмавати. И когда он явился туда вместе с двумя царями, владыка Магадхи был счастлив, как счастлив Бог любви, когда луна озаряет ночь своим светом. Встретившись же вновь с Васавадаттой, которая когда-то неузнанной жила у него во дворце, он оказал ей почет, приличествующий ее высокому сану.

Затем, восхваляемый царем Магадхи и жителями его столицы, похитив сердца его подданных, как бы устремившиеся с любовью вслед за ним, поглотив своей могучей армией всю землю, победоносный царь ватсов возвратился в свою страну и остановился в Лаванаке.

Вот пятая волна книги «Лаванака» в «Океане сказаний» великого поэта Сомадевы.

ВОЛНА ШЕСТАЯ

Остановившись в Лаванаке, чтобы дать отдых войску, Удайна, владыка ватсов, оставшись наедине с Яугандхараяной, сказал ему: «Благодаря твоей мудрости я победил всех царей на земле. Покоренные нами по всем законам государственной мудрости, они уже не изменят мне. Лишь Брахмадатта, царь Варанаси,— человек ненадежный, и я думаю, что замышляет он мятеж. Какое доверие может быть к вероломным?» На эти слова владыки ватсов Яугандхараяна так ответил: «Нет, царь, Брахмадатта уже не изменит тебе. Ты оказал ему достаточный почет, хотя он был побежден тобою и склонился к твоим ногам. А какой здравомыслящий человек ответит злом на доброе обращение? Если кто-нибудь решится все-таки так поступить, ему самому придется худо. Послушай, я расскажу тебе по этому случаю такой рассказ:

Рассказ о Пхалабхуги

Некогда славился в стране Падма один благородный брахман по имени Агнидатта, который жил доходами с земли, подаренной ему царем. У него родились два сына: старший по имени Сомадатта и младший, которого звали Вайшванарадатта. Первый из них был красив, но невежествен и имел дурные манеры, а второй — умен, хорошо воспитан и любил учение. Оба они женились, а после смерти отца поровну поделили между собой его имущество, включая надел земли. Младший брат попал в милость царя, а старший, Сомадатта, нетвердый в соблюдении своего долга, занялся земледелием. Как-то раз, увидев Сомадатту в обществе шудр¹⁷⁰, некий брахман, друг его отца, так сказал ему: «Хоть ты, глупец, и сын Агнидатты, но ведешь себя, как шудра. Не стыдно ли тебе, коли знаешь, что твой младший брат в почете у царя?» Когда Сомадатта это услышал, он в ярости кинулся на брахмана и ударил его ногой, забыв об уважении к старшему. Тогда этот брахман, разгневанный пинком, немедленно пригласил других брахманов в свидетели и отправился с жалобой к царю. Царь послал воинов, чтобы они задержали Сомадатту, но друзья Сомадатты взяли в руки оружие и прогнали их. Тогда царь послал отряд побольше, арестовал Сомадатту и, ослепленный гневом, приказал посадить его

на кол. Но едва только этот брахман был поднят на кол, как вдруг он свалился с него на землю, словно кто-то его оттуда сбросил. А когда палачи снова попытались его поднять, они ослепли, ибо судьба оберегает тех, кому суждена благая участь. Вскоре о случившемся узнал царь; к тому же за старшего брата просил младший, которому царь покровительствовал; и поэтому царь освободил Сомадатту от казни.

Избегнув смерти, но тяготясь презрением царя, Сомадатта решил уйти вместе с женой в другую страну. Но поскольку все родственники не одобрили его решения, он, чтобы жить на чужбине, был вынужден отказаться от той половины царского надела, которая досталась ему в наследство. И вот, не имея иных средств к существованию, он пожелал заняться земледелием. В один прекрасный день отправился он в лес присмотреть себе подходящей земли. Вскоре он нашел превосходный участок, сулящий богатый урожай, среди которого возвышалось громадное дерево ашваттха¹⁷¹. Видя, что это дерево, словно сезон дождей, дарует прохладу и во время работы будет его спасать от лучей солнца своей благословенной густой тенью, Сомадатта почувствовал радость. «Кто бы ни обитал в этом дереве,— я его слуга»,— сказал Сомадатта и, пав ниц перед деревом, обошел его слева направо в знак почтения. Потом он запряг пару буйволов, произнес моление об успехе, принес дереву жертвы и начал пахать землю. Дни и ночи проводил он под этим деревом, а жена каждый раз приносила ему туда еду.

Прошло некоторое время, урожай созрел, как вдруг по воле судьбы на страну, где жил Сомадатта, напали войска из чужого царства и разорили его землю. А когда, уничтожив урожай, воины ушли, мужественный Сомадатта успокоил плачущую жену и отдал ей то немногое, что у него осталось. Снова принес он жертвы и, как прежде, остался жить под тем же деревом, ибо у мужественных людей такой нрав: в несчастье возрастает их стойкость.

Однажды ночью, когда, оставшись один, Сомадатта, одолеваемый заботами, не спал, из дерева ашваттха послышался голос: «Эй, Сомадатта, я доволен тобой! Ступай в страну Шрикантха, где царствует царь по имени Адитьяпрабха. Встань у ворот царского дворца и, произнеси молитвы, которые читают во время утреннего жертвоприношения Агни, повторяй там такие слова: «Я брахман по имени Пхалабхути. Слушайте, что я говорю: Тому, кто делает добро, да воздастся добром, а кто делает зло — злом». Если будешь так говорить, ты добьешься ве-

ликого успеха. Теперь же я научу тебя молитвам во славу Агни. Знай, что я — якша»¹⁷². Так сказав и с помощью магии мгновенно научив Сомадатту молитвам, голос в дереве умолк. А обрадованный Сомадатта, приняв имя Пхалабхути, которое дал ему якша, наутро вместе с женой тронулся в путь.

Он преодолел многие леса, непроходимые и густые, как его собственные несчастья, и наконец добрался до страны Шрикантха. Там у ворот дворца он произнес молитвы, которые читают при утреннем жертвоприношении Агни и, назвавшись, как было ему сказано, именем Пхалабхути, проговорил: «Делающему добро — добро, а делающему зло — зло».

Словам его с удивлением внимал народ, а узнав, что он повторяет их беспрерывно, им заинтересовался также царь Адитьяпрабха и приказал привести Пхалабхути к нему. Войдя к царю, Пхалабхути вновь и вновь повторял свое изречение, и тогда царь, его приближенные и вассалы принялись смеяться, а затем наградили его одеждой, украшениями и даже деревнями. Поистине, бесполезно развеселить могущественных людей!

Так по милости якши Пхалабхути, будучи бедняком, получил от царя богатство. Бесперывно твердя заученные им слова, он сделался вскоре любимцем царя, поскольку сердца владык склонны к развлечениям. А став любимцем царя, со временем он снискал любовь и почет и во дворце, и в гареме, и во всей стране.

Однажды, возвратясь после охоты из леса, царь Адитьяпрабха неожиданно явился в гарем. Заметив замешательство стражи, царь почувствовал тревогу, и когда вошел внутрь, то увидел царицу Кувалайвали, совершающую необычный обряд в честь богов. Ее тело было совсем обнажено, волосы поднялись дыбом, глаза зажмурены, на лбу алело красное пятно сурика, губы приоткрыты в бормотании молитв. А повсюду вокруг нее были разбросаны всевозможные предметы, предназначенные для страшного жертвоприношения кровью, вином и человеческим мясом.

Когда царь вошел, Кувалайвали в смущении схватилась за одежду и в ответ на его расспросы, умоляя ее не наказывать, рассказала следующее: «Я взялась за этот обряд ради твоего процветания. Послушай же, мой господин, в чем состоит моя магия и как я ей научилась:

Рассказ Кувалаявали

Однажды, во время великого праздника весны, когда я жила в доме отца и была еще девочкой, мои подруги встретили меня на прогулке в саду и так мне сказали: «Здесь, в саду для увеселений, среди деревьев стоит статуя Ганеши, бога богов, дарителя благ, чье могущество всем известно. Пойди и почти с любовью того, кто дарует просимое, чтобы в скором времени, не встретив препятствий, ты получила подходящего тебе супруга». Выслушав подруг, я по своей наивности их спросила: «Разве девушки приобретают супруга почитанием Винайки ^{173?}» На это они ответили: «Как можешь ты об этом спрашивать. Не почтив его, никто в этом мире не добьется никакого успеха. Послушай, например, одну историю о его могуществе». И подруги рассказали мне такой рассказ:

Рассказ о Ганapati ¹⁷⁴

«Некогда Шакра ¹⁷⁵, когда на него напал Тарака ¹⁷⁶, пожелал, чтобы предводителем его войска стал будущий сын Шивы, разрушителя городов. Но Бог любви с цветочными стрелами был сожжен Шивой, и Трехглазый бог ¹⁷⁷, занятый умерщвлением плоти, не прервал своей долгой аскезы. Тогда Гаури ¹⁷⁸, прибегнув к покаянию, сама добилась того, что он стал ее супругом, и, в стремлении родить от него сына, захотела оживить Мадану ¹⁷⁹. Однако она забыла ради успеха задуманного почтить Владыку препятствий ¹⁸⁰. Когда она попросила Шиву исполнить ее желание, тот так ответил своей жене: «Любимая, Смара родился в давние времена из разума Праджапати ¹⁸¹. И едва он появился на свет, как по своей дерзости воскликнул: «Кого бы свести с ума?» Поэтому Четырехликий ¹⁸² дал ему имя Кандарпа ¹⁸³ и сказал: «Ты слишком заносчив, сынок! Остерегайся, однако, нападать на Трехглазого, иначе ты погибнешь!» Несмотря на предупреждение Творца, этот негодник попытался смутить мой разум. Тогда я сжег его, и ему не родиться вновь в телесном облике. Но сына от тебя я могу произвести на свет своей собственной силой. Ибо я не нуждаюсь, как простой смертный, в усилиях Маданы, чтобы получить потомство». Так сказал Парвати Бог, имеющий на знамени быка ¹⁸⁴. Тут пришел к нему Брахма в сопровождении Шатамакхи ¹⁸⁵. Восславив Шиву, Брахма попросил его усмирить асуру Тараку, и тогда Шива согласился, чтобы Девы ¹⁸⁶

родила от него сына. По просьбе Брахмы согласился он также воскресить Каму, но не в прежнем телесном облике, а в сердцах людей, дабы не прекратился человеческий род. После этого он открыл для Бога любви дорогу в собственное сердце, и Творец удалился довольный им, а Парвати была вне себя от счастья.

Через несколько дней, выбрав пустынную и отдаленную местность, Шанкара и Ума¹⁸⁷ отдались радостям любви. И не было конца их страсти, хотя минули уже сотни лет и трем мирам грозила гибель от сотрясения. Испугавшись, что придет конец вселенной, боги по совету Брахмы воззвали к Агни, надеясь, что он прервет любовное неистовство Шивы. Но Агни, едва о нем вспомнили, убежал. Он подумал, что тот, кто уничтожил Мадану, непобедим, и скрылся от богов под водою. Однако лягушки, которых мучил его жар, рассказали небожителям, разыскивающим Агни, что он спрятался в воде. Агни немедленно проклял лягушек, так что речь их стала невнятной, и снова спрятался в одном из деревьев рая Индры. Приняв вид улитки, он забился в дупло дерева, но слоны и попугаи выдали его богам, и те его там нашли. Агни проклял слонов и попугаев, сделав их речь неблагозвучной, а богам, воздавшим ему почести, обещал выполнить их просьбу.

Агни отправился к Шиве, прервал своим жаром его любовные улады, а затем, страшась проклятия, пал перед ним ниц и поведал о возложенном на него богами поручении. Шива же, весь еще во власти возбуждения, сбросил в огонь свое мужское семя. И ни Агни, ни Амбика¹⁸⁸ не в силах были ему помешать.

«Не будет у меня от тебя сына!» — в горе и гневе воскликнула Девы, и тогда так ей сказал Хара: «Перед тобой возникло теперь препятствие, потому что ты не почтила Владыку препятствий. Почти же его поскорей, и тогда наш сын родится из огня». Повинуясь слову Шамбху, Девы вознесла моления Владыке препятствий, и семя Шивы стало расти в утробе Агни. Когда Семиязыкий Бог¹⁸⁹ носил в себе семя Шамбху, он и днем и ночью светился небывалым блеском, словно внутри его тела проникло солнце. Но затем, не в силах удержать это семя, он изверг его в Ганг, а Ганг, по приказу Хары, отнес его в священную пещеру на горе Меру¹⁹⁰. Там это семя охраняли ганы из свиты Шивы, и спустя тысячу лет оно стало мальчиком с шестью лицами¹⁹¹. Сразу шестью ртами он пил грудное молоко у шести Криттик¹⁹², которых приставила к нему няньками Гаури, и сделался юношей в течение нескольких дней.

Между тем Царь богов¹⁹³, разбитый в бою асурой Таракой, покинул поле битвы и прибыл на недоступную вершину горы Меру. Тут боги и святые мудрецы пришли к Шестиликому искать у него убежища. И он принял их, окруживших его со всех сторон, под свою защиту. Узнав об этом, Индра был недоволен. Он решил, что у него похитили царство. Полный зависти, явился он к Кумаре и сразился с ним. Когда молния Индры ударила в Шестиликого, из тела его появились на свет два сына, Шакха и Вишакха, оба несравненной мощи. Тогда сам Шива пришел к своему сыну, превзошедшему мужеством Индру, и его детям, чтобы прекратить сражение. Он сказал Кумаре: «Ты рожден, чтобы уничтожить Тараку и защитить царство Индры. Выполняй же свой долг». После этого образованный Враг Вритры¹⁹⁴ склонил свою голову перед Кумарой и немедленно приступил к церемонии его провозглашения своим военачальником. Но когда он поднял кувшин, чтобы совершить торжественное возливание, его рука сама собой застыла в воздухе. Шакру охватило отчаяние, а Шива сказал ему: «Ты пожелал получить предводителя войска, но забыл почтить Словоликого¹⁹⁵. Вот почему ты столкнулся с этим препятствием. Воздай же ему положенные почести». Индра сделал так, как сказал ему Шива, и тогда его рука снова стала подвижной. После этого он, согласно всем обычаям, закончил обряд посвящения в военачальники. А спустя немного времени предводитель его войска убил асуру Тараку; и радовались все боги, обретя желанное, и радовалась Гаури, обретя сына.

Вот так, царевна, даже боги не знают успеха, если они не почтут Ганешу. Поэтому и ты почти его, чтобы исполнились твои желания».

Наставленная подругами, я немедленно отправилась, мой благородный супруг, в отдаленный уголок парка и почтила воздвигнутую там статую Владыки препятствий. А закончив обряд, я вдруг увидела, что мои подруги с помощью магии взлетели под небесный свод и резвятся в воздухе. Полная любопытства, я позвала их и, когда они спустились с неба, расспросила, откуда у них такое искусство. В ответ они сказали мне: «Этим искусством мы обязаны заклинаниям дакини¹⁹⁶, и, чтобы овладеть им, нужно отведать человеческого мяса. Нашей наставницей в нем была брахманка по имени Каларатри».

Вот что сказали мне подруги, и, хотя я страстно хотела научиться летать, все же боялась есть человеческое мясо и поэтому некоторое время была в сомнении. В конце концов же-

лание овладеть искусством подруг победило, и я сказала им: «Хочу, чтобы вы обучили меня вашей магии». В ответ на мою просьбу они сразу же пошли и привели ко мне Каларатри. Вид этой женщины был ужасен: у нее были сросшиеся брови, бегающие глазки, загнутый вниз плоский нос, толстые щеки, широкие губы, торчащие зубы, длинная шея, отвислая грудь, огромный живот, широко расставленные распухшие ноги: словом, она выглядела так, как будто Творец явил в ней свое умение создать пример безобразия. Когда я склонилась к ее ногам, она заставила меня совершить омовение, почтить Владыку неприятствий и раздеться; затем она поставила меня в круг, и я сотворила обряд в честь Бхайравы¹⁹⁷. Потом она побрызгала на меня водой, научила меня своим заклинаниям и дала съесть человеческого мяса, принесенного в жертву богам. Как только я узнала множество заклинаний и отведала человеческого мяса, я тут же, как и была раздетой, взлетела вместе с подругами в воздух. Порезвившись там, я спустилась по приказу наставницы на землю и пошла в свои девичьи покои царевны.

Так еще в детстве я стала повелительницей дакинь, и когда мы собирались вместе, то пожирали много людей.

Но послушай теперь, великий царь, один рассказ; он связан с моей историей.

Рассказ о Каларатри

У этой Каларатри был муж, брахман по имени Вишну-свамин. В своей стране он считался духовным наставником и обучал, искусный в знании вед, учеников, сходявшихся к нему из разных земель. Одного из его учеников звали Сундарака. Красота этого юноши сияла еще больше от присущих ему добродетелей. Однажды, когда муж-наставник ушел куда-то из дома, его жена Каларатри, охваченная любовью к Сундараке, стала соблазнять его, выбрав укромное местечко. Поистине Смара любит подшутить над уродами, раз она, не сознавая своего безобразия, вспылала страстью к Сундараке! Но как она его ни молила, Сундарака всем сердцем отверг затеянное ею злое дело; ведь сколько бы усилий ни прилагали женщины, разум добродетельных остается стойким.

Когда Сундарака удалился, Каларатри в ярости сама исцарапала себе тело ногтями и в разодранном платье, с неприче-

санными волосами, рыдающая стала поджидать возвращения домой Вишнусвамина. Едва он вошел, как она сказала ему: «Взгляни, мой господин, в каком виде оставил меня Сундарака. Он хотел совершить надо мной насилие». Услышав это, учитель сразу же загорелся гневом: ведь доверие к женщинам лишает рассудительности даже мудрых людей. Когда вечером Сундарака вернулся, он набросился на него вместе с остальными учениками, бил его кулаками, пинал ногами, колотил дубинками. И не только это: он приказал своим ученикам выбросить его, обессиленного от побоев, из дому на дорогу, не заботясь о том, что с ним может случиться ночью.

От дуновения ночного ветерка Сундарака постепенно пришел в чувство и, увидев себя в таком жалком состоянии, подумал: «Увы, женское коварство поистине способно смутить души даже таких людей, которые преодолели страсти; так буря мутит озеро, даже если в нем нет грязи. Поэтому и мой учитель, хотя он стар и мудр, вел себя так безрассудно и поступил со мной, как с врагом. А может быть, и так: страсть и гнев — вот два запора на вратах освобождения¹⁹⁸ даже для самых мудрых брахманов; эти запоры существуют по воле судьбы от самого сотворения мира. Иначе разве разгневались бы в былые времена на Шиву аскеты, живущие в лесу девадару¹⁹⁹, если бы не боялись, что их оставят их жены. Они даже не распознали в нем Бога, принявшего обличье кшапанаки²⁰⁰, чтобы доказать, что и у святых мудрецов нет отрешенности. Они прокляли его, но вскоре, узнав, что он Ишана²⁰¹, Бог — сотрясатель миров, сами пришли к нему под защиту. Если даже аскеты, обманутые шестью врагами человека²⁰² — и в том числе страстью и гневом, — теряют рассудок, то что же говорить о простых брахманах!»

С этими мыслями Сундарака поднялся и, так как он боялся ночных разбойников, спрятался в коровьем хлеву, оказавшемся неподалеку. Едва только он потихоньку пробрался в угол хлева, как туда же пришла Каларатри. В ее руке был зажат обнаженный кинжал, она издавала страшное шипение, из глаз и изо рта у нее вырывалось пламя, и ее сопровождала толпа дакинь. Когда Сундарака увидел Каларатри, то, уstraшенный ее обликом, припомнил заклинания, избавляющие от ракшас. Обманутая этими заклинаниями, Каларатри не разглядела его, и он, свернувшись в клубок от страха, оставался незамеченным в своем углу.

Затем Каларатри и ее подруги произнесли заклинание по-

лета по воздуху — Сундарака же подслушал его и запомнил, — взмыли вместе с хлевом в небо и быстро полетели в Удджайини. Там Каларатри с помощью заклинаний опустила с хлевом на огород и пошла на кладбище, где принялась развлекаться в обществе дакинй. Тем временем Сундарака, терзаемый голодом, тоже вышел в огород и подкрепился кореньями, которые он там нарыл. Утолив голод, он снова спрятался в коровьем хлеву. В середине ночи туда возвратилась с кладбища и Каларатри. Произнесла магическое заклинание, она, как и в первый раз, поднялась вместе с хлевом в воздух и еще до рассвета возвратилась со своими ученицами домой. Поставив хлев, служивший ей повозкой, на то место, где он стоял раньше, она, отпустив своих спутниц, вернулась к себе в спальню. Сундарака же, удивляясь приключениям, которые он пережил за ночь, утром покинул хлев и отправился к своим друзьям. Рассказав им все, что с ним случилось, он собирался уйти на чужбину, но друзья его ободрили, и он остался с ними. Поскольку учитель его выгнал, он бесплатно кормился в приюте для брахманов²⁰³ и жил с друзьями в свое удовольствие.

Но однажды Каларатри, выйдя купить еды для своей семьи, встретила, как это и должно было случиться, Сундарака на рынке. Вновь настигнутая любовью, она подошла к нему и сказала: «Сундарака, насладись мною хотя бы теперь; от тебя зависит, жить мне или не жить». На эти слова добродетельный Сундарака ответил: «Не говори так, это грех. Ведь ты жена моего учителя, а мне поэтому мать». Тогда Каларатри сказала: «Если ты такой знаток добродетели, то, прошу тебя, подари мне жизнь. Разве есть большая добродетель, чем спасение жизни?» Но Сундарака ответил ей: «Не надейся на это. Что за добродетель — оскорбить ложе учителя!»

Когда он ее отверг, Каларатри в ярости ему пригрозила и, собственными руками разорвав себе верхнее платье, вернулась домой. «Взгляни, это Сундарака набросился на меня и порвал мою одежду», — сказала она мужу, показав ему свое платье. А тот пошел и в гневе стал требовать смерти для Сундараки; вскоре ему удалось добиться, что Сундараку перестали кормить в приюте для брахманов.

Тогда Сундарака в отчаянии решил покинуть эту страну. Он знал заклинание, чтобы взлететь в воздух, которое выучил еще в хлеву. Но другое заклинание — как спуститься на землю — он забыл, хотя тоже его слышал. Поэтому, чтобы его запомнить, он еще раз отправился ночью в пустой коровий хлев.

И когда он спрятался в нем, туда опять пришла Каларатри и снова, оставаясь внутри хлева, поднялась в воздух и полетела в Удджайини. Там с помощью заклинания опустив хлев на огород, она отправилась на кладбище на ночное празднество. А Сундарака, хотя и подслушал второе заклинание, снова его не запомнил. Да и как без наставлений учителя усвоить магические обряды? Тогда он поел немного клубней с огорода, а другие, решив захватить с собой, отнес в хлев. Как и прежде, он оставался в хлеву, пока не пришла Каларатри. Поднявшись вместе с хлевом в воздух, Каларатри полетела по небу, а потом, поставив свою повозку на место, возвратилась домой.

Сундарака же утром покинул хлев и, взяв с собой клубни, пошел на рынок, чтобы продать их и купить себе еды. Когда он пытался продать эти клубни, их отобрали у него царские слуги, уроженцы Малавы²⁰⁴, заметив, что клубни выросли в их стране. Сундарака вступил с ними в ссору, но они связали его и его друзей и отвели к царю, обвинив его в том, что он швырял в них камнями. «Каким образом ты торгуешь здесь, в Каньякубдже²⁰⁵, клубнями, которые растут в Малаве?» — спросили мы у этого человека, а он не только не отвечает нам, но еще швыряет камнями», — сказали эти обманщики царю. Тогда царь сам стал спрашивать Сундараку об этом удивительном деле, и за него ответили его друзья: «Если тыпустишь его вместе с нами во дворец, он полностью утолит твое любопытство, а иначе — ничего не скажет». Царь согласился, и тут же, на его глазах, Сундарака, прибегнув к заклинанию, взмыл вместе с дворцом в воздух.

Спустя некоторое время он пролетал с друзьями над Праягой²⁰⁶, и тут заметил внизу какого-то царя, принимавшего купание. Чувствуя себя усталым, Сундарака остановил дворец и прыгнул в Ганг, вызвав этим всеобщее удивление, а затем приблизился к царю. «Скажи нам, кто ты и зачем спустился с неба?» — с поклоном спросил его царь, и Сундарака так ему ответил: «Имя мое — Мураджака. Я — один из ганов бога Шивы и, с его разрешения, прибыл к тебе, чтобы вкусить человеческих радостей». Услышав такое, царь, убежденный, что Сундарака говорит правду, подарил ему город, богатый зерном, полный сокровищ, изобилующий женщинами, и вручил ему знаки царского достоинства. Сундарака вступил в этот город, а затем поднялся с ним и со своими друзьями в воздух и долго странствовал по небу, куда ему заблагорассудится, не зная бедности и забот. Когда он лежал на золотом ложе, ове-

ваемый опахалами, и ему прислуживали прекрасные женщины, казалось, что он добился блаженства Индры.

Спустя некоторое время один сиддха²⁰⁷, блуждавший в небе и подружившийся с Сундаракой, сообщил ему заклинание, с помощью которого можно опуститься на землю. Получив это заклинание, Сундарака покинул небесные дороги и спустился на землю своей родины в Каньякубдже. Как только местный царь узнал, что кто-то спустился с неба вместе с городом, полным богатств, он в изумлении вышел ему навстречу. А когда вслед за тем царь узнал Сундараку и начал его расспрашивать, то тот, считая, что настало удобное время, поведал царю о том, что сделала Каларатри и какие за этим последовали у него приключения. Царь тотчас приказал привести Каларатри и допросить ее. А она дерзко призналась во всех своих делах. Царь разгневался и собирался отрезать ей уши. Но едва только схватили Каларатри, как она исчезла на глазах у всех собравшихся. Тогда царь запретил ей проживать в его стране, а Сундарака, приняв от царя почести, снова отправился на небо».

Рассказав эту историю своему супругу, царю Адитьяпрабхе, царица Кувалайявали продолжала: «Вот видишь, какую магическую силу имеют заклинания дакинй. А случилось все, что я рассказала, в стране моего отца, и всем это известно. Я уже тебе призналась, что была ученицей Каларатри. Но теперь, в награду за мою верность супругу, моя магическая сила даже больше, чем ее. Ты сегодня застал меня здесь, когда я ради твоего блага совершала ритуальный обряд и магическими заклинаниями пыталась завлечь сюда человека, чтобы принести его в жертву. Прими же теперь и ты участие в нашем обряде, и тогда ты водрузишь свою ногу на головы всех царей, которых мы победим своим магическим искусством».

Но, выслушав ее, царь отказался: «Не подобает царю подражать дакиням и есть человеческое мясо». Однако когда царица стала угрожать, что убьет себя, он согласился. Ибо как остаться на стезе добродетели тем, кого увлекают собственные страсти! Тогда она ввела царя в начертанный круг, который ею заранее был освящен, и после того как он произнес клятву сказала: «Я хотела бы принести в жертву брахмана Пхалабхути, которого ты к себе приблизил. Но его очень трудно завлечь сюда. Поэтому давай посвятим в наш план какого-нибудь повара. Пусть он сам убьет Пхалабхути и зажарит его. И здесь нет места состраданию, потому что, если мы закончим обряд принесением в жертву мяса Пхалабхути, а затем съедим его,— успех

будет полным, ибо он человек высоких достоинств». И на эти слова жены царь, хотя и страшился греха, снова ответил согласием. Увы! Увы! Горе тем, кто уступает женщинам!

Вслед за тем супруги позвали повара по имени Сахасика, посветили его в свои планы и, заручившись его преданностью, приказали: «Убей того, кто придет к тебе и скажет: «Царь и царица хотят позавтракать сегодня вдвоем; поторопись с едой». А из его мяса приготовь для нас утром угощение послаще». — «Будет сделано», — ответил повар и отправился к себе домой.

Утром, когда Пхалабхути явился к царю, царь попросил его: «Пойди на кухню и скажи повару Сахасике: «Царь и царица хотят сегодня вкусно полакомиться. Побыстрее приготовь для них еду получше». — «Хорошо», — ответил Пхалабхути и вышел, но по дороге к нему подошел сын царя по имени Чандрапрабха и сказал: «Сегодня же, как можешь быстро, сделай мне, господин, из этого золота серьги, такие же, как ты раньше изготовил для отца». В ответ на просьбу царевича Пхалабхути, послушный его желанию, сразу же отправился делать заказанные ему серьги. А царевич, которому Пхалабхути рассказал о поручении царя, по собственной охоте взял его на себя и один отправился на кухню. Там он передал повару Сахасике приказ царя, и тот, верный уговору, тотчас зарезал царевича ножом. И царь и царица, не ведая истины, съели, завершая свой обряд, блюдо, приготовленное поваром из мяса царевича.

Царь провел эту ночь в угрызениях совести, а наутро встретил Пхалабхути, пришедшего во дворец с серьгами в руках. Смутившись, царь спросил его, что это за серьги, и, когда Пхалабхути рассказал ему о просьбе царевича, он в тот же миг без чувств упал на землю. «О мой сын!» — рыдал он, обвиняя жену и самого себя. И на расспросы министров поведал обо всем, что случилось. При этом он повторил слова, которые Пхалабхути произносил каждый день: «Тому, кто делает добро, да воздастся добром, а тому, кто зло — злом». «Как мяч, — продолжал царь, — который будучи брошен о стену, всегда возвращается назад, так и вред, который захочешь учинить другому, по большей части постигает тебя самого. Вот и мы, грешники, задумав убить брахмана, убили собственного сына и съели его мясо». Так сказав своим министрам, которые стояли вокруг потупив глаза, царь, утративший единственного сына, помазал Пхалабхути на царство. Затем он раздал дары, дабы искупить свой грех, и вошел вместе с женой на костер, хотя и без того его сжигал огонь раскаяния. Пхалабхути же, получив из его рук

царство, остался править страной. Так добро или зло, содеянное человеком, возвращается к нему же самому».

Рассказав этот рассказ владыке ватсов, Яугандхараяна добавил: «Так вот, великий царь, если Брахмадатта, с которым ты, хотя и победил его, обошелся благородно, ответит тебе на это злом,— убей его». Владыка ватсов одобрил эти слова главного министра и приступил к выполнению своих ежедневных обязанностей.

Счастливо завершив завоевание всех стран света, Удайна на следующий день отбыл из Лаванаки в свою столицу Каушамби. Спустя немного времени владыка вместе со свитой и войском подошел к этому городу, который от радости, казалось, пустился в пляс, вздымая вверх, как руки, трепещущие знамена. И он вступил в Каушамби, каждым своим шагом, словно порывами ветра, вызывая смятение в лесу голубых лотосов — глазах жительниц города. Воспеваемый певцами, восхваляемый поэтами, почтительно приветствуемый царями, Удайна вошел в свой дворец. Затем, отдавая повеления склонившимся перед ним царям всех земель, владыка ватсов торжественно поднялся на трон, который он нашел зарытым в землю и который когда-то принадлежал его роду. В этот счастливый миг загремели барабаны, и эхо от их звонкого и могучего грохота заполнило все небо, будто боги — хранители мира²⁰⁸, каждый в своей части света, разразились возгласами одобрения, восхищенные первым министром царя. Чуждый корысти, царь раздал брахманам золото, доставшееся ему при покорении земли, и устроил празднество, на котором наградил вассальных государей и собственных министров всем тем, что они сами желали. Согласно заслугам каждого царь пролил благодатный дождь даров на своих подданных, и в городе, где грохот барабанов напоминал громыхание грома, люди ожидали богатых всходов, празднуя праздник в любом доме.

Завоевав землю, победоносный царь ватсов возложил бремя царствования на Руманвата и Яугандхараяну и зажил счастливо в своей стране вместе с Васавадаттой и Падмавати. Восседая между двумя царицами, словно между богинями Успеха и Красоты, воспеваемый лучшими из поэтов, Удайна снова и снова любовался восходом луны, чистой, как его слава, и пил крепкое вино, как выпил мужество своих врагов.

Вот шестая волна книги «Лаванака» в «Океане сказаний» великого поэта Сомадэвы.

Третья книга по названию «Лаванака» окончена.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ РОЖДЕНИЕ НАРАВАХАНАДАТТЫ

Как некогда напиток бессмертия возник из океана, взволнованного раскачиванием Мандары, так этот рассказ возник из уст Хары, взволнованного страстью к дочери благородного Гириндры. Те, кто без промедлений вкусят его сладости, избавятся от препятствий, добьются успеха и еще на земле по милости Бхавы достигнут сана богов.

ВОЛНА ПЕРВАЯ

Слава Устранителю препятствий! Когда он гулко хлопает ушами¹, от сотрясения раздвигаются высочайшие горы, и вся земля становится ему подвластной, словно он пролагает по ней дорогу побед.

Царь Удайна, владыка ватсов, жил теперь в Каушамби и пожинал плоды своей победы над миром, над которым отныне распростерся лишь его один царский зонт. Доверив бремя забот о царстве Яугандхараяне и Руманвату, он безмятежно наслаждался счастьем и вкушал в обществе Васантаки одни только удовольствия. Играя на лютне, он любил слушать пение цариц Васавадатты и Падмавати. И звуки его лютни были настолько похожи на голоса поющих цариц, что лишь движение его пальцев выдавали его игру.

На крыше дворца, залитой белым лунным светом, будто собственной его славой, Удайна пил льющееся рекой вино, словно это была гордыня его врагов. Прекрасные девушки подавали ему в золотых кувшинах ярко-красную брагу, как будто хотели совершить над ним обряд помазания на царство Бога любви. А обоим царицам подносил царь светло-розовое благоуханное вино, в котором искрились отражения их лиц, как бы отдавая им свое сердце. Он все смотрел — и никак не мог насмотреться — на их лица с изогнутыми бровями, пылающие страстью, но свободные от ревности и злобы. Пиршественная зала, уставленная кубками из горного хрусталя, полными вина, напоминала озеро, усеянное белыми лотосами, пламенеющими под лучами восходящего солнца.

А иногда со свитой охотников и с луком в руках царь отправлялся на охоту в лес, который, как и сам царь, был одет в темно-зеленый наряд. Своими стрелами он истреблял стада перепачканных в грязи кабанов, как солнце потоками своих лучей рассеивает непроглядную тьму. Когда он преследовал антилоп, их ужас воскрешал в памяти испуганные взоры Стран света², которые царь недавно завоевал. Когда же он убивал буйволов, земля, окрашенная их кровью, казалась полем красных лотосов, смиренно благодарящим царя за избавление от рогов этих диких животных. Но особенно радовался царь, когда его дротики через открытую пасть пронзали тела львов и они с громким ревом расставались с жизнью. И хотя

в горных расселинах этого леса он прятал собак и на дорогах расставлял капканы, лучшим наслаждением для него было охотиться одному, полагаясь лишь на собственное оружие.

Посреди всех этих удовольствий, которым предавался царь, однажды, когда он пребывал в приемной зале, к нему пришел мудрец Нарада³. Тело мудреца излучало сияние, и Нарада, светоч небес, казался солнцем, спустившимся на землю из любви к великому царю и его роду. Царь почтительно встретил его, несколько раз поклонился ему в ноги, и довольный им Нарада чуть-чуть помедлил, а потом сказал: «Послушай, владыка ватсов, о чем я в немногих словах хочу тебе рассказать:

Рассказ о Панду⁴

Жил некогда царь по имени Панду — твой предок. И были у него, могущественного, как и у тебя, две красавицы-жены. Одну звали Кунти, а другую Мадри. Покорив всю землю, опоясанную океаном, Панду наслаждался счастьем, но однажды, не устояв перед соблазном охоты, отправился в лес. Там он пронзил стрелой аскета по имени Киндама, который в обличье оленя предавался любви со своей женой. Сбросив с себя обличье оленя, аскет с предсмертным хрипом в горле проклял Панду, в отчаянии отшвырнувшего лук: «За то, что ты по своему легкомыслию убил меня, когда я не ведал забот, тебе, как и мне, предстоит умереть в объятиях собственной жены».

В страхе перед проклятием аскета Панду отказался от погони за наслаждениями и вместе со своими женами ушел в тихую лесную обитель. Но однажды, под влиянием проклятия, он возжелал жены своей, Мадри, и тотчас же лишился жизни.

Ты видишь, царь, охота — это бедствие для владык. Ведь от нее погибли многие цари, погибли, как лани, которых сами они убивали. Да и как охота может сулить добро, если она подобна ракшаси, которая тоже издаст зловещие крики, любит одно только мясо, известна жестокостью, мрачностью, чьи волосы вздыблены вверх, а зубы торчат, словно пyki. Поэтому откажись от охоты, бессмысленно это занятие. Ведь угроза смерти одинаково страшна и для лесных зверей, и для тех, кто их убивает.

А ты достоин благой участи и дорог мне, потому что мне дороги были твои предки. Знай: сын, который у тебя родится, станет воплощением Камы⁵. Некогда Рати⁶ почтительно воз-

несла хвалы Шиве, умоляя его даровать Бестелесному⁷ телесное воплощение, и Шива, довольный ею, раскрыл ей в немногих словах тайну: Гаури⁸, желая иметь сына, в назначенный день снизойдет на землю в своем собственном облике и, после того как умилюстит меня, произведет на свет Каму. Так вот, повелитель людей, Деви⁸ была рождена на земле как дочь Чандамахасены — Васавадатта, и она стала царицей — твоей женой. Теперь, если она умилюстит Шиву, то родит сына, воплощение Камы, которому суждено быть владыкой над всеми видьядхарами».

Этой вестью мудрец Нарада, чьи слова чтутся во всем мире, как бы вновь подарил царю землю, которую тот уже покорил, а затем скрылся из виду. После его ухода царь ватсов и Васавадатта, охваченные желанием иметь сына, весь день провели в мечтах о нем.

На следующий день к владыке ватсов, когда он был в приемной зале, подошел главный хранитель дверей по имени Нитьодита и доложил: «Великий царь, у дверей дожидается какая-то бедная брахманка с двумя детьми и хочет видеть божественного». Услышав это, царь распорядился ее ввести, и брахманка появилась, худая, бледная, вся покрытая пылью. Гордость ее была уязвлена: она стеснялась своего поношенного платья и, словно Горе и Нищету, прижимала к своей груди двух детей. Воздав царю положенные почести, она сказала ему: «Я брахманка из благородной семьи, и вот видишь, в каком жалком положении я оказалась. По воле судьбы я родила двух близнецов, но мне нечего есть, и потому в моей груди нет для них молока. Несчастная, я теперь прибегаю к твоей помощи, божественный. Ведь ты всегда добр к тем, кто ищет твоего покровительства. Моя судьба — в твоих руках, мой господин».

Выслушав ее, царь почувствовал сострадание и приказал хранителю дверей: «Отведи эту женщину к царице Васавадатте. Пусть она ее примет». Сразу же после этого хранитель дверей, словно воплощение добрых дел этой брахманки, отвел ее к царице. Узнав, что появившаяся брахманка послана царем, Васавадатта почувствовала к ней доверие. А заметив, что эта женщина, хотя и имеет двоих детей, очень бедна, Васавадатта подумала: «Ах, как несправедливы дела Творца! Он завидует тем, кто богат, и щедр к тому, кто беден. У меня до сих пор нет сына, а у нее двое близнецов».

С этими мыслями царица, которая собиралась совершить

омовение, приказала своим служанкам умыть брахманку и предложить ей все, в чем она нуждается. После того как служанки ее умыли, дали ей одежду и накормили вкусной едой, брахманка вздохнула с облегчением, как измученная зноем земля вздыхает, омытая дождем. Когда она отдохнула, царица Васавадатта, с тайным умыслом за беседой познакомиться с ней поближе, сказала: «Брахманка, расскажи мне какую-нибудь историю». «Хорошо», — согласилась брахманка и начала такой рассказ:

Рассказ о Девадатте

«Некогда жил один мелкий царек по имени Джаядатта, и родился у него сын, которого называли Девадаттой. Когда сын подрос и настало время женить его, царь, человек неглупый, так подумал: «Счастье царей непостоянно, как гетера, которой все пользуются, а счастье купцов непоколебимо, как благородная жена, которая никогда не достанется другому. Поэтому подберу-ка я ему жену из купеческого дома, чтобы на него не обрушилась беда; ведь на царство мое так много охотников». Так решив, царь выбрал в жены своему сыну дочь купца Васудатты из города Паталипутры⁹. А Васудатта, гордый знатным родством, согласился выдать дочь за царевича, хотя тот и жил в дальней стране. И он одарил своего зятя таким богатством, что царевичу показалось ничтожным величие собственного отца. После того счастливо зажил царь Джаядатта со своим сыном, женившимся на дочери богатого купца.

Спустя некоторое время купец Васудатта, соскучившись по своей дочери, явился к своим родственникам и забрал ее погостить к себе домой. А как раз тут неожиданно умер царь Джаядатта, и его родичи, подняв мятеж, захватили царство. В страхе перед ними мать Девадатты тайком бежала вместе с сыном в другую страну. И там опечаленная мать сказала царевичу: «Мы вассалы могущественного государя, повелителя Востока. Ступай к нему, он возвратит тебе царство, сынок». На эти слова своей матери царевич ответил: «Кто отнесется ко мне с уважением, увидев меня без свиты?» Услышав это, его мать снова ему сказала: «Тогда пойди к своему тестю, попроси у него денег, найми на них свиту и отправляйся к государю». Мать уговорила царевича, хотя нелегко ей было это сделать, и в конце концов он тронулся в путь и к вечеру подошел к дому

своего тестя. Однако, испугавшись, что не удержит слез, рассказывая про смерть отца, и стыдясь потери своего счастья, он не решился войти в дом ночью, в неположенное время. Тогда он остановился поблизости, во дворе приюта для брахманов¹⁰.

Вдруг ночью он увидел, как из дома его тестя по веревке спустилась какая-то женщина. Ее, словно метеор, упавший с неба, озаряло сияние надетых драгоценностей, и спустя мгновение он узнал в ней свою жену и почувствовал тревогу. Она же, хотя и заметила его, но не узнала, потому что он похудел и был покрыт пылью. «Кто ты?» — спросила она царевича, а он ответил: «Прохожий». Тогда купеческая дочь вошла в приют, и царевич последовал за нею, надеясь разведать, в чем тут дело.

В приюте купеческая дочь подошла к какому-то мужчине, который выбранил ее за то, что она явилась так поздно, и наградил ее несколькими пинками. Тут эта негодница, чья страсть от пинков лишь удвоилась, принялась ласкать этого человека и вместе с ним предалась любовным радостям.

Видя все это, мудрый царевич подумал: «Сейчас не время дать волю своему гневу, у меня другая цель. Как могу я обнажить свой меч, предназначенный для врагов, против этих двух негодяев: жены и ее любовника. Да и разве здесь дело в неверной жене! Это моя злая судьба осыпает меня бедами и забавляется, испытывая мое мужество. А может быть, здесь виной моя женитьба на неровне. Разве станет ворон искать себе усадьбу у кукушки!»

Так рассудив, он перестал печалиться из-за жены и ее любовника. Ибо что значат женщины, которые ничтожны, как трава, для людей доблестных, чье сердце одержимо жаждой славы! В это время дочь купца особенно страстно обняла своего возлюбленного, и из ее уха выпала серьга, богато украшенная жемчужинами. Но она не заметила этого и, когда свидание кончилось, попрощавшись с любовником, поспешно пробралась к себе в дом так же, как и вышла оттуда. Ее тайный любовник тоже куда-то быстро удалился, и тогда царевич, оставшись один, подобрал жемчужную серьгу. От драгоценных камней в серьге шло множество лучей, и она так блистала, что казалось, у царевича в руках светильник, подаренный ему Творцом, чтобы рассеять тьму отчаяния и найти утраченное счастье. Видя, что серьга очень дорогая и что, таким образом, он обрел искомое, царевич покинул приют и сразу же пошел в Каньякубджу¹¹.

Там он заложил серьгу за сто тысяч золотых монет, купил на них слонов и лошадей и отправился к государю. Получив от него войско, он выступил против своих врагов, разбил их в битве и, одержав победу, возвратил себе к великой радости матери царство своих предков.

Затем он выкупил из залога серьгу и послал ее своему тестю, чтобы открыть ему тайну, о которой тот и не подозревал. Когда тесть получил серьгу и узнал в ней украшение своей дочери, он был немало озадачен. Он показал серьгу дочери, которая давно уже считала ее потерянной, как потеряла она свое доброе имя; и едва только дочь ее увидела и к тому же узнала, что ее прислал муж, она с испугом все припомнила: «Я потеряла эту серьгу в приюте для брахманов, как раз в ту ночь, когда я встретила там какого-то прохожего. Конечно же, это был мой муж, который явился проверить мое поведение. Я не узнала его, а он подобрал серьгу». И как только дочь купца об этом подумала, ее затрепетавшее сердце в ужасе, что ее злой нрав теперь раскрыт, разорвалось. Тогда купец, ее отец, расспросил служанку, которая была посвящена в тайну, и, узнав всю правду, перестал горевать о дочери. А царевич, возвратив себе царство, женился на дочери своего государя, которую он пленил своей доблестью, и с тех пор наслаждался ничем не омраченным счастьем.

Вот так, царица: сердца женщин тверды в грехе, как алмаз, но они же хрупки, как цветок, если охвачены беспокойством и страхом. Есть, однако, и такие благородные женщины, у которых сердца чисты и добродетельны; они, словно жемчужины, украшают собою землю. Счастье же царей всегда быстротечно и неуловимо, как лань. Одни только мудрые умеют держать его на крепкой цепи мужества. Поэтому те, кто стремятся к успеху, не должны терять твердости духа даже в несчастье. Доказательство этому — моя собственная судьба. Я сохранила, царица, свое доброе имя даже в постигшей меня беде, и вот плоды этого — мне выпало счастье встретиться с тобой».

Выслушав из уст брахманки этот рассказ, царица Васаватта стала думать о ней с уважением. «Эта брахманка, конечно, из хорошей семьи. Искусство, с которым она намекнула на свою добродетель, и совершенство ее речи обнаруживают ее благородство. Об этом же свидетельствует и ее умное поведение во время приема у царя», — так подумав, царица снова к ней обратилась: «Скажи мне, чья ты жена и какова твоя история?» В ответ брахманка опять принялась рассказывать:

Рассказ Пингалики

«В стране Малава¹² жил один брахман по имени Агнидатта, воплощение достоинства и красноречия. Все свои богатства он по собственной воле раздавал нуждающимся. В свое время у него родились два сына, во всем на него похожих. Старшего звали Шанкарадатта, а младшего — Шантикара. Один из них, Шантикара, охваченный жаждой знания, еще мальчиком покинул отцовский дом, почтенная, и ушел неизвестно куда. А другой, его старший брат, женился на мне, дочери брахмана Яджнядатты, который разбогател, принимая участие в жертвоприношениях¹³.

Со временем отец моего мужа, Агнидатта, состарился и покинул этот мир, а за ним последовала его жена. Тогда мой муж оставил меня, хотя я была беременна, и отправился посетить священные места. Там, ослепленный горем, он принес свое тело в жертву на огне, посвященном богине Сарасвати¹⁴. Когда по возвращении мне рассказали об этом его спутники, я тоже хотела последовать его примеру, но меня удержали от этого мои родственники, зная, что я беременна.

Вскоре, когда горе мое еще не утихло, на нас внезапно напали разбойники и опустошили и наш дом и подаренную нам царем землю. Вместе с тремя брахманками, захватив с собой лишь немного платья, я бежала, опасаясь насилия. И поскольку вся страна была разорена, я ушла с ними в отдаленную землю и там жила в течение месяца, с трудом умудряясь себя прокормить.

Затем, услышав от людей, что владыка ватсов — прибежище для всех обездоленных, я вместе с брахманками отправилась сюда, поддерживая в пути свои силы одной только добродетелью. Едва я сюда явилась с тремя брахманками, которые по дружбе меня не покинули, как родила одновременно двух детей. Горе, чужбина, бедность, а теперь еще эти близнецы! Увы, Творец отворил предо мной врата несчастий!

Когда я поняла, что не смогу сама вырастить своих сыновей, я отбросила стыд, украшение женщин, — кто способен вынести зрелище страданий новорожденных! — и пошла с прошением ко двору царя ватсов. По его приказу мне была оказана честь встретиться с тобой. И тогда несчастья оставили меня, словно отогнанные от твоих дверей.

Вот моя история. Зовут меня Пингалика, потому что с детства мои глаза стали красными от дыма жертвенных костров¹⁵.

А Шантикара, мой деверь, ушедший на чужбину... в какой стране он теперь живет, я не знаю, царица».

Когда брахманка закончила свою историю и царица убедилась в ее благородном происхождении, она подумала немного и сказала ей радостно: «Нашего домашнего жреца, который живет поблизости, зовут Шантикара, и он уроженец другой страны. Я уверена, что он и есть твой деверь». Так сказала она брахманке, и та провела всю ночь в нетерпеливом ожидании. Наутро царица, послав за Шантикарой, спросила его, откуда он родом. Когда же он рассказал ей о своей семье, она с торжеством подвела его к брахманке и воскликнула: «Вот жена твоего брата!» Оба они узнали друг друга, и, после того как брахманка поведала ему о смерти его родных, Шантикара отвел ее в свой дом. Там он горько, как они того и заслуживали, оплакивал своих родителей и брата и всячески ухаживал за Пингаликой и двумя ее сыновьями.

Царица же Васавадатта решила, что оба мальчика со временем станут домашними жрецами ее будущего сына, и, дав старшему из них имя Шантисома, а младшему Вайшванара, одарила их большим богатством. Человека в этом мире, словно слепца, влекут за собой поступки, совершенные им в прошлых рождениях¹⁶; за них получает он воздаяние, и его мужество — их проявление. Поэтому оба мальчика-близнеца, их мать и Шантикара стали богатыми и жили в Каушамби, не расставаясь друг с другом.

Спустя некоторое время встретила однажды Васавадатта во дворце жену горшечника, которая пришла туда со своими пятью сыновьями и принесла гончарные изделия. Царица сказала тогда брахманке Пингалике, оказавшейся поблизости: «Смотри, подруга, у нее пять сыновей, а у меня — ни одного. У такой, как она, есть счастье, а у такой, как я, нет». На это Пингалика ответила: «У бедных, им же на горе, рождается много детей, отягощенных бесчисленными грехами. А сыну такой, как ты, суждено стать лучшим из лучших. Поэтому будь терпелива и вскоре ты родишь сына, который будет достоин тебя». Так утешала ее Пингалика, но, страстно желая иметь сына, Васавадатта вся была во власти дум об этом.

В это время к ней пришел царь ватсов и понял, что у нее на сердце. «Нарада обещал, что у тебя родится сын, если ты добьешься благосклонности Гириши¹⁷, — сказал он ей. — Поэтому, царица, постараемся умиловить Шиву — дарителя благ». И царица тут же решила наложить на себя покаяние.

Вслед за ней, чтобы умиловать Шанкару¹⁸, наложили на себя покаяние и царь, и министры, и вся страна.

Три дня и три ночи постились супруги; наконец Вибху¹⁸ смиловался над ними и, явившись им во сне, сказал: «Довольно! У вас родится сын, воплощение Камы. И по моей воле он будет повелителем видьядхар». Так изрек бог, носящий на голове серп луны¹⁹, и сразу же исчез. А муж и жена, как только проснулись, ощутили глубокую, неподдельную радость; ведь их мольба была услышана и желание исполнилось. Встав на рассвете, они обрадовали сладким нектаром рассказа о своем сне своих подданных, а затем царица, царь, все их родственники и придворные предались празднеству и положили конец посту.

Через несколько дней к царице Васавадатте явился во сне некий муж с волосами, заплетенными в косичку²⁰, и вручил ей плод. Когда царица пересказала этот вещий сон владыке ватсов, он, как и она, был счастлив и принял поздравления от обрадованных министров. Он понял, что бог с серпом луны на голове подарил ему в виде плода сына и с уверенностью стал ждать скорого осуществления своей мечты.

Вот первая волна книги «Рождение Нараваханадатты» в «Океане сказаний» великого поэта Сомадевы.

ВОЛНА ВТОРАЯ

В скором времени к великой радости владыки ватсов Васавадатта оказалась беременной, и сын, которого она носила, был прекрасен, ибо в нем воплотился бог Кама. Глаза царицы беспокойно трепетали, а красивое лицо стало бледным, как будто в ее теле поселилась луна, любящая Камой, скрытым в ее ребенке. Когда Васавадатта восседала на троне и на обеих его створках, украшенных бриллиантами, появлялось ее отражение, казалось, рядом с ней покоятся Рати и Прити²¹, привлеченные любовью к своему супругу. Подруги, ее окружавшие, выглядели как подобия магических искусств, сулящих исполнение желаний, которые явились прислуживать будущему властелину видьядхар²². А ее груди с потемневшими бутонами сосков напоминали кувшины с миррой, приготовленные для

помазания на царство ее еще не родившегося сына. Когда она лежала на великолепном ложе посреди комнаты, пол которой был выложен мозаикой из ярких, сверкающих всеми красками драгоценных камней, казалось, что к ее ногам припадают усеянные жемчужинами воды, которые трепещут в страхе, что их покорит ожидаемый ею сын. Когда же она проезжала в своей повозке, ее лик, отраженный в драгоценных камнях паланкина, казался Богиней счастья видьядхар, сошедшей с небес, чтобы выразить ей почтение.

Зная силу волшебных заклинаний, Васавадатта любила слушать, всякий раз как к тому был удобный повод, рассказы о великих магах. И во время сна к ней со сладостным пением слетались видьядхари и брали ее с собой на небо. А после пробуждения ей хотелось и наяву насладиться веселыми играми в воздухе, полюбоваться видами земли с неба. Это желание царицы, прибегнув к амулетам, заклинаниям и иным магическим средствам, удалось исполнить Яугандхараяне. И с помощью магии она парила в воздухе себе в удовольствие и на удивление жен горожан, следящих за ней во все глаза.

Однажды, когда Васавадатта была у себя во дворце, в сердце ее разгорелось любопытство послушать какой-нибудь рассказ о благородных видьядхарах. Такой рассказ по просьбе царицы рассказал Яугандхараяна, и все со вниманием за ним следили:

Рассказ о Джимутавахане

«Есть великая гора Химават, отец Амбики,— не только старшая среди остальных гор, но и наставник Супруга Гаури²³. На этой великой горе, обители видьядхар, жил владыка видьядхар царь Джимутакету. У него во дворце было дерево Кальпаврикша, доставшееся ему в наследство от предков, и название этого дерева — «Исполняющее желания» — соответствовало его природе²⁴.

Однажды царь Джимутакету подошел к этому божественному древу желаний, растущему в его парке, и сказал: «Мы всегда получаем от тебя все, что желаем. У меня нет детей, божественное; подари мне достойного сына». Тогда древо желаний ответило: «Царь, у тебя родится сын, несравненный в щедрости, благодетель всего живого, и он будет помнить свои былые рождения»²⁵. Услышав это, обрадованный царь поклон-

нился древу желаний и поспешил обрадовать таким известием свою жену, царицу.

И вот у царя родился сын, которого отец назвал Джимутаваханой. Когда благородный Джимутавахана вырос, с ним вместе выросло присущее ему по природе сострадание ко всему живому; и в положенный срок отец, довольный его сыновним почитанием, сделал его своим наследником.

Однажды Джимутавахана, оставшись наедине с отцом, сказал ему, полный участия к людям: «Я знаю, отец, что все в этом мире гибнет в одно мгновение, только слава великих мужей остается непоколебленной до конца калпы²⁶. А слава эта достигается услужением другим существам; так какое же иное достояние есть у людей, возвышенных духом, которое бы они ценили больше жизни? Ведь богатство подобно молнии, которая ослепляет глаза людей и, сверкнув, исчезает неизвестно куда, никому не принеся пользы. Если же мы воспользуемся растущим у нас древом желаний на благо другим существам, то тем самым соберем все его плоды. Поэтому я и хочу сделать так, чтобы от богатств, которые принесет это дерево, все нуждающиеся избавились от бедности».

Вот что сказал Джимутавахана своему отцу и с его разрешения подошел к древу желаний и воскликнул: «Божественное! Ты всегда делаешь для нас то, о чем мы тебя просим. Исполни поэтому сегодня последнее мое желание. Избавь, друг, от бедности всю эту землю, и тебя благословят люди, которых ты одаришь богатством». Тогда по просьбе благородного Джимутаваханы древо желаний пролило на землю обильный золотой дождь, и возрадовались все люди.

«Разве есть, кроме Джимутаваханы, другой такой сострадательный и благословенный Бодхисаттва²⁷, который смог бы заставить древо желаний одарить собою всех нуждающихся?» — так возгласили тогда непреходящую славу Джимутавахане все Страны света, полные восхищения им. А родственники Джимутакету, видя, что царство его зиждется на славе его сына, стали ему завидовать и подняли мятеж. Они решили, что его страна, где теперь нет древа желаний, отдавшего себя в дар людям, утратила свое могущество и ее легко завоевать.

Когда они, собравшись вместе, были уже готовы начать войну, благородный Джимутавахана сказал своему отцу:

«Наша жизнь не что иное, как пузыри на воде. К чему же нам земные блага, непостоянные, как колеблющееся на ветру пламя? Какой мудрый человек пожелает их, если ради них

нужно пойти на смертоубийство? Отец, я не хочу сражаться со своими родственниками. Я хочу оставить царство и уйти куда-нибудь в лес. Пусть эти низкие люди останутся в живых — я не буду убивать родственников». На эти слова Джимутаваханы отец его, Джимутакету, решительно и твердо ответил: «Я тоже, сынок, пойду с тобой. Откуда у меня, старика, может быть жажда власти, если ты, юноша, отбросил ее, словно жалкую травинку». Так сказал отец, и Джимутавахана, обрадованный его решением, удалился с ним и его женой на гору Малая²⁸.

Там, в стране сиддхов²⁹, где горные ручьи скрываются между сандаловыми деревьями, он поселился в мирной обители, всецело отдавшись заботам о своем отце. Вскоре он вступил в дружбу с сыном Вишвасу, владыки сиддхов, которого звали Митравасу и который отрешился от земных страстей. Однажды в уединенном месте он встретил девушку, оказавшуюся сестрой Митравасу, и всеведущий Джимутавахана узнал в ней свою жену в прошлом рождении. В момент встречи они обменялись друг с другом взглядами, и их сердца затрепетали, как лани, попавшиеся в большую охотничью сеть.

Спустя некоторое время к Джимутавахане, почитаемому во всех трех мирах³⁰, пришел неожиданно Митравасу и сказал ему с любовью: «У меня есть младшая сестра, которую зовут Малаявати. Я хочу выдать ее за тебя замуж. Не отказывай мне в моем желании». Выслушав его, Джимутавахана ответил: «Царевич, в прежнем моем рождении она уже была моей женой. А теперь и ты стал моим другом, вторым моим сердцем. Я помню былые свои рождения и знаю все, что происходило со мной до этой жизни».

После этих слов Митравасу тут же попросил его: «Так расскажи мне о прошлом моем рождении. Мне это очень интересно». В ответ на просьбу друга благородный Джимутавахана рассказал ему историю своего бывшего рождения:

Рассказ Джимутаваханы о его прежнем рождении

«Раньше я был видьядхарой и жил в воздухе. Однажды я пролетал над вершиной Гималаев. А в это время внизу Хара³¹ предавался любовной игре с Гаури. В гневе, что я нарушил его уединение, он так меня проклял: «Да предстоит тебе рождение в лоне смертной женщины. Но если ты женишься на жен-

щине-видьядхари, то, сделав своим наследником сына, ты снова родишься среди видьядхар и будешь помнить свою прежнюю жизнь». Указав, когда проклятие кончится, Шарва³¹ умолк и затем исчез. А через некоторое время я родился на земле в купеческой семье.

Я был сыном богатого купца из города Валабхи³², и звали меня Васудаттой. Когда я вырос и стал юношей, отец поручил мне однажды отправиться по торговым делам с товарами в другую страну. На меня, когда я проезжал по лесу, напали разбойники, отобрали товары и в оковах отвели к себе в деревню, в храм Чандики³³. Храм этот пугал длинным, трепещущим на ветру знаменем из красного шелка, которое было похоже на язык Смерти, желающей утолить свой голод приносимыми в жертву богине животными. Разбойники, собираясь и меня принести в жертву, подошли со мной к своему повелителю по имени Пулиндака, который неподалеку возносил молитвы Девы. Когда тот увидел меня, то, хотя он был шабарой³⁴, вдруг почувствовал всем своим сердцем сострадание ко мне: если сердце без всякой на то причины с любовью стремится к кому-то — это отголосок дружбы в былом рождении. Вождь шабар освободил меня от смерти и, чтобы завершить обряд в честь Чандики, готов был принести в жертву самого себя. Но тут раздался божественный голос: «Не делай этого. Я довольна тобой. Проси у меня любой дар». Тогда обрадованный шабара сказал: «Если ты довольна мной, никакого другого дара мне не нужно! Но все-таки вот о чем я тебя попрошу: пусть и в следующем рождении этот купец будет моим другом». — «Да будет так!» — ответил голос и умолк, а шабара, дав мне много денег, отпустил меня домой. Когда я вернулся из путешествия, словно вырвавшись из пасти смерти, мой отец, узнав о случившемся, устроил большой праздник.

Спустя некоторое время я снова встретил предводителя шабар: за ограбление каравана его по приказу царя поймали и доставили в Валабхи. Немедленно я рассказал об этом отцу, а отец обратился с просьбой к царю, и за сто тысяч золотых монет шабара был избавлен мной от казни. Так ответил я ему услугой на услугу, за то, что он спас мне жизнь, и, отведя его в свой дом, все то время, пока он жил у меня, обходился с ним с любовью и уважением. Затем я по-дружески отпустил его, и предводитель шабар вернулся в свою деревню, а в сердце его утвердилась глубокая любовь ко мне. Он стал думать, каким подарком ему меня отблагодарить, и драгоценные

камни, мускус и иные богатства, которыми он располагал, показались ему слишком ничтожными. Тогда, захватив с собой лук, он отправился на Гималаи, чтобы поохотиться на слонов. Он надеялся, что ему удастся добыть для меня чудесный жемчуг, который скрыт у слонов в голове³⁵. Блуждая в горах, он подошел к большому озеру, на берегу которого стоял храм Шивы, и лотосы озера, так же как и он преданные своему другу — солнцу³⁶, приветливо встретили его. Подумав, что к этому озеру ходят на водопой дикие слоны, шабара спрятался со своим луком в засаде, рассчитывая дожидаться их прихода и убить их.

Но тут он вдруг увидел девушку удивительной красоты. Она верхом на льве подъехала к стоящему на берегу озера храму, чтобы воздать почет Харе, и выглядела при этом так, как будто была еще одной дочерью владыки снежных Гималаев: ведь та в своей юности тоже преданно почитала Шамбху³⁷.

Заметив ее, изумленный шабара подумал: «Кто она? Если смертная женщина, то как может она разъезжать на льве? Если же богиня, то как ее способны видеть такие, как я? Поистине, она зримое воплощение моих заслуг в былых рожденьях. Когда бы мне удалось женить на ней своего друга — ничем другим я не мог бы отблагодарить его лучше. Поэтому, пожалуй, подойду к ней и разузнаю все, что мне нужно». Так рассудив, мой друг шабара направился к этой девушке.

Между тем она слезла со льва, который улегся рядом в тени, и, подойдя к озеру, принялась собирать лотосы. Как только она заметила незнакомого шабару, приблизившегося к ней с почтительным поклоном, она гостеприимно и дружески приветствовала его в ответ. «Кто ты и зачем явился сюда, в эту недоступную для людей страну?» — спросила девушка, а шабара сказал ей: «Я вождь шабар, чья единственная покровительница — высокочтимая Бхавани³⁸, и пришел я в этот лес, чтобы добыть слоновий жемчуг. Но лишь только я увидел тебя, божественная, как вспомнил о своем друге, спасшем мне жизнь, сыне старейшины купцов, благородном Васудатте. Потому что, подобно тебе, прекрасная, нет у него соперников в красоте и юности; он источник божественного нектара для взоров всех людей. Счастлива в этом мире та девушка, которая отдаст свою украшенную браслетами руку ему — средоточию дружбы, щедрости, сострадания и мужества. Поэтому если твоя красота не соединится с его красотой, во всем ей подобной, я буду с горечью думать, что Кама понапрасну носит свой лук».

Этими словами царственного охотника, словно сводящими с ума заклинаниями Камы, тотчас же было похищено сердце девушки. И вдохновленная Богом любви, она сказала шабаре: «Где же твой друг? Приведи его сюда, чтобы я могла взглянуть на него».

Как только шабара услышал эти слова, он с радостью согласился, и, полагая, что добился своей цели, пустился в обратный путь. Зайдя к себе в деревню, он захватил столько жемчуга, мускуса и иных драгоценностей, что их должны были нести много сотен носильщиков, а затем отправился ко мне. Встреченный всеми с почетом, он вошел в наш дом и свои подарки, которые стоили сотни тысяч золотых, отдал моему отцу. День и ночь прошли в празднестве; наконец ему удалось по секрету во всех подробностях рассказать мне о встрече с девушкой. «Давай, пойдем к ней», — предложил вождь шабар и вместе со мной, охваченным нетерпением, покинул наш дом этой же ночью.

Хотя наутро отец и заметил, что я и вождь шабар куда-то ушли, но, твердо полагаясь на его дружбу со мной, он сохранил присутствие духа.

Тем временем шабара, поспешая изо всех сил, привел меня на снежные Гималаи, и всю дорогу он заботился обо мне, словно слуга. В тот же вечер мы подошли к озеру, искупались в нем, поели сладких фруктов, а затем здесь же, в лесу, расположились на ночь. Этот лес был усыпан цветами лиан, полон сладостных благоуханий, он чаровал жужжанием пчел, и пылающие красные травы, словно лампы, озаряли его. Для нас, утоливших озерной водой свою жажду, он был этой ночью подобен покою Рати³⁹, предложенному ею для нашего отдыха.

На следующий день подъехала к озеру эта девушка. По мере того как она приближалась, мое сердце, полное нетерпения, все больше устремилось ей навстречу, а мой правый глаз, предвещающий ее появление, задрожал⁴⁰, как бы желая поллучше ее рассмотреть. Со своими прекрасными изогнутыми бровями, сидящая на спине льва с могучей гривой, она показалась мне лунной, покоящейся в объятиях осенней тучи. И не знаю почему, но в сердце моем, когда я на нее смотрел, одновременно пылали разные чувства: и удивление, и желание, и страх.

Девушка сошла со льва, набрала цветов и, омывшись в озере, приступила к почитанию Хары, обитающего в храме на озерном берегу. Когда обряд был окончен, к ней подошел мой друг шабара, поклонился, напомнил о себе и, приветливо ею встреченный, сказал: «Я привел, божественная, своего друга, ко-

торый будет тебе достойным супругом. Если ты на это согласна, я сейчас тебе его покажу». — «Покажи», — ответила она на слова шабары, и он возвратился ко мне, взял меня с собой и привел к ней. Она искоса посмотрела на меня, и взор ее запылал любовью. Вся во власти Маданы⁴¹, она сказала тогда вождю шабар: «Твой друг — не человек; он, конечно, какой-то бог, который явился подшутить надо мной. Разве может быть смертный так красив!»

Услышав это и желая избавить ее от сомнений, заговорил я: «Это правда, прекрасная. Я простой смертный. К чему обман честному человеку! Я сын Махадханы, старейшины купцов из Валабхи, и получил он меня как дар Махешвары⁴². Мечтая о сыне, он постился, чтобы умиливать Бога с месяцем на голове; и довольный им бог так сказал ему во сне: «Кончай пост! У тебя родится сын, великий душою. И ни к чему много говорить об этой лучшей из тайн». Внимая словам бога, Махадхана пробудился, а со временем у него родился сын, которого называли Васудаттой. Этот сын — я. Однажды, когда я отправился на чужбину, моим другом по собственной охоте стал этот вождь шабар, и в посетившем меня несчастье он был мне единственной поддержкой. Вот в нескольких словах вся правда обо мне».

Так сказав, я замолчал. А девушка, стыдливо наклонив лицо, проговорила: «Я знаю, что это так. Ведь сегодня Хара, довольный моей преданностью, объявил мне во сне: «Утром ты обрешь себе супруга». Поэтому ты — мой супруг, а твой друг пусть будет мне братом». Осчастливив меня нектаром этих слов, она умолкла.

Затем мы посоветовались, и я решил вместе с ней и другом возвратиться к себе домой, чтобы свершить свадьбу по положенному обряду. Особым знаком она, прекрасная, подозвала льва, на котором привыкла ездить, и сказала мне: «Садись на него, супруг мой!» Я и мой друг шабара взобрались на льва, а мою любимую я взял к себе на колени.

И вот, осуществив свои желания, восседая на льве вместе с любимой и другом впереди себя, я отправился домой. В пути мы все питались мясом лани, которую поразила стрела шабары, и через некоторое время оказались в городе Валабхи. С удивлением взирали там горожане на мое прибытие верхом на льве с возлюбленной и поспешили известить о нем отца. Он вышел мне навстречу и, как только я, сойдя с царя зверей, склонился к его ногам, приветствовал меня с изумлением и радо-

стью. А когда моя несравненная возлюбленная тоже почтительно пала перед ним ниц и он увидел, что она будет мне достойной супругой, его счастьем не было предела. Он привел нас домой, расспросил обо всем происшедшем, похвалил вождя шабар за его дружеское отношение ко мне и устроил праздник.

На следующий день с благословения звездочетов и в присутствии всех родственников я женился на лучшей из девушек. Был на свадьбе и лев, на котором ездил моя жена. Вдруг он на глазах гостей превратился в человека. «Что это значит?» — в недоумении вопрошали все, кто был рядом, а он, в божественной одежде и украшениях, поклонился мне и сказал: «Я видьядхара по имени Читрангада, а эта девушка — моя дочь. Ее зовут Маповати, и она мне дороже собственной жизни. С нею на руках я любил бродить по лесу и однажды очутился у Ганга, на берегу которого много обитателей отшельников. Чтобы не смущать покоя аскетов, я двигался посредине реки, как вдруг по воле судьбы упала в воду моя цветочная гирлянда. Тут внезапно появился мудрец Нарада, который был под водою, и в гневе, что гирлянда упала ему на спину, проклял меня: «За это оскорбление, негодный, быть тебе львом. Ступай в Гималайские горы и возмь там на спине свою дочь. Твое проклятие кончится лишь тогда, когда твоя дочь выйдет замуж за смертного и ты увидишь их свадьбу». По проклятию мудреца я превратился во льва и, поселившись в Гималаях, возмь на спине мою дочь, ставшую преданной почитательницей Хары. Что было дальше — как усилиями вождя шабар все кончилось нам на благо — ты знаешь. Теперь я удаляюсь. Счастья вам! На мне уже нет проклятия». С этими словами видьядхара взмыл в воздух.

Мой отец был поражен происшедшим. Затем, видя, что родственники и близкие — все довольны, и сам радуясь моему почетному браку, он устроил богатый праздник. И не было ни одного человека на этом празднике, который, размышляя о благородном поведении вождя шабар, не восклицал бы с удивлением: «Кого не поразят подвиги истинных друзей, которые ради своего приятеля не довольствуются даже тем, что жертвуют собственной жизнью». А когда о случившемся узнал тамошний царь, то и он был восхищен преданностью, которую проявил ко мне вождь шабар. Поэтому, после того как мой отец однажды вручил ему дар из драгоценных камней, довольный царь счел нужным подарить шабаре целое лесное царство.

После этого я, счастливый, добившись исполнения своих же-

ланий, остался в доме своего отца вместе с женой Мановати и другом — вождем шабар. Вождь шабар предпочел поселиться в нашем доме, потому что невелико теперь было для него удовольствие жить одному в собственной стране. И у нас двоих, у меня и у него, время проходило в угождении друг другу, хотя всякий раз каждый из нас оставался недовольным, считая, что он не сделал всего, что мог.

Вскоре у меня и Мановати родился сын. Он словно в зримой форме воплотил в себе праздник, царивший в сердцах всей нашей семьи. Имя ему дали Хираньядатта, и когда он вырос и кончил учение, то женился, как ему и было положено. Увидев его свадьбу и сочтя свой жизненный долг исполненным, мой отец, ставший уже стариком, отправился с женой к Гангу, чтобы там расстаться с жизнью. Я был удручен его смертью, но мои родственники кое-как уговорили меня собраться с мужеством, и я принял на себя все заботы о доме. И было у меня тогда два утешения: видеть прекрасное лицо Мановати и быть в обществе вождя шабар.

Так текли мои дни, полные радости от достойного сына, восхищения прелестью моей жены и счастья от общения с другом. Но однажды, когда я состарился, мой возраст как бы схватил меня за подбородок и, словно участливый приятель, спросил: «Почему ты еще в своем доме, сынок?»⁴³ После этого мной внезапно овладело равнодушие к жизни, и я решил уйти в лес, возложив все хлопоты по дому на своего сына.

Вслед за тем я удалился на гору Каланджару⁴⁴ вместе со своей женой и царем шабар, который отказался от своего царства из любви ко мне. Как только я пришел туда, то вдруг вспомнил свое прежнее рождение, когда я был видьядхарой, и понял, что проклятие, наложенное на меня Шивой, кончилось. Тогда, желая освободиться от смертного тела, я поведал об этом своей жене Мановати и другу, вождю шабар. Я воскликнул: «Пусть в грядущей жизни у меня будут эти же жена и друг; пусть я вспомню бывшее рождение», — и воззвал к Шанкаре в своем сердце. Тут же я, свободный от тела, стремительно вознесся со склона горы Каланджару в небо вместе с женой и другом.

Теперь я вновь родился среди видьядхар под именем Джимутаваханы и помню свое прежнее рождение. Вождь шабар — это ты, Митравасу, по милости Трехглазого⁴⁵ рожденный сыном царя сиддхов Вишвасу. А моя жена — видьядхари Мановати — это твоя сестра Малаявати. Как видишь, ты мой преж-

ний друг, а твоя сестра — моя жена в былом рождении. Поэтому она самой судьбой предназначена мне в супруги.

Однако сначала пойдем и расскажем обо всем моим родителям. Если на то их воля, твое желание будет исполнено».

С радостью выслушав рассказ Джимутаваханы, Митравасу пошел и обо всем переговорил с его родителями. Они одобрили его намерение, и тогда довольный царевич поведал о нем своим собственным отцу и матери. Те, как и он, были счастливы успехом задуманного им плана, и Митравасу быстро завершил приготовления к свадьбе своей сестры. На этой свадьбе, согласно принятым обычаям, Джимутавахана из рук царя сиддхов получил Малаявати себе в жены. И на состоявшееся празднество прибыло множество сиддхов, на нем блистали небесные певцы и танцевали видьядхары. После свадьбы Джимутавахана, став хозяином несметных богатств, остался жить со своей женой на горе Малая.

Однажды Джимутавахана вместе со своим шурином Митравасу отправился на берег океана полюбоваться прибрежным лесом. Вдруг он увидел, как туда явился чем-то взволнованный юноша, и услышал, как мать юноши, которую тот пытался от себя отстранить, горько рыдала: «О мой сын!» Юношу сопровождал другой человек, похожий на воина. Он подвел его к широкой и высокой скале и оставил там одного. «Кто ты? Что ты собираешься делать? И почему тебя оплакивает твоя мать?» — спросил у юноши Джимутавахана, и тот поведал ему такую историю:

Рассказ о Кадру и Винате

«Некогда две жены Кашьяпы⁴⁶, Кадру и Вината, беседуя между собой, вступили в спор. Первая говорила, что кони солнца черные, а вторая — белые. И они договорились, что та, кто окажется неправой, станет рабыней другой. Тогда Кадру, желая одержать верх, подговорила своих сыновей, нагов⁴⁷, чтобы они запятнали коней солнца своим ядовитым дыханием. Этих коней, когда они были запятнаны, она показала Винате и, хитростью победив в споре, сделала ее своей рабой. Поистине, велико недоброжелательство женщин друг к другу!

Узнав о случившемся, прилетел сын Винаты, Гаруда, и, пытаясь поладить дело миром, стал уговаривать Кадру освободить его мать от рабства. Но сыновья Кадру, наги, посоветовавшись,

так ему сказали: «Послушай, сын Винаты! Боги начали пахтать молочный океан⁴⁸. Принеси нам добытую из него амриту и отдай в качестве выкупа: тогда и освободишь свою мать. Ведь ты величайший из героев». Выслушав эти слова нагов, Гаруда отправился к молочному океану и, доставая амриту, проявил небывалое мужество. Восхищенный его доблестью, сам бог Хари⁴⁹ сказал ему тогда: «Я доволен тобой. Выбирай себе любой дар». «Пусть наги станут моим пропитанием!» — воскликнул сын Винаты. Такой дар выбрал он у Хари, разгневанный, что его мать обратили в рабство, и Хари ответил ему согласием. Затем Гаруда добыл своим мужеством амриту, но, узнав об этом, к нему обратился с просьбой Шакра⁵⁰: «Царь птиц! Сделай так, чтобы глупые наги не смогли полакомиться амритой, и тогда я снова отниму ее у них». — «Хорошо», — ответил Гаруда на слова Индры и, захватив с собой сосуд с амритой, направился к нагам, еще более могучий благодаря дару Вишну.

Еще издали он закричал растерянным нагам, которых напугала неотвратимая угроза полученного им дара: «Я принес амриту. Возьмите ее и дайте свободу моей матери. Если же вы боитесь, я оставляю для вас амриту на ложе травы куша⁵¹, а сам улечу вместе с матерью, как только вы ее освободите. Тогда и берите себе амриту». Наги согласились, и он поставил сосуд с амритой на священное ложе травы куша, а они отпустили его мать.

Освободив свою мать из рабства, Гаруда улетел. Однако как только наги, не предвидя опасности, попытались забрать амриту, вдруг налетел Шакра. Наги замерли, оцепенев под действием его сверхъестественной силы, а он похитил сосуд амриты с ложа из травы куша. В отчаянии наги стали лизать траву, надеясь, что на нее могли упасть капли амриты. От этого раздвоились их языки, но мало им пользы от такого раздвоения. Что, кроме смеха, бывает наградой для алчных?

Так и не получили амриты наги, и тогда за них принялся их враг Гаруда, пожирая их согласно дару Хари и слетая к ним снова и снова. От его налетов гибли змеи в подземном царстве⁵², даже безвредные ужи умирали от ужаса, а самки не могли доносить своих детей.

Каждый день встречая Гаруду в подземном царстве, владыка змей Васуки⁵³ понял, что в один прекрасный день окажется уничтоженным все племя нагов. Тогда, решив, что мощь Гаруды непобедима, он пошел на то, чтобы заключить с ним договор, и обратился к нему с такой просьбой: «Ежедневно к

скале на берегу океана я буду посылать тебе, царь птиц, на съедение одного нага. Ты же за это перестанешь нападать на подземное царство и устраивать там побоище. Ведь нет для тебя никакой корысти истребить все племя нагов без остатка».

На эти слова Васуки Гаруда ответил согласием и с тех пор каждый день съедает по одному нагу, которого Васуки сюда присылает. Именно так уже бесчисленное множество нагов напло здесь гибель.

Я наг, меня зовут Шанкхачуда, и сегодня настала моя очередь. Поэтому по приказу царя меня доставили к этой скале казни в жертву Гаруде, поэтому рыдает моя мать».

Внимая рассказу Шанкхачуды, Джимутавахана сделался печальным и сказал ему с болью в сердце: «Увы, как робок царь Васуки: собственной рукой он отдает своих подданных на заклятие врагам. Почему первым не предложил он Гаруде самого себя? Нет, он малодушно просит его позволения быть свидетелем истребления собственного рода. Да и Гаруда, хотя он и сын Кашьяпы, какое великое творит зло! Откуда это безумие даже у великих духом — так заботиться о своем теле? Но сегодня хотя бы тебя одного я спасу от Гаруды: я отдам ему в жертву самого себя. Не отчаивайся, друг!» Услышав такое, Шанкхачуда преисполнился мужеством и воскликнул: «Нет, нет, великий герой, и не говори больше об этом! Разве можно ради простого стекла разбить драгоценный камень? Да и не хочу я, чтобы молва о таком моем прегрешении навлекла позор на мой род». Так говорил благородный наг, стараясь переубедить Джимутавахану. Затем, зная, что близится время появления Гаруды, Шанкхачуда направился в храм Шивы, расположенный на берегу моря, чтобы в час своей смерти поклониться Гокарне, супругу Умы⁵⁴.

Как только он ушел, Джимутавахана, этот океан сострадания, решил, что настал удобный момент спасти его и принести себя в жертву. Он искусно притворился, что забыл о каком-то неотложном деле и под этим предлогом поскорее отослал домой Митравасу.

В тот же миг от порыва ветра, рожденного взмахами крыльев приближающегося Гаруды, содрогнулась земля, словно прошел по ней трепет изумления при виде его могущества. Поняв, что Ненавистник змей⁵⁵ уже рядом, Джимутавахана, полный сострадания, поднялся на скалу казни. Спустя мгновение на скалу прилетел Гаруда. Он вонзил в великодушного героя свой клюв и унес его с собой, заслонив своей тенью все небо. Из тела

Джимутаваханы струилась кровь, бриллиант, украшавший его голову, был сорван и упал вниз, а Гаруда тем временем опустился с героем на вершину горы и принялся за еду. В тот же момент с неба посыпался дождь цветов, на который Гаруда взирал с недоумением, не понимая, что бы он мог значить.

Между тем Шанкхачуда, поклонившись Гокарне, вернулся к скале казни и увидел, что ее поверхность увлажнена кровью. «Увы, этот великодушный человек пожертвовал ради меня собственной жизнью. Куда же унес его Гаруда? Я сразу же отправлюсь на поиски. Быть может, мне удастся его найти», — так решил благородный наг и пошел по каплям крови Джимутаваханы.

Тем временем Гаруда заметил, что Джимутавахана, несмотря ни на что, доволен и весел, и, прекратив еду, с удивлением подумал: «Наверное, это не наг, а кто-то другой. Ведь даже когда я ем его, он не только не отчаивается, но наоборот, стойкий духом, чему-то радуется». Почувствовав колебания Гаруды, Джимутавахана, хотя и был еще жив, сказал ему, стремясь завершить задуманное: «Царь птиц! В моем теле есть и мясо, и кровь. Отчего же, еще не насытившись, ты вдруг перестал есть?» Услышав это, царь птиц, весь во власти изумления, спросил его: «Ты не наг, благородный; так скажи же мне, кто ты?» — «Нет, я наг! Доедай; закончи, что начал! Ведь люди мужественные, начав какое-нибудь дело, не оставляют его незавершенным», — так ответил ему Джимутавахана. Но в этот момент показался Шанкхачуда и издали крикнул: «Нет, Гаруда, он не наг; это я твой наг! Освободи его! Как же мог ты совершить такую ошибку?»

Услышав эти слова, владыка птиц был сильно озадачен. А Джимутавахана почувствовал скорбь, что не удалось ему исполнить свое желание. Затем, когда Гаруда узнал, что по ошибке чуть не съел властителя видьядхар, его стало мучить раскаяние. «Увы, какое зло совершил я, негодный! Поистине, легко становятся злодеями те, кто сбивается с верной дороги. Но какой хвалы достоин этот несравненный, великий герой, который ради других жертвует своей жизнью и презирает этот мир обмана и иллюзий!» — так размышляя, Гаруда готов был броситься в огонь, чтобы очистить себя от греха, но тут Джимутавахана сказал ему: «Царь птиц, отчего ты в таком отчаянии? Если ты действительно напуган своим грехом, то отныне прекрати пожирать змей. Ты должен также раскаяться и в том,

что ел их раньше. Вот для тебя спасение; о другом не стоит и думать!»

Когда этот сострадатель всего живого так сказал Гаруде, тот с радостью с ним согласился и последовал его совету, как если бы Джимутавахана был его наставником. Он тотчас отправился на небо принести оттуда амриту, чтобы оживить и Джимутавахану с его израненным телом, и всех змей, от которых остались одни только кости. Но тут появилась богиня Гаури, благосклонная к преданной ей жене Джимутаваханы, и под радостные звуки небесных барабанов сама увлажнила амритой его тело. От этого все его члены излечились и стали еще более прекрасными. А едва он поднялся невредимый, как Гаруда принес с неба амриту и полил ею вокруг весь морской берег. После этого все змеи вновь стали живыми. И такое множество их оказалось в прибрежном лесу, что можно было подумать, что весь подземный мир, избавившись от страха перед сыном Винаты⁵⁶, пришел полюбоваться Джимутаваханой.

Узнав о случившемся, все родственники и близкие собрались туда поздравить Джимутавахану, сохранившего невредимым тело и окруженного сиянием славы. А вместе с родственниками радовались и его жена, и родители. Да и кто не будет рад, когда горе оборачивается счастьем!

Джимутавахана позволил Шанкхачуде удалиться в подземный мир, но по всем трем мирам, сама собой, без всякого его позволения, разлилась его слава.

Затем, испросив покровительства у дочери Хималая⁵⁷, те родственники Джимутаваханы во главе с Матангой, которые долго с ним враждовали, пошли в обитель Гаруды. Там они боязливо приблизились к Украшению видьядхар⁵⁸, которого с любовью окружали сонмы богов, и пали ему в ноги. Уступив их мольбам, благородный Джимутавахана покинул гору Малая и вернулся в свою страну на склонах Гималаев. Там вместе с родителями, Митравасу и Малаявати этот герой долго еще наслаждался жизнью, царствуя над всеми видьядхарами.

Так, неизменное счастье всегда само следует по пятам за теми, кто своими подвигами вызывает восхищение в сердцах обитателей всех трех миров».

Выслушав этот рассказ из уст Яугандхараяны, царица Васадатта, жаждущая величия для сына, которого она носила под своим сердцем, пришла в восхищение. И она провела этот день, не расставаясь со своим супругом и беседуя с ним об их сыне, будущем владыке видьядхар, на что намекал прослушан-

ный рассказ и в чем она была уверена, полагаясь на нерушимые веления богов, благосклонных к тем, кто им предан.

Вот вторая волна книги «Рождение Нараваханадатты» в «Океане сказаний» великого поэта Сомадевы.

ВОЛНА ТРЕТЬЯ

На следующий день, когда к Васавадатте пришел царь ватсов со своими министрами, она доверчиво ему сказала: «Мой супруг, с тех пор как я беременна, сердцем моим овладела страстная забота о будущем моем ребенке. В думах о нем я с трудом сумела уснуть сегодня ночью и во сне явственно увидела, как ко мне подходит какой-то человек. Он излучал сияние, тело его было осыпано светлой золой, на голове блистал месяц, черные волосы были заплетены в косичку, а в руке он держал трезубец⁵⁹. Он приблизился ко мне и, как бы сострадавая, сказал: «Дочь моя! Оставь всякую тревогу за своего ребенка. Я буду охранять его, ибо я же тебе его дал. А теперь послушай о другом. Я кое-что расскажу тебе, чтобы ты мне доверяла. Завтра придет во дворец с прошением одна женщина. Она силком притащит за собой своего мужа и начнет бранить его. Эта женщина стоит на дурной дороге. С помощью своих родственников она хочет добиться казни своего мужа. И все, что она ни скажет,— ложь. Ты, дочь моя, должна обо всем этом заранее уведомить владыку ватсов, чтобы он избавил достойного человека от злой жены». Так повелев мне, Махатма⁶⁰ исчез, а я вскоре пробудилась и увидела, что настало утро».

Когда царица рассказала свой сон, все вокруг с изумлением заговорили о благосклонности Шарвы, и их сердца с нетерпением ожидали исполнения предсказания. Как раз в этот момент вошел главный хранитель дверей и доложил царю ватсов, благодетелю всех несчастных: «Божественный, к тебе с прошением явилась какая-то женщина. С нею вместе пришли ее родственники, пять сыновей и супруг, которого она осыпает оскорблениями, а он не может постоять за себя». Услышав это, царь, восхищенный тем, что сон царицы сбылся, приказал хранителю дверей привести эту женщину. А царица Васавадатта почувствовала великую радость, потому что убедилась в прав-

дивости сна и твердо уверовала, что у нее родится превосходный сын.

И вот все с любопытством устремили взгляды к двери, через которую стражник пропустил эту женщину. Войдя с нарочито жалким видом, она поклонилась, как положено, и сказала царю, поджидавшему ее в зале суда вместе с царицей: «Перед тобой мой супруг; он не кормит меня, бедную, не одевает, не дает и всего остального, что мне нужно, хотя я ни в чем перед ним не провинилась». Едва она так сказала, как заговорил ее муж: «Божественный, она говорит неправду, потому что вместе с родственниками желает моей смерти. Ведь до сих пор, из года в год, я давал ей все, в чем она нуждалась. Это могут засвидетельствовать те из родственников, которые остались беспристрастными». На эти его слова так отвечал царь: «Свидетель этому Бог с трезубцем⁶¹, который явился царице во сне,— к чему же нам другие свидетели! Эта женщина и ее родственники должны быть наказаны». Когда царь произнес свой приговор, взял слово мудрый Яугандхараяна: «И все-таки, божественный, следует поступать, как принято: собрать показания свидетелей. Иначе народ, не знающий о сне, никак не одобрит наше решение». Выслушав его и согласившись с ним, царь приказал немедленно привести свидетелей. А те, когда их допросили, подтвердили, что женщина говорила неправду. Тогда царь за то, что эта женщина замыслила зло против известного своей добротой мужа, изгнал ее вместе с родственниками и сыновьями из своей страны. А ее благородного супруга он отпустил с миром и, всем сердцем чувствуя к нему сострадание, дал ему много денег, чтобы он мог вновь жениться.

«Жестокая и злая жена заживо раздирает на части мужа, попавшего в пучину несчастий, словно волчица — заблудившегося человека. Любящая, благородная и великодушная жена защищает своего мужа от бед, словно тень придорожного дерева, которая защищает от жары; и такая жена достается мужчине лишь в награду за его добродетель», — так сказал великий царь, думая о происшедшем, а искусный рассказчик Вāsантака, оказавшийся поблизости, добавил: «И еще, божественный: ненависть и любовь возникают в этом мире у смертных под влиянием впечатлений, оставленных предыдущими рождениями⁶². Послушай, я хочу тебе рассказать рассказ по этому поводу:

Рассказ о Синхапаракраме

Жил в Варанаси⁶³ царь, которого звали Викрамачанда. И был у него любимый слуга по имени Синхапаракрама⁶⁴, одинаково удачливый и в сражениях, и в игре в кости. Он был женат на женщине уродливой и дурного нрава. Звали ее Калахьакари, и имя это подходило ей как нельзя больше⁶⁵. Благородный муж всегда отдавал ей все деньги — и те, что получал от царя, и те, что выигрывал в кости. Но она, негодная, вместе с тремя сыновьями ни на минуту не переставала с ним ссориться. «Ты пьешь и ешь по чужим домам, а нам ничего не даешь», — так она на него кричала и со своими сыновьями беспрестанно терзала его попреками. Он задабривал ее и едой, и питьем, и одеждой, но она, словно жажда, которую ничем нельзя утолить, с каждым днем мучила его все больше и больше.

Наконец, не стерпев ее злобы, Синхапаракрама ушел из дому и отправился почтить Богиню, обитающую в горах Виндхья⁶⁶. Прибыв туда, он воздерживался от пищи, и тогда богиня сказала ему во сне: «Довольно, сын мой! Возвращайся в город Варанаси и разыщи там самое большое баньяновое дерево⁶⁷. Разрой землю у его корней, и ты обнаружишь под ними клад. Среди иных драгоценностей ты найдешь в нем одно блюдо, изготовленное из изумруда, похожее на отколовшийся кусок неба, блестящее, словно меч. Всякий раз как ты на него взглянешь, то увидишь в нем отраженной прежнюю жизнь любого существа, о прошлом которого пожелаешь узнать. С этим блюдом ты сможешь понять и свое бывшее рождение, и бывшее рождение твоей жены. А на приобретенные богатства заживешь счастливо, и беды тебя оставят».

От этих слов богини Синхапаракрама проснулся и, прекратив пост, утром ушел в Варанаси. Возвратившись в свой город, он разыскал баньяновое дерево, вырыл из-под его корней клад и нашел в нем большое и драгоценное блюдо. Желая узнать правду, он заглянул в это блюдо и обнаружил, что в прежнем рождении его жена была грозной медведицей, а он сам — львом. Тогда он понял, что разлад между ним и его женой вызван навеки оставшимися в их сердцах впечатлениями от великой вражды в былой жизни; а поняв это, он отбросил прочь горе и нерешительность. Он стал избегать также всех тех девушек, о которых с помощью блюда узнал, что в прошлых рождениях они были иными, чем он, существами. Женился же второй раз

Синхапаракрама на женщине по имени Синхашпри⁶⁸, которая в прежней жизни была львицей, и поэтому он считал ее подходящей себе женой. Выделив во владение Калахакари одну деревню, Синхапаракрама счастливо зажил со своей новой женой на доставшееся ему богатство.

Как видишь, великий царь, здесь, на земле, и любовь, и ненависть между мужьями и женами зависит от впечатлений от прошлых рождений».

Выслушав от Васантаки этот занимательный рассказ, царь ватсов и Васавадатта остались им очень довольны.

Так шло время; ни днем, ни ночью царь не мог оторвать глаз от сияющего, луноподобного лика своей беременной жены. Между тем министры царя один за другим становились отцами, и их сыновья обладали благородными признаками, предвещающими будущее счастье. Сначала родился сын у главного министра Яугандхараяны, и его назвали Марубхути. Затем у Руманвата родился сын по имени Харишикха, а у Васантаки — по имени Тапантака. Наконец, у начальника царской стражи Нитьодиты, прозванного Итьякой⁶⁹, родился сын Гомукха.

«Им предстоит стать советниками сына царя ватсов, будущего великого государя, и сокрушить полчища его врагов», — так предсказал незримый голос с неба, прозвучавший на большом празднестве в честь их рождения.

Прошло еще немного времени, и вот настал день, в который царице Васавадатте, супруге владыки ватсов, суждено было родить сына.

Она лежала в чудесном покое, убранном замужними женщинами, и ветви дерева шами⁷⁰ не пропускали в его окна лучи солнца. Покой был полон всевозможного оружия, в котором отражался блеск драгоценных камней, и это сверкание было благотельно для будущего ребенка и сулило ему счастье. Министры позаботились о том, чтобы очистить спальню всякого рода закланиями и иными ритуальными обрядами, так что она превратилась как бы в крепость, находящуюся под покровительством божественных матерей⁷¹, недоступную для зла. Там в положенный срок Васавадатта родила превосходного сына, как небо породило луну, от которой струится чистый блеск амриты.

Едва лишь ребенок родился, своим сиянием он озарил не только спальню, но и сердце его матери, в котором рассеялась тьма страдания. Восторг охватил весь гарем, и вскоре от его

обитателей услышал о рождении сына владыка ватсов. Если он, ошастливленный этим радостным известием, не подарил царства тому, кто его принес, то только потому, что боялся нарушить обычай, но никак не из скупости. Тотчас же, с сердцем, пылающим нетерпением, он пришел в гарем, и наконец-то свершилась мечта царя — он увидел своего сына.

Нижняя губа мальчика была продолговатой и розовой, как лепесток, вьющиеся волосы казались тычинками, и все его лицо напоминало цветок лотоса, который будто бы был подарен Счастьем державе ватсов. А нежные его ноги были отмечены знаками «зонта» и «опахала», как будто Счастье иных царей заранее в страхе их покинуло, передав новорожденному свои символы.

От полноты радости из широко раскрытых глаз царя текли слезы, словно из них струилась его отцовская любовь к ребенку; громко ликовали все министры во главе с Яугандхараяной; и в это самое время в небе прозвучал вещий голос: «Знай, царь: сын, который у тебя родился, — воплощение бога Камы, и имя ему — Нараваханадатта. В скором будущем он станет господином всех предводителей видьядхар и в неусыпных заботах предстоит ему царствовать целую божественную кальпу»⁷². Провозгласив это, голос умолк, и тотчас же с неба посыпался дождь цветов и раздался грохот небесных барабанов.

Еще сильнее обрадовался царь и устроил великое празднество, которое было тем более прекрасно и торжественно, что начало ему положили боги. Из всех домов плыли в небо звуки музыкальных инструментов, словно возвещая видьядхарам о рождении их царя. Алые знамена, трепещущие от ветра на крышах домов, так сверкали, что, казалось, наполнили весь воздух пурпурным блеском. На каждом шагу танцевали прекрасные женщины, как будто сошедшие на землю небесные нимфы, которые ликовали оттого, что Бог любви обрел тело⁷³. Для горожан богатство стало общим уделом, потому что счастливым царь всем раздал новую одежду и новые украшения. Когда в своей радости царь пролил на своих подданных потоки даров, никто из них не остался с пустыми руками — пуста была только казна. Отовсюду, словно они олицетворяли собою все страны света, сошлись в Каушамби красавицы из гаремов васальных царей, чтобы пожелать счастья новорожденному. За ними следовали танцовщицы, с собой они принесли богатые подарки, свиту их составляли отборные воины, и вокруг них все время слышалась игра на лютнях. Каждое движение в городе

было танцем, каждый звук — музыкой, каждое слово запивалось полной чарой вина, а каждый поступок отличался щедростью. Все лица были украшены красным суриком, актеры и поэты украшали собой улицы, и весь этот город состоял, казалось, из одного веселья. Так много дней подряд и с каждым днем все нарастая длился этот великий праздник, который кончился только тогда, когда исполнены были желания всех горожан.

Шло время; маленький царевич рос, словно молодой месяц. Соблюдая установленные обряды, отец назвал его Нараваханадаттой — именем, которое заранее указал ему божественный голос. С любовью следил Удайна, как мальчик, спотыкаясь, делает первые шаги, и при этом сверкают нежные, прелестные ноготки на его пальцах; или как он произносит первые слова, и при этом показываются его зубки, похожие на цветочные почки.

Как-то раз лучшие из министров привели своих юных сыновей, любезных сердцу Удаины, и представили их царевичу. Сначала Яугандхараяна представил Марубхути, затем Руманват — Харишикху, Итьяка — Гомукху и Васантака — Тапантаку. А домашний жрец Шантикара привел своих племянников-близнецов, сыновей Пипшалики: Шантисому и Вайшвару. В тот же момент с неба посыпался божественный дождь цветов и послышались клики одобрения, предвещающие счастье. Всех шестерых детей своих министров царь и царица приняли с радостью и лаской. И уже в детстве они стали друзьями Нараваханадатты. Привязанные к нему одному, они постоянно находились рядом с царевичем, словно его собственные добродетели, сулящие ему благую участь.

Так понемногу текли в довольстве дни у царя ватсов, который часто любовался улыбающимся, похожим на цветок лотоса, лицом своего сына, когда тот переходил с колен на колена преданных ему всем сердцем царей или что-то нежно и забавно лепетал во время своих игр.

Вот третья волна книги «Рождение Нараваханадатты» в «Океане сказаний» великого поэта Сомадэвы.

Четвертая книга по названию «Рождение Нараваханадатты» окончена.

КНИГА ПЯТАЯ

ЧЕТЫРЕ ДЕВУШКИ

Как некогда напиток бессмертия возник из океана, взволнованного раскачиванием Мандары, так этот рассказ возник из уст Хары, взволнованного страстью к дочери благородного Гириндры. Те, кто без промедлений вкусят его сладости, избавятся от препятствий, добьются успеха и еще на земле по милости Бхавы достигнут сана богов.

ВОЛНА ПЕРВАЯ

Да защитит вас от несчастий Слоноликий¹, сокрушающий беды своим сиянием, окрашивающий всю землю в шафранный цвет краской со своего хобота².

Так жили повелитель ватсов с супругой, взращивая своего единственного сына Нараваханадатту. Однажды, заметив, что царь тревожится, как бы ему уберечь сына, министр Яугандхараяна сказал ему с глазу на глаз: «Не следует тебе тревожиться о царевиче. Родился он в твоём доме по воле Шивы, и предназначено ему стать повелителем видьядхар. Узнав об этом с помощью магического знания, нынешний повелитель видьядхар пришел в ярость. Но стало это известно Богу с полумесяцем на челе³, и назначил он предводителя ганов⁴ Стамбхаку защищать Нараваханадатту. Он незримо присутствует здесь, охраняя твоего сына. Так рассказал мне мудрец Нарада⁵, поспешивший прийти сюда».

Пока министр рассказывал об этом царю, с небесной тверди сошел дивный муж с мечом в руке, излучавший сияние и увенчанный диадемой. Он склонился в приветствии, и повелитель ватсов, оказав ему гостеприимство, спросил с любопытством: «Кто ты? Какое дело привело тебя сюда?»

«Был я когда-то смертным, а ныне я властвую над видьядхарами и зовут меня Шактивега. Силой мысли своей узнал я, что твой сын станет в будущем нашим повелителем, и потому пришел я сюда, чтобы посмотреть на него». В ответ на это царь спросил Шактивегу: «Расскажи нам, друг, как становятся видьядхарами?» — На это Шактивега отвечал ему так: «На тех, царь, кто в этом или прошлом рождении возрадовали Шанкару⁶, распространяет он свою милость и обращает в видьядхар. Разными путями можно этого добиться — овладев магическим знанием, искусно владея мечом или мастерски сплетая гирлянды для жертвоприношений. Расскажу тебе, как я стал видьядхарой. Слушай же!» И рассказал Шактивега Удаяне и Васавадатте такую историю:

Рассказ Шактивеги

«В давние времена был украшением земного лика город, называвшийся Вардхаманапура, и правил в нем мужественный царь по имени Паропакарин. У него, преуспевающего, была

супруга Канакапрабха⁷, которая была подобна, как о том и говорило ее имя, молнии, супруге облака. Со временем родилась у них дочь, такая красивая, что казалось, будто Творец вознамерился ее созданием затмить красоту Лакшми⁸. Стала она у людей на глазах расти, словно бы луна, и дал отец ей имя Канакарекха, напоминавшее имя матери.

Когда же достигла царевна юности, то сказал ее отец жене своей Канакапрабхе: «Наша дочь растет, и вместе с ней растет тревога в моей душе о ее свадьбе. Как недопетая песня раздражает уши слушающего, так и девушка, не выданная замуж, огорчает окружающих. Если же отдадут ее за недостойного, то, подобно знанию, по неведению переданному глупцу, — ни славы, ни радости она не приносит. Какому царю отдадим мы дочь в жены? Кто будет достоин ее? Вот какая мысль беспощадно терзает меня!» Послушала Канакапрабха и рассмеялась: «Да ведь не хочет девушка замуж идти. Вот сегодня сидит она и в куклы играет. Спросила я ее: «Когда, детка, я увижу твою свадьбу?» А она на эти слова мне с упреком говорит: «Не надо, не надо меня замуж выдавать. Никогда я замуж не пойду. Не могу я даже и подумать о разлуке с тобой. Мне и в девушках хорошо. А не то умру я, найду какой-нибудь для этого способ». Когда она такое мне сказала, огорчилась я и пошла, царь, к тебе. Уж как тут о свадьбе думать, когда девушка об этом и слышать не хочет!»

Встревожился царь, услышав такое из уст супруги, вошел к дочери в покой и сказал ей: «Дочери богов и асур⁹, и те ищут женихов, иной раз даже тяжкие подвиги ради этого совершают¹⁰. Что же ты, доченька, отказываешься замуж выходить?» На это Канакарекха, потупив очи, ответила отцу: «Не хочу я, отец, выходить замуж. Что тебе об этом тревожиться?» Возразил ей на это лучший среди мудрых царь Паропакарин: «Нет греха больше, чем не выдать дочь замуж. Да и дочери не живут сами по себе, а зависят они от отца с матерью или от родичей. Еще только-только родилась дочь, а ее уже начинают беречь ради другого. Когда же минует детство, то что за жизнь ей в отцовском доме без мужа? Если же в отцовском доме достигает девушка зрелости, то отворачиваются от нее родные и родичи, ибо нечистой становится она и избранный ею зовется мужем нечистой»¹¹.

Так убеждал ее отец, и тогда открыла ему Канакарекха сокровенное желание: «Если встретится тебе, отец, какой-нибудь брахман или кшатрий, которому удалось побывать в городе

Канакапури¹², отдай ты ему меня в жены и пусть он станет моим супругом. Ни за кого другого не пойду я замуж». Кончила дочь говорить, и подумал царь про себя: «Хорошо хоть замуж-то пойти согласилась. Но должно быть, родилась в моем доме какая-то богиня. Иначе откуда ей знать о таком городе, ведь она еще ребенок». А вслух сказал: «Ладно. Быть по сему», пошел к себе и стал заниматься своими каждодневными делами. На другой день собрал он приближенных и спросил: «Не видел ли кто из вас город, называющийся Канакапурп? Если кто видел, так я тому, брахман он или кшатрий, отдам дочь мою, Канакарекху, в жены и сделаю его своим наследником».

Отвечают ему, переглядываясь, приближенные: «Не слышали мы о таком городе, царь, и видеть его не видели». Тогда позвал царь глашатая и так ему приказал: «Ступай и объяви повсюду под гром барабанов: «Кто видел город Канакапури?» Повиновался глашатай и вышел, сказав: «Да исполнится воля царя!»

Стал он ходить по городу из улицы в улицу, подданные царя на гром барабана сбегаются, а он объявляет: «Не видел ли какой-нибудь брахман или кшатрий города Канакапури? Пусть объявит о том, и тогда царь отдаст ему в жены свою дочь и сделает его наследником царства!» Но сколько он ни ходил по городу, всюду речь его вызывала только удивление. «Да что это за город такой Канакапури, о котором глашатай говорит? Ни мы, ни старики наши там не были и про город тот не слышали», — так горожане говорили между собой, слушая глашатая, и никого среди них не было, кто бы мог сказать: «Видел я такой город!»

Между тем услышал крик глашатая брахман Шактидева, сын Баладевы. Был он игроком, разорившимся за игрой в кости, и подумал так: «Проигрался я в кости и теперь не пускают меня ни в отцовский дом, ни в дом гетеры. Некуда мне деваться, горемычному. Ну-ка, скажу я глашатаю, будто бывал в этом городе. Кто меня проверит, ежели никто его не видел? А я, глядишь, стану царевне мужем!» Решив так, пошел он к царским слугам и соврал, будто видел тот город. Они же велели ему идти с ними тотчас к глашатаю. Он и ему ту же небылицу повторяет, и глашатай, обрадовавшись, ведет его к царю. То же говорит Шактидева и царю — на что только не пустится проигравшийся игрок! А царь, чтобы проверить его, посылает за дочерью, и она, уведомленная глашатаем, пришла и спрашивает брахмана: «Ты действительно видел Канакапури?» «Ви-

дел я тот город, — он отвечает. — Когда учился, много странствовал я по земле». Она же опять у него допытывается: «Каким путем ты в него попал и как он выглядит?» А он ей на это и говорит: «Пошел я отсюда в город Харапуру, а потом в Варанаси¹³, а оттуда после многих дней пути пришел я в город Паундравардхана¹⁴, а уже оттуда добрался до города, прославившегося под именем Канакапури. Счастлива та земля для добродетельных и подобна столице Шакры¹⁵, красотой которой наслаждаются обладатели немигающих век¹⁶. Изучив там все науки, через некоторое время я возвратился сюда. Вот как я туда добрался, и вот каков этот город». Когда же плут Шактидева кончил свою историю, молвила ему Канакарекха: «Да, брахман, воистину видел ты тот город, ну-ка повтори еще раз, какой дорогой ты туда добирался?» — И снова он ей все повторил. Тогда велела она служанкам своим вывести его, и когда его увели, подошла к отцу. Спрашивает ее царь: «Ну что, правду брахман сказал?» На это ответила царевна родителю: «Хоть ты и царь, а неразумно поступил. Разве неведомо тебе, как мошенники добрых людей обманывают. Этот брахман хотел меня провести. Ведь он, лжец, не видел Канакапури. На что только не пускаются плуты! Послушай-ка историю о Шиве и Мадхаве». И царевна рассказала такой рассказ:

Рассказ о Шиве и Мадхаве

«Есть город Ратнапура¹⁷, по достоинству названный так, лучший из всех городов, и жили там два плута, Шива и Мадхава. Долго эти мошенники, в сообществе с пм подобными, с помощью разных обманов и воровских средств похищали сокровища, скопленные купцами. Задумали однажды они такую проделку: «Подчистую мы этот город ограбили. Пойдем-ка мы теперь в Удджайини¹⁸. Рассказывают, что живет там неслыханно богатый царский жрец Шанкарасвамин. Избавив его от денег, отведаем ласк красавиц Малавы¹⁹, знающих многие способы любви. Этот скряга, на лице которого брови от высокомерия взлетели вверх, половину платы за жертвоприношения забирает себе, и славится эта обезьяна под прозвищем Семикубышечник²⁰. Есть, говорят, у него дочь, настоящая жемчужина. Мы и ее заполучим так же, как и прочие сокровища». На том и порешили Шива и Мадхава, условились, кому что делать, и, времени не теряя, отправились в путь.

А когда добрались они до Удджайини, то сопровождаемый

помощниками Мадхава нарядился царевичем и остановился в деревне неподалеку от города. Шива же, хитроумный в своих замыслах, вошел в город, приняв облик аскета, и стал жить там в монастыре на берегу Сипры²¹, заведя для видимости глину, священную траву куша²², чашу для подаяния, шкуру антилопы,— все, что надлежит иметь подвижнику. На заре обмазывался он липкой глиной так густо, что казалось будто только что явился из смрадного ада Авичи²³, полного зловонной и липкой слизи. Во время омовения в струях Сипры подолгу держал он голову под водой, словно заранее пожинал мучительные плоды своей недостойной жизни. После же омовений долго стоял, вытянувшись струной и обратив лицо свое к солнцу, как бы показывая тем самым, что достоин он быть посаженным на кол. Затем приближался он к изваянию божества с пучком священной травы куша, бормоча молитвы, и садился в позу, называемой «лотос»²⁴, словно изображая собой четырехликого Брахму²⁵. Хитро прикидываясь, лицемер творил жертвоприношения Врагу Пуры²⁶ цветами, чистыми, как сердца подвижников. Совершив же лживую жертву, словно бы погружался в чтение молитв, как бы отдаваясь размышлению над грозящим ему воздаянием за дурные дела.

В другой раз, прикрывшись шкурой черной антилопы, уходил он в город собирать милостыню и бродил, высматривая все глазами, полными обмана и лицемерия. Молча ходил он с посохом в руках и трижды принимал подаяние — трижды нарушал истину. Одну часть отдавал воронам, другую прохожему, а третьей, добытой лицемерием, наполнял свою утробу. Затем снова бормотал молитвы и перебирал четки, как бы подсчитывая свои грехи. А ночь он проводил в одиночестве в монастыре, словно размышляя о бедствиях людей.

Так вот каждый день Шива для отвода глаз суровым подвигам предавался и привлек тем самым сердца горожан. Повсюду только и слышалось: «О, это великий подвижник, достигший подлинной умиротворенности», — и люди стекались со всех сторон выказать ему почтение и преданность.

Тем временем другой плут, его приятель Мадхава, разузнав обо всем через соглядатаев, проник в город. Поселившись в отдаленном храме, пошел он, одетый подобно царевичу, на берег Сипры совершить омовение. Покончив с омовением, узрел он вместе со всеми, кто его сопровождал, Шиву, бормочущего перед изваянием божества молитвы, и как бы в великом почтении пал ему в ноги. И произнес он при этом перед людьми:

«Другого такого великого подвижника не видел я, хоть и странствовал по многим святым местам!» Шива же, узнавший его, в своем притворстве и знака не подал и сидел, как сидел, не шелохнувшись, а Мадхава отправился к себе.

Когда же спустилась ночь, они встретились и вместе попили, поели и все обсудили, что и как следует делать. В конце ночи ушел Шива снова в свой монастырь, а Мадхава, как только забрезжило утро, велел одному из своих плутов: «Возьми эту одежду, отправляйся к жрецу Шанкарасвамину и так ему скажи: «Царевич Мадхава из-за преследования родичей был вынужден бежать из Дакшинапатхи²⁷. Он явился сюда в сопровождении нескольких других благородных юношей, захватив с собой многое из отцовских богатств, и хочет служить вашему царю. Царевич Мадхава, о сокровище славы, просит позволения поклониться тебе». Вот что нужно тебе с почтением передать царскому жрецу».

Отправился плут, как велел ему Мадхава, с подношением в покои жреца и, выбрав удобный момент, сказал ему с глазу на глаз, что было велено, и отдал ему подарок. Жрец, жадный до подношений, схватил принесенное и, мечтая о дальнейших дарах, во все поверил. Нет лучшего средства разжечь алчность, чем подношения.

После того как посыльный сделал все, как было ему сказано, сам Мадхава, избрав удобное время, на другой день отправился к царскому жрецу. Послав вперед человека, чтобы уведомить о своем прибытии, явился к нему самозванный царевич, окруженный приспешниками. И сам он и все, кто был с ним, изображали паломников с посохами в руках. Жрец вышел ему навстречу и ласково приветствовал Мадхаву. Посидев с ним, да потолковав о всякой всячине, с его позволения удалился Мадхава к себе. На следующий день снова плут послал одежду в подарок, а затем пришел сам и обратился к жрецу с такой речью:

«Хотим мы начать служить для украшения рода нашего. Поэтому и прибегаем к твоей помощи. Нет в нас никакой корысти». Жрец же, понадеявшись на дальнейшие подношения, согласился на просьбу Мадхавы и передал ее царю. А царь из почтения к жрецу ответил: «Да будет так». На другой день взял жрец с собой Мадхаву и его приятелей и представил их с должным почтением царю. Тот же, увидав Мадхаву, прикинувшегося царевичем, выказал ему милость, принял на службу и положил жалованье.

Днем Мадхава на царской службе, а по ночам ходит к Шиве, да советуется с ним. Жрец же тем временем, жадный до приношений и даров, предложил Мадхаве: «Поселись в моем доме», и тот вместе со всеми своими людьми стал у него жить. Не ведал жрец, что поселил у себя причину своей гибели. Так и дереву неведомо, что его корни подтачивает мышь.

Однажды плут взял да поставил в сокровищницу жреца кувшин, полный искусно подделанных драгоценностей, и, как бы случайно приоткрыв его, разжег блеском камней алчность жреца, подобно тому как скотину манят пучком травы. Когда же в полное доверие к жрецу вошел Мадхава, то прикинулся он больным и вкус к еде утратил и словно бы исхудал. Проходит несколько дней, и говорит слабым голосом Мадхава, повелитель плутов, жрецу, подошедшему к его ложу: «Тело мое, о лучший из брахманов, пришло в бедственное состояние. Приведи ты ко мне какого-либо достойного брахмана. Отдам я ему все достояние свое. Какой добродетельный станет тревожиться о деньгах, если жизнь в нем еле теплится!»

Жрец, алчный до подношений, сказал ему: «Сделаю я, как ты просишь!», и благодарный Мадхава упал ему в ноги. Привел жрец брахмана, но не понравился он Мадхаве по какой-то причине. Видя это, один из бывших рядом плутов сказал: «Не годится для такого случая обычный брахман. Живет на берегу Сипры великий подвижник Шива. Может быть, он окажется подходящим». И тогда с мольбой обратился Мадхава к жрецу: «Сделай милость, почтенный, приведи его. Видно, он и есть тот, кто нужен!» Пошел жрец и разыскал Шиву, увидел, что сидит тот недвижимый, будто бы пребывая в размышлениях. Как полагалось, слева направо обошел его царский жрец и почтительно присел перед ним. Тогда тот мошенник медленно-медленно стал открывать глаза. Жрец же, поклонившись ему, сказал так: «Коли не прогневаешься, повелитель, то разреши мне кое о чем тебе поведать». Еле пошевелив губами, мошенник высказал согласие, и жрец продолжал: «Есть здесь богатый царевич из южной страны. Зовут его Мадхава. Он тяжело занемог и хочет отдать все свое достояние. Коли ты согласишься его принять, то откажет он тебе сокровище, сверкающее цены не имеющими драгоценными камнями». Ответил ему на это Шива, нарушив обет молчания: «Зачем аскету, живущему подаянием, это богатство, брахман?!»

Возразил ему на это жрец: «Не говори так, о величайший из брахманов! Или не знаешь ты порядка ступеней жизни? Разве

неизвестно тебе, что высшая из них — хозяин дома, обретший жену, устроивший хозяйство, исполняющий долг по отношению к богам, предкам и гостям? ²⁸. С помощью богатств достигает он трех целей жизни» ²⁹.

«Откуда же взять мне жену? — отвечал ему на это Шива. — Не могу же я взять в жены девушку низкого рода?» Жрец же, решив, что подвижник, видно, и жениться не прочь и от богатства не откажется, захотел воспользоваться этим обстоятельством: «Есть у меня дочь Винаясвамини, блистающая красотой, и я готов отдать ее тебе в жены. Те же сокровища, которые ты получишь от Мадхавы, буду оберегать я, а ты вкушай себе радости семейной жизни».

Тут Шива, поняв, что задуманное им и Мадхавой осуществляется, ответил ему на это: «Сделаю я, брахман, как ты предлагаешь. Но я — отшельник и ничего не понимаю ни в золоте, ни в жемчугах. Я буду действовать, как ты скажешь. Поступай, как знаешь!» Обрадовался жрец этим словам и сказал: «Так тому и быть!» А затем повел глупец мнимого подвижника к себе домой. И введя к себе опасного гостя, хотя имя его и вещало благополучие ³⁰, рассказал жрец Мадхаве все как было, и тот обрадовался. Затем отдал он Шиве в жены свою дочь, словно достояние, трудами возвращенное и по глупости утраченное.

На третий день после свадьбы повел жрец Шиву к мнимому больному. Мадхава приветствовал Шиву: «Слава тебе, чьи подвиги превзошли воображение», — и слова эти не были ложью. Затем Мадхава отдал Шиве кувшин, принесенный из сокровищницы, который был полон фальшивых украшений, усыпанных поддельными рубинами. Принял Шива подношение и тотчас же передал его жрецу, говоря при этом: «Не знаю я, что с этим делать, тебе же все ведомо!» Жрец с жадностью тотчас схватил кувшин и пробормотал: «Я же раньше еще согласился! Чего тебе тревожиться!»

Благословив Шиву, который отправился в покои жены, царский жрец отнес кувшин в свою сокровищницу. Мадхава же на следующий день излечился от мнимой болезни, будто из-за щедрого даяния пришло к нему исцеление. И когда снова явился к нему жрец, возблагодарил его Мадхава: «Благодаря твоей благочестивой помощи избавился я от недуга». А затем повсюду стал говорить он, что от чудодейственной силы Шивы исцелилась его плоть, и открыто вел с ним дружбу.

Минуло несколько дней, и Шива предложил жрецу: «До

каких пор буду жить я в твоём доме, наслаждаясь и не зная забот? Почему бы не выкупить тебе у меня эти украшения, дав за них/приличную цену? Сколько можешь, дай мне за них». Выслушав такое предложение и посчитав сокровища бесценными, говорит ему жрец: «По рукам!» — и все своё достояние отдал Шиве. А чтобы скрепить сделку, написал расписку, будучи уверен, что полученное им сокровище превосходит ценой его имущество. Взяв друг у друга расписки, жрец и Шива стали жить с тех пор отдельно.

Весело зажили Шива и Мадхава, пользуясь богатствами жреца. Прошло некоторое время, и жрец, алчущий денег, выбрал из украшений один браслет и пошел на рынок его продать. Осмотрели тот браслет внимательно купцы, знающие толк в драгоценных камнях, и сказали: «Чья же это работа? Ловко подделано, ничего не скажешь! Хоть и сверкает браслет различными цветами, но нет в нем ничего, кроме разноцветных кусочков стекла, так искусно опрavlенных, что кажутся они драгоценными камнями».

Встревожился жрец, принес из дома все украшения и показал их купцам. Посмотрели они внимательно и, увидев, что все это подделки, так и сказали царскому жрецу, а его словно громом поразило. Кинулся он, глупец, к Шиве и сказал ему: «Забери свои драгоценности, верни мне мои деньги!» «Откуда же возьму я тебе деньги? — возразил ему Шива. — Все, что было, истрачено. Время прошло немалое!» Тогда они оба, прекаясь, пошли к царю, сопровождаемые Мадхавой. Стал жрец царю жаловаться: «Божественный, этот Шива у меня, ничего не подозревавшего, все богатство расхитил, а взамен отдал грудку фальшивых украшений, усыпанных кусочками стекла да песка, словно настоящими драгоценными камнями!»

Шива так на это ответил: «О царь, с самого детства жил я как подвижник, а он навязал мне своё подношение. Я говорил ему, что ничего не смыслил в драгоценных камнях и во всяких прочих украшениях, и приводил ему разные доводы. Он же сказал, что он все сам знает, и мне нечего беспокоиться. Тогда согласился я и, приняв дар, все, что у меня было, вручил ему. Он, владыка, за все полученное сам цену назначил. На то и купчая есть, скрепленная его и моей рукой. Нынче же, господин, прибегает он к твоей высокой помощи». Только кончил Шива говорить, как заговорил Мадхава: «Не ссылайся на меня, жрец. Я здесь и вовсе ни при чем. Ничего я не взял ни у тебя, ни у Шивы. Долго хранил я предками собранные богатства и

отдал я их только высокодостойному брахману, которого ты привел ко мне. А если в украшениях и действительно нет ни жемчугов, ни золота, а только кусочки стекла да песка, в оправу вставленные, так и то мой дар пользу принес. Подействовал этот дар, ибо сделан был от чистого сердца: все знают, как исцелился я от тяжкого недуга». Ничто в лице Мадхавы не дрогнуло, пока говорил он эти слова, и когда он кончил, засмеялся царь, а за ним и министры, и был владыка доволен, а все присутствовавшие в собрании говорили со смехом и с улыбками: «Все, что Шива и Мадхава делали, все по закону». Жрец же, утративший богатство, с позором ушел оттуда. Разве не корыстолюбие, ослепившее разум, причина всех его несчастий!

А Шива и Мадхава, эти отъявленные пройдохи, долго жили, обласканные царем и наслаждаясь его милостями. Так плетут обманщики сети из сотен нитей, сбегających с языка, как с челока, и словно рыбаки рыбу оплетают ими простаков.

Так-то, отец, и этот брахман, наврававший, что, мол, видел он Канакапури, хочет заполучить меня в жены, обманув тебя. Не спеши поэтому с моим замужеством. Пусть побуду я еще в девичестве, посмотрим, что мне на долю выпадет». Когда же закончила рассказ царевна Канакарекха, возразил ей царь Паропакарин: «Не следует, дочка, чрезмерно долго пребывать в девичестве, ибо дурные люди находят радость в том, чтобы очернить добродетель, и чем выше человек, тем чернее возводящая на него ложь. Послушай, расскажу я тебе, что случилось с Харасвамином:

Рассказ о Харасвამине

В том городе, что стоит на берегу Ганга и зовется Кусумапура³¹, жил подвижник Харасвამин, скитавшийся по святым местам. Питался он подаянием, жил в хижине из листьев, построенной им самим на берегу реки, и так предавался подвижничеству, что достиг среди людей высокого уважения.

Случилось однажды так, что когда он вышел за подаянием, увидев его издали, сказал людям один злодей, завидующий его добродетели: «Знаете ли вы, что этот подвижник плут? Ведь он пожирает здесь всех детей!» Услышав это, другой о том же заговорил: «Истинно, истинно, и я такое от людей слышал!» Тут и третий подхватил: «Так все и было!» Вот и показилась злая молва, оплетая добрых людей, и слышится и там

и здесь, вот уже весь город полон ею. Горожане не выпускали детей из дому, говоря, что Харасвамин уводит детей и всех их пожирает. Собрались в городе брахманы, напуганные гибелью детей, и, посоветовавшись, решили изгнать Харасвамина из города. «Чего доброго, разгневается он, да сожрет нас!» — подумали они, однако, в страхе и решили передать ему свой приказ через специальных вестников.

Пошли послы и кричат ему издали: «Уходи из нашего города. Так мы, дваждырожденные³², порешили. Таково наше повеление тебе!» — «За что?» — кричит им изумленный Харасвамин. «Да как же, — снова они ему кричат, — ты пожираешь младенцев». Когда такое дошло до его ушей, решил Харасвамин подойти к ним, а они, видя, что он к ним приближается, разбежались в страхе. Воистину, кто сплетням верит, у того нет разума! Стояли они наверху, а хижина Харасвамина была внизу, у самой воды, и вот он стал по имени окликать каждого брахмана, что наверху стояли, а потом крикнул им: «Что это за наваждение нашло на вас, брахманы? Сколько, чьих детей и где я съел? Осмотритесь-ка кругом!»

Услышали брахманы, смотрят кругом и действительно: у всех у них дети живы, играют; за ними и остальные горожане убедились в этом; тогда брахманы и купцы, и весь народ стали говорить: «Ох, глупые мы, по невежеству посчитали злодеем добродетельного человека! Ведь живы дети-то! Да и кому нужно их поедать?» Так говорили во всем городе, а Харасвамин, с чьей головы спала вина, решил из города уйти. Какому же добродетельному человеку захочется жить в такой стране, где без разумения на веру принимают распущенный злодеями слух?! Тогда пали ему в ноги брахманы и купцы и стали упрашивать остаться, и согласился Харасвамин с их просьбой.

Так-то вот злодеи часто возводят ложные наветы на людей, славящихся доброй жизнью. Если злодеям дать хоть малый повод, они действуют, словно масло, попавшее в пылающий огонь. По-моему, доченька, не должно тебе долго пребывать в девичестве, — оно легко уязвимо для злых наветов, и если ты не будешь упорствовать, то облегчишь этим мое сердце.

Но Канакарекха была тверда в своем решении и, не внемля словам отца, ответила ему так: «Вот слово мое — вели разыскать брахмана или кшатрия, кто действительно видел Канакапури, и тогда отдашь меня ему в жены».

Царь, видя, что дочь не уступит и не зная никакого иного средства найти ей мужа, приказал, чтобы со следующего дня

всех вновь прибывающих в страну спрашивали и по всей стране под гром барабанов объявляли: «Если какой брахман или кшатрий видел Канакапури, то пусть немедля скажет о том. Ему в жены я, царь, отдам свою дочь, а его самого сделаю наследником царства». И стали об этом каждый день повсюду объявлять, но никого не находилось, кто повидал бы город Канакапури.

Вот первая волна книги «Четыре девушки» в «Океане сказаний» великого поэта Сомадевы.

ВОЛНА ВТОРАЯ

Между тем брахманский сын Шактидева, злосчастный, царственной униженный, подумал про себя: «Налгал я, что видел Канакапури, и выпали мне на долю стыд и позор. Пойду я разыскивать Канакапури, чтоб досталась мне царица. Пусть лишусь я жизни, но разыщу этот город и, когда вернусь, женюсь на ней. Если же не достанется мне царица, на что мне жизнь?»

Решив так, вышел Шактидева из Вардхаманапуры и отправился на юг. Шел он, шел и дошел до густого леса, раскинувшегося по горам Виндхья³³, и вступил он в этот лес, обширный и беспредельный, как дело, которое он затеял. Манили его нежные листочки лиан, колышущиеся от ветра, но жестоко палили тело лучи солнца. Днем и ночью слышались там вопли газелей, раздираемых яростными львами и другими хищниками, словно стоны жертв ночных грабителей.

Беспрепятственно сновали по этому безлюдью палящие лучи солнца, словно оно хотело одолеть все живое своей яростью. Измученный жаждой и долгой дорогой, где на каждом шагу подстерегали его несчастья, уже немало дней путник пробирался сквозь лес и увидел наконец уединенное озеро, полное прохладной и сладкой воды. Покрытое зонтиками раскрывшихся цветков розового лотоса, овеваемое крыльями птиц, это озеро было воистину царем среди озер. Окунувшись в него Шактидева, утолил жажду и, осмотревшись, увидел на берегу обитель отшельников, осененную тенистыми и полными плодов деревьями. Там у корней дерева ашваттха³⁴ сидел, отдавшийся подвижничеству, престарелый мудрец, звавшийся Сурьятапаса.

По вискам его сбегали серебристые пряди, каждый завиток которых означал один из годов его жизни, а было их более ста.

Шактидева, почтительно приветствуя мудреца, приблизился к нему, а тот, оказав гостю должный прием, ответил ему добрым словом и предложил отведать лесных плодов. Затем он спросил: «Скажи, откуда пришел ты и куда идешь?» — «Пришел я из города Вардхаманапуры, почтенный, а иду я искать город Канакапури, но не знаю, в какую сторону идти, чтоб до него добраться. Может быть, почтенный скажет», — ответил Шактидева. И сказал ему мудрец: «Сынок, уже сто восемь лет прошло, как я сижу здесь, и за все эти годы ни разу не довелось мне слышать об этом городе». Промолвил тогда Шактидева: «Видно, кончатся мои странствия по земле моей смертью!» — и рассказал мудрецу всю свою историю. Тот ему посоветовал: «Если ты твердо решился найти город, то сделай так, как я тебе скажу. За триста йоджан³⁵ отсюда раскинулась земля Кампилья³⁶, там стоит гора Уттара и есть на ней обитель отшельников. Живет в той обители мой старший брат Диргхатапас. Ступай к нему; может, он знает где Канакапури». Выслушал Шактидева это наставление, сказал: «Так и сделаю», — и, проведя ночь у мудреца, поспешил утром куда ему было сказано.

Много дней миновало, пока он, преодолев сотни препятствий и испытав немало мучений, взшел наконец на гору Уттара в земле Кампилья. Разыскал он там подвижника Диргхатапаса, поклонился ему и, встреченный им дружелюбно, поведал ему о царевне и городе Канакапури. «Вот и пошел я искать этот город, — сказал Шактидева, — но не знаю, достопочтенный, где он стоит! А нужно мне туда дойти, ибо только тогда я достигну желаемого. Послал же меня к тебе мудрец Сурьятапаса!» На это ответил мудрец Шактидеве: «Много лет мне уже исполнилось и много людей приходили ко мне из разных стран, но ни от кого не слышал я об этом городе. Тем более не приходилось мне его видеть. Но знаю я, сынок, вдали отсюда есть один остров — я скажу тебе, как до него добраться. Стоит тот остров посреди океана и зовется Утстхала. Живет там владетель несметных сокровищ, повелитель нишад³⁷ Сатьяврата. На тот остров приезжают люди из разных стран, может, кому и довелось слышать о твоём городе. Отправляйся поэтому сначала в город Витанкапуру, стоящий на берегу океана, а оттуда уже поезжай с каким-нибудь купцом, упросив его взять с собой на корабль, к острову нишад, и да сопутствует тебе удача в достижении желаемого». Ответил на это Шактидева: «Так и сделаю»,

и с позволения мудреца тотчас оставил обитель и пустился в дорогу.

Шло время, пересек он множество стран, оставил за собой множество крош³⁸ и наконец добрался до города Витанкапуры, подлинного украшения морского берега. Разузнав, что собирается тамошний купец Самудрадатта плыть на остров Утстхала, свел он с ним дружбу и, после того как тот согласился взять его с собой, отправился с ним вместе по водным просторам. Не успели они далеко отплыть, как налетела черная туча, ревущая подобно ракшасе³⁹, и сверкнула молния, тонкая и длинная, как лиана. Поднялся яростный ветер, делавший все тяжелое легче пуха и придававший легкому тяжесть свинца. Заходили по морю волны невиданной высоты, рассыпавшие брызги, так что казалось, будто горы, сохранившие крылья⁴⁰, пустились в неистовый пляс. Корабль то возносило чуть-ли не до небес, то ввергало в бездну, как купца в океане прибылей и убытков. В мгновение ока судно разломилось, словно на него навалилась какая-то тяжесть.

Когда волны сокрушили судно, хозяин его уцепился за какую-то доску и после долгих странствий по бурному морю был подобран на другой корабль. А Шактидеву после его падения в воду проглотила, словно малую пылинку, гигантская рыба. Рыба эта, по своей прихоти скитаясь по беспредельному океану, оказалась по воле судьбы неподалеку от острова Утстхала, а там ее удалось поймать в сети рыбакам, подданным царя нишад Сатьяврата. Притащили они ее, громадину, к своему повелителю. Посмотрел на нее Сатьяврата, стало ему интересно — что у нее внутри — и повелел он вспороть ей брюхо. И когда это было исполнено, то вышел из ее брюха Шактидева, немало удивленный тем, что пришлось ему путешествовать в рыбьем чреве.

С изумлением посмотрел царь на юного Шактидеву, который почтительно его приветствовал, и начал расспрашивать юношу: «Кто ты? Как и почему оказался ты в чреве рыбы? Поведай нам о твоих приключениях». Отвечал на это Шактидева царю нишад: «Брахман я и зовусь Шактидева, а родом я из Вардхаманапуры. Нужно мне обязательно разыскать город Канакапури. Не знаю я, где он стоит, и уже долгое время скитаюсь в его поисках по земле. Подсказал мне мудрый Диргхатапас, что, может, знает про тот город царь нишад Сатьяврата, живущий на острове Утстхала. Поехал я к этому царю, да по пути разбилось наш корабль, и потонул бы я в океанской бездне, если бы

не проглотила меня эта рыба. Поэтому я и стою теперь перед тобой». Кончил Шактидева, и сказал ему царь нишад: «Я — Сатъяврата, а это — тот самый остров, который ты ищешь, но никого не встречал я, кто бы знал о городе, которого достичь желаешь, да и сам я его не видел, хотя и странствовал по многим островам. Однако как будто доводилось мне слышать, что есть такой город на самом краю земли». Заметив, что опечалился Шактидева при этом известии, вновь ласково обратился к нему Сатъяврата: «Не горюй, брахман. Проведи здесь ночь, а утром что-нибудь придумаем, чтобы достиг ты желанной цели!» Так утешил царь нишад добрым словом Шактидеву, и пошел юноша в монастырь для брахманов, где охотно и дружелюбно принимали гостей. Там жил брахман, которого звали Вишнудатта, занимавшийся приготовлением пищи. С ним Шактидева завел разговор, поведал ему и про страну свою, и про семью и рассказал всю свою историю. Кончил он, и тогда Вишнудатта, по щекам которого текли слезы радости, сказал ему: «Вот ведь счастье какое! Ты сын моего дяди и мой земляк. Давным-давно, еще ребенком, попал я в эту страну. Оставайся пока здесь и, думаю, преуспеешь ты в деле своем, узнаешь, что тебе нужно, из рассказов купцов, что приезжают сюда из других стран». Так посоветовал Шактидеве Вишнудатта и, рассказав ему о своей семье, старался быть ему полезным, чем только можно. Шактидева же, благодаря этому позабыл о несчастьях, которые довелось ему испытать. Найти родню на чужбине все равно что в безводной пустыне найти кувшин, наполненный амритой! ⁴¹.

Теперь Шактидеве казалось, что приближается миг осуществления задуманного и все предрекает ему удачу. Ночью не шел к нему сон, ибо весь он был в мыслях о том, как достичь своей цели. Вишнудатта же, лежавший с ним рядом, чтобы развлечь его, поведал ему такую историю:

Рассказ об Ашокадатте и повелителе ракшас Капаласпхоте

«Было это давным-давно, и жил в те давние времена на берегу Калинди ⁴² в деревне, пожалованной ему царем, прославленный брахман Говиндасвами. Со временем родились у него два сына, которых нарекли Ашокадаттой и Виджаядаттой, и были они похожи друг на друга и наделены всяческими достоинствами. Поразил жителей этой деревни жестокий голод, и

молвил тогда Говиндасвами́н своей супруге: «Гибнет деревня наша от засухи. Не могу я смотреть, как друзья и родичи мучаются. Давай раздадим все, что у нас есть,— и имущество, и еду, а сами уйдем отсюда. Отправимся со всей семьей в Варанаси⁴³ и поселимся там». Согласилась с ним жена, и, после того как раздала она все припасы, Говиндасвами́н с женой, сыновьями и слугами покинул деревню. Не могут добродетельные люди видеть, как мучаются их близкие!

Повстречали они на дороге косматого, желтого от пепла, увенчанного черепами аскета-капалику⁴⁴, подобного самому Шиве, чело которого украшено полумесяцем. Подошел к нему Говиндасвами́н и спросил аскета, которому все ведомо, о добром и недобром, что предстоит его сыновьям. Отвечал ему подвижник: «Ждет их обоих благополучие, но, брахман, с младшим, с Виджаядаттой, ожидает тебя разлука, однако благодаря другому твоему сыну, Ашокадатте, снова вы встретитесь». Вот что узнал Говиндасвами́н у аскета-провидца и, поклонившись ему, пошел дальше, одолеваемый мыслями о счастье и о горе. Добрались они до Варанаси и провели день в храме богини Чандики⁴⁵, с усердием принося жертвы богине и совершая дру-гие обряды.

С наступлением вечера Говиндасвами́н и вся его семья расположились под баньяном⁴⁶, возле которого собралось много паломников, пришедших сюда из других стран. Когда же настала ночь, улеглись путники, устроив себе лежа из листьев и травы, и, утомленные дальней дорогой, заснули глубоким сном. Среди ночи проснулся младший сын Говиндасвами́на Виджаядатта. То тряс его жестокий озноб, то мучал невыносимый жар. Словно бы в страхе перед грядущей разлукой с родными, метался он в лихорадке, и все волоски на его теле поднялись. Сотрясаясь от озноба, разбудил он отца и сказал ему: «Отец, то жар меня палит, то озноб бьет. Достань дров и разведи огонь, чтобы мне согреться. Если не согреюсь, не заснуть мне всю ночь». Встревоженный его болезнью, сказал Говиндасвами́н сыну: «Откуда же достать мне сейчас огня?»

«А разве не пылает большой огонь вон там, неподалеку? Туда пойти надо, иначе не согреться мне. Возьми меня за руку, отведи туда!» Возразил ему отец: «Что ты! Ведь это пылает огонь на кладбище, где сжигают мертвецов. Как тебе, мальчику, идти туда, где полно пишачей⁴⁷ и всякой нечисти?» Но сын рассмеялся, услыша исполненную любви отцовскую речь. Мужественно возразил Виджаядатта на его слова: «Да что мне

— все эти пищачи могут сделать? Или отваги мне недостает? Не бойся, веди меня!»

По неразумию говорил так мальчик, но пришлось отцу повести его на кладбище. Чтобы согреться, подошли они совсем близко к костру, метавшему языки пламени и струи дыма и, воистину, подобному верховной богине ракшас, пожирающей человеческое мясо.

Некоторое время спустя спрашивает Виджаядатта отца: «А что это там в огне круглое лежит?» — «Это, сынок, горит в костре человеческий череп», — объяснил ему отец. Тогда схватил мальчик пылающую головню и с такой силой ударил по черепу, что он лопнул. Полетели во все стороны брызги мозга, и один кусочек попал в рот Виджаядатте, словно посвятил его погребальный костер в клан ночных чудовищ. И только отведаль мальчик человеческого мозга, как тотчас обратился он в ракшасу со всклокоченными волосами, зубы стали отвратительно торчащими клыками, а в руке у него оказался меч с зазубренным лезвием.

Схватил он череп, выпил все его содержимое и вылизал изнутри, как пламя погребального костра облизывает языками огня кости трупa. Отшвырнув череп, кинулся он на отца своего, на Говиндасвамина, собираясь убить его, как вдруг раздался над кладбищем крик: «Разрушитель черепа, Капаласпхота⁴⁸, не убивай отца!» Получив, таким образом, имя Капаласпхоты, разрушителя черепов, он оставил отца и исчез, как и подобает ракшасе. Тогда зарыдал Говиндасвамин, причитая: «Ах сынок! О добродетельный! Увы, увы, Виджаядатта!» — а затем вернулся к храму Чандики. Утром же он все подробно рассказал жене и старшему сыну Апокадатте. Вместе с ними горевал он, пораженный огнем несчастья, словно бы ударом молнии с безоблачного неба. И все жители Варанаси, приходившие помолиться богине, выражали ему свое сочувствие.

Однажды пришел к тому храму на поклонение богине богатый купец и увидел Говиндасвамина, пораженного горем. Звали того купца Самудрадаттой. Подошел он к брахману, утешил его и поселил вместе с семьей у себя дома, где заботливо предлагал ему все, что нужно для совершения омовений, приготовления пищи и тому подобного. Ведь для великодушных естественно сострадание к попавшим в беду. Говиндасвамина же с женой поддерживала вера в то, что по предсказанию подвижника они снова встретятся с сыном.

С этих пор поселились они в Варанаси и по просьбе купца

остались жить в его доме. Второй сын брахмана, Ашокадатта, из мальчика стал юношей, одолел науки, изучил искусство кулачного боя. Со временем он стал таким мастером в этом искусстве, что не было ему равного на земле. Однажды на состязание бойцов, устроенное во время религиозного праздника, явился прославленный боец из южной страны, и одолел он на глазах царя Варанаси Пратапамукуты всех бойцов.

Тогда царь, наслышанный о мастерстве Ашокадатты, послал за ним, чтобы вышел он на схватку с этим бойцом. Вот южанин, ударив Ашокадатту кулаком в предплечье, начал бой, но ответил Ашокадатта таким же ударом и свалил бойца. Когда же тот упал, то звук его падения на землю показался приветственным возгласом самой арены: «Отлично!» Царь на радостях осыпал Ашокадатту, проявившего мужество в бою, драгоценными камнями и приблизил к себе. С тех пор стал Ашокадатта мил царю, и день ото дня возрастало его богатство, ибо царь, ценя его заслуги, открыл для него свою сокровищницу.

Как-то в четырнадцатый день светлой половины месяца поехал царь далеко за город поклониться Шиве. Закончил он поклонение, и ночью, возвращаясь домой, оказался вблизи кладбища и услышал доносившийся оттуда голос: «О повелитель! Уже третий день, как судья из ненависти ко мне ложно осудил меня на смерть. Третий день я уже мучаюсь на колу. Никак не оставляет жизнь меня, злосчастного, и жажда меня мучает. Дай воды мне, божественный!»

Смилдовался царь и сказал Ашокадатте, своему приближенному: «Вели, почтенный, чтобы кто-нибудь дал ему воды». — «Кто же пойдет туда сейчас, во тьме ночной? Я сам схожу», — с этими словами взял Ашокадатта воды и пошел на голос. Царь тем временем продолжил путь к себе во дворец, а мужественный Ашокадатта в крошечной тьме ступил на кладбище. И было оно подобно царству черной ночи: лишь кое-где мерцали огоньки догоравших погребальных костров, повсюду валялись расхищенные шакалами куски мяса, похожие на остатки жертвоприношений, и раздавались хлопки ладоней вetal⁴⁹, мчавшихся в ужасной пляске. Громко крикнул Ашокадатта: «Кто просил у повелителя воды?» И откуда-то донесся до него ответ: «Это я просил». Пошел он на голос к ближайшему костру и увидел там какого-то человека, посаженного на кол, а у подножия кола — женщину необычайной красоты, совершенную телом и украшенную драгоценностями, подобную последней ночи темной половины месяца, которая готова взойти на погреб-

бальный костер, ибо лунный серп, ее повелитель, исчез с небес. «Кто ты, женщина, и почему льешь здесь слезы?» — обратился к ней Ашокадатта, и она отвечала ему: «Я — жена этого несчастного, посаженного на кол, и сижу я здесь для того, чтобы взойти вслед за ним на погребальный костер. Вот уже третий день, как я жду здесь, когда мой супруг расстанется с жизнью. Все время просит он воды и принесла я ему, но не могу, друг, достать до его лица!» Сказал ей на это мужественный Ашокадатта: «Послал царь меня за водой, и вот принес я ее. Стань мне на спину и поднеси воду к его рту. Ведь одно только прикосновение к чужому мужчине не осквернит женщину, если она в беде». Согласилась она на это, взяла воду и, после того как Ашокадатта согнулся у основания кола, стала обеими ногами ему на спину. Вдруг почувствовал Ашокадатта, как на его спину и на землю падают капли крови, и когда он поднял глаза, то увидел, что женщина отрезает ножом у несчастного, посаженного на кол, куски мяса и пожирает их. Поняв, что это не женщина, а оборотень, в гневе свалил он ее на землю и, пытаясь поймать, схватил за ногу, украшенную звенящими браслетами. Она же с силой выдернула ногу и с помощью своей магии мгновенно взвилась в небо и исчезла, как будто ее и не было. А у Ашокадатты в руках остался браслет, усыпанный камнями, сорванный с ее ноги. Смотрел он на него и вспоминал, какой прекрасной она показалась сначала и какой отвратительной оказалась в конце. Таково всегда общение с дурными людьми. Охватили Ашокадату и изумление, и сожаление, и радость избавления. Затем пошел он с кладбища домой и унес с собой тот браслет, а поутру, совершив омовение, вошел в покои царя.

«Дал ли ты воды посаженному на кол?» — спросил его царь. Ашокадатта ответил, что дал, и показал царю браслет. «Откуда он у тебя?» — воскликнул с удивлением царь, и тогда рассказал ему герой о своем ночном приключении, ужасном и необычайном. Убедившись в его несравненном мужестве, которого лишены другие люди, возрадовался царь, хотя и без того знал о высоких добродетелях Ашокадатты. Взял царь браслет, пошел к царице, отдал ей браслет и рассказал, радостный, историю о том, как была добыта эта драгоценность. Осмотрев браслет со всех сторон и оценив его по достоинству, обрадовалась царица и похвалила Ашокадату.

Сказал тогда царь царице: «По происхождению и знаниям, по правдивости и красоте нет Ашокадате равного, и думаю я, что было бы хорошо, если бы он стал мужем нашей дочери

Маданалекхи. Дóлжно ведь жениха ценить по достоинствам, а не по богатству, которое быстро исчезает. Вот и хочу я отдать ему дочь нашу в жены». Почтительно выслушала слова супруга царица и сказала так: «Воистину, подходит нашей дочери в мужья этот юноша. Да и когда она увидала его как-то в саду, он сам похитил ее сердце, и теперь наша дочь проводит дни в одиночестве и не слушает никого и ничего не видит. Узнала я об этом от ее подруги. К тому же на исходе ночи во сне явилась ко мне некая божественная дева и сказала: «Милая, никому не отдавай Маданалекху в жены, кроме как Ашокадатте, ибо была она его женой в прежнем рождении». Проснувшись утром и пошла утешить этой вестью дочь. А теперь ты и сам мне то же сказал. Пусть же они будут отныне неразлучны, как лиана и дерево».

Обрадовался царь словам жены, все приготовил для свадьбы, призвал Ашокадатту и отдал ему дочь в жены. Союз дочери царя и сына брахмана был счастлив и, подобно союзу богатства и добродетели, благодатен для обоих.

А потом случилось так, что сказала супруга царя, показывая ему браслет, принесенный Ашокадаттой. «Одного такого браслета мне недостаточно, вели, благородный, изготовить ему пару». Царь призвал золотых дел мастеров, гранильщиков и прочих и велел: «Изготовить второй такой же!» Те осмотрели со всех сторон браслет и говорят: «Невозможно, божественный, второй такой изготовить. Это дело не рук человеческих, а божественного мастера. Да и камней таких на земле не встречается. Откуда один браслет взят, оттуда и второй достать нужно».

Огорчился царь, и супруга его огорчилась, и заметив это, Ашокадатта, бывший рядом, тотчас с готовностью сказал: «Добуду я тебе к этому браслету пару». Попытался удержать его царь, считая это безрассудством, но Ашокадатта остался непоколебим в своем решении, взял браслет и отправился опять на кладбище. Снова в четырнадцатую ночь темной половины месяца пришел он на место, где сжигают усопших, словно вошел в рощу, полную ракшас, где деревья, оплетенные струями дыма погребальных костров, были увиты людьми, подвешенными на веревках, кто за горло, кто за плечи. Не нашел он ту женщину, у которой сорвал браслет, и, чтобы привлечь ее, придумал такое средство; снял с дерева покойника и стал ходить с ним, словно бы продавец мяса, выкрикивая: «Вот хорошее мясо продается. Кому мяса?» — «Иди-ка сюда, почтенный, дай-ка мне мяса!» — тотчас закричала ему издали какая-то жен-

щина. «Иду, иду», — крикнул он в ответ и пошел на голос. Приблизившись, увидел он божественно красивую женщину, сидевшую на троне в окружении других женщин, сверкавшую необычайной красоты украшениями; и присутствие ее на кладбище было столь же необычно, как необычно видеть лотос в безводной пустыне. Подозвала она его, и приблизился он к ней со словами: «Вот продаю человеческое мясо, покупайте». — «За сколько отдашь, почтенный?» — спросила его эта женщина божественной красоты. Тогда показал ей Ашокадатта браслет, который он держал в руках, и сказал: «Отдам я мясо тому, от кого такой же получу». На это она ответила: «Есть у меня такой же браслет. Ведь и этот-то ты у меня взял. Я и есть та самая женщина, что сидела у посаженного на кол, но изменила я свой облик, и ты не узнал меня теперь. Коли сделаешь так, как я скажу, то отдам я тебе в уплату за мясо браслет, равный этому». И сказал ей на это герой: «Все немедленно исполню, что скажешь». Тогда поведала она ему о своем заветном желании: «Есть, добрый человек, высоко в Гималаях город, называемый Тригханта, и жил там мужественный повелитель ракшас Ламбаджихва. Я его супруга, и имя мое Видьютшикха, могу я по желанию менять свой облик. После того как родилась у меня дочь, мой супруг был сражен в бою на глазах у нашего могучего властителя Капаласпхоты. Восхищенный доблестью моего мужа, Капаласпхота отдал мне свой город, и живу теперь я счастливо со своей дочерью в этом городе. Но достигла нынче дочь моя зрелости, и задумала я найти ей достойного мужа.

Случилось мне оказаться здесь в четырнадцатую ночь прошлого месяца, увидела я, как ты проезжал мимо по дороге вместе с царем, и подумала: «Вот этот юноша мог бы стать мужем моей дочери. Почему бы не найти способа заполучить его?» Замыслив это, попросила я голосом посаженного на кол, чтобы принес ты воды, и сумела заманить тебя на кладбище. Но ни красота моя, магией созданная, ни сладкие речи не сумели привлечь тебя хоть бы на миг. Тогда, чтобы заманить тебя вновь, оставила я тебе браслет и вот благодаря ему тебя снова повидала. И раз уж так получилось, то пойдем теперь в наш дом. Там ты насладишься моей дочерью и получишь другой браслет».

Кончила говорить жительница ночи, согласился герой идти с ней и силой ее магии полетел вместе с ней в небесных просторах к ее городу.

На одной из гималайских вершин увидел он сверкающий золотом город, словно бы диск солнца присел на гору, утомив-

пились от странствий по небесному кругу. Там досталась ему в жены дочь повелителя ракшас Видьютпрабха, словно воплощавшая собой успешное завершение его усилий. Счастливо жил Ашокадатта с любимой, окруженный попечениями тещи. А потом как-то сказал теще: «Отдай мне теперь браслет. Должен я возвратиться в Варанаси. Ведь сам я пообещал царю принести другой такой же браслет».

Отдала ему теща второй браслет, а в придачу дала золотой лотос. Герой взял браслет и лотос и, пообещав снова вернуться, собрался в путь. Снова теща с помощью магии пронесла его по небу и, когда достигли они кладбища и оказались у подножия дерева, сказала: «Я всегда прихожу сюда в четырнадцатый день темной половины месяца. И когда бы ты ночью сюда ни явился, всегда найдешь меня у подножия баньяна».

«Ладно», — ответил Ашокадатта на эти ее слова, поблагодарил ее и вернулся в родительский дом. Удрученные разлукой с младшим сыном, родители уже боялись, что из-за долгого его отсутствия и с ним придется им расстаться. И обрадовались они безмерно, когда он неожиданно явился перед ними. Как только весть о его прибытии дошла до царя, пришел и он. Горячо радуясь, обнимал царь Ашокадattu, и на всем его теле поднялись волоски от удовольствия⁵⁰. Пошел Ашокадатта вместе с царем во дворец и вступил туда, словно воплощение радости, и отдал царю божественно совершенную пару браслетов, как бы прославлявших своим нежным звоном его мужество. Отдал он и золотой лотос, украсивший царскую сокровищницу, подобный тому лотосу, который держит в руке богиня счастья Лакшми⁵¹.

С любопытством царь и его супруга расспрашивали Ашокадattu о его приключениях, и рассказал он им всю свою удивительную историю. Восхищаясь зятем, царь и царица, получившая второй браслет, восклицали: «Изумленный разум просто отказывается верить описанию необычайных походов! Добрая слава даром не дается!»

А звуки музыки и песни, наполнявшие по случаю праздника дворец, казалось, воспевали добрые качества Ашокадатты.

На другой день царь в построенной им молельне положил лотос на красивую чашу. Серебряная чаша и золотой лотос украшали друг друга так же, как слава и мужество, воплощенные в царе и Ашокадатте. Заметив это, царь с глазами, полными умиления, в порыве преданности Шиве, проговорил: «О, как подходит к этому лотосу эта высокая чаша! Слово на

белой от золы голове Шивы уложены высокой раковиной его красновато-желтые волосы. Хотел бы я поставить здесь второй такой же лотос на такой же чаше!» На эти слова царя тотчас отозвался Ашокадатта: «Добуду я тебе, божественный, второй такой лотос!» — «Хватит тебе подвергать себя опасности! Не надо мне другого лотоса!» — возразил царь герою. Но очень хотелось Ашокадатте добыть второй золотой лотос.

Спустя несколько дней снова наступила четырнадцатая ночь темной половины месяца. Словно в страхе перед желанием героя добыть золотой лотос, солнце мгновенно спрятало за гору Заката⁵² золотой лотос своего лица, безмятежно плывший до того по глади небесного озера. И когда оно исчезло, то тотчас понеслись повсюду дымно-черные демоны тьмы, как бы спешившие пожрать багровую плоть окрашенных закатом облаков; ночь окутала землю, и мерцавшие местами огоньки сверкали будто зубы в отвратительной пасти повелительницы ракшас — ночи.

В этот час Ашокадатта покинул спальню царевны, снова отправился на кладбище и пришел к тому же баньяну. Между свисающих корней баньяна встретил он тещу свою — ракшаси, которая радостно приветствовала его. Снова герой полетел в ее жилище на гималайской вершине, где ждала его жена, в нетерпении глядя на дорогу. После того как провел он некоторое время с женой, попросил он тещу: «Достань мне откуда-нибудь второй золотой лотос!» Отказала она ему: «Откуда же достану я тебе второй лотос? Растут они в пруду у повелителя нашего Капаласпхоты. Только там рождаются такие золотые лотосы. А тот, что я тебе отдала, подарил мне Капаласпхота из любви к моему мужу!» На это ответил ей Ашокадатта: «Ты отведи меня на озеро, я сам сорву золотой лотос». — «Немыслимо это! Свирепые ракшасы охраняют это озеро», — отговаривала она героя, но он по-прежнему упорствовал. Наконец удалось ему упрямить ее. Отвела она его и издала показала то озеро, лежащее в горной долине. Раскрытые золотые лотосы на длинных стеблях покрывали озеро, словно были они отражением лучей солнца. Подошел Ашокадатта к озеру и только-только начал рвать лотосы, как налетели на него со всех сторон ракшасы, ночные чудовища, но, схватив меч, одних он убил на месте, других же обратил в бегство. Уцелевшие примчались к Капаласпхоте и доложили ему обо всем случившемся. Повелитель ракшас разгневался, сам поспешил к озеру и увидел Ашокадату с похищенными лотосами.

«Да это брат мой, Ашокадатта, каким-то образом попал сюда!» — тотчас с удивлением он воскликнул и, отбросив оружие, со слезами на глазах подбежал к Ашокадатте, пал ему в ноги и проговорил: «Я твой младший брат, Виджаядатта, оба мы дети достойнейшего из брахманов Говиндасвамина. Уже давно я по воле рока стал ракшасой, а оттого, что я череп расколол, прозвали меня Капаласпхотой. Только лишь я тебя увидел, как вспомнил о своем брахманском достоинстве, и исчез облик ракшасы, исчез обман, окутывавший мою душу». Услышав эти слова, крепко прижал брата своего Ашокадатта к груди и словно омыл слезами его тело, оскверненное пребыванием в облике ракшасы.

В тот же миг спустился с неба наставник видьядхар Праджняптикаушика и так сказал обоим братьям: «Оба вы — видьядхары, и были в таком жалком состоянии из-за проклятия. Нынче же кончился рок проклятия; обретите снова присущие видьядхарам магические знания и ступайте домой — обнимитесь с родными». Так сказал он им и, вернув им магические знания, тотчас вознесся на небо. Они же оба, снова став видьядхарами, наделенными мудростью, взяли золотые лотосы и полетели небесной дорогой на вершину Гималаев. Пошел Ашокадатта к своей жене — дочери ракшасы, и она тоже стала видьядхари⁵³, так как избавилась от гнетущего ее проклятия. Забрали ее с собой братья и тотчас же по небу перенесли в Варанаси. А там их появление было для родителей, измученных огнем разлуки, подобно потоку амриты, мгновенно исцелившей их. И не только для родителей, но и для всех жителей города их возвращение целыми и невредимыми показалось как бы новым и чудесным их рождением.

Отец долго и горячо обнимал Виджаядатту, словно был тот воплощением утоленного желания вновь с ним увидеться. Узнав о случившемся, сам царь Пратапамукта, тесть Ашокадатты, в радости поспешил туда. Обласканный царем, Ашокадатта, которого с нетерпением ждала жена, поспешил в столицу и вступил в нее с большим торжеством. Много золотых лотосов отдал он царю, и очень радовался этому Пратапамукта, ибо получил много больше того, что ожидал.

В присутствии всех собравшихся спросил тогда Говиндасвамин с удивлением и любопытством у Виджаядатты: «Расскажи бы ты, сын мой, что случилось с тобой после того, как обратился в ракшасу». Начал рассказывать Виджаядатта:

тва и по воле рока расколол горящий череп,

в рот мне попал кусочек мозга, от чего превратился я в ракшасу и ум мой был омрачен заблуждением. Прозвали меня ракшасы Капаласпхотой, взяли меня с собой и стал я одним из них. Привели они меня к своему повелителю, я ему понравился и сделал он меня со временем начальником своего войска. Опыненный гневом, он однажды напал на гандхарвов⁵⁴ и в битве с врагами был убит. Тогда его подданные согласились на то, чтобы я стал их правителем, и начал я вершить дела царства ракшас, поселившись в их столице. Там и случилось так, что благодаря встрече с благородным Ашокадаттой, искавшим золотые лотосы, перестал я быть ракшасой. О том же, как благодаря освобождению от проклятия возвратились к нам прежние магические знания, пусть поведаст старший брат!» Так кончил рассказывать Виджаядатта, и взял слово Ашокадатта, чтобы узнали все начало истории:

«Прежде, когда мы были видьядхарами, увидели мы однажды с небес, как в обители святого Галавы⁵⁵ плещутся в Ганге его дочери. Случилось так, что и мы, и девушки воспылали друг к другу страстью, но когда мы тайно встретились с ними, с помощью божественного провидения их родственники узнали об этом и в ярости прокляли нас обоих. «Вы, грешники, родитесь теперь в мире смертных и предстоит вам разлука, полная необыкновенных приключений. Но если в недостижимом для людей отдаленном крае один из вас узнает другого, то обретете вы вновь от учителя магические знания и, освобожденные от проклятия, снова станете видьядхарами и встретитесь с родными». Так все и получилось. Родились мы оба на земле, как было предсказано, а о том, как мы разлучились, вам все известно. Теперь же, когда благодаря могуществу тещи пошел я за золотым лотосом и попал в столицу повелителя ракшас, я там встретил своего младшего брата. Там же обрели мы наши знания от Праджняптикаушки, наставника видьядхар, и снова став видьядхарами, поспешили сюда». Так Ашокадатта, избавившийся от неведения благодаря тому, что кончилось действие проклятия, закончил повесть о своих изумительных приключениях, рассказанную им отцу, матери и жене своей, дочери царя. И они, приобщившись к его мудрости, стали такими же видьядхарами, как и он сам. Попрощавшись с царем, Ашокадатта с родителями, обеими женами и братом поспешил по небесной стезе во дворец своего повелителя. Когда же он повидал его, то, испросив его дозволения, стал вновь зваться Ашокавегой, а брат его — Виджаявегой. После этого юноши-

видьядхары, сопровождаемые родными и близкими, удалились в свое жилище на прекрасной горе Говиндакута.

Правитель же Варанаси, царь Пратапамукута, изумленный всем случившимся, поместил в своем храме на второй чаше золотой лотос, принесенный ему Ашокадаттой. Другими же золотыми лотосами он украсил храм Шивы, выразив тем самым свою великую преданность Трехглазому⁵⁶. Великой честью почитал Пратапамукута для себя то, что, выдав дочь за Ашокадattu, он породнился с братьями.

Вот так по каким-то причинам случается, что божественные существа обречены на рождение среди людей, но благодаря присущим им добродетелям и мужеству они даже в труднейшем деле достигают успеха.

Потому, океан добродетели, думаю я, что заложено в тебе нечто божественное, что поможет достичь тебе желанной цели. Благородные, проявляя энергию в свершении труднейших подвигов, открывают этим лишь сущность своей природы.

Твоя желанная царевна Канакарекха, наверное, тоже божественная дева. Иначе с чего бы ей так хотелось супруга, повидавшего Канакапури?»

Так Вишнудатта в одиночестве ночи увлекательной повестью утешал Шактидеву, а тот, всем сердцем жаждущий увидеть Канакапури, укротил свое желание и терпеливо стал дожидаться утра.

Вот вторая волна книги «Четыре девушки» в «Океане сказаний» великого поэта Сомадэвы.

ВОЛНА ТРЕТЬЯ

И вот на том острове Утстхала приходит на заре к Шактидеве властитель рыбаков Сатьяврата. В согласии с обещанием, которое он дал накануне, так он сказал Шактидеве: «Придумал я средство, брахман, как тебе достичь желанной цели. Стоит посреди океана прекрасный остров и называют его Ратнакута. Есть на нем храм, обитель владыки Хари⁵⁷. Туда всякий раз как наступит двенадцатый день светлой половины месяца ашадха⁵⁸, со всех островов, преодолевая многие препятствия, собираются люди принести богу жертву. Может, встретится среди них и такой, кто побывал в Канакапури. Соби-

райся, поедem туда, ибо близок уже этот день». Вот какой совет дал ему Сатьяврата, и Шактидева, ответив согласием, стал собираться и взял с собой то, что заботливо приготовил ему в дорогу Вишнудатта.

Взойдя на корабль, оснащенный Сатьявратой, вместе с ним отправился Шактидева немедленно по океанским просторам. Устремились они вперед по волнам океана — сокровищницы всего необъятного, изобилующего рыбами, похожими на целые острова, и спросил Шактидева Сатьяврату, стоявшего у кормила: «Что это виднеется вдали: словно бы гора, покрытая птицами, возвышается среди океанских вод?» Отвечал ему Сатьяврата: «Это, почтенный, дерево вата⁵⁹, а под ним, говорят, страшный водоворот, и следует нам миновать это место, ибо никто из попадающих туда не возвращается». Пока он об этом говорил, их корабль подхватило течением и устремилось судно как раз в сторону этого дерева. Заметив это, закричал тогда Сатьяврата Шактидеве: «Пришел, брахман, наш смертный час. Смотри, помчалось наше судно неудержимо к дереву, и ничем не могу я остановить его бег! Несемся мы прямо в неистовый водоворот, словно в пасть смерти, и непреклонно влечет нас туда сила течения, будто всеильная судьба. Не страшна мне смерть! Разве тело вечно? Жаль мне, что не удалось помочь тебе достичь желанного. Могу лишь попробовать я сдержать несколько бег корабля, а ты тем временем попытайся уцепиться за ветви дерева. Если сумеешь спастись, значит твое счастье. Разве может кто-нибудь предсказать повороты судьбы или прихоть волн?» При этом великодушный Сатьяврата правил корабль так, чтобы прошел он поближе к дереву. Стремительно прыгнул Шактидева и уцепился за толстую ветвь, словно бы за берег океанский. Сатьяврата же, самоотверженно помогший другу, уже входил на своем корабле в уста водоворота.

Ухватился Шактидева за ветви дерева, словно за надежду исполнить свое желание, и, примостившись на них, размышлял в отчаянии: «Не увидел я города Канакапури, да к тому же погубил напрасно царя рыбаков. Всех попирает стопа судьбы, и никто не может отвратить предназначенное». Пока он предавался таким мыслям, день прошел, опустился вечер, и отовсюду слетелись к дереву громадные птицы. И дерево загудело от их клекота, а от ветра, поднятого их крыльями, заходил океан высокими волнами, будто казалось ему, что все они слетелись сюда, чтобы с ним повидаться и выказать свою любовь. Расселись птицы по ветвям, и услышал Шактидева, укрытый

листьями, как они человеческим языком между собой разговаривают. Рассказывали они друг другу, кто что увидел за день, — одна птица про новый остров, другая о новом городе, а третья о стране, прежде невиданной. И сказала старейшая из птиц: «Слетала я сегодня за добычей в Канакапури. Завтра на заре снова я полечу туда — удачлива там охота. Зачем мне, старой, уставать, летая в дальние страны?» Слова ее были для Шактидевы подобны неожиданно хлынувшему потоку живой амриты, и он, успокоившись, подумал: «Вот и узнал я благодаря судьбе о городе Канакапури, а чтобы добраться туда, воспользуюсь я этой птицей — она перенесет меня на своем громадном теле». Рассудив так, он, пока птица спала, забрался к ней на спину и примостился между крыльев. Когда же наступило утро, разлетелись все птицы, и та птица тоже взлетела, словно была она причастна воле судьбы. Не замеченный ею, летел на ее спине Шактидева, и быстро она домчала его до Канакапури, где принялась искать добычи.

В одном из городских садов слез с ее спины Шактидева и пошел в глубь этого сада. Вскоре он увидел двух дев, собиравших цветы. Тотчас приблизился к ним юноша и спросил их, удивленных его появлением: «Что это за страна и кто вы такие, милые?»

«Это город Канакапури, и живут в нем видьядхары, — отвечали девушки, — а это сад видьядхари⁶⁰ Чандрапрабхи, мы в этом саду садовницы и собираем для нее цветы». Тогда он попросил красавиц: «А не могли бы вы так сделать, чтобы повидать мне вашу госпожу?» «Так и быть», — ответили они на его просьбу и провели юношу к царскому дворцу. Вошел он в него и увидел там колонны из рубинов и стены из золота, будто был этот дворец средоточием богатств. Завидев его, служанки Чандрапрабхи поспешили сообщить ей о неслыханном событии — пришел во дворец смертный. Она же повелела привратнику немедленно его привести к ней. Когда он вошел и взглянул на нее, она ему показала истинным праздником для очей, верхом совершенства чудесного искусства Творца. Царевна же поднялась с ложа, украшенного прекрасными жемчугами, для того чтобы приветствовать его и оказать ему почтение. После того как он сел, спросила его с любопытством Чандрапрабха, кто он такой и как попал в эту страну, недоступную для людей, и Шактидева рассказал ей, откуда он родом, из какой семьи, назвал ей свое имя и поведал про то, что пришел сюда повидать город Канакапури и этим добиться руки царевны Канакарекхи.

Узнав про все, подумала немного Чандрапрабха и, глубоко вздохнув, сказала ему с глазу на глаз: «Слушай-ка, что я тебе скажу, счастливец. Правит этой страной повелитель видьядхар Шашикханда. Родились у него четыре дочери. Старшая — это я, Чандрапрабха; другую зовут Чандрарекха, третью Шаширекха, а четвертую Шашипрабха. Со временем достигли мы в отцовском доме поры девичества. Однажды пошли мои младшие сестры купаться на берег Мандакини⁶¹. В своем девичьем озорстве градом брызг осыпали они аскета Агрьятапаса, и хоть просил он их остановиться, они упорствовали в своем озорстве. Тогда он пришел в ярость и проклял их всех: «Все вы, негодные девы, родитесь в мире смертных!» Услыхал про это наш отец, прибежал и стал его уговаривать смиростивиться; наконец добился того, что Агрьятапас обозначил каждой из сестер конец проклятия и сохранил для них в их смертном облике память о прошлом рождении вместе с магическим знанием. Затем они, оставив свое божественное тело, оказались в мире смертных, а отец, отдав мне этот город, удалился в горы в лесную обитель.

Однажды явилась мне во сне Амбика⁶² и предрекла: «Человек, дочь моя, станет твоим мужем!» После этого я всех женихов-видьядхар отвергаю и до сих пор незамужем. Нынче же ты чудесным образом появился, и мне понравился твой прекрасный облик; согласна я тебя взять в мужья. Поэтому как только наступит четырнадцатый день месяца, пойду я на великую гору Ришабха попросить у отца позволения. Туда в этот день каждый год собираются со всех стран света лучшие из видьядхар. Вот схожу я туда, получу от него разрешения и быстро вернусь. Тогда ты и сделаешь меня своей женой. А ты меня здесь дождишься», — так сказала ему Чандрапрабха и стала ублажать Шактидеву всеми наслаждениями, принятыми у видьядхар. И предаваясь этим наслаждениям, он испытывал такое счастье, какое испытывает человек, опаленный лесным пожаром и вдруг погружившийся в озеро, полное амриты.

Тем временем наступил четырнадцатый день месяца, и Чандрапрабха обратилась к Шактидеве с такими словами: «Ухожу я сегодня повидаться с отцом и вся моя свита со мной уйдет. Ты же, оставшись в одиночестве, постарайся не скучать эти два дня. Но, смотри, ни в коем случае не ходи ты на верх дворца!» Так сказала она юноше, он пообещал ей, что так и сделает, и с этим отправилась Чандрапрабха в путь.

Остался Шактидева один, стал бродить ради забавы из одного роскошного покоя в другой и разобрало его любопытство:

«Почему это дочь видьядхары запретила мне подыматься наверх?» И вот пошел он наверх, ибо сердце людское всегда тянется к запретному! Когда же поднялся он туда, увидел три тайных, усыпанных жемчугами шатра, предназначенных для женщин, и, откинув полог, вошел в первый. Увидел он там, что на ложе, расшитом драгоценными камнями, кто-то лежит. Откинул он покрывало и узрел прекрасную дочь царя Паропакарина. «Что за чудо? — подумал он. — То ли она это спит непробудным сном, то ли я во власти магических чар? Ради нее совершил я такое путешествие, и вот она здесь бездыханная! Но нет, не тронуло тление ее красоты! Быть может, это Творец всего сущего раскинул для меня сети обмана?!»

С такими мыслями вышел он из первого шатра и вошел поочередно в два других. В каждом из них увидел он по юной деве, лежащей на ложе, как и в первом шатре. Удивленный всем этим, вышел оттуда Шактидева и, присев на краю крыши, заметил внизу превосходного коня, под седлом, усыпанным жемчугами, который стоял возле колодца. Захотелось ему посмотреть на него поближе, спустился он и подошел к коню. Увидел он, что у коня нет хозяина, захотел сесть в седло, но только вступил в стремя, как конь ударил копытами и сбросил его в тот колодец.

Пролетев сквозь колодец, оказался Шактидева на другом его конце в своем саду в городе Вардхаманапуре и, обнаружив это и зная, что нет с ним Чандрапрабхи, упал он на родную землю, словно надломленный лотос. «Где Вардхаманапура и где город видьядхар? Что это за чудо со мной приключилось? Или магический обман обволок меня своим маревом? О горе! Кто же тепшится надо мной, несчастным? И что еще ждет меня впереди?» — отдавшись таким грустным мыслям, изумленный Шактидева вернулся в отчий дом и остался там, обласканный отцом и всеми своими родичами, никому не рассказав, как пришлось скитаться ему из-за барабана глашатая.

На другой день случилось ему выйти из дома и снова донесся до него крик глашатая, объявлявшего под удары барабана: «Если какой брахман или юноша-кшатрий действительно видел город Канакапури, царь тому дочь отдаст в жены и сделает его своим наследником!» Пошел к глашатаям Шактидева и снова заявил: «Видел я этот город Канакапури!» Немедля его к царю привели, а тот его сразу же признал и предположил, что он снова будет лгать. Но Шактидева так ему сказал: «Если я неверное слово скажу, коли не видел я того города, то накажи меня смертью! Пусть царевна сама меня спросит о Канакапури».

Послал немедля царь слуг своих за дочерью. Явилась царевна, увидела Шактидеву и сказала отцу: «Отец, да он снова какую-нибудь небылицу сочинит!» Возразил ей на это Шактидева: «Правду ли, ложь ли скажу я, но рассея ты, царская дочь, мое недоумение: не тебя ли видел я бездыханной, лежащей под шатром в Канакапури, и как же это теперь я вижу тебя здесь перед собой, живой и невредимой?» По этим словам Канакарекха поняла, что он действительно побывал в Канакапури, и сказала отцу: «Воистину, видел он Канакапури, и, раз он сумел там побывать, суждено ему быть моим мужем. И возьмет он в жены трех других моих сестер и будет царствовать в том городе над видьядхарами. Нынче же хочу я вернуть себе прежний свой облик и вернуться в Канакапури. Только из-за проклятия святого родилась я в твоём доме, почтенный.— «Как только увидит в Канакапури тело твоё смертный человек, тогда и кончится срок твоей жизни среди смертных, а тот, с кем это случится, станет твоим мужем»,— так определил аскет конец проклятия, наложенного им самим на меня. И хотя я жила в человеческом облике, но помню свое прежнее рождение и обладаю магическим знанием. Поэтому теперь я ухожу отсюда, чтобы снова вернуться к видьядхарам». После этих слов царевна покинула человеческое тело и исчезла. Тут возникло великое смятение, и царский дворец наполнился рыданиями Шактидевы — немало пришлось ему потрудиться, но не достались ему ни Чандраприбха, ни Канакарекха.

Удрученный тем, что не исполнились его заветные желания, горько осуждал себя Шактидева, покидая дворец, а потом вдруг подумал: «Ведь Канакарекха сказала, что задуманное мной исполнится! Так что же я отчаялся? Ведь успех зависит от моей настойчивости! Отправлюсь-ка я снова в Канакапури той же дорогой, что прежде ходил. Может, снова поможет мне судьба!» Подумав так, тотчас же Шактидева ушел из города. Ведь люди, твердые в своих решениях, не оставят усилий, пока не добьются успеха!

Долго он шел, пока, наконец, не пришел опять в город Витанкапуру, стоящий на самом берегу океана. Встретился там Шактидева с тем же самым купцом, с кем он пустился в плавание и чей корабль разбился. «Да ведь это тот самый Самудрадатта, который упал в море,— подумал Шактидева,— как же он спасся! Не чудо ли? Да ведь и я сам тоже свидетельство чуда!»

Подшел к нему Шактидева, и купец узнал брахмана, обнял его с великой радостью, повел к себе домой, угощал, как гости

полагается угощать, и все расспрашивал: «После того как корабль разломился, как ты спасся?» Шактидева рассказал ему подробно все, что с ним произошло, рассказал, как, проглоченный рыбой, попал он на остров Утстхала, и, в свою очередь, спросил купца, что с ним было: «Поведай мне, как перебрался ты через океан?»

Отвечал ему на это купец: «После того как упал я в морскую пучину, уцепился я за какую-то доску и три дня и три ночи меня носило по волнам. Но по счастью проходил мимо корабль, плившие на нем заметили меня, вызывающего о помощи, и подняли на борт. Вступив на палубу, увидел я там своего отца, который после долгого странствия по дальним островам возвращался домой. Он меня сразу же узнал, крепко обнял и стал расспрашивать, а я с рыданиями рассказал ему повесть о своих злоключениях: «Долго не возвращался ты, отец, и решил я сам начать торговлю. Да вот поплыл я на другой остров и случилось так, что разбился мой корабль. До сегодняшнего дня носили меня океанские волны, но тут на счастье вы меня подобрали». Кончил я рассказ, а отец мне и говорит: «Чего ради подвергал ты себя опасности? Есть у меня богатство, сын мой. Смотри, привел я корабль, полный золота!» Так утешил меня отец, и быстро приплыли мы на корабле к себе домой в Витанкапуру. Вот и живу я здесь после всего этого!» Выслушал Шактидева историю купца, отдохнул и, проведя у него ночь, на следующий день сказал ему так: «Нужно мне, купец, снова попасть на остров Утстхала. Расскажи мне, как туда добраться!» Купец отвечал ему: «Сам я нынче на месте сижу, а вот слуги мои отправляются. Ты с ними на корабль садись и поезжай туда, почтенный». Как посоветовал купец, так Шактидева и поступил и поплыл с ними на остров Утстхала. Когда же они приплыли, то пришло Шактидеве на ум: «Если мой родственник, благородный Вишнудатта, все еще здесь живет, непременно у него в монастыре остановлюсь!» Пошел брахман по базару, и повстречались ему сыновья повелителя рыбаков Сатьявраты, узнали они его и спросили: «Ты, брахман, прошлый раз в Канаканпури с нашим отцом плавал, а нынче-то как сюда попал?» Стал им Шактидева рассказывать, как закрутило в волнах корабль, как исчез он в водовороте и как их отец в воду упал. Выслушали его сыновья Сатьявраты, рассердились и велели слугам: «Вяжите этого злодея, он нашего отца убил. Как это может быть, что двое на корабле плыли, корабль в водоворот попал, один в водовороте погиб, а другой здесь стоит! Завтра же

на заре принесем мы этого молодца, убившего нашего отца, в жертву Чандике, вместо животного». Сыновья повелителя рыбаков вместе со слугами связали Шактидеву, повели его под барабанный бой к храму Чандики, постоянно поглощавшему живые существа, подобно пасти смерти, ощерившейся вылезающими вперед клыками.

Заперли там Шактидеву, связанного, и, когда ночь наступила, в страхе за свою жизнь, он взмолился к Чандике: «О Бхагавати⁶³, защити меня, ушедшего в дальние края в поисках возлюбленной и попавшего без всякой вины в руки безумцев. Ведь ты же защищаешь весь мир, ты, истребительница дайтев⁶⁴, ты, чей облик сверкает как солнце на восходе!» Такую мольбу вознес он Чандике, а затем заснул с трудом и увидел во сне, будто бы из глубины храма вышла некая дева божественного облика и, словно утешая, обратилась к нему: «Ничего не случится с тобой! Есть у сыновей царя рыбаков сестра Биндумати. Когда утром увидит тебя эта девушка, то попросит отдать тебя ей в мужья. Ты должен согласиться, ибо только она освободит тебя. К тому же она и не рыбацка, а божественная дева, на которой лежит проклятие».

Едва поутру он проснулся, как вошла в храм девушка-рыбачка и была она отрадой для его глаз. Подошла к нему девушка и, назвав себя, сказала: «Освобожу я тебя отсюда, но ты выполни мое желание. Когда увидела я тебя, то разгорелась во мне любовь. Возьми же меня в жены». Так сказала ему рыбацка, и Шактидева, тотчас же, вспомнив сон, обрадовался и согласился. Освободила она его, и отпраздновали они свадьбу, ибо, как и предрекла Амбика во сне, братья согласились исполнить просьбу сестры.

Вот стал он там жить с божественной красавицей Биндумати, подобной воплощению успеха, достигнутого благодаря добродетели. Однажды сидели они вдвоем на крыше дома. Заметил Шактидева чандалу⁶⁵, несшего на голове ношу говяжьего мяса, и спросил у супруги: «Скажи мне, стройная, как может злодей есть мясо коров, которых должно чтить во всех трех мирах!»⁶⁶.

Ответила на это Биндумати: «Что об этом говорить, благородный? Это — немислимый грех. Я вот тоже из-за небольшого прегрешения перед коровой родилась в семье рыбака, и когда освобожусь из этого состояния — неизвестно». Такие ее слова удивили Шактидеву, и он спросил у нее: «Расскажи, прекрасная, кто ты и почему родилась в семье рыбака!» Долго он ее

упрашивал, и, наконец, сказала она ему: «Я расскажу тебе об этом, но обещай мне, что сделаешь то, о чем я попрошу тебя». «Сделаю!» — поклялся он, и тогда Биндумати сначала сообщила ему свое желание: «На этом острове будет у тебя вторая жена, и она, благородный, вскоре забеременеет от тебя. Когда же она будет на восьмом месяце, ты должен рассечь ей чрево, и пусть это не вызовет у тебя отвращения». Изумился Шактидева, услыша от нее такие речи, и стал уже выражать страх и недожество, как дочь повелителя рыбаков остановила его и заговорила опять:

«По какой причине тебе надлежит это делать и почему я родилась среди рыбаков,— слушай, я тебе расскажу. Некогда была я видьядхари, но проклятие обрекло меня на рождение в мире смертных. Дело в том, что еще будучи видьядхари, случилось мне струны лютни зубами прикусывать, когда я их соединяла, а так как струны сделаны из воловьих жил, то и пала я низко, ибо взяла в рот частицу коровьей плоти. Вот потому-то и родилась я среди рыбаков».

Пока она это Шактидеве рассказывала, подошел к нему один из ее братьев и сказал: «Вставай, сюда примчался вепрь, убивший уже многих людей».

Лишь только услышал это Шактидева, мигом спустился с крыши, схватил оружие, вскочил на коня, помчался на вепря и напал на него. А тот пораненный, спасаясь, кинулся в свою пещеру. Погнался за ним Шактидева и вслед за ним проник в нее; и в тот же миг увидел внутри жилище и тенистый сад, а в нем девушку необычайной красоты, подобную лесному боже-ству, которая почтительно вышла навстречу ему со словами приветия.

И спросил он ее: «Кто ты, счастливица? И что тебя беспокоит?» А она, прекраснoliкая, так отвечала: «Живет на свете царь Чандавикрама, повелитель Южной страны, а я его любимая дочь, и зовусь я Биндурекха. Какой-то злобный дайтья, демон с пылающими глазами, похитил меня из отцовского дома и сюда притащил. Принимая облик вепря, выходит он отсюда на поиски мяса. А сегодня случилось, что какой-то герой тяжело его ранил своим копьем и он, по воле судьбы, сюда притащившись, испустил дух. Не нарушил он моего девичества, спасена я и вот ухожу отсюда».

«Чего же ты дрожишь? — спросил ее Шактидева. — Это я сразил вепря своим копьем, царица!» «А кто ты?» — спрашивает она тогда. «Я брахман, и зовут меня Шактидева!» «Так ведь

это ты мне в мужья наречен!» — говорит она ему, и тогда сказал он ей: «Так тому и быть!» — и вышли они оба из пещеры. Когда же пришли они к Шактидеве домой, все рассказали Биндумати, и с ее согласия взял Шактидева Биндурекху в жены.

Зажил Шактидева с двумя женами; пришло время, и Биндурекха забеременела. Не прошло и восьми месяцев после этого, как подошла Биндумати к Шактидеве и напомнила ему: «Вспомни, муж, что обещал ты мне. Вот твоя вторая жена уже на восьмом месяце. Пойди к ней и рассеки ее чрево. Не следует тебе уклоняться от исполнения обещанного». Кончила она, а Шактидева, одолеваемый и любовью и жалостью, но связанный словом, стоял молча.

В смятении ушел он от Биндумати и пошел к Биндурекхе, а та, заметив, что он сверх меры огорчен, сказала ему: «Знаю я, благородный, чем ты огорчен. Велела тебе Биндумати рассечь мое чрево. Так тебе и следует сделать. Нет здесь никакой жестокости и пусть тебя ничто не останавливает!

Вот послушай, супруг мой, историю о брахмане Девадатте и дочери повелителя якшей.

Рассказ о Девадатте

Некогда жил в городе Камбуке брахман по имени Харидатта. Был у него достаток, и родился у него сын Девадатта, который еще ребенком познал все науки, а в юности стал страстным игроком в кости. Однажды, все до последней одежды проиграв, побоялся он вернуться в отцовский дом и вошел в заброшенный пустой храм. Увидел он там молившегося в одиночестве великого подвижника Джалападу. Тотчас же, поклонившись ему почтительно, подошел Девадатта к подвижнику, а тот, прервав молчание, приветствовал его ласковыми словами. Затем спросил он Девадату, что за причина его огорчения, и поведал Девадатта о своей горе, о том, что все свое достояние проиграл. Сказал тогда ему великий подвижник: «Нет, сынок, на земле таких денег, чтобы всем неудачникам помочь. Если хочешь ты избавиться от горестей, то поступи так, как я тебе говорю. Все то, что делаю я, чтобы стать наравне с видьядхарами, делай и ты; следуй моим наставлениям, и тогда покончишь со своей невзгодой.

Согласился Девадатта на сказанное, ответил: «Так тому и быть!» — и остался с ним.

Когда же наступил следующий день, пошел подвижник на кладбище и под деревом вата ночью принес жертву из риса и кислого молока, а затем разбросал ее на юг и на север, на запад и на восток, сказал бывшему с ним Девадатте: «Вот так, Девадатта, нужно приносить тебе каждый день жертву, и всякий раз, как закончишь ее, произносить: «Прими, Видьютпрабха, эту жертву». Уверен я, что оба мы достигнем успеха». После этих слов ушел он с Девадаттой в свое жилище.

С тех пор постоянно приходил Девадатта к подножию дерева и совершал жертвоприношение, соблюдая все предписания. Однажды, когда он уже заканчивал жертву, увидел он, как раздвинулся ствол дерева и явилась перед ним божественная дева. Она сказала ему: «Иди сюда! Зовет тебя наша повелительница!» Вошел он за ней в глубь дерева и увидел прекрасный дворец, украшенный камнями, а в нем возлежащую на ложе женщину необычайной красоты.

Только успел подумать Девадатта: «Эта красавица воистину воплощение нашего успеха!» — как она для того, чтобы принять гостя, встала со своего ложа, и браслеты, которыми были украшены все ее члены, зазвенели, словно слова приветия. Приблизившись к нему, она сказала: «Достойный, я — Видьютпрабха, дочь повелителя якшей⁶⁷ Ратнаварши. Очень обрадовал меня своим поклонением великий подвижник Джалапада. Преуспеет он в задуманном. Ты же стань господином жизни моей, ибо как только я увидела тебя, вспылала к тебе любовью. Возьми мою руку». Сказал Девадатта: «Пусть так и будет!» — и сыграли они свадьбу.

Продержала она какое-то время его у себя, но когда сделалась беременна, пошел он навестить подвижника и рассказал ему в испуге про все, что случилось. И тогда сказал ему подвижник, жаждущий успеха своих собственных замыслов: «Все ты, дорогой, сделал правильно. Но теперь ступай ты к этой якшине, разреши ее чрево и быстро принеси мне плод». Так сказал подвижник Девадатте, да напомнил еще, что его надо слушаться. Снова пошел Девадатта к своей возлюбленной. Вот пришел он к ней и стоит молча, удрученный мыслью о том, что ему сделать надо. Тогда якшина сама с ним заговорила: «Вижу я, благородный, что опечален ты. Знаю я причину — велел тебе Джалапада рассечь мое чрево и принести ему плод. Сделай же, как велено, не то я сама это сделаю. Здесь кое-что таится!» Хоть и сказала она ему так, не смог Девадатта замахнуться, и тогда она сама рассекла свое чрево и, вынув плод, протянула его Де-

вадатте со словами: «Возьми, это нужно съесть, чтобы стать видьядхарой. Я сама — видьядхари, но проклятием была обращена в якшини. В этом плоде — конец моему проклятию, ибо вспомнила я прежнее свое рождение. Теперь уйду я к себе домой, но мы непременно снова встретимся». Только произнесла Видьютпрабха эти слова, как куда-то исчезла, а Девадатта, вконец удрученный, пошел к подвижнику Джалападе и отдал ему плод, сулящий достижение успеха. Ведь добродетельные даже в беде заботятся не только о себе.

Изжарив мясо плода, подвижник великий послал Девадату в лес принести часть этого мяса в жертву Шиве. Выполнил брахман поручение, возвращается и видит, что пока он ходил, подвижник съел все мясо без остатка. Но едва он стал упрекать Джалападу: «Что же ты все мясо один съел!», тот, хитрец, обратился в видьядхару и взвился в небо, только сверкнул в небе синей полоской, словно меч. Подумал Девадатта: «Вот горе-то! Обманул меня этот злодей. Воистину, с кем нерешительным такого не случается! Как бы мне теперь ему за это отплатить? Вот бы мне добыть средство, чтобы тоже обратиться в видьядхару! Да нет здесь никакого другого средства, кроме как умиловать ветаду».

Так поразмыслив, пошел он в тот же вечер в обитель предков, на кладбище, и там у подножия дерева принес он жертву из человеческого мяса, вызывая ветаду. Но видя, что тот не появляется, видимо, недовольный жертвой, Девадатта, чтобы его умиловать, решил отрезать кусок мяса от собственного тела.

Тотчас явился ветада и сказал ему, доблестному: «Порадовал ты меня своей смелостью, остановись, не надо больше ничего делать! Выполню я все, что ты пожелаешь!» И тогда сказал ему герой: «Отнеси меня туда, где находится теперь Джалапада, обманувший мое доверие». — «Ладно», — молвил ветада и, посадив его к себе на плечи, тотчас взвился в небо и примчал его в страну видьядхар.

Увидел там Девадатта Джалападу, живущего во дворце, восседающего на троне, усыпанном драгоценностями, опьяненного властью над видьядхарами и пытающегося сделать Видьютпрабху своей женой вопреки ее воле. Радостны были глаза Видьютпрабхи, прекрасные, как глаза чакоры⁶⁸, упивающейся лунным светом, когда Девадатта вместе с ветадой ринулись на обманщика Джалападу. А тот, увидев невесту откуда явившегося Девадату, перепугался, выронил меч и свалился с трона

на землю. Схватил Девадатта меч, но не стал убивать Джалападу. Ведь благородные все́гда милостивы к поверженным врагам! Он и вета́лу остано́вил, гото́вого умертвить Джалападу: «Что с того, что у́бьем мы этого лице́мера мечом? Спу́сти ты его снова на зе́млю, верни его в оби́тель, пусть он снова исполняет обеты ка́палики, увешанного черепа́ми».

Только сказа́л это Девадатта, как с неба сошла супру́га Шарвы⁶⁹ и обрати́лась ласково к брахману: «Великую ра́дость достави́л ты мне своим мужеством, необы́чайным и ни́где пре́жде не ви́данным. Отны́не пра́вь ты ца́рством ви́дьядхар, да́рю его тебе!» Сказа́ла она та́к, надели́ла Девадатту му́дростью ви́дьядхар и исче́зла.

Ветала же сирова́дил Джалападу на зе́млю, и с чем тот бы́л, с тем и оста́лся. Воистину, не до́лог век бога́тства, непра́ведно добы́того. Девадатта же с Ви́дьютпра́хой получи́ли ца́рство ви́дьядхар и жи́ли сча́стливо».

Та́кую исто́рию пове́дала супру́гу своему́ Шакти́деве сла́дкоречи́вая Бинду́рекха и доба́вила: «Во́т ка́кие де́ла случа́ются. Та́к бу́дет и со мно́й. Ка́к ве́лела Бинду́матри, та́к и сде́лай, рассе́ки мое́ чре́во, извле́ки пло́д, устрани́ющий горе́».

Но хо́ть наста́ивала на это́м Бинду́рекха, Шакти́дева все́ же опа́саясь, ка́к бы не соверши́ть гре́ха. И то́гда разда́лся го́лос с неба: «О Шакти́дева, бесстра́шно рассе́ки ей чре́во, возьми́ пло́д за шею́, и он обрати́тся в тво́ей руке́ в меч!» Услы́шав бо́жественный го́лос, то́тчас рассе́к он чре́во Бинду́рекхи, схвати́л пло́д за го́рло, вы́тащил его́ и почувствова́л, что это́ во́все не мла́денец, а меч в его́ руке́. Сверши́в это́, почувствова́л Шакти́дева, ка́к расте́т его́ зна́ние, и ощу́тил себя́ ви́дьядха́рой. Бинду́рекха же ста́ла незри́мой. То́гда Шакти́дева поше́л к же́не сво́ей, ры́бачке, и расска́зал ей все́, что случи́лось.

Она́ сказа́ла: «Мы́, супру́г мой, доче́ри пове́лителя ви́дьядхар, но все́ тро́е были́ изгна́ны прокля́тием из Кана́капури. Одна́ из нас, Кана́карекха, роди́лась в Вардхамана́пуре. Ка́к ко́пчи́лось для́ нее́ де́йствие́ прокля́тия, ты́ сам ви́дел. Она́ уже́ верну́лась в родно́й го́род. Я — тре́тья сестра́. Насту́пил срок, ко́гда и с меня́ спа́дет прокля́тие. Сего́дня я верну́сь в сво́й люби́мый го́род, где́ храня́тся наши́ тела́ — тела́ ви́дьядха́рни. Моя́ старша́я сестра́ Чандрапра́бха уже́ там. Поспе́ши же́ туда́ с помо́щью сво́его ма́гического́ меча́. Там мы́, все́ че́тыре сестры́, станем тво́ими же́нами, а оте́ц наш, скита́ющийся по ле́су, отда́ст тебе́ сво́й пре́стол и бу́дешь ты́ пра́вить в го́роде». После́ того́ ка́к Бинду́матри расска́зала ему́ о себе́, отве́тил ей Шакти́дева: «Та́к

тому и быть» — и умчался с ней по небесной дороге в славный город Канакапури.

Те женские тела, которые видел он прежде в трех шатрах дворца бездыханными, теперь ожили, ибо души их возвратились к ним — и к Канакарекхе, и к другим, и нашел он трех своих возлюбленных живыми. А затем встретил и четвертую, старшую сестру, взгляд которой, соскучившейся в долгой разлуке, предвещал счастье.

В то время как служанки, обрадованные его прибытием, занялись своими делами, Чандрапрабха удалилась с Шактидевой в спальный покой и сказала: «Та царица Канакарекха, которую ты, счастливец, видел в Вардхаманануре, моя сестра, и зовут ее Чандрарекха. Дочь повелителя рыбаков Биндумати, с которой ты прежде на острове Утстхала свадьбу справил, сестра моя Шаширекха, а царица Биндурекха, что стала твоей женой, после того как ее похитил дайтъя, моя младшая сестра Шашипрабха. Теперь пойдем к нашему отцу, и он повенчает всех нас с тобой».

И вот по слову мудрой Чандрапрабхи, словно по повелению бога с цветочными стрелами⁷⁰, немедля Шактидева со всеми четырьмя сестрами отправился к их отцу. А тот, выслушав от склонившихся перед ним дочерей обо всем случившемся, по велению голоса с небес отдал их в жены Шактидеве, а его самого поставил царем в Канакапури, передал ему все свои богатства и знания и дал ему имя, которым стали называть его видьядхары, — Шактивега. «Никто тебя не победит, ибо будешь ты обладать несокрушимой силой. Но ты должен будешь преклониться перед Нараваханадаттой, сыном повелителя ватсов, нашим будущим верховным правителем». Дав такое наставление, могучий властитель видьядхар Шашикханда удалился в отшельническую обитель, покинув столицу и свою землю. Шактивега же, став царем, вступил со своими женами в город Канакапури — зная всего царства видьядхар.

С тех пор счастливо жил Шактивега с четырьмя своими супругами, кокетливо бросающими на него взоры, в Канакапури, славном своими храмами, блистающими золотой отделкой, проводя время в радующих сердце садах, где спуски к водоемам украшены ступенями, усыпанными жемчугами и другими драгоценными камнями».

Рассказав о своей занимательной жизни, Шактивега обратился к повелителю ватсов с такими словами: «О властитель ватсов, украшение лунной династии!⁷¹ Знай, что хотелось мне

посмотреть на твоего сына, будущего нашего повелителя! Был человеком я, но по милости Шивы, сокрушителя городов, стал я видьядхарой. Нынче ухожу я, царь, домой, повидав своего будущего господина. Да, сопутствует ему всегда и во всем счастье!»

Произнеся это, сложил Шактивега почтительно руки и после того как получил разрешение удалиться, силой магии улетел, пожелав повелителю ватсов с царицами, наследником и министрами счастливой жизни.

Вот третья волна книги «Четыре девушки» в «Океане сказаний» великого поэта Сомадевы.

Пятая книга по названию «Четыре девушки» окончена.

ПРИМЕЧАНИЯ

КНИГА ПЕРВАЯ

¹ Напиток бессмертия, или амрита, достался богам, когда они, по повелению Вишну, пахтали океан, использовав священную гору Мандару в качестве мутовки. Вместе с амритой боги добыли из океана еще тринадцать сокровищ, в том числе Месяц, богиню Лакшми, Корову, исполняющую желания, и т. п.

² Хара — «уносящий грехи», одно из имен Шивы, бога-разрушителя, третьего члена божественной триады индуизма, в которую, помимо Шивы, входят Брахма (бог-создатель) и Вишну (бог-хранитель).

³ Гириндра — «владыка гор», эпитет бога Хималая, олицетворяющего Гималайские горы. Дочь Хималая, богиня Парвати, была супругой Шивы.

⁴ Бхава — «сущий», эпитет Шивы.

⁵ Шамбху — «приносящий счастье», одно из имен Шивы. Согласно легенде о пахтанье океана, Шива по просьбе богов выпил смертельный яд калакуту, появившийся из недр океана, чтобы он не отравил все живое. С тех пор шея Шивы стала темно-синего цвета.

⁶ Парвати — «горная», супруга Шивы (см. прим. 3).

⁷ Устранитель препятствий — один из эпитетов бога Ганеши, сына Шивы и Парвати. Ганеша изображается с телом человека и головой слона. Поскольку он почитался как устранитель препятствий, его принято было призывать в помощники, приступая к любому делу, и соответственно с обращения к нему обычно начинаются произведения индийской литературы.

⁸ Богиня речи — одно из имен Сарасвати, богини — покровительницы наук и искусств, считавшейся изобретательницей санскритского языка. Обращения к Сарасвати столь же часто, как и обращения к Ганеше, открываются древнеиндийские сочинения.

⁹ О «Великом сказе» и его авторе Гунадхье см. предисловие.

¹⁰ Здесь перечислены названия восемнадцати книг, составляющих «Океан сказаний» Сомадевы.

¹¹ Х и м а л а й — см. прим. 3.

¹² К и н н а р ы — мифические существа с головой лошади и туловищем человека; считались небесными музыкантами и почитались как полубоги.

¹³ Г а н д х а р в ы — небесные виночерпии, певцы и музыканты. В древних легендах особенно часто подчеркивается роль гандхарвов в любовных приключениях богов и смертных, а также их магическое влияние на сердца женщин.

¹⁴ В и д ь я д х а р ы — букв. «обладатели мистического знания», еще один класс полубожеств, обитающих между землей и небом: в воздухе либо на высочайших горах. Видьядхары нередко вступают в прямое общение с людьми и женятся или выходят замуж за простых смертных.

¹⁵ Т р и м и р а — небо, земля, подземный мир либо, по другому толкованию, небо, воздушное пространство и земля.

¹⁶ К а й л а с а — одна из вершин Гималаев. На Кайласе, по индийским мифологическим представлениям, находятся царства Шивы и бога богатств Куберы.

¹⁷ Й о д ж а н а — древняя индийская мера длины (около 16 км).

¹⁸ См. прим. 1.

¹⁹ С и д д х и — полубоги, отличавшиеся особой святостью и чистотой. Как и другие разновидности полубогов, они, согласно легендам, живут в пространстве между землей и небом.

²⁰ Шива обычно изображается с полумесяцем, укрепленным в волосах над его лбом.

²¹ А с у р ы — демоны-полубоги. В древнейшую эпоху асуры нередко отождествлялись с богами, и обозначение «асура» прилагалось к главным богам ведийского пантеона (Индре, Агни, Варуне и др.). Впоследствии асуры стали рассматриваться как противники богов, и борьба между богами и асурами явилась темой многих легенд и мифов. А н д х а к а — букв. «слепой», один из предводителей асур. Согласно одной из легенд, он имел по тысяче рук и голов и притворялся незрячим, хотя видел очень хорошо. Андхака угрожал господству богов и был убит Шивой, когда пытался похитить с неба священное дерево.

²² См. прим. 15.

²³ Этот стих имеет скрытый смысл (*дхвани* — по терминологии санскритской поэтики). Поэт намекает на то, что все боги и асуры склоняются к ногам Шивы, своего верховного повелителя; поэтому-то в бриллиантах на их головах и появляется, словно пожалованный им Шивой полумесяц, отражение его ногтей на пальцах ног.

²⁴ Б х а в а н и — одно из имен Парвати, супруги Шивы.

²⁵ Б р а х м а — бог-создатель, первый член индуистской триады. Согласно древним мифам, Брахма возник из «мирового яйца» и стал затем

прародителем всех живых существ. По другим мифам, Брахма появился из пупа Вишну или же лотоса, выросшего из его пупа.

²⁶ **Нараяна** — одно из имен, или, точнее, воплощений (аватар) Вишну, второго члена божественной триады. Наряду с Шивой Вишну, начиная с эпохи эпоса и пуран, рассматривается в индуизме как верховное божество. Культ Вишну в его различных земных воплощениях — один из самых распространенных и в средневековой, и в современной Индии. В качестве Нараяны Вишну изображается покоящимся на водах молочного океана.

²⁷ **Линга** — фаллос, символ Шивы. Культ линги восходит к глубокой древности и до сих пор широко распространен среди почитателей Шивы. Пураны насчитывают двенадцать великих линг (конусообразных колонн), воздвигнутых в разных областях Индии, которые обожествлялись шиваитами и которым приписывалась чудодейственная мистическая сила. Среди них линга «Кедареша» в Гималаях.

²⁸ Хотя имя Брахмы непременно упоминается в индуистских религиозных церемониях, культ Брахмы (в отличие от культов Шивы, Вишну и многих других, менее значительных, божеств) почти нигде не засвидетельствован в Индии, и Брахме не приносят жертв.

²⁹ **Первое рождение.** — По религиозным представлениям индуистов все живые существа — от богов до животных — подвержены непрерывной смене форм существования, бесконечной цепи новых рождений, каждый раз в новом телесном облике. При этом любое рождение обусловлено характером деяний бога, человека или животного в его прежних существованиях. Учение о перерождениях (метампсихозе) лежит в основе бесчисленного множества индийских легенд, мифов, сказаний и художественных произведений и, в частности, во многом определило содержание главной и значительного числа побочных историй «Океана сказаний».

³⁰ **Шанкара** — «благодетельный», один из эпитетов Шивы.

³¹ **Бхарга** — «сияющий», эпитет Шивы.

³² **Праджапати Дакша.** Праджапати («владыка живых существ») — термин, который обычно в качестве эпитета прилагается к Брахме. В то же время он нередко относится и к десяти (или семи) сыновьям Брахмы, почитавшимся в качестве святых мудрецов и прародителей людей. Одним из этих сыновей был Дакша («искусный»), родившийся из большого пальца правой ноги Брахмы.

³³ **Дхарма** — древний святой мудрец, иногда включавшийся в число десяти Праджапати (см. прим. 32). В то же время Дхарма — бог закона и правосудия и как таковой отождествляется с Ямой, богом смерти.

³⁴ **Шива** в некоторых своих ипостасях почитался как «великий ас-

кет» и покровитель аскетов, а также господин духов и демонов. В этом случае он изображался с телом, покрытым золой, с венцом, свитым из змей, на голове и с гирляндой черепов на шее.

³⁵ Легенда о «жертвоприношении Дакши» принадлежит к числу наиболее популярных индийских мифов и подробно излагается в *Махабхарате*, *Рамаяне* и большинстве пуран.

³⁶ Кама — бог любви, повелитель небесных нимф — апсар. Кама вооружен луком со стрелами, наконечники которых увенчаны цветами; обычно он изображается прекрасным юношей, восседающим на попугае, а на его знамени нарисовано фантастическое морское животное — ма-кара.

³⁷ Тарака — демон, который своими аскетическими подвигами добился такого могущества, что стал угрожать богам. Для того чтобы уничтожить Тараку, Шива по просьбе богов родил сына — бога войны Сканду.

³⁸ Кама был сожжен пламенем глаза Шивы за то, что пытался помешать его аскезе.

³⁹ Легенда о женитьбе Шивы на Парвати явилась темой известной эпической поэмы Калидасы *Кумарасамбхава* («Рождение [бога войны] Кумары»). Более подробно она рассказана в третьей книге «Океана сказаний».

⁴⁰ Ганга — река Ганг (на санскрите женского рода), которая персонифицируется как дочь царя гор Хималая и сестра Парвати. Вначале, согласно легендам, Ганг протекал на небесах, но затем молитвами святого мудреца Бхагиратхи был низведен на землю. Чтобы река при своем падении не разрушила землю, Шива пропустил ее сквозь свои волосы и так задержал ее течение. Этим объясняются изображения Шивы с Гангом (точнее, Гангой) на голове.

⁴¹ Сандхья — букв. «вечерние сумерки», иногда персонифицируется как дочь Брахмы и жена или возлюбленная Шивы.

⁴² Нанди — имя быка, ездового животного Шивы.

⁴³ Ганы — низшие божества, составляющие свиту Шивы. Предводителем ганов считался Ганеша.

⁴⁴ Шарва — «разрушитель», один из эпитетов Шивы.

⁴⁵ Виндхья, или Виндхьячал, — горный хребет, который отделяет Северную Индию от Южной, простираясь с востока на запад в средней части страны.

⁴⁶ Якши — сверхъестественные существа, считающиеся помощниками бога богатств Куберы.

⁴⁷ Пишачи — злые духи, наиболее опасная разновидность демонов.

⁴⁸ См. прим. 20.

⁴⁹ Каушамби — столица древнего государства ватсов. Точное ее

расположение неизвестно, но предполагается, что город находился недалеко от места слияния Ганга и Джамны, километрах в 20—30 от нынешнего Аллахабада.

⁵⁰ В и б х у — «господин», «всемогуший», одно из имен Шивы.

⁵¹ ...в облике Вараручи, или же Катьяяны, — об индийском учении о переселении душ см. прим. 29. Вараручи — автор пракритской грамматики, обычно идентифицируется с знаменитым древнеиндийским ученым Катьяяной, составителем комментария к грамматике Панини и ряда ритуальных сочинений. Время жизни Вараручи — Катьяяны исследователи относят к IV—II вв. до н. э.

⁵² Н а н д а — видимо, имеется в виду один из царей династии Нандов, которая правила в Паталипутре (государство Магадха) и была свергнута Чандрагуптой Маурьей около 315 г. до н. э.

⁵³ Т. е. Дургe. Д у р г а — «недоступная», одна из грозных ипостасей богини Парвати; в горах Виндхья расположен посвященный ей храм.

⁵⁴ Б а н ь я н — индийское фиговое дерево (*Ficus indica*).

⁵⁵ С а л а — *Vatica robusta*.

⁵⁶ У д д ж а й и н и — совр. Удджайн, главный город страны Малава (совр. Мальва). Один из семи священных городов Индии.

⁵⁷ П р а к р и т и — природа, материя в ее противопоставлении духу; в индийской философии понимается как пассивная сила, наличие которой служит одной из предпосылок творения.

⁵⁸ См. прим. 32.

⁵⁹ П и т а м а х а — «великий отец», «прародитель», один из эпитетов Брахмы. Канабхути рассказывает историю творения согласно воззрениям шиваитов, по которым творец-Брахма в свою очередь был создан Шивой.

⁶⁰ В а й ш р а в а н а — сын Вишраваса, т. е. Кубера, бог богатства.

⁶¹ Р а к ш а с ы — разновидность злых духов, которые населяют кладбища, мешают жертвоприношениям, запугивают и даже пожирают людей. По некоторым легендам, ракшасы произошли из ноги Брахмы.

⁶² В л а с т и т е л ь б о г а т с т в — эпитет Куберы.

⁶³ Р у д р а — «ревущий», «грозный». В ведах Рудра — бог бурь, отец ветров (марутов); впоследствии Рудра отождествляется с Шивой, и его имя становится одним из эпитетов Шивы.

⁶⁴ Б р а х м а н — член высшего жреческого сословия (варны) индуистского общества; главными обязанностями брахманов было изучение вед, обучение ведам, совершение жертвоприношений и иных религиозных церемоний. Брахманы по закону должны были пользоваться многими привилегиями и всеобщим почетом; оскорбление или убийство брахмана каралось смертью.

⁶⁵ А г н и — бог огня; один из наиболее древних и влиятельных богов индуистского пантеона, почитавшийся в ведах, где ему было адресо-

вано большое число гимнов, посредником между богами и людьми и властителем земной жизни. В позднейшую эпоху значение культа Агни падает.

⁶⁶ М р и д а н г — маленький барабан.

⁶⁷ Ве ды — древнейшие памятники индийской литературы, рассматриваемые как священные. Ведийская литература состоит из четырех сборников гимнов, из которых самый ранний — *Ригведа* — восходит ко второй половине II тысячелетия до н. э., а также теологических (брахманы) и философских (араньяки, упанишады) комментариев к этим сборникам. Наиболее поздние памятники ведийской литературы (ритуальные сутры) относятся к середине I тысячелетия до н. э. Веды имеют огромное значение для истории религии и философской мысли в Индии и отличаются выдающимися художественными достоинствами. П р а т и ш а к х ъ и — грамматические комментарии к отдельным сборникам ведийских гимнов, которые содержат правила, касающиеся декламации каждого стиха.

⁶⁸ К у м а р а — «юноша», одно из имен Сканды, бога войны, сына Шивы и Парвати. Сканда изображается верхом на павлине, с луком и стрелами в руках.

⁶⁹ П а т а л и п у т р а — столица государства Магадха, идентифицируется с совр. Патной (в Бихаре).

⁷⁰ К а р т и к е я — одно из имен Сканды, поскольку он был воспитан в детстве шестью нимфами-криттиками, которые идентифицируются со звездами созвездия Плеяды.

⁷¹ С а р а с в а т и — богиня речи; см. прим. 8.

⁷² У п а н а я н а — обряд посвящения в ученики юноши-брахмана, при котором ему вручается священный брахманский шнур и он становится полноправным членом религиозной общины.

⁷³ О м — священное слово, употребляемое в начале молитв и религиозных церемоний, при благословении или торжественном обращении. Слово *ом*, по индийской фонетике, состоит из трех звуков: *а*, *и*, *т*, которые символизируют три веды либо же верховную триаду богов индуистского пантеона (Вишну, Шиву и Брахму).

⁷⁴ А н г а, точнее «ведапга», — «[вспомогательные] части вед»; имеют в виду трактаты по фонетике, ритуалу, грамматике, этимологии, метрике и астрономии, дополняющие и объясняющие основные ведийские тексты.

⁷⁵ Т. е. Сканды, сына Шивы.

⁷⁶ Имеется в виду Паталипутра, где жил Варша.

⁷⁷ Л а к ш м и — богиня счастья и процветания, супруга Вишну. Согласно легенде, когда боги пахали океан, она, подобно Афродите, появилась из вод с лотосом в руке, сияя совершенной красотой.

⁷⁶ обителью Лакшми и Сарасвати — т. е. обителью счастья и мудрости.

⁷⁹ Гангадвара — букв. «ворота Ганга», совр. Хардвар, место, где Ганг, прорываясь сквозь горы, попадает в долину Хиндустана; почитается индусами священным.

⁸⁰ Раджагриха — совр. Раджгир, древняя столица государства Магадхи. Расположена в 150 км от Паталипутры.

⁸¹ Мать Сканды — богиня Парвати.

⁸² Варанаси — древнее название Бенареса, священного города индусов, иначе называемого Каши.

⁸³ Т. е. Дурге; см. прим. 53.

⁸⁴ Майя — зодчий асуров и богов.

⁸⁵ Брак по обряду гандхарвов — одна из восьми признанных законом форм брака в древней Индии; имеется в виду свободное соединение любящих без согласия или до получения согласия родителей жениха и невесты.

⁸⁶ Паталипутра — этимологически может значить «Детище Патали».

⁸⁷ Индра — бог неба, повелитель грома и молнии. Одно из главных ведических божеств. В последующую эпоху значение Индры падает, хотя он формально и продолжает оставаться царем богов. В легендах Индра выступает прежде всего как грозный воитель, ведущий долгую и опасную борьбу с демонами-асурами.

⁸⁸ Бимба — растение с красными плодами; в индийской поэзии с его плодами часто сравниваются губы женщины.

⁸⁹ Панини — имеется в виду автор знаменитой санскритской грамматики *Аштадхьяи* («Восьмикнижие»), не утратившей своего научного значения и по сию пору. Панини жил предположительно в VI—IV вв. до н. э.

⁹⁰ Т. е. Шиву; см. прим. 20.

⁹¹ Грамматика Индры — легендарная грамматика, якобы предшествующая грамматике Панини.

⁹² Стража — промежуток времени, равный трем часам, восьмая часть суток. Первая стража ночи длится с 21 до 24 часов.

⁹³ См. прим. 51.

⁹⁴ Айодхья — совр. Аудх, легендарная столица царей солнечной династии, и в том числе Рамы — героя древнеиндийского эпоса *Рамаяна* и множества иных сказаний.

⁹⁵ Шудры — низшее из четырех сословий (варн) индийского общества. К шудрам относились зависимые земледельцы, мелкие ремесленники, исполнители всякого рода грязных работ. Согласно преданию, цари династии Нанда были по происхождению шудрами.

⁹⁶ Ч а н д р а г у п т а — имеется в виду знаменитый царь Магадхи Чандрагупта (время царствования припл. 315—291 гг. до н. э.), основатель династии Маурьев и могучей империи, объединившей большую часть Индии. По ходу дальнейшего рассказа исторически достоверные события борьбы Чандрагупты за власть в Магадхе причудливо смешаны с вымыслом и сказочной фантастикой.

⁹⁷ Т. е. Ганг; см. прим. 40.

⁹⁸ Т а л а — вид пальмы (*Borassus flabelliformis*), широко распространенный в Индии.

⁹⁹ Р а к ш а с я — женщина-ракшаса; см. прим. 61.

¹⁰⁰ Убийство брахмана во всех случаях считалось тягчайшим грехом; см. прим. 64.

¹⁰¹ См. прим. 40.

¹⁰² В а с с а л — имеется в виду зависимый (обычно платящий дань) мелкий царь.

¹⁰³ Ч а н а к ъ я, или Каутилья, — личность историческая. Чанакья был первым министром Чандрагупты Маурьи, и в большинстве источников ему приписывается основная роль в свержении династии Нанда (в этом отношении «Океан сказаний» стоит особняком, ибо здесь Чанакья — слепое орудие в руках Шакаталы). Чанакье, или Каутилье, приписывается известный политико-экономический трактат *Артхашастра* (см. русск. пер. под ред. В. И. Кальянова, М.—Л., 1959). Борьбе Чанакьи за власть со сторонниками династии Нанда посвящена знаменитая пьеса санскритского драматурга Вишакхадатты *Мудрараکشаса* (см. русск. пер. В. Г. Эрмана, М.—Л., 1959), которая содержит иную версию истории, изложенной в «Океане сказаний».

¹⁰⁴ Д а р б х а — название различных трав, которые используются при жертвоприношениях.

¹⁰⁵ Ш р а д д х а — поминальное жертвоприношение в честь усопших предков.

¹⁰⁶ Б р и х а с п а т и — одно из древнейших ведических божеств, слававшееся мудростью и знаниями. Почитался как жрец и наставник богов.

¹⁰⁷ Т. е. Дурге; см. прим. 53.

¹⁰⁸ Т. е. санскрит, пракрит и какой-то местный диалект.

¹⁰⁹ См. прим. 43.

¹¹⁰ Б а д а р и к а — священное место в Гималаях, вблизи Ганга, посвященное Вишну.

¹¹¹ К у ш а — род священной травы, употребляемой при различных религиозных церемониях.

¹¹² См. прим. 19.

¹¹³ С а т а в а х а н а — один из царей династии Сатаваханов, правившей в Центральной и Южной Индии в I—III вв. н. э.

¹¹⁴ О языке пайшачи см. предисловие, стр. 7—8.

¹¹⁵ П р а т и ш т х а н а — название столицы, а иногда и всего царства династии Сатаваханов. Город Пратиштхана был расположен на р. Годавари и идентифицируется с совр. г. Пайтхан.

¹¹⁶ В а с у к и — легендарный царь мифических существ — нагов, змей с человеческими головами, которые живут в подземном царстве.

¹¹⁷ М а д а н а — «опьяняющий», одно из имен бога любви Камы.

¹¹⁸ См. прим. 85.

¹¹⁹ См. прим. 43. Здесь имеется в виду гана Мальяван.

¹²⁰ С а м а в е д а — один из четырех сборников ведийских гимнов; см. прим. 67.

¹²¹ М у ш а к а — букв. «крыса», «мышь».

¹²² М а ш а — букв. «боб», индийская мера веса (преимущественно для золота).

¹²³ В религиозную обязанность всех каст индийского общества входило предоставление пропитания брахманам.

¹²⁴ Б л а г о р о д н о е п о в е д е н и е — здесь сводник пользуется санскритским словом *sāman*, но это же слово означает «гимн Самаведы». Глупый брахман понимает его именно в этом смысле и соответственно ведет себя у гетеры.

¹²⁵ Т. е. ударить его по шее согнутой ладонью, так что на ней останется след, похожий на полумесяц. В то же время наконечник в форме полумесяца имели некоторые стрелы.

¹²⁶ В а с а в а — одно из имен Индры.

¹²⁷ Г у н а д х ъ я — букв. «богатый добродетелью».

¹²⁸ Г о д а в а р и — название реки, протекающей к югу от гор Виндхья и впадающей в Бенгальский залив.

¹²⁹ Н а н д а н а — букв. «прелестный», название небесного сада Индры.

¹³⁰ Н а р м а д а — название реки, стекающей с горы Мекал, одной из гор хребта Виндхья.

¹³¹ Р и ш и — творец ведических гимнов, поэт. Позднее мудрец, святой отшельник.

¹³² М а н м а т х а — одно из имен Камы, бога любви.

¹³³ С а т а в а х а н а — букв. «ездящий на Сате».

¹³⁴ Т и л а к а — пятно, которое наносится краской на лоб и служит украшением либо отличительным знаком касты.

¹³⁵ Ш и р и ш а — *Acacia Sirissa*.

¹³⁶ На санскрите отрицание *mā*, сочетаясь по правилам соединения звуков с *udakais* (твор. пад. мн. числа от существ. *udaka* — «вода»), образует *modakais*; в то же время *modakais*, как единое слово, может быть понято как твор. пад. мн. числа от существительного *modaka*, которое

означает разновидность сласей. Поэтому царь Сатавахана, плохо зная законы сочетания звуков, неправильно истолковал просьбу царицы.

¹³⁷ Видимо, потому Кумаре, что именно он был тем божественным юношей, который во сне Шарвавармана раскрыл «лотос знания» (имя «Кумара» означает на санскрите «мальчик», «юноша»; см. прим. 68).

¹³⁸ Р а д ж п у т — выходец из воинского сословия, или варны кшатриев.

¹³⁹ Ч а н д и к а — «нейстовая», «свиристая»; наряду с именем Дурга — один из тех эпитетов богини Парвати, под которыми она выступает в своей грозной ипостаси.

¹⁴⁰ К а р т и к е я — одно из имен бога войны Кумары; см. прим. 70.

¹⁴¹ Ч а т а к а — пестрая индийская кукушка. Согласно распространенному в Индии поверью, чатака питается каплями дождя, в то время как гуси с наступлением дождливого сезона улетают за Гималаи.

¹⁴² Поскольку, согласно клятве, не мог говорить ни на санскрите, ни на пракрите, ни на местном диалекте.

¹⁴³ А м р я т а — напиток бессмертия; см. прим. 1.

¹⁴⁴ С к а н д а — «налетающий», «обрушивающийся», имя бога войны Кумары; см. прим. 68.

¹⁴⁵ Б о г с ш е с т ь ю л и ц а м и — Сканды, который, согласно мифу, был рожден шестилетним.

¹⁴⁶ С у т р а — краткое изречение или правило, приспособленное для быстрейшего запоминания и поэтому часто преподносимое в афористической форме. Сутрами назывались также трактаты по важнейшим отраслям знаний (в том числе и грамматике), представляющие собой сборники таких правил.

¹⁴⁷ См. прим. 89.

¹⁴⁸ К а т а н т р а — «состоящая из малого числа глав», название одной из санскритских грамматик.

¹⁴⁹ Хвост павлина на санскрите — калапа. Павлин по имени Паравани — ездовое животное Сканды; см. прим. 68.

¹⁵⁰ П р е ж н е м р о ж д е н и и — см. прим. 29.

¹⁵¹ Б х а р а д в а д ж а — легендарный мудрец (риши), которому приписывается ряд ведийских гимнов; один из героев *Махабхараты* и *Рамаяны*.

¹⁵² Т. е. Дурге; см. прим. 53.

¹⁵³ См. прим. 47.

¹⁵⁴ См. прим. 61.

¹⁵⁵ Ш а н к а р а — эпитет Шивы; см. прим. 30.

¹⁵⁶ См. прим. 46.

¹⁵⁷ В а й ш в а н а р а — букв. «вездесущий», эпитет Агни, бога огня.

¹⁵⁸ См. прим. 110.

¹⁵⁰ Супруг. Умы — бог Шива. Ума — букв. «свет» — одно из имен Парвати.

¹⁶⁰ Шри — «красота», «счастье», одно из имен богини Лакшми; см. прим. 77.

¹⁶¹ На санскрите «цветок» — *пушпа*, «зуб» — *данга*; таким образом, бросив надкушенный зубами цветок, царевна хотела намекнуть Девадатте на название храма (*Пушпаданга*), где он должен ждать ее.

¹⁶² См. прим. 43.

¹⁶³ Дхарма — бог правосудия; см. прим. 33.

¹⁶⁴ На санскрите «гирлянда цветов» — *малья*, «лес» — *вана*; отсюда имя Мальяван.

¹⁶⁵ Дочь гор — одно из имен Парвати, дочери царя гор Хималая.

¹⁶⁶ Хара — имя Шивы; см. прим. 2.

¹⁶⁷ Шлока — стихотворный размер; см. предисловие, стр. 6, прим. 1.

¹⁶⁸ См. прим. 15.

КНИГА ВТОРАЯ

¹ Вибуху — имя Шивы; см. прим. 150.

² Гаури — «желтая», «сияющая», «прекрасная», один из эпитетов Парвати, супруги Шивы.

³ О рождении бога любви Камы см. прим. 138.

⁴ Ватса — название страны и народа.

⁵ Творец — бог Брахма.

⁶ См. прим. 149.

⁷ Лакшми — богиня счастья и красоты; см. прим. 177.

⁸ Пандавы — «сыновья Панду», легендарная династия, ведущая, согласно мифам, свой род от луны. Столкновение пандавов с их двоюродными братьями, кауравами, составило сюжет знаменитого древнеиндийского эпоса *Махабхараты*. В *Махабхарате* упоминается Шатаника, а Джанамеджайя, Парикшит и Абхимаңью являются ее героями.

⁹ Арджуна — один из главных героев *Махабхараты*, третий из пяти братьев пандавов. В III книге *Махабхараты* рассказано о славном поединке Арджуны с богом Шивой, который предстал перед ним в образе горца-охотника, кираты.

¹⁰ Мантра — ведийский гимн.

¹¹ См. прим. 121.

¹² Шакра — «могучий», один из эпитетов Индры.

¹³ Матили — возничий Индры и его вестник.

¹⁴ Васав — имя Индры; см. прим. 126.

¹⁵ Добровольно взойти на погребальный костер умершего супруга

(обряд *саги*) вменялось в обязанность добродетельной жене, особенно царице. Однако этот обычай засвидетельствован в Индии сравнительно поздно, и отнесение его к той древней эпохе, о которой идет речь в «Океане сказаний», является анахронизмом.

¹⁶ С а д И н д р ы — Нандана; см. прим. I.129.

¹⁷ П р а р о д и т е л ь — бог Брахма; см. прим. I.59.

¹⁸ В а с у — восемь божеств, составляющих свиту Индры и олицетворяющих в ведийском пантеоне силы природы. В связи с ними и эпитет Индры — Васава.

¹⁹ А п с а р ы — небесные нимфы, которые, согласно легендам, награждают в раю своей любовью героев, павших на поле битвы. По другим легендам, апсары — жены или возлюбленные гандхарвов.

²⁰ Р о ж д е н н ы й из л о т о с а — эпитет Брахмы; см. прим. I.25.

²¹ Л у н н а я д и н а с т и я — см. прим. II.8.

²² См. прим. I.94.

²³ Г а р у д а — мифическая птица, считающаяся царем птиц и ездовым животным Вишну. Гаруда изображается с головой, крыльями, когтями и клювом орла и туловищем человека. Птица из рода Гаруды — имеется в виду орел.

²⁴ В о с т о ч н а я г о р а — мифическая гора, из-за которой восходит солнце.

²⁵ И ш в а р а — «владыка», один из эпитетов Шивы.

²⁶ Д ж а м а д а г н и — один из легендарных мудрецов (риши) древности; отец Парашурамы, героя многочисленных сказаний, бывшего земным воплощением бога Вишну.

²⁷ К ш а т р и й — представитель воинского сословия (варны), к которому принадлежали и цари.

²⁸ В а с у к и — царь змей; см. прим. I.116.

²⁹ Б е т е л ь — род перца. Листья бетеля употребляются в Индии и Юго-Восточной Азии для жевания. Угощение бетелем является выражением уважения и входит в качестве неперемennого условия в обряд гостеприимства.

³⁰ См. прим. I.1.

³¹ Павлин, который в жару томится от жажды и поэтому радостно приветствует появление туч, сулящих ливень, — излюбленный образ индийской поэзии.

³² М а л а в а — название страны в Центральной Индии, совр. Мальва. Столицей Малавы был г. Удджайини.

³³ Д в а ж д ы р о ж д е н н ы й — термин, обозначающий брахманов, а иногда также кшатриев и вайшьев (третью варну индийского общества, объединяющую купцов, землевладельцев, ремесленников и т. п.). Члены этих варн называются дваждырожденными потому, что образование,

которое они получают, как бы дает им вторую жизнь, недоступную для невежд.

³⁴ См. прим. I.69.

³⁵ Шри — одно из имен Лакшми, богини красоты и счастья; см. прим. I.77, 160.

³⁶ Шридатта — букв. «данный [богиней] Шри».

³⁷ И то, и другое более подобает кшатриям, чем брахманам.

³⁸ Бхима и Дурьодхана — двоюродные братья и представители двух враждующих лагерей в *Махабхарате*. Дурьодхана в конце эпоса погибает от руки Бхимы, но в детстве Бхима, как и другие его братья-пандавы, воспитывается вместе с Дурьодханой и остальными кауравами.

³⁹ Аванти — иное название страны Малава и города Уджайини; см. прим. II.32.

⁴⁰ Сезон дождей — одно из шести индийских времен года.

⁴¹ См. прим. I.77.

⁴² Бог, на знамени которого изображен бык, — один из эпитетов Шивы.

⁴³ Владыка — Бог, т. е. Шива.

⁴⁴ Дайтьи — племя полубогов-титанов, которые борются с богами и мешают совершению жертвоприношений. Дайтьи обычно отождествляются с другим племенем гигантов — данавами, а иногда и с асурами. Бали — мифический царь дайтьев, который благодаря своей праведности победил Индру и получил власть над тремя мирами. По просьбе побежденных богов Вишну воплотился в карлика и попросил у Бали в дар пространство в три своих шага. Первым шагом Вишну измерил все небо, вторым — землю, и только третий шаг, пожалев Бали, сделал коротким и оставил ему подземное царство.

⁴⁵ См. прим. I.46.

⁴⁶ Ананта — «бесконечный», одно из имен тысячеголового змея Шешы, который обычно отождествляется с Васуки.

⁴⁷ См. прим. I.99.

⁴⁸ Каушика — эпитет аскета Вишвамитры, легендарного мудреца, упоминаемого еще в *Ригведе*.

⁴⁹ Владыка богатств — бог Кубера; см. прим. I.62.

⁵⁰ Матхура — совр. Муттра, древний город на правом берегу р. Джамны. Один из семи священных городов Индии; по преданию, в Матхуре родился Кришна, воплощение бога Вишну.

⁵¹ Утренняя стража начинается в 6 час. утра; см. прим. I.92.

⁵² Чакравака — птица из породы уток (*anas casarca*) с пестрым оперением. Согласно индийским поверьям, самец и самка чакравак страстно привязаны друг к другу, но с наступлением ночи должны раз-

лучаться и жалобно стенают в разлуке. Страдания чакравак — один из излюбленных мотивов санскритской поэзии.

⁵³ Ш а б а р ы — горное племя. Остатки этого племени, известного под названием *саур*, живут в центральных индийских провинциях. В древнеиндийском эпосе шабары изображаются искусными охотниками и заклинателями змей.

⁵⁴ См. прим. I.139.

⁵⁵ Б х а г а в а т и — «блаженная», как и Чандика, один из эпитетов богини Парвати-Дурги.

⁵⁶ См. прим. I.85.

⁵⁷ Пу л и н д ы — племя аборигенов, жившее в лесах и горах Центральной Индии.

⁵⁸ К о т и — десять миллионов.

⁵⁹ Белые лотосы раскрывают свои лепестки ночью и вновь складывают их при дневном свете.

⁶⁰ О происхождении пятен на луне рассказывают многие легенды. По одной из них, прародитель Дакша проклял бога луны, и тот заболел чахоткой. Чтобы избавиться от нее, он взял на колени газель, и изображение этой газели осталось на лунном диске. По другой легенде, бог луны вступил в связь с супругой своего учителя, и вследствие проклятия на его теле появились пятна, и т. д.

⁶¹ В санскритской поэзии трепетание и подъятие волосков на теле — излюбленный образ, символизирующий радость или чувственное возбуждение.

⁶² Согласно традиционным предписаниям индуистской религии, старому человеку, чтобы подготовиться к смерти, следует уйти из мира и отдаться благочестивому размышлению.

⁶³ Искусство гандхарвов — музыка; см. прим. I.13.

⁶⁴ Индийские трактаты по политике и государственной мудрости предписывают четыре средства для подавления неприятеля и достижения успеха: переговоры или умиротворение, подкуп, внутренняя смута и военное нападение. По мнению Чандамахасены, эти средства едва ли применимы по отношению к Удайяне, потому что он горд, честен, любим народом и имеет могучее войско.

⁶⁵ А м а р а в а т и — «бессмертная», столица неба Индры, обитель богов.

⁶⁶ М а х а к а л а — один из эпитетов Шивы и в то же время название знаменитой линги (см. прим. I.27) в Удджайни, которая была разрушена мусульманами в XIII в.

⁶⁷ Жилищем Хары, или Шивы, является, согласно индийским мифам, гора Кайласа (см. прим. I.16).

⁶⁸ Ч а н д а — «страшный», «яростный»; в то же время эта приставка

к имени Махасены ассоциируется с эпитетом богини Парвати Чандика (см. прим. I.139).

⁶⁹ Ай ра ва на — имя слона, принадлежащего Шакре, или Индре (см. прим. II.12).

⁷⁰ Согласно индийским источникам, в древнем Удджайини существовал ежегодный торжественный обряд «возлияние воды» для тени асуры Ангараки.

⁷¹ Ва са ва — одно из имен Индры; см. прим. I.126.

⁷² Ва са ва да т та — букв. «Данная Васавой».

⁷³ См. прим. I.77.

⁷⁴ См. прим. II.60.

⁷⁵ См. прим. II.57.

⁷⁶ Ве та лы — разновидность злых духов, оборотни, которые, по индуистским представлениям, живут на кладбищах и особенно любят вселяться в трупы.

⁷⁷ Бра х ма ра к ша са — ракшаса, который в предыдущем рождении был брахманом.

⁷⁸ Са ра сва ти — богиня речи и мудрости; см. прим. I.8.

⁷⁹ См. прим. II.33.

⁸⁰ См. прим. II.50.

⁸¹ Не на вист ник Кан сы — эпитет бога Кришны — Вишну. Канса — легендарный царь Матхуры, двоюродный брат Деваки, матери Кришны. Кансе было предсказано, что один из сыновей Деваки убьет его, и он приказал уничтожить всех ее детей. Однако восьмой сын Деваки — Кришна был спрятан его родителями и тайно воспитан пастухами. Впоследствии Кришна, как и было предсказано, убил Кансу.

⁸² Видимо, участвовать в ритуальных танцах.

⁸³ См. прим. I.138.

⁸⁴ См. прим. II.23.

⁸⁵ См. прим. I.61.

⁸⁶ Ра ма — главный герой индийского эпоса *Рамаяна*, одно из воплощений бога Вишну. В основе сюжета *Рамаяны* лежит борьба Рамы с предводителем ракшас Раваной, похитившим жену Рамы — Ситу. Вместе со своим войском Рама переправился через океан, отделяющий царство Раваны — остров Ланку — от материка, нанес ракшасам сокрушительное поражение и убил Равану.

⁸⁷ Ви б хи ша на — младший брат Раваны, отличавшийся от него добродетелью и благородством. После поражения и смерти Раваны унаследовал от него престол в Ланке.

⁸⁸ Ла н ка — царство Раваны, которое идентифицируется с островом Цейлоном, а также его столица.

⁸⁹ На ра я на — одно из имен Вишну; см. прим. I.26.

⁹⁰ Х а р и — «желтый», одно из имен Вишну, по некоторым мифам олицетворявшего собой солнечную энергию.

⁹¹ К а ш ь я п а — легендарный мудрец, которому приписывается часть ведийских гимнов. Кашьяпа считался внуком Брахмы. От своих двенадцати жен он, согласно мифам, произвел на свет множество живых существ, и в том числе царя птиц Гаруду.

⁹² См. прим. I.116.

⁹³ Легенда о клятве Винаты, матери Гаруды, и ее освобождении из рабства у нагов подробно изложена во второй волне четвертой книги «Океана сказаний». См. стр. 205—206 настоящего издания.

⁹⁴ К а л ь п а в р и к ш а — одно из пяти священных деревьев в раю Индры, способное выполнить любое желание.

⁹⁵ Б а л а к х и л ь и — божественные существа величиной с большой палец, сопровождающие колесницу Солнца в ее движении по небу. По преданиям, они произошли из тела Брахмы и их насчитывается шестьдесят тысяч.

⁹⁶ Л о т о с, п а л и ц а, р а к о в и н а и д и с к — традиционные атрибуты Вишну.

⁹⁷ См. прим. I.17.

⁹⁸ См. прим. I. 43.

⁹⁹ Подобный облик соответствует изображениям Шивы в качестве аскета.

¹⁰⁰ Одиннадцатый день лунного месяца почитается индуистами священным и отмечается особыми обрядами.

¹⁰¹ Б х и л ы — синонимическое название племени пулиндов; см. прим. II.57.

¹⁰² Т а м р а л и п т и — совр. Тамлук, город, расположенный у устья Ганга.

¹⁰³ См. прим. I.67.

¹⁰⁴ К а т а х а — название одной из стран света в древнеиндийских сказаниях. Возможно, имеется в виду Китай.

¹⁰⁵ Д о м б а — выходец из низкой индийской касты, члены которой добывают себе пропитание пением и музыкой.

¹⁰⁶ См. прим. I.54.

¹⁰⁷ См. прим. I.29.

¹⁰⁸ А в и ч и — название одного из адов в индийской мифологии.

¹⁰⁹ Т. е. внутри Тамралипти.

¹¹⁰ М а н и б х а д р а — глава якшей (см. прим. I.46), считающийся покровителем путешественников.

¹¹¹ М а д а — жидкость, которая выступает на висках слона в период течки.

¹¹² Намек на известную древнеиндийскую легенду, согласно которой

горы некогда перелетали по воздуху с места на место, пока Индра не отсек им крылья.

¹¹³ См. прим. II.31.

¹¹⁴ См. прим. I.40.

¹¹⁵ См. прим. II.60.

¹¹⁶ Каждая из пяти стрел цветочного лука бога любви имела свое мистическое название; эти названия любили перечислять индийские поэты.

¹¹⁷ Один из составных элементов брачного обряда. Вообще же обхождение слева направо (так что тот, кого обходят, все время остается по правую руку обходящего) — непременное условие традиционного индийского церемониала уважения и почитания.

¹¹⁸ Раджараджа — «царь царей», одно из имен бога богатств Куберы.

¹¹⁹ Домохозяин — брахману предписывались законом четыре ступени жизни (ашрамы): 1) ученика, 2) домохозяина, 3) отшельника, удалившегося в лес, и 4) странствующего аскета, отрекшегося от всего земного.

¹²⁰ Балавинаштака, букв. «мальчик-калека».

¹²¹ См. прим. II.52.

¹²² При посвящении на царство индийского царя предписывалось возлияние над ним воды — обряд, соответствующий европейскому обряду помазания.

¹²³ См. прим. I.160, 77.

¹²⁴ См. прим. I.85.

¹²⁵ Менака — имя одной из апсар (см. прим. II.19), с которой связано большое число легенд. По одной из них, Менака была матерью Шакунталы, героини драмы великого индийского поэта Калидасы.

КНИГА ТРЕТЬЯ

¹ Лаванака — название города и прилегающей к нему местности в стране ватсов.

² См. прим. I.7.

³ См. прим. II.5.

⁴ См. прим. I.36.

⁵ Шанкара — эпитет Шивы; см. прим. I.30.

⁶ См. прим. II.8.

⁷ Город, прозванный слоновьим, т. е. Хастинапур, букв. «город слонов», древняя столица кауравов, а затем пандавов, согласно *Махабхарате*. Развалины этого древнего города были обнаружены в 100 км к северо-востоку от Дели, близ старого русла Ганга.

⁸ Магадха — древнее царство, расположенное на территории Южного Бхара. Во времена, о которых идет речь в «Океане сказаний», столицей Магадхи был город Раджагриха, впоследствии ею стал город Паталипутра (см. прим. I.69) Магадха — наиболее могущественное и богатое государство древней Индии. При династиях Маурьев (IV—III вв. до н. э.) и Гуптов (IV—V вв. н. э.) под властью Магадхи была объединена почти вся Индия.

⁹ Макандика, или Маканди, — город на берегу Ганга.

¹⁰ См. прим. I.85.

¹¹ Отсечение ушей и носа — принятая в древней Индии мера наказания преступников.

¹² Шравасты — древний город, который, как полагают, находился вблизи Файзабада в Аудхе.

¹³ Унмадини — букв. «сводящая с ума».

¹⁴ См. прим. II.33.

¹⁵ Приводящая в смятение мир — название одной из пяти стрел бога любви Камы; см. прим. II.116.

¹⁶ Рама, Сита, Равана — герои *Рамаяны*; см. прим. II.86.

¹⁷ См. прим. II.50.

¹⁸ См. прим. I.56.

¹⁹ Нарادا — один из семи божественных мудрецов (девариши), сын Брахмы. В легендах изображается посредником между богами и людьми.

²⁰ Удайна, как потомок рода пандавов, принадлежал к лунной династии (см. прим. II.8), и поэтому месяц считается его предком.

²¹ Париджата — одно из пяти священных деревьев рая Индры, которое было добыто при пахтанье океана (см. прим. I.1).

²² См. прим. I.14.

²³ Юдхистхира и его братья (Бхима, Арджуна, Накула и Сахадева) — пятеро пандавов, герои *Махабхараты*. Драупади — общая жена братьев-пандавов.

²⁴ См. прим. I.21.

²⁵ Вишвакарман — букв. «вседелающий», имя зодчего богов.

²⁶ Шарва — одно из имен Шивы (см. прим. I.44). Шива изображался четырехликим и пятиликим; отсюда его эпитеты «чатурмухха» и «панчанана».

²⁷ См. прим. I.16.

²⁸ Авантика — букв. «родом из Аванти». Действительно Васаватта — дочь царя Удджайини, или Аванти; см. прим. II.39.

²⁹ В *Рамаяне*, сцены из которой воспроизведены на дворцовых фресках, рассказано о горестной разлуке Рамы и Ситы и их счастливой встрече после долгих лет одиночества.

³⁰ Эпизод из *Махабхараты*. Во время изгнания пандавов их жена Драупади в течение года жила при дворе царя матсьев Вираты в качестве простой служанки.

³¹ См. прим. I.134.

³² Мудрец Дурваса — герой многих индийских сказаний — научил Кунти в награду за ее благочестие магическому заклинанию, с помощью которого она могла родить ребенка от любого бога. Поэтому сыновья Кунти, братья-пандавы, были, согласно *Махабхарате*, детьми богов.

³³ Цветок лотоса закрывается с закатом солнца.

³⁴ Смара — букв. «воспоминание», одно из имен Камы, бога любви; Рати — букв. «любовь», «наслаждение», имя супруги Камы. Разлука Камы и Рати — популярный мотив индийской поэзии.

³⁵ Игра слов: санскритское *кара* одновременно значит «рука» и «дань».

³⁶ См. прим. II.117.

³⁷ Агни — бог огня; см. прим. I.65

³⁸ Соответствующий эпизод имеется в *Рамаяне*. Там, чтобы подтвердить свою верность супругу, Сита подвергает себя испытанию огнем.

³⁹ Хранители мира — восемь богов, почитавшихся хранителями стран света: Индра — хранитель востока, Агни — юго-востока, Яма, бог смерти, — юга, Сурья, бог солнца, — юго-запада, Варуна, бог вод, — запада, Ваю, бог ветра, — северо-запада, Кубера — севера, Сома, бог луны, — северо-востока.

⁴⁰ Поскольку павлины в ожидании грозы вытягивают вверх шею; см. прим. II.31.

⁴¹ Урваши — божественная нимфа, апсара, впервые упомянутая в *Ригведе*; Пурурава — мифический царь, почитавшийся основателем лунной династии. Легенда о любви Урваши и Пурураваса в различных вариантах изложена в *Ригведе*, *Шапанатха-бразмане* и драме «Мужеством добытая Урваши» Калидасы.

⁴² См. прим. I.129.

⁴³ Сводящаяся — мистическое название одной из стрел бога любви (см. прим. II.116 и III.15).

⁴⁴ Рамбха — имя одной из апсар, появившейся из океана во время его пахтанья богами.

⁴⁵ Бог Хари, или Вишну, изображается покоящимся на водах молочного океана.

⁴⁶ См. прим. III.19.

⁴⁷ Божественный мудрец — один из святых мудрецов, которые, достигнув совершенства, попали на небо и живут среди богов, пользуясь особым почтением во всех трех мирах.

⁴⁸ Ш а т а к р а т у — «совершивший» сотню жертвоприношений», один из эпитетов Индры.

⁴⁹ Ц а р ь б о г о в — один из эпитетов Индры.

⁵⁰ Г р о м о в е р ж е ц — один из эпитетов Индры.

⁵¹ См. прим. II.44.

⁵² Ч а л и т а — букв. «стремительный», «взволнованный».

⁵³ К р и ш н а — букв. «черный», имя и одно из земных воплощений бога Вишну; см. прим. II.81.

⁵⁴ См. прим. I.13.

⁵⁵ См. прим. I.110.

⁵⁶ См. прим. II.52.

⁵⁷ А ч ь ю т а — «непреходящий», один из эпитетов Вишну.

⁵⁸ Ш р и — богиня счастья и красоты (см. прим. I.160); Т и м и р а — букв. значит «темный».

⁵⁹ Н и т и — наука государственной мудрости.

⁶⁰ См. прим. I.69.

⁶¹ Букв. «Он запер солдатами дом Дхармагупты, а отчаянием — дыхание в его горле».

⁶² Я м а — бог смерти, иногда отождествлявшийся с богом правосудия Дхармой; см. прим. I.33.

⁶³ М а р и — чума, богиня чумы, отождествляемая нередко с Дургой (см. прим. I.53).

⁶⁴ О б е т «л е з в и е м е ч а» — видимо, метафорическое обозначение обета воздержания от супружеской жизни.

⁶⁵ А г н и — бог огня; см. прим. I.65.

⁶⁶ См. прим. I.92.

⁶⁷ См. прим. I.54.

⁶⁸ См. прим. II.60.

⁶⁹ Имеется в виду даяние брахманам.

⁷⁰ К о р о в а ж е л а н и й — мифическая корова, исполняющая любое желание, которая была добыта при пахтанье океана и принадлежала святому мудрецу Васиштхе.

⁷¹ См. прим. II.64.

⁷² А х а л ь я — жена мудреца Гаутамы; по одной из легенд *Рамаяны* — первая женщина на земле. История соблазнения Ахальи Индрой и наказания их обоих Гаутамой принадлежит к числу популярнейших индийских сказаний.

⁷³ Г а у т а м а — один из семи великих мудрецов (риши) древности, пребывающих на небе и воплотившихся, согласно ряду мифов, в звезды Большой Медведицы.

⁷⁴ Ахалья отвечает Гаутаме на пракрите и при этом называет Индру словом, одновременно означающим «кот» и «любовник».

⁷⁵ Потомок Рагху — т. е. Рама (см. прим. II.86), бывший правнуком царя солнечной династии Рагху.

⁷⁶ См. прим. III.25.

⁷⁷ Имеется в виду доктрина «кармы», согласно которой внешний и внутренний облик каждого существа зависит от его деяний в прошлых рождениях. Доктрина кармы лежит в основе учения о переселении душ (см. прим. I.29).

⁷⁸ См. прим. II.24.

⁷⁹ Полярная звезда — по индийской космографии, центр вращения планет. Согласно популярному мифу, Полярная звезда является воплощением мудреца Дхрувы, добившегося вознесения на небо своими религиозными подвигами.

⁸⁰ Шри — богиня счастья (см. прим. I.160), Бху — богиня земли.

⁸¹ Слово *pati* значит на санскрите и муж, и царь.

⁸² См. прим. I.36.

⁸³ Хара — одно из имен Шивы (см. прим. I.2); Мурари — «враг Муры», один из эпитетов Вишну, связанный с мифом об уничтожении им демона Муры; Ума — «светлая», эпитет Парвати, супруги Шивы; Шри — супруга Вишну.

⁸⁴ Смара — бог любви, Рати — его супруга (см. прим. III.34); Прити — букв. «удовольствие», имя другой жены бога любви.

⁸⁵ Представление о том, что место, где зарыт клад, придает чудесную силу тому, кто на нем восседает, отражено в целом ряде древнеиндийских произведений, в том числе в *Панчатантре* (второй рассказ второй книги) и в «Жизни Викрамы» (пятая часть пролога).

⁸⁶ См. прим. I.46.

⁸⁷ Север считался обителью бога богатств Куберы; отсюда одно из названий севера — *каубери*, т. е. «принадлежащий Кубере».

⁸⁸ На севере, вернее на северо-западе, индийцы впервые столкнулись с кочевыми племенами, пришедшими из Центральной Азии: скифами, кушанами, гунами и другими.

⁸⁹ Подобно тому как Кубера был хранителем Севера, а Индра — Востока, хранителем Юга считался бог смерти Яма (см. прим. III.39).

⁹⁰ Река богов — один из эпитетов Ганга (см. прим. I.40).

⁹¹ Хастинапур (см. прим. III.7) по преданию был основан царем Хастином, предком пандавов, и следовательно Удаяны.

⁹² Шатаника — дед Удаяны и праправнук Арджуны (см. прим. II.8).

⁹³ Адитья — «сын Адити», одно из имен Солнца. В санскритском тексте игра слов: имя царя Адитьясына означает «находящийся под покровительством Солнца»; слово «мужество» одновременно может значить «жар», а слово «колесница» — «солнечный диск».

⁹⁴ См. прим. I.15.

⁹⁵ Те д ж а с в а т и — букв. «сияющая».

⁹⁶ А н а н г а — «не имеющий тела», эпитет бога любви Камы, тело которого сжег Шива.

⁹⁷ С в я щ е н н а я п а л ь м а — иначе «ашваттха», *Ficus religiosa*.

⁹⁸ См. прим. II.23.

⁹⁹ См. прим. I.17.

¹⁰⁰ Бог солнца, Сурья, обычно изображается на колеснице, которую влекут за собой семь коней или конь с семью головами.

¹⁰¹ За п а д н а я г о р а — легендарная гора, за которой садится солнце.

¹⁰² П а в а к а — букв. «очищающий», один из эпитетов бога огня Агни.

¹⁰³ Д а к и н и — женщины-демоны, питающиеся человеческим мясом.

¹⁰⁴ См. прим. II.76.

¹⁰⁵ К а т ь я я н и — одно из имен богини Парвати-Дурги.

¹⁰⁶ Д е в и — «богиня», одно из имен Парвати-Дурги.

¹⁰⁷ Р а х у — восьмая планета индийской астрономии. По индийской мифологии, Раху был могучим дайтьей, который украдкой выпил амриты, добытой при пахтанье океана. Солнце и Луна заметили это и донесли Вишну, который отсек у Раху голову и руки. Но туловище Раху, сделавшись бессмертным благодаря амрите, блуждает по небу. Пытался отомстить Луне и Солнцу, он время от времени заглатывает их. Этим, согласно легенде, и объясняются солнечные и лунные затмения.

¹⁰⁸ Богиня счастья Шри, или Лакшми, появилась из вод океана с лотосом в руке; см. прим. I.77. По другим легендам, Шри возникла из лотоса.

¹⁰⁹ См. прим. I.38.

¹¹⁰ В и д ь я д х а р и — женщина-видьядхара; см. прим. I.14.

¹¹¹ См. прим. I.85.

¹¹² В о с т о ч н ы й о к е а н — Бенгальский залив.

¹¹³ У д а я — гора «восхода», иначе Восточная гора; см. прим. II.24. Паряду с Удаей легендарны и два других географических названия: Каркотака, Шитода.

¹¹⁴ См. прим. I.19.

¹¹⁵ П а у н д р а в а р д х а н а — древний город на территории совр. Бенгалии.

¹¹⁶ Д у х х а л а б д х и н а — букв. «с трудом доставшаяся».

¹¹⁷ См. прим. I.64 и II.27.

¹¹⁸ См. прим. III.77.

¹¹⁹ См. прим. I.61.

¹²⁰ Яма — бог смерти; см. прим. III.62.

¹²¹ См. прим. II.102.

¹²² Хануман — предводитель обезьян, герой *Рамаяны*. По просьбе Рамы Хануман пересек океан и разыскал на Ланке супругу Рамы — Ситу. В санскритском тексте игра слов: *gāmārthaṁ* может значить «ради возлюбленной», а также «ради Рамы».

¹²³ Т. е. Агни, бог огня; на огне совершались жертвоприношения.

¹²⁴ Ишвара — эпитет Шивы; см. прим. II.25.

¹²⁵ Шарва — эпитет Шивы; см. прим. I.44.

¹²⁶ Видьядхары считались обладателями магического знания; см. прим. I.14.

¹²⁷ Видушака сравнивается здесь с месяцем, ракшаса — с горой, а жены Видушаки, сидящие на плечах ракшасы, — с травой, блистающей на вершине горы.

¹²⁸ Цари должны были принадлежать к варне кшатриев, но история Индии знает множество отступлений от этого установления.

¹²⁹ См. прим. III.59.

¹³⁰ Шамбху — эпитет Шивы; см. прим. I.5.

¹³¹ Эпизод из *Рамаяны*. Чтобы переправить свое войско на остров Ланку, где Равана держал в заточении Ситу, Рама с помощью обезьян построил мост через океан.

¹³² Хара — эпитет Шивы; см. прим. I.2.

¹³³ Вайшья — член третьего по значению сословия (варны) индийского общества, к которому принадлежали торговцы, землевладельцы, часть ремесленников и т. п.; см. прим. II.33.

¹³⁴ См. прим. III.33.

¹³⁵ См. прим. I.82.

¹³⁶ Панду — легендарный царь, предок Удайны; см. прим. II.8.

¹³⁷ Видеха — древняя страна со столицей Митхила (совр. Джанакупур в Непале), расположенная к северу от Магадхи между Гималаями и Гангом.

¹³⁸ Чеди — название страны и народа на территории современного Бунделькханда и части Центральных провинций. Столицей Чеди был город Шуктимати.

¹³⁹ См. прим. II.101.

¹⁴⁰ Обряд очищения армии — религиозная церемония, которая совершалась перед выступлением армии в поход.

¹⁴¹ См. прим. II.114.

¹⁴² Шеша — царь змей, или нагов, имеющий тысячу голов; см. прим. II.46.

¹⁴³ Капалика — член одной из шиваитских монашеских сект.

¹⁴⁴ Ванга (*Vaṅga*) — древнее название Восточной Бенгалии.

¹⁴⁵ Царь нагов — змей Шеша.

¹⁴⁶ К а л и н г а — страна, расположенная вдоль Коромандельского побережья, между Ориссой и Мадрасом.

¹⁴⁷ М а х е н д р а — название горного хребта в Калинге.

¹⁴⁸ См. прим. I.45.

¹⁴⁹ Осенью, сменяющей в Индии сезон дождей, небо очищается от туч, прекращаются дожди и грозы.

¹⁵⁰ К а в е р и — название реки на юге Индии.

¹⁵¹ Ч о л а — название народа, а также страны и государства на юге Индии.

¹⁵² М у р а л а, или Керала, — название страны на юге Индии, совр. Малабар.

¹⁵³ См. прим. I.128.

¹⁵⁴ Р е в а — иное название реки Нармады; см. прим. I.130.

¹⁵⁵ См. прим. II.32.

¹⁵⁶ Л а т а — название древней страны на территории совр. Кандеша и части Гуджарата.

¹⁵⁷ Легендарная гора Мандара (см. прим. I.1) отождествляется с горой Мандарагири в районе Бхагальпура.

¹⁵⁸ Т. е. на север; см. прим. III.87.

¹⁵⁹ А л а к а — мифическая столица бога богатств Куберы в Гималаях.

¹⁶⁰ См. прим. I.16.

¹⁶¹ С и н д х у — название реки Инда и примыкающей к ней страны.

¹⁶² М л е ч ч и — собирательное название для всех варваров, представителей чужеземных племен и аборигенов, не принадлежащих к ариям и не придерживающихся кастовых законов.

¹⁶³ П о т о м о к Р а г х у — Рама (см. прим. III.75), с помощью своих союзников-обезьян уничтоживший войско ракшас под предводительством Раваны. В оригинале игра слов: *hari* — одновременно означает «лошадь» и «обезьяна».

¹⁶⁴ Т у р у ш к и — индийское название народов древнего Туркестана — скифов и тохарцев.

¹⁶⁵ См. прим. III.107.

¹⁶⁶ Перечисляя иноземные народы, которых победил Удаяна, Соматова допускает явный анахронизм. Турушки (скифы и тохарцы) столкнулись с индийцами лишь на рубеже новой и старой эры; гуны начали вторгаться в Индию еще позже, в V в. н. э.; что касается персов, то хотя их связи с Индией уходят в глубокую древность, само название «персы» появляется сравнительно поздно.

¹⁶⁷ См. прим. I.40.

¹⁶⁸ К а м а р у п а — северо-восточная часть Бенгалии и западная часть Ассама.

¹⁶⁹ Т. е. лишившись зонта — символа царской власти, он потерял и славу, и защиту от солнечных лучей.

¹⁷⁰ См. прим. I.95.

¹⁷¹ А ш в а т т х а — разновидность фиговой пальмы, почитаемая священной; см. прим. III.97.

¹⁷² См. прим. I.46.

¹⁷³ В и н а я к а — «устранитель», один из эпитетов бога — устранителя препятствий Ганеши; см. прим. 1.7.

¹⁷⁴ Г а н а п а т и — «предводитель ганов», эпитет Ганеши; см. прим. I.43.

¹⁷⁵ Ш а к р а — эпитет Индры; см. прим. II.12.

¹⁷⁶ См. прим. I.37.

¹⁷⁷ Т р е х г л а з ы й — один из эпитетов Шивы, который изображается с третьим глазом на лбу. Этот глаз обладает, согласно легендам, особой разрушительной силой, и им был сожжен бог любви Кама, когда пытался прервать покаяние Шивы.

¹⁷⁸ Г а у р и — одно из имен супруги Шивы — Парвати; см. прим. II.2.

¹⁷⁹ М а д а н а и далее С м а р а — имена бога любви Камы; см. прим. I.117 и III.34.

¹⁸⁰ В л а д ы к а п р е п ы т с т в и й — эпитет Ганеши; см. прим. I.7.

¹⁸¹ П р а д ж а п а т и — здесь эпитет Брахмы; см. прим. I.32.

¹⁸² Ч е т ы р е х л и к и й — эпитет Брахмы, который первоначально, согласно некоторым мифам, имел пять голов, но одна из них была сожжена пламенем глаза Шивы.

¹⁸³ «Кого бы свести с ума?» — в оригинале «kañ daḡrauā-mi»; отсюда, по ложной этимологии, эпитет бога любви К а н д а р п а.

¹⁸⁴ См. прим. II.42.

¹⁸⁵ Ш а т а м а к х а — «[совершивший] сотню жертвоприношений», эпитет Индры; ср. III.48.

¹⁸⁶ Д е в и — богиня Парвати; см. прим. III.106.

¹⁸⁷ Ш а н к а р а и У м а — Шива и Парвати; см. прим. I.30 и III.83.

¹⁸⁸ А м б и к а — «мать», одно из имен Парвати.

¹⁸⁹ С е м и я з ы к и й — эпитет Агни, бога огня, изображавшегося в виде семи языков пламени.

¹⁹⁰ М е р у — название мифической горы, на которой расположено небо Индры. По индийской мифологии, Меру находится в Гималаях.

¹⁹¹ Т. е. богом войны Кумарой; см. прим. I.145.

¹⁹² См. прим. I.70.

¹⁹³ Ц а р ь б о г о в — Индра; см. прим. III.49.

¹⁹⁴ В р а г В р и т р ы — эпитет Индры, под которым он был известен еще в *Ригведе*. В *Ригведе* неоднократно изображается победа Индры над

асурой Вритрой, «запершим воды» и, возможно, олицетворяющим собой засуху.

¹⁹⁵ Слоноликий — эпитет Ганеши; см. прим. I.7.

¹⁹⁶ См. прим. III.103.

¹⁹⁷ Бхайрава — «ужасный», эпитет Шивы в его функциях разрушителя мира и владыки демонов и духов.

¹⁹⁸ Освобождение — имеется в виду избавление от непрерывной цепи рождений (см. прим. I.29).

¹⁹⁹ Девадару — род соснового дерева, *Pinus deodora*. Здесь имеется в виду известная легенда о том, как Шива, принявший облик отшельника, соблазнил своей красотой жен святых мудрецов, живущих в лесу.

²⁰⁰ Кшапанака — буддийский или джайнский нищенствующий монах.

²⁰¹ Ишана — «господин», «властитель», один из эпитетов Шивы.

²⁰² Шесть врагов человека: страсть, гнев, алчность, гордость, безумие, высокомерие.

²⁰³ Приют для брахманов — дом, где, согласно обычаю и закону, бесплатно должны кормить брахманов и предоставлять им ночлег.

²⁰⁴ См. прим. II.32.

²⁰⁵ Каньякубаджа — древнее название города Канауджа.

²⁰⁶ Праяга — совр. Аллахабад; город, расположенный у места слияния рек Ганга и Джамны (Ямуны).

²⁰⁷ См. прим. I.19.

²⁰⁸ См. прим. III.39.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

¹ Ганеша, бог — устранитель препятствий, изображается с головой слона; см. прим. I.7.

² Страны света обычно персонифицировались в виде женщин.

³ См. прим. III.19.

⁴ См. прим. III.136.

⁵ По мифологическим представлениям индусов, боги целиком или какой-то своей частью в состоянии перевоплощаться в людей и иные живые существа. Наиболее известны десять воплощений (аватар) Вишну, в том числе в героев Кришну и Раму. Существуют, однако, мифы и о воплощениях Шивы, Парвати, Камы и других богов.

⁶ Рати — супруга бога любви Камы; см. прим. III.34.

⁷ Бестелесный — эпитет бога любви; см. прим. III.96.

⁸ Гаури, Девы — имена супруги Шивы — Парвати; см. прим. II.2; III.106.

⁹ См. прим. I.69.

- ¹⁰ См. прим. III.203.
- ¹¹ См. прим. III.205.
- ¹² См. прим. II.32.
- ¹³ Брахманы, совершавшие жертвоприношение, должны были по его окончанию щедро вознаграждаться жертвователем.
- ¹⁴ См. прим. I.8.
- ¹⁵ Пингалика — букв. «багрово-красная».
- ¹⁶ См. прим. III.77.
- ¹⁷ Гирisha — «обитатель гор», эпитет Шивы.
- ¹⁸ Шанкара, Вибху — эпитеты Шивы; см. прим. I.30; I.50.
- ¹⁹ См. прим. I.20.
- ²⁰ Шива в виде аскета изображался с волосами, скрученными в жгут в форме косы, которая называлась «джата». Отсюда эпитет Шивы: Джа-тадхара — «носящий джату».
- ²¹ Супруги бога любви Камы; см. прим. III.34; III.84.
- ²² Магические искусства, или магические знания, считались принадлежностью видьядхар — «обладателей знания»; см. прим. I.14.
- ²³ Химават — «снежный», название Гималайских гор и эпитет бога Хималая (см. прим. I.3); Амбика и Гаури — имена богини Парвати, дочери Хималая (см. прим. III.188; II.2). Супруг Гаури, или Парвати — Шива.
- ²⁴ Кальпаврикша — легендарное дерево, исполняющее желания; см. прим. II.94.
- ²⁵ См. прим. I.29.
- ²⁶ Кальпа — мировой период, «сутки» Брахмы, составляющий 4 380 000 000 земных лет.
- ²⁷ Бодхисаттва — будущий Будда; буддийский святой, который, в силу своей добродетели, находится на пути к достижению совершенного знания и освобождению от цепи рождений. Легенда о Джимутавахапе принадлежит к числу популярных буддийских легенд. Сомадева вставил ее в свою книгу, сохранив ее буддийскую окраску.
- ²⁸ Малая — название горного хребта в Южной Индии.
- ²⁹ См. прим. I.19.
- ³⁰ См. прим. I.15.
- ³¹ Хара, Шарва — эпитеты Шивы; см. прим. I.2; I.44.
- ³² Валабхи — древний город в стране Саураштре, расположенной на Гуджаратском полуострове.
- ³³ Чандика — одно из имен богини Парвати-Дурги; см. прим. I.139.
- ³⁴ См. прим. II.53.
- ³⁵ Согласно индийскому поверью, в голове у слонов, за лбом, скрыты драгоценные камни необыкновенной красоты.

³⁶ Солнце названо другом лотосов, потому что они раскрываются при солнечном свете; см. прим. III.33.

³⁷ Дочь Хималая Парвати добилась благосклонности Шамбху (эпитет Шивы), прислуживая ему при его аскезе и сама предавшись покаянию.

³⁸ Б х а в а н и — эпитет Парвати-Дурги; см. прим. I.24.

³⁹ Р а т и — супруга бога любви; см. прим. III.34.

⁴⁰ По индийской примете, мигание правого глаза предвещает появление возлюбленной.

⁴¹ М а д а н а — одно из имен бога любви; см. прим. I.117.

⁴² М а х е ш в а р а — «великий владыка», эпитет Шивы.

⁴³ См. прим. II.62.

⁴⁴ К а л а н д ж а р а — название горы, почитавшейся священной (совр. Каллинжар).

⁴⁵ Т р е х г л а з ы й — эпитет Шивы; см. прим. III.177.

⁴⁶ См. прим. II.91.

⁴⁷ См. прим. I.116.

⁴⁸ См. прим. I.1.

⁴⁹ Х а р и — эпитет Вишну; см. прим. II.90.

⁵⁰ Ш а к р а — эпитет Индры; см. прим. II.12.

⁵¹ См. прим. I.111.

⁵² П о д з е м н о е ц а р с т в о — обитель нагов, или змей.

⁵³ См. прим. I.116.

⁵⁴ Г о к а р н а — букв. «имеющий уши коровы», одно из имен Шивы, супруга Умы (см. прим. I.159). На побережье Малабара, недалеко от горы Малая, имеется наиболее известное святилище Гокарны.

⁵⁵ Н е н а в и с т н и к з м е й — один из эпитетов Гаруды.

⁵⁶ С ы н В и н а т ы — Гаруда.

⁵⁷ Д о ч ь Х и м а л а я — богиня Парвати.

⁵⁸ У к р а ш е н и е в и д ь я д х а р — т. е. Джимутавахана, который был владыкой видьядхар.

⁵⁹ Васавадатта перечисляет атрибуты Шивы.

⁶⁰ М а х а т м а — «великий духом», эпитет Шивы.

⁶¹ Б о г с т р е з у б ц е м — эпитет Шивы.

⁶² Впечатления от предыдущих рождений — согласно учению о переселении душ и карме (см. прим. I.29; III.57), впечатления от предыдущих рождений остаются скрытыми в душе каждого существа и незаметно для него сказываются на его новой жизни и, по сути дела, определяют ее.

⁶³ См. прим. I.82.

⁶⁴ С и н х а п а р а к р а м а — «могучий, как лев».

⁶⁵ К а л а х а к а р и — «сварливая».

⁶⁶ Т. е. Парвати; см. прим. I.53.

⁶⁷ См. прим. I.54.

⁶⁸ С и н х а ш р и — «прекрасная, как лев».

⁶⁹ И т ь я к а — приблизительное значение этого прозвища: «Говорящий: «Будет исполнено!».

⁷⁰ Ш а м и — название породы дерева (*Prosopis spicigera* или *Mimosa sumu*).

⁷¹ Б о ж е с т в е н н ы е м а т е р и — семь, восемь или шестнадцать богинь-матерей, олицетворяющих женское начало верховных богов.

⁷² См. прим. IV.26.

⁷³ См. прим. III.96.

КНИГА ПЯТАЯ

¹ С л о н о л и к и й — эпитет бога Ганеши; см. прим. III.195.

² Ганеша изображался с хоботом, который, как и у ручных слонов, был изукрашен суриком.

³ Б о г с п о л у м е с я ц е м н а ч е л е — Шива; см. прим. I.20.

⁴ См. прим. I.43.

⁵ См. прим. III.19.

⁶ Ш а н к а р а — эпитет Шивы; см. прим. I.30.

⁷ К а н а к а п р а б х а — букв. «блестящая, как золото».

⁸ См. прим. I.77.

⁹ См. прим. I.21.

¹⁰ Намек на суровое подвижничество Парвати, когда она желала стать женой Шивы.

¹¹ Согласно индийскому религиозному законодательству, девочка, не выданная замуж до 10—12 лет (т. е. до наступления половой зрелости), считается нечистой, и вина за это падает на ее родителей или воспитателей.

¹² К а н а к а п у р и — легендарный «Золотой город».

¹³ См. прим. I.82.

¹⁴ См. прим. I.115.

¹⁵ С т о л и ц а Ш а к р ы, или Индры (см. прим. II.12) — мифический город Амаравати; см. прим. II.65.

¹⁶ Обладатели немигающих век — боги; в то же время здесь игра слов, можно перевести: «красотой которой наслаждаются с широко раскрытыми глазами».

¹⁷ Р а т н а п у р а — «город-сокровище».

¹⁸ См. прим. I.56.

¹⁹ См. прим. II.32.

²⁰ С е м и к у б ы ш е ч н и к — скр. *Saptakumbhīn*.

²¹ С и п р а — река, на которой стоит Удджайини.

²² См. прим. I.111.

²³ См. прим. II.108.

²⁴ П о з а « л о т о с » — особая позиция во время религиозного размышления, при которой сидят со скрещенными ногами, одну руку держат на левом бедре, другую — у сердца, а глаза устремлены на кончик носа.

²⁵ См. прим. III.182.

²⁶ В р а г П у р ы — эпитет Шивы, убившего асуру Пуру, или Трипуру.

²⁷ Д а к ш и п а п а т х а — Декан.

²⁸ См. прим. II.119.

²⁹ Т р и ц е л и ж и з н и, предписанные священными трактатами индусов: дхарма — «добродетель», «религия», артха — «жизненная выгода», «благосостояние» и кама — «любовь».

³⁰ Имя «Шива» означает «благой», «благодетель».

³¹ К у с у м а п у р а — «цветочный город»; то же, что и Паталипутра (см. прим. I.69).

³² См. прим. II.33.

³³ См. прим. I.45.

³⁴ См. прим. III.171.

³⁵ См. прим. I.17.

³⁶ К а м п и л я — название страны, а также одного из городов (совр. Кампил) южных панчалов, расположенного между Будаоном и Фарукхабадом в Соединенных Провинциях.

³⁷ Н и ш а д ы — название туземного индийского племени, занимавшегося охотой, рыболовством и т. д., а также представителей одной из низших индийских каст.

³⁸ К р о ш а — мера длины, равная $3\frac{1}{2}$ км.

³⁹ См. прим. I.61.

⁴⁰ В легенде о крылатых горах (см. прим. II.112) говорится, что одна или несколько гор, когда Индра хотел отрезать им крылья, успели скрыться в океане.

⁴¹ См. прим. I.1.

⁴² Калинди — «[текущая с] горы Калинди», одно из названий реки Ямуны (совр. Джамны), притока Ганга.

⁴³ См. прим. I.82.

⁴⁴ См. прим. III.143.

⁴⁵ См. прим. I.139.

⁴⁶ См. прим. I.54.

⁴⁷ См. прим. I.47.

⁴⁸ К а п а л а с п х о т а — букв. «раскалывающий черепа».

⁴⁹ См. прим. II.76.

⁵⁰ См. прим. II.60.

⁵¹ См. прим. I.77.

⁵² См. прим. III.101.

⁵³ См. прим. III.110.

⁵⁴ См. прим. I.13.

⁵⁵ Г а л а в а — святой аскет, или риши; по одним легендам, сын, по другим — ученик мудреца Вишваматры.

⁵⁶ См. прим. III.177.

⁵⁷ Х а р и — эпитет бога Вишну; см. прим. II.90.

⁵⁸ А ш а д х а — название индийского месяца, соответствующего июню — июлю (с 15 июня по 15 июля).

⁵⁹ В а т а — род фигового дерева (*Ficus indica*).

⁶⁰ См. прим. III.110.

⁶¹ М а н д а к и н и — одно из названий реки Ганга; особенно часто употребляется по отношению к небесному Гангу; см. прим. I.40.

⁶² А м б и к а — эпитет богини Парвати; см. прим. III.188.

⁶³ Б х а г а в а т и — один из эпитетов Парвати; см. прим. II.55.

⁶⁴ См. прим. II.44.

⁶⁵ Ч а н д а л а — представитель низшей, наиболее бесправной касты индуистского общества. Прикосновение или даже приближение к чандале запрещено законом и «оскверняет» членов высших каст.

⁶⁶ Коровы считаются, в Индии священными животными, и есть их мясо запрещено.

⁶⁷ См. прим. I.46.

⁶⁸ Чакора — разновидность куропатки (*Perdix rufa*, или *Tetrao rufus*), одна из любимых птиц индийской поэзии. Согласно легендам, она питается лунными лучами и поэтому преданно любит луну и не может оторвать от нее глаз.

⁶⁹ Ш а р в а — эпитет Шивы; см. прим. I.44; супруга Шарвы — богиня Парвати.

⁷⁰ Т. е. бога любви Камы; см. прим. I.36.

⁷¹ Удайна — потомок рода пандавов (см. прим. II.8) и, следовательно, отпрыск легендарной лунной династии.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Книга первая. Вступление к рассказу. <i>Перевод</i> <i>И. Д. Серебрякова</i>	20
Книга вторая. Начало рассказа. <i>Перевод</i> <i>П. А. Гринцера</i>	66
Книга третья. Лаванака. <i>Перевод П. А. Грин-</i> <i>цера</i>	116
Книга четвертая. Рождение Нараваханадатты. <i>Перевод П. А. Гринцера</i>	184
Книга пятая. Четыре девушки. <i>Перевод</i> <i>И. Д. Серебрякова</i>	214
Примечания	255

СОМАДЕВА
ПОВЕСТЬ О ЦАРЕ УДАЯНЕ
Пять книг из «Океана сказаний»

*Утверждено к печати
Секцией восточной литературы РИСО
Академии наук СССР*

Редактор И. Л. Е л е в и ч
Художественный редактор
И. Р. Б е с к и н

Технический редактор
С. В. Ц в е т к о в а

Корректор Е. А. М а м и к о н я н

Сдано в набор 1/XII 1966 г. Подписано к
печати 3/VIII 1967 г. Формат 60 × 84^{1/16}
Бум. № 1. Печ. л. 18,0. Уч.-изд. л. 16,04
Тираж 50 000 экз. Изд. № 1701.
Зак. № 4563. Цена 1 руб.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2.

Типография «Красный пролетарий»
Москва, Краснопролетарская, 16.

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»

Выйдут в 1967 году:

ПЕРЕПЕЛКИН Ю. Я. *Тайна золотого гроба.* 7 л.

Браслеты. Новеллы пуштунских писателей Западного Пакистана. 7 л.

ДУНАЕВ В. П. *Осторожно, в джунглях засада!* 3,5 л.

ГЕТТИНГ Г. *Встречи с Альбертом Швейцером.* Перевод с немецкого. 14,5 л.

ХЕРИНГ Э. *Ваятель фараона.* Перевод с немецкого. 14,5 л.

ВАЙДЬЯ С. *Впереди джунгли.* Перевод с английского. 7,5 л.

Повесть о царе ал-Мутаввадже, о царице, мудреце Синдбаде, о семи везирах и о рассказе каждого из них. Перевод с арабского. 3 л.

О храбрых, нежных и влюбленных. Сказания Пятиречья. Перевод с пенджаби. 7 л.

Заказы на книги принимаются всеми магазинами книготоргов и «Академкнига», а также по адресу: Москва В-463, Мичуринский проспект, 12, магазин № 3 («Книга—почтой») «Академкнига».

Цена 1 руб.

